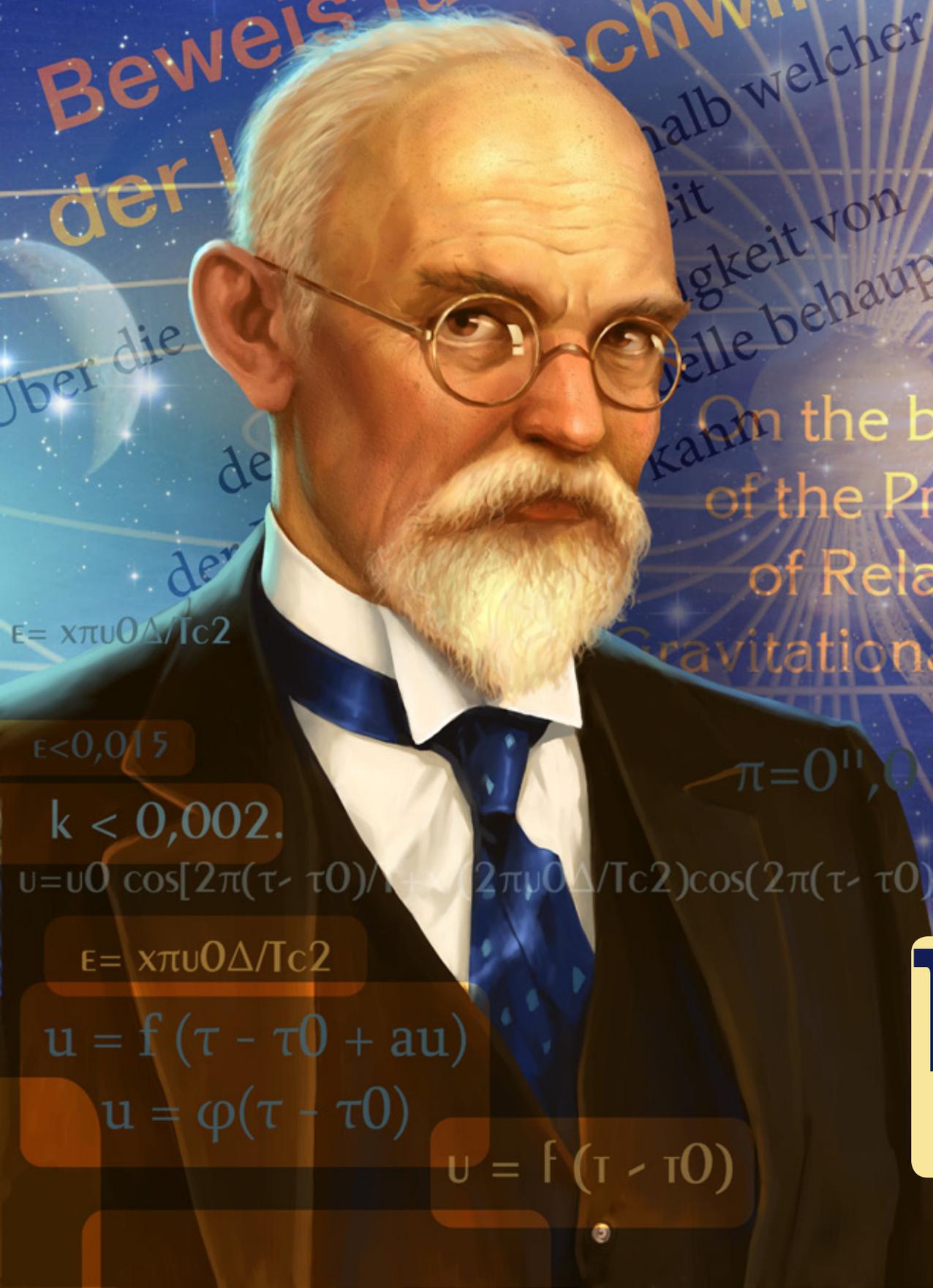

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

$$E = \chi \pi u_0 \Delta / T c^2$$

$$\epsilon < 0,015$$

$$k < 0,002.$$

$$u = u_0 \cos[2\pi(\tau - \tau_0)/T] + \chi (2\pi u_0 \Delta / T c^2) \cos(2\pi(\tau - \tau_0)/T)$$

$$E = \chi \pi u_0 \Delta / T c^2$$

$$u = f(\tau - \tau_0 + au)$$

$$u = \varphi(\tau - \tau_0)$$

$$u = f(\tau - \tau_0)$$

On the bearing
of the Principle
of Relativity

Gravitational Astron

$$\pi = 0'', 014, \epsilon = 0,0$$

12

2013

Часть V

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 12 (59) / 2013

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Ответственный редактор: Кайнова Галина Анатольевна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

На обложке изображен Виллем де Ситтер (1872–1934) — нидерландский астроном.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Конверс», г. Казань, ул. Сары Садыковой, д. 61

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Адаменко А.А.**
Народ акха в северном Таиланде. Очерк этносоциального развития 725
- Береговина Н.Б.**
Творческое наследие кубанского зодчего А. П. Косякина: историко-архитектурный аспект изучения 729
- Бояринова П.А.**
Экономические трудности процесса феминизации в Японии в 1990-е — 2000-е гг.: феномены «OL», «hara» и «розовая» экономика 735
- Бунина М.А., Поповичева И.В.**
Традиционная культура Тамбовского края: региональная специфика обрядов родильного цикла 739
- Миннибаев Б.И., Кузьмина Е.В.**
Международные отношения и внешняя политика СССР в первые послевоенные годы (1945–1955) 743
- Мирзагитова А.Л.**
Город в контексте экологической истории 745
- Насыров Б.У.**
Система общественного питания в Узбекистане: состояние и противоречивое развитие (1920–1980 годы) 747
- Нурлигенова З.Н., Колосова М.Ю.**
«Жеті Жарғы» Тауке хана как памятник права Казахстана: его сущность и значение 750
- Осокина М.О.**
Историография проблемы деятельности органов внутренних дел в СССР 752
- Палкин Д.В.**
Периодизация советского движения Сопротивления и определение понятий «партизанское движение», «партизанство», «подполье» в Украине: контекст современной украинской историографии 754
- Саидова Г.Ш.**
Жизнь эвакуированных детей в Узбекистане в годы Второй мировой войны 757
- Ульянова О.В.**
Воспоминания жителей Казани о продовольственном обеспечении в середине 50-х гг. XX в. 760
- Уразметов М.Т.**
Вынужденный компромисс хана Хивинского (конец XIX века) 766
- Фадеева Г.Д., Паршина К.С., Маркелова И.В.**
Методы борьбы с беспризорностью в России в 1917–1939 гг. 767
- Холикулова Ш.Б.**
Реклама на страницах периодической печати Туркестана в конце XIX — начале XX века (на примере «Туркистон вилоятининг газети») 770
- Шумилова И.В., Дупленко А.Г.**
К вопросу о происхождении названия города Кенигсберг 773
- Эшбекова Д.Т.**
Образ периодической печати на страницах газеты «Туркистон» в 1922–1924 гг. 776

СОЦИОЛОГИЯ

- Аджиев М.Э.**
Внедрение системы менеджмента качества в учреждение здравоохранения — фундамент для повышения качества медицинских услуг 779
- Арутюнова Ж.Х.**
Особенности организации выставочной деятельности в туризме и сфере гостеприимства..... 782
- Жилитежева И.В.**
Необходимость использования маркетингового подхода в зарубежном туристском бизнесе 784
- Киселева Е.Е.**
Государственная политика РФ по противодействию экстремизму 787
- Ковалева О.Ю., Токарь О.В.**
Теледизайн на белорусском телевидении 789
- Оганесян К.С.**
Роль религиозного туризма в международном туристском бизнесе 791
- Соболевская М.А.**
Проблема социального порядка в современной социологической теории: от дискурса порядка к порядку дискурса 794
- Чернов Е.Н.**
Коррупция и ее отрицательное воздействие на развитие карьеры государственных служащих..... 798

ПСИХОЛОГИЯ

- Бурченкова Л.Ш.**
Взаимосвязь успешности обучения и переживания ощущения тревожности у подростков 802
- Валентиров М.Ю.**
Подходы к исследованию социализации личности в зарубежной и отечественной психологии.... 804
- Мартынова М.А.**
Субъективное оценивание реализуемости базисных ценностей в городской среде и его взаимосвязь с личностным потенциалом вузовской молодежи 809
- Матусевич М.С.**
Особенности формирования пищевых нарушений у подростков 814
- Неверова А.А.**
Психологические аспекты восприятия комического детьми дошкольного возраста ... 817

- Самойлова Е.А.**
Проблема руководства коллективом в психологической науке 820
- Талаев С.А.**
Гендерные аспекты социального интеллекта военнослужащих..... 824
- Трипутъ Я.Ю.**
Развитие профессиональной мотивации методом социально-психологического тренинга 827
- Чернецова А.М.**
Изучение мотивации профессиональной деятельности у менеджеров торговой сферы..... 829

ФИЛОЛОГИЯ

- Chen Qiang**
Review on Transliteration as a Medium for the Diffusion of Chinese Culture 834
- Борискина К.В.**
Особенности драматической техники в пьесе «Юлий Цезарь» Шекспира 838
- Волкова Е.В.**
Пространственное моделирование рассказа И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» через употребление локонимов..... 842
- Голубева Е.В.**
Отражение наивной картины мира в калмыцких и якутских пословицах 843
- Долматова Е.А.**
Метафорическое моделирование политической ситуации в США и в Испании на момент экономического кризиса (на примере публичных выступлений американских и испанских политиков)..... 846
- Зими́на Н.Ю.**
Образ падшей женщины в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» 848
- Кадулина А.А.**
Суффикс –ly, формообразующий или словообразующий?..... 853
- Кан Сон Кю**
Методы обучения произношению корейского языка для начинающих 854
- Лю Цзюань**
О научных школах русской лингвокультурологии..... 857
- Москвитина Д.А.**
Паломничество к Шекспиру: зарождение бардомании в США 859

Остапенко М.В. Диахронический анализ метрики лирических стихотворений А. И. Гусева.....	862	Ширшова Н.С. Музыка как средство создания женских образов и композиционной системы в повестях И. С. Тургенева «Ася» и «Вешние воды»	888
Павлова И.Г., Бондаренко Ю.В. Мифологема и архетип в поэзии украинского постмодерна: семантическое и функциональное измерение (на примере поэзии Оксаны Забужко)	866	ФИЛОСОФИЯ	
Павлова И.Г. Родовидовое взаимодействие лексических единиц в структуре конфессионального текста (на примере украинских православных проповедей и молитв).....	870	Джураев А.А., Джураев А.М. Актуальные вопросы социальной стратегии	891
Решетникова Н.Д., Савинова А.О. Языки аналитические и синтетические.....	873	Мажидова О.У. Теория суждений среднеазиатского мыслителя Абу Али ибн Сины.....	893
Самохин И.С. Окказионализмы Андрея Вознесенского: опыт создания онлайн-словаря	877	Муратова И.А. Игра как основной принцип формирования имиджа представителя молодёжной неформальной организации	895
Тан Ихун Моё восприятие романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова	880	ПРОЧЕЕ	
Чжу Лицзюнь Обучение и исследование лингвострановедения	882	Калашникова Е.Ю., Коновалова И.А., Ловяникова В.В. Методика преподавания экономических дисциплин в современных условиях модификации	901
Швыдкий С.Н. Структурно-функциональные особенности украинских заговоров	884		

ИСТОРИЯ

Народ акха в северном Таиланде. Очерк этносоциального развития

Адаменко Александр Александрович, старший преподаватель

Научный руководитель Григорьева Людмила Ильинична, доктор философских наук
Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

Современные этносоциальные процессы народа акха в северном Таиланде на сегодняшний день почти совсем не освещены в российской гуманитарной науке. Остаются не исследованными традиционная культура, история и языковые процессы этого народа. Между тем усиливающиеся социокультурные связи между Россией и Таиландом обуславливают необходимость взаимного изучения традиционной культуры обеих стран. Актуальность изучения этносоциальных процессов акха подтверждается быстрой и зачастую насильственной интеграцией этого народа в процесс модернизации тайского общества и государства. Возможность изучения акха как этнического целого может остаться актуальной в течении только ближайших десятилетий. В статье предпринимается попытка исследовать современные этносоциальные процессы народа акха в северных провинциях Таиланда (Чианг-Рай, Чианг-Май), охарактеризовать основные тенденции социокультурного и политического развития этого народа.

Ключевые слова: акха, этносоциальные процессы, Таиланд, этническая группа, традиционная культура.

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich

Lecturer in the Department of Religious Studies;

Scientific adviser: Doctor of Philosophy Grigoryeva Lyudmila Ilyinichna
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev

At present, the modern ethno-social processes of the Akha people in Northern Thailand are hardly covered in the Russian humanities. The traditional culture, history and linguistic processes of this nation remain unexplored. In the meanwhile, the growing sociocultural relations between Russia and Thailand are calling forth the necessity of reciprocal research into the traditional culture of both countries. The urgency of investigating the ethno-social processes of the Akha is confirmed by the rapid and, not infrequently, coercive integration of these people into the process of modernization of the Thai society and state. The opportunity to study the Akha as an ethnic whole may only remain imperative within the oncoming few decades. In the paper an attempt is undertaken to explore the modern ethno-social processes of the Akha people in the northern provinces of Thailand (Chiang-Rai, Chiang-Mai), to characterize the main tendencies of their sociocultural and political development.

Key words: Akha, ethno-social processes, Thailand, ethnic group, traditional culture.

Одним из наиболее актуальных вопросов, стоящих сегодня перед национальными меньшинствами во всем мире, является вопрос сохранения традиционного культурного наследия в условиях широкого распространения массовой культуры, влияния современной экономики и политических реалий. Изучение сложившихся моделей сохранения культурного наследия является на наш взгляд одним из наиболее актуальных направлений в отечественной этнографии и этнопсихологии. Особый интерес в контексте изучения такого рода механизмов пред-

ставляет опыт национальных меньшинств, проживающих на территории северных провинций Таиланда и не являющихся автохтонным населением данного региона. Миграция данных этнических групп на территорию Таиланда обусловлена политическими потрясениями в Бирме, Китае, Лаосе и приобрела особенно крупные масштабы в 20 веке. Локализованные на территории северных провинций, данные народы заселили покрытые джунглями горные районы, имеющие схожие климатические условия с их прежним ареалом проживания. Определяемые в ан-

гоязычной литературе общепринятым понятием «Hill Tribe community» (Srisavasdi, Boon Chuey 2000: 15) этнические группы каренов, лаху, лису, хмонгов и т. д. вынуждены приспосабливаться к условиям интенсивно развивающейся экономики Таиланда, контролю со стороны государственных органов. В этом смысле особый интерес представляет культурное развитие и этносоциальные процессы народа акха, как наиболее изолированного и наименее изученного горного этноса.

На сегодняшний день основная часть этнической группы акха проживает на территории Бирмы, однако в небольшом количестве (и в статусе национального меньшинства) они локализованы в провинции Юннань в Китае, во Вьетнаме и в северных провинциях Таиланда и Лаоса (Department of the Army, Ethnographic Study Series. 1998: 8)

Традиционно акха считаются выходцами с территории китайской провинции Юннань и подразделяются на ряд отдельных суб-этнических групп (Oolow, Lohmya, Parme, Ahkur, Adjoh, Be-ah, Ooree и т. д.), имеющих ряд отличий в costume, традициях и языке, обусловленных различным ареалом проживания. Интенсивное переселение акха в Таиланд началось в начале 20 века и продолжается по сей день. В Таиланде они являются одним из наиболее крупных этнических меньшинств (наряду с лису, лаху, каренами и т. д.) и локализованы в основном на территории самой северной провинции Чианг Рай (IMPECT 2006: 6–7). В Китае и в северном Вьетнаме они классифицируются вместе с народностью хани в единую этническую группу. Однако сами акха такое тождество оспаривают, ссылаясь на ряд существенных различий в религии, фольклоре и материальной культуре.

В Бирме, где проживает большинство акха, они расселены в районе MuangSing и в северных провинциях Luang Nam Tha и Phongsaly.

Акха относятся к тибето-бирманской языковой семье. Язык акха является родственным по отношению к языкам этнических групп лису и лаху. Однако различия между ними довольно значительны, и сегодня представители этих народов чаще всего не понимают друг друга.

Поскольку акха — это народ с довольно широким ареалом расселения (отдельные группы акха проживают сегодня на территории 4 государств), существует множество наименований этого этноса, разнящихся в зависимости от культурных и исторических условий.

Слово «акха» является самоназванием и наряду с этим определением обычно используются «akho» и «aka». В Таиланде акха наряду с обычным названием часто называют «kaw», «ko» и «khako» с ударением на последний слог. В Бирме, где проживает наибольшая часть этого народа, акха имеют множество наименований: kaw, hka-kaw, ikaw, kao, ko и khankaw. К числу менее употребляемых относятся названия kao, ekaw, i-kaw. angka, kha-kaw и tenae. В Китае акха также знают под разными именами: aka, akha-jen, akha, akho и kawko. В Лаосе и Вьетнаме используются обычно только два определения «kaw» и «khako» (Dellinger, David Whitley 2006 : 154).

Определение численности акха на территории Таиланда — довольно трудная задача, поскольку этот народ до сих пор интенсивно мигрирует как внутри страны, так и между Таиландом, Бирмой и Лаосом. Наиболее густо поселения акха сконцентрированы на территории самой северной провинции Чианг Рай, где акха являются наиболее многочисленным из проживающих здесь этнических меньшинств. По данным ежегодных отчетов правозащитной организации IMPECT (Inter-mountain People's Educational and Cultural Center in Thailand) численность этого народа в регионе постоянно увеличивается не только за счет рождаемости, но и в процессе миграции новых групп с территории Бирмы и Лаоса (IMPECT 2011: 48).

На сегодняшний день ввиду активной прозападной и проамериканской позиции Таиланда в северных провинциях легально осуществляют свою деятельность множество гуманитарных и религиозных организаций. С одной стороны, их работа направлена на улучшение условий жизни горных народов и в, том числе, и акха, а с другой стороны их деятельность часто ведет к разрушению национальных ценностей и сложившегося традиционного уклада акха.

Нужно также отметить, что деятельность религиозных и гуманитарных организаций в этом регионе отнюдь не всегда является бескорыстной и полезной. Как показали исследования, западных ученых, проводимые в Таиланде в 90 гг., христианскими религиозными миссиями, а также гуманитарными организациями неоднократно проводилась принудительная христианизация детей с содержанием в соответствующих центрах евангелизации, использование бесплатного труда акха на принадлежащих церкви плантациях и иные более серьезные нарушения, говорить о которых возможно только в рамках подробного и ответственного исследования. (Hickey, Gerald C. and Wright, Jesse 2010: 34) Протестантские церкви «благовести» зачастую самым негативным образом влияют на традиционный образ жизни и культуру горных народов. Отметим, что подобные нарушения прав человека стали возможны в условиях действующего неполноценного гражданско-правового статуса акха. Многие из представителей этого народа, проживающие высоко в горах, лишь в минимальной степени учитываются статистическими ведомствами Таиланда и, по сути, не имеют полноценного доступа к медицинским, образовательным и иным социальным ресурсам. В условиях добровольной изоляции, лишённые специальной государственной опеки горные народы, и в том числе акха, становятся уязвимы для всякого рода нарушений прав и свобод человека. Парадоксальная ситуация нарушения прав человека христианскими церквями и гуманитарными благотворительными организациями тем не менее является реальностью этого региона и поводом для обсуждения в ООН и в иных международных структурах. Известна, например активная деятельность основателя Akha Heritage Foundation американца Мэтью Макдениела, являющегося активным защитником национальной самобытности акха и борцом против насильственной евангелизации.

Численность национальных меньшинств в провинции Чианг Рай 2011 г. (ИМЕСТ 2011: 59)

Название Дистрикта	акха	лаху	лису	мьены	хмонги	карены	луа	камху	Другие	Итого
Muang	5135	9402	1139	3664	0	1243	0	0	137	20720
Maechan	5875	4646	1114	1085	0	0	999	0	1941	15660
Maesai	1140	120	0	5	0	0	461	0	13734	15460
Chiangsaen	1204	303	0	2385	1051	0	632	0	2115	7690
Chiangkong	375	509	13	88	2802	0	0	964	529	5280
Theng	239	94	0	202	7995	0	0	0	4174	12610
Phan	601	15200	376	247	0	0	718	0	940	2976
Wiangchai	0	5579	91	395	0	0	0	0	0	486
Maesuay	16971	261	1708	1285	0	1410	16	0	3179	39769
Wiang-Papao	65	522	562	2	2398	1213	0	0	2057	11876
Phaya-Mengrai	0	15625	0	166	1323	0	0	0	0	1750
Wiangkaen	404	0	0	2605	10459	0	0	1365	1829	17184
Mae Fahluang	26178	0	4763	1109	1010	0	1159	0	11641	61485
Maelao	802	0	0	0	0	0	246	0	0	1048
Khuntan	0	0	0	0	1060	0	0	0	0	1060
Wiang-Chiangrung	0	0	0	225	0	0	0	0	0	225
Doi Luang	0	0	0	2098	0	2125	0	0	215	4438
Итого:	58989	52261	9766	15561	28098	5991	4231	2329	42491	219717

Динамика изменения численности горных народов в провинции Чианг Рай с 1998–2010 гг. (ИМЕСТ 2011: 60)

Название народа	Численность популяции в 1998 г.	Численность популяции в 2010 г.
акха	47779	58989
лаху	39039	52261
лису	9594	9766
мьены (Яо)	12479	15561
хмонги (Мео)	25108	28098
карены	6648	5991
луа	2372	4231
камху	2207	2329

Динамика изменения численности народа акха в дистриктах провинции Чианг рай 1998–2010 гг. (ИМЕСТ 2011: 60)

Название Дистрикта	Численность акха в провинции Чианг Рай 1998	Численность акха в провинции Чианг Рай 2010
Muang	3,702	5,135
Maechan	16,947	5,875
Maesai	1,402	1,140
Chiangsaen	509	1,204
Chiangkong	400	375
Theng	0	239
Phan	56	601
Wiangchai	0	0
Maesuay	5,789	16,971
Wiang-Papao	0	65
Phaya-Mengrai	0	0
Wiangkaen	229	404
Mae Fahluang	18,102	26,178
Maelao	643	802
Khuntan	0	0
Wiang-Chiangrung	0	0
Doi Luang	0	0
Итого:	47,779	58,989

Не менее актуальным вопросом, стоящим сегодня перед национальным сообществом северного Таиланда, является вопрос земельной собственности и права использования данного ресурса. Будучи национальным и зачастую бесправным меньшинством, акха и другие горные народы имеют весьма неопределенный правовой статус. К сожалению, чаще всего общины горных фермеров слишком бедны, чтобы приобретать землю в собственность на легальных основаниях. Пользуясь этим, в Таиланде, равно как и в Лаосе, обычной практикой лесозаготовительных компаний и частных корпораций является насильственное переселение акха на менее плодородные земли. Дефицит земли вынуждает их искать возможность заработать за пределами деревни, разрушая традиционный уклад и культуру (Kammerer Cornelia Ann 1990: 26).

Законы о защите леса стали серьезным камнем преткновения между акха и тайским правительством. На сегодняшний день порядка 30% лесного массива объявлены резервным фондом и нанесение ущерба этим лесным угодьям является преступлением (Bragg, Katherine 2011:46). В этих условиях акха, ведущих полукочевой способ хозяйствования, государство Таиланда переселило в стационарные поселения. Нужно отметить, что с позиции объективной оценки такая борьба с подсечно-огневым земледелием кажется несколько надуманной, поскольку, если сравнить потери от такого способа обработки земли с ущербом, наносимым лесу, например, строительством дорог или туристическим бизнесом, то сравнение будет явно не в пользу дорог и туризма. Однако индустрия отдыха и развлечений стабильно окупает вложенные в нее инвестиции, чего национальные меньшинства, естественно, сделать не могут.

Другим острым противоречием является борьба тайского правительства с выращиванием и продажей опиума в северных провинциях. В индустрию производства и потребления этого наркотика акха вовлечены на протяжении длительного времени и потому жесткие антинаркотические меры привели к репрессиям по отношению к этому народу. Известны случаи гибели мирного населения акха в результате рейдов вооруженных сил Таиланда, особенно в процессе антинаркотической кампании ныне опального премьер министра Таксина Чинавата (Bragg, Katherine 2011:78). Надо сказать, что меры против выращивания опиума принесли ощутимые результаты, беспрецедентно жестокие законы Таиланда в отношении наркотиков являются крайне эффективной мерой борьбы с этой проблемой. Однако, доля наркоманов среди акха в результате указанной политики только увеличилась, поскольку после исчезновения опиумных плантаций в их среде получил распространение дешевый героин и амфетамины бирманского происхождения, оказывающие более разрушительное воздействие, чем не прошедший химическую обработку растительный опиум (Suwuthiwong, Duangta 1999: 35).

Представители народа акха, а также их правозащитники (например, Akha heritage foundation) настаивают на

том, что курение опиума является частью традиционной культуры и в сложных условиях жизни в горах единственным обезболивающим и даже мистическим ритуалом. Однако правительство Таиланда не склонно учитывать национально-культурную специфику в процессе борьбы с оборотом наркотиков.

Огромной проблемой для многих горных народов является также вовлеченность женщин в широко распространенную в Таиланде сферу проституции. Вовлекаемые против собственного желания или по своей воле уезжающие за легкими деньгами в Паттайю и в другие туристические центры, женщины акха разрушают все связи с семьей и домом. Другой стороной проблемы являются насильственные действия по отношению к женщинам со стороны военнослужащих Таиланда. Прецеденты насилия, происходящие высоко в горах или на границе, как правило, замалчиваются, оставаясь лишь в социологических исследованиях ученых и отчетах гуманитарных организаций (Dellinger, David Whitley 2001: 115).

Наконец, бурно развивающийся в северном Таиланде туризм также оказывает двусмысленное влияние на развитие горных народов. Многие деревни акха, расположенные вдоль главных автомагистралей или недалеко от больших городов, являются сегодня открытыми и популярными туристическими зонами, посещение которых предлагается в любом туристическом бюро. Во время посещения таких деревень туристы живут в комфортабельных «аутентичных» хижинах, видят имитацию традиционных обрядов акха, их национальную одежду и утварь. Изменения образа жизни акха в таких «Hill tribe museum» происходят чаще всего в негативную сторону, поскольку молодежь, контактируя с туристами, теряет интерес к традиционной культуре, видя в ней лишь способ заработать деньги.

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что на сегодняшний день вопрос успешной интеграции горных народов в тайское общество остается открытым. Несмотря на то, что Таиланд ратифицировал целый ряд международно-правовых актов, защищающих права и интересы национальных меньшинств (в числе которых Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ICERD) 1965 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) 1979 г., Конвенция о правах ребенка 1959 г. и т. д.), остается множество нерешенных проблем в этой сфере. В числе положительных тенденций мы можем отметить довольно активную в последнее десятилетие деятельность национальных правозащитных объединений, таких, как гражданский омбудсмен акха («Akha Kinship and Holistic Alternatives Foundation»), Inter Mountain Peoples Education and Culture in Thailand Association (IMPECT), Asia indigenous Peoples Pact Foundation (AIPP), Indigenous Peoples Foundation for Education and Environment (IPF) — все это организации, активно защищающие права национальных меньшинств и

проводящие широкую просветительскую и социальную работу среди горных народов севера. Нельзя не упомянуть также деятельность международных гуманитарных организаций, таких как — Chepkitale Indigenous Peoples Development Project (CIPDP), Asian Indigenous Womens Network (AIWN), International Alliance of Indigenous and Tribal Peoples of Tropical Forests, также много делающих для сохранения и развития культуры акха.

Мы надеемся, что представленная в работе характеристика современных этносоциальных процессов народа

акха будет полезным опытом для национальных меньшинств в России, сталкивающихся сегодня с необходимостью решения схожего комплекса проблем.

Усиливающиеся в последние годы социально-экономические и культурные связи между Россией и Таиландом определяют взаимную возможность для творческого осмысления такого опыта, использования полученных сведений на практике. На наш взгляд, такой диалог будет способствовать развитию демократии как в Таиланде, так и в нашей стране.

Литература:

1. Kammerer Cornelia Ann 1990 Customs and Christian Conversion among Akha Highlanders of Burma and Thailand. *American Ethnologist*, vol.17 (2), pp.277–291.
2. Kammerer, Cornelia Ann 1998 Descent, Alliance, and Political Order among Akha. *American Ethnologist* 25 (4) pp.659–674.
3. Dellinger, David Whitley, Akha: a Transformational Description, ph.d. thesis, 2001 (ms. available in the Tribal Research Centre, Chiang Mai University)
4. Renard Ronald 1995 Evaluation of the Development Agriculture and Education Project for Akha (DAPA). Research Report (Mahawitthayalai Phayap) no.123.
5. Walker, P.H. 1986 The Akha Village of Huai San: A Note, *Farmers in the Hills: Ethnographic Notes on the Upland Peoples of North Thailand*,
6. Hickey, Gerald C. and Wright, Jesse, *The Hill People of Northern Thailand: Social and Economic Development*, Chiang Mai University, 2010
7. Srisavasdi, Boon Chuey, *The Hill Tribes of Siam*, Khun Aroon, Bangkok, 2000 134.
8. Tribal Research Centre, *Tribesmen and Peasants in North Thailand*, Chiang Mai University, 2009
9. Department of the Army, *Ethnographic Study Series: Minority Groups in Thailand*, Washington, 1998
10. Chooah, Deleu & Marriane Naess 1997 *Deuleu: A Life-history of an Akha Woman*.
11. *Development or Domestication? Indigenous Peoples of Southeast Asia*.
12. Don McCaskill (et al eds.) *Silkworm Press*.pp.183–204.
13. IMPECT Inter-mountain People’s Educational and Cultural Center in Thailand. *Programs: South East Asian Mountain People Culture and Development: Research, Documentation, Information Programs*, Chiang Mai, Thailand 2006 p.46.
14. IMPECT Inter-mountain People’s Educational and Cultural Center in Thailand. *Programs: South East Asian Mountain People Culture and Development: Research, Documentation, Information Programs*, Chiang Mai, Thailand 2011 p.78.

Творческое наследие кубанского зодчего А. П. Косякина: историко-архитектурный аспект изучения

Береговина Надежда Борисовна, аспирант
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Одной из градоформирующих особенностей, допущенной при строительстве храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы, становится его месторасположение в низине станицы Воронежской, на участке осушенного болота. В процессе роста населенного пункта, храм, изначально сооружавшийся для его центральной части, со временем, получился отодвинутым в северную область сельского поселения, оказавшись удаленным,

от проложенной через станицу в настоящее время основной магистральной дороги, с точек панорамного обзора которой, целостное восприятие силуэтной линии здания храма представляется затруднительным. Возведенный к 1915 г. храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы был заложен в 1911 г. Котлован, вырытый по периметру основания церковного здания под фундамент, имел глубину около 14м. Его Преосвященством Преосвя-

Рис. 1. Проект храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы, арх. А. П. Косякин

щеннейшим Иоанном Епископом Ейским новое храмовое здание освящено 21 мая 1916 г. Одновременно, с воздвигнутым каменным храмом, существовала деревянная церковь на кирпичном фундаменте, заложенная в 1838 г. в честь Рождества Пресвятой Богородицы и возвышавшаяся в центре станицы Воронежской предположительно до 1920 г.

Проект, по которому строился каменный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, принадлежал архитектору А. П. Косякину известному своими храмовыми постройками, воздвигнутыми во многих станицах Кубанской области. Александр Петрович Косякин (1875—1919), выходец из семьи высокопоставленного казачьего офицера, окончил институт гражданских инженеров в городе Санкт-Петербурге и, отработав два года инженером в Подольском губернском правлении, связал свою дальнейшую судьбу и творческую деятельность с Кубанью. Из наследия храмовой архитектуры, возведенной талантливым зодчим, в Краснодарском крае сохранились и функционируют; церковь во имя Святой Троицы станицы Казанской (Кавказский район), храм в честь Успения Пресвятой Богородицы в городе Славянск-на-Кубани, храмовое здание в честь Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской (Усть-Лабинский район), храм в честь Успения Пресвятой Богородицы станицы Успенской (Белоглинский район), храмовое сооружение в честь Вознесения Господня города Курганинска. Согласно ряду характерных признаков присущих творческому почерку архитектора, объективно узнаваемого в ныне существующих храмовых постройках, с большей долей вероятности определяется

версия авторства А. П. Косякина относительно храма во имя Святой Троицы станицы Новодонецкой (Выселковский район), зодчий которого по архивным источникам считается до сих пор не установленным.

При ограничении историко-архитектурных исследований рамками храмового наследия архитектора А. П. Косякина, в его проектной (строительной) деятельности выявляется явное предпочтение к использованию эклектичной версии русского стиля, основанной на архитектуре XVII в. и мотивах византийского зодчества, так называемого русско-византийского стиля, пользующегося популярностью в южном регионе России в конце XIX — начале XX вв.

Аналогичность проектных решений, использованных для храмовых зданий А. П. Косякиным, выявляют закономерности в применении крестово-купольной системы, интерпретации конструктивной схемы восьмерик на четверике, примыкании к центральному объему храма — граненой восточной апсиды и высокой западной колокольни, организацией дополнительных (боковых) входов в здание, арочных окнах с полуциркульным завершением, декорировании проемов полуколоннами византийской стилистики, вкраплением карнизных блоков из песчаника.

Тожественная объемно-пространственная композиция храмов базируется на двух типах проектов, принадлежащих одному архитектору.

Первый типовой проект представляет одноэтажные компактные по объему церкви небольших размеров, устроенные «кораблем», с 2–3-х ярусными колокольнями, с трапеznыми в два оконных проема, с глухими угло-

выми башнями надхрамовой части, выполняющими декоративные функции. В интерьере отсутствуют хоры, одна из двух пар несущих столпов образуется путем выступов при пересечении продольной и поперечной стен. По такому принципу построены храмы в станице Казанской (1914 г.) и городе Славянске-на-Кубани (1912 г.).

Второй типовой проект — двухэтажные храмы, укрупненные по объему за счет высоты и увеличения общей площади здания, трапезные в три оконных проема, с 3–4-х ярусными колокольнями с шатровым или купольным завершением. В организации внутреннего пространства предусмотрены хоры и две пары отдельно стоящих подкупольных опор. Такой тип имеют храмовые здания в станицах Воронежской (1915 г.), Успенской (1907 г.), городе Курганинске (1916 г.), утраченные храмы в станицах Пашковской и Темижбекской.

Тожественная архитектурно-планировочная концепция, так или иначе взятая за основу для каждого из храмов, имея фоном расхождения в соотношении габаритных параметров между зданиями и учитывая разницу, привнесенную в декоративное убранство церковных построек, гармонично объединяет индивидуальные детали стилистического образа, выдержанные в облике отдельно взятого храма, среди плеяды культовых сооружений возведенных А. П. Косякиным.

Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы высотой 37,5 м. (без учета высоты креста), отражает характерные черты второго типа церквей, построенных А. П. Косякиным на Кубани в начале XX в. Венчают храмовое сооружение девять глав (пять над основным объемом на высоких барабанах, одна над колокольней, три дополнительных полукупола устроены над входами в приделы), крестово-купольный, четырехстолпный, на подклете храм имеет три придела: северный — освященный во имя Святого Николая Чудотворца, центральный Рождества Пресвятой Богородицы, южный — в честь Святого Георгия Победоносца.

Согласно анализу, проведенному фирмой ООО творческая мастерская «Уютный город» (г. Краснодар), перед началом восстановительных работ храма во имя Святой Троицы станицы Новодонецкой, была выявлена определенная идентичность обоих построек. Церковь во имя Святой Троицы станицы Новодонецкой, заложенная в 1911 г. и освященная в 1914 г. имеет аналогию по стилистике, объемно-планировочному решению, интерьеру с церковным зданием Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской.

Архитектурно-художественная композиция храма во имя Святой Троицы выдержана эклектичной версией русского стиля с использованием мотивов византийского зодчества. Основной объем церкви венчают пять глав (шестая — расположена на колокольне). Трехпролетная арочно-стоечная система делит внутреннее пространство храма на центральные и боковые нефы. Алтарная апсида перекрыта конхой, боковые нефы основного зала — сводами. В плане храм почти квадратный с выступающей пя-

тигранной апсидой, высокие стены которой лежат в одной плоскости. При тяготении к общей объемно — планировочной концепции, храмовое здание в честь Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской имеет восточным завершением двухуровневую пятигранную апсиду, с выступающим нижним ярусом, создающим пирамидальный силуэт. Тожественные структуры храмов формируются четырехстолпным крестово-купольным типом (собственно храм, состоящий из северного, южного приделов, алтарной части), линейного (трапезная) и колокольней. В храме во имя Святой Троицы станицы Новодонецкой средокрестие, образованное четвериком (покоящимся на центральных устоях), переходит к восьмигранному световому барабану, который сnivelирован в храме Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской ближе к цилиндрической форме. В обеих церковных постройках боковые приделы (северной и южной стороны) организованы с собственными входами, один из которых в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы, выполненный с северной стороны, был упразднен в связи с устройством и условиями эксплуатации отопительной системы в здании. Главные входы в церкви расположены с западной стороны, с южной части алтаря расположена — ризница, с северной — пономарка, которая в храме станицы Новодонецкой, имеет дополнительный выход на улицу.

Во втором ярусе трапезных церковных зданий устроены хоры, на которые можно подняться по лестнице, размещенной в северной части их колоколен.

Крестообразный характер плана церкви во имя Святой Троицы станицы Новодонецкой становится четче выявленным организацией продольных фасадов. Северный и западный фасады подчеркиваются ризалитом, углы которого закреплены лопатками, что соответствует подобному решению храма станицы Воронежской. В плоскости ризалита размещены два полуциркульных оконных проема, увенчанных третьим — круглым, отделенным подоконным карнизом (кирпичным пояском), бегущим по всей длине периметра здания. Окна обрамлены сложным наличником, состоящих из трех полуколонн с капителями византийского типа и кокошником килевидной формы. Эта оконная группа храма станицы Новодонецкой выполнена в подобной стилистике, но не тождественна существующей в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской, обрамление световых проемов ризалита которой, как и угловые лопатки декорированные ширинками в других зданиях, выявляют характерные приемы, использованные во всех храмовых постройках, принадлежащих авторству А. П. Косякина. Единственным исключением из группы храмовых зданий с закреплением углов приведенным образом становится храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской, первый ярус, стен которого, декорирован ленточным рустом, а угловые выступы — квадратным, что выделяет его на общем фоне церковных построек возведенных архитектором.

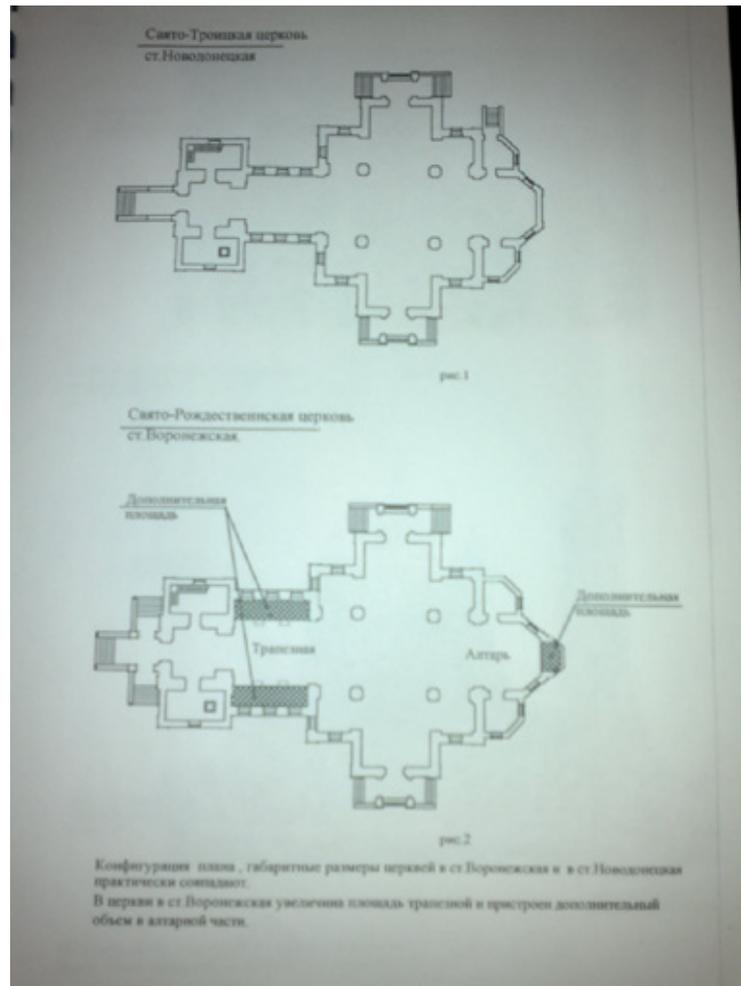

Рис. 2. Сопоставление планов храма в честь рожества Пресвятой Богородицы ст. Воронежская и храма во имя Святой троицы ст. Новоднецкой (авторский анализ ТМ «Уютный город»)

Расположение карнизов на разных уровнях в обоих храмовых зданиях призвано подчеркнуть функциональную иерархию между помещениями, отраженную во внешнем облике сооружений. Карнизы второго яруса колокольни, трапезной, апсиды ниже карнизов храмового зала. В кирпичном декоре храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы использованы орнаментальные мотивы на тему зубчиков, ромбов, решеток, ширинок (ниш малого заглубления) крестов греческой и латинской конфигурации. Арочные полуциркульные оконные проемы первого яруса обрамлены простыми наличниками, образующимися за счет кирпичного пояса, бегущего непрерывной лентой по периметру здания и дублирующей полукруглую форму окон, каждое из которых дополнительно закреплено центральным замковым камнем и боковыми гирьками, отсутствующими только в декоре алтарной части и трапезной. В обрамлении оконных проемов второго яруса для алтаря, трапезной и колокольни использованы наличники в виде бровок. Арки килевидной формы, пяты которых опираются на капители полуколонн, устроенных по византийскому типу, декорируют второй уровень центрального объема (четверика), исключая его ризалит, стена

которого прорезана трехчастной оконной группой, составленной из спаренных оконных проемов полуциркульной формы и венчающего их круглого окна, обрамленных характерным наличником, отмечающим творческий почерк представленного автора. В пропорциональном соотношении общих размеров (длины, ширины и высоты), здание храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы заметно увеличено по высоте, его центральный объем увенчан гранеными барабанами, создающими внешний оптический эффект высоких узких цилиндров, поддерживающих купола. Подобный принцип организации объемно-пространственной композиции, с тем же выраженным ритмическим движением вверх, использован в храмовом сооружении меньших габаритов, построенном в честь Успения Пресвятой Богородицы в городе Славянск-на-Кубани.

Объединяет эти разные, по сути, типы храмов и тема света. Качественное решение вопроса освещения актуально при строительстве любого закрытого здания, тем более религиозного предназначения, с которым А. П. Косыкин, как инженер-строитель, компетентно справился. Еще римский архитектор Витрувий в трактате «Об архитектуре» рекомендовал открыть доступ солнечному свету

в самых высоких точках помещения, кроме тех случаев, когда этому препятствуют соседние здания. [1, с. 60]

В храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской проблема освящения решена устройством порядка 42 витражных окон (при заложенных 100), в том числе, расположенных на значительной высоте, через которые свет беспрепятственно попадает внутрь здания, согласно идеи античного мастера. Благодаря использованию витражей, аналогичный эффект легкости «нематериальности» стен достигнут и в храме Успения Пресвятой Богородицы в Славянске-на-Кубани. Для освящения помещений храмового здания в честь Вознесения Господня в городе Курганинске предусмотрено 112 оконных проемов.

Современный город Курганинск был официально основан, как казачья станица Курганная в 1853 г. на правом берегу реки Лабы, истоки которой уходят в период Кавказской войны, когда в феврале 1837 г. Николай I утвердил проект по строительству фортификационной Лабинской линии, предложенный генералом Г.Х. Зассом, в связи с чем, в 1842 г. было заложено укрепление Курганное. Согласно документальным источникам, событие, связанное со строительством в станице Курганной изначально небольшого деревянного храма, освященного в честь Казанской иконы Божьей Матери, относится к 1857 г. Спустя несколько лет, недалеко от месторасположения первой церкви, уже в 1874 г., на каменном фундаменте, возвышалось новое здание деревянного храма, которое разрушили после революции, в 1930-х гг.

С увеличение роста населения и обветшанием второй деревянной церкви в честь Казанской иконы Божьей Матери, смещенной развивающейся жилой застройкой на окраину станицы, на сходе местных жителей было принято решение о строительстве каменного здания церкви. При содействии станичного атамана Т.В. Зинченко был организован строительный Комитет для возведения храма, который по единогласно принятому решению, посвятили православному празднику Вознесения Господня.

В мастерской архитектора А.П. Косякина выполнили проект храма в честь Вознесения Господня станицы Курганной, закладка которого произошла в 1906 г. Известно, что основной подрядчик — Лавриненко Григорий Степанович со товарищи, московские зодчие. [2, с.3] В связи с участием России в Первой мировой войне, только в 1916 г. появилась возможность закончить прерванное строительство каменного здания церкви в станице Курганной, и в тот же год Архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор освятил храм в честь Вознесения Господня.

Храм в честь Вознесения Господня представлен эклектической версией русского стиля, выполненной в рамках узнываемых творческих предпочтений архитектора А.П. Косякина. Для здания храма применено проектное решение второго типа, разработанное зодчим для строительства церквей: двухэтажный, укрупненный по габаритным параметрам, с трапезной и 4-х ярусной колокольней, имеющей

купольное завершение. Основной кубический объем храмового здания в честь Вознесения Господня увенчан пятью главами луковичной формы, поддерживаемыми мощными приземистыми гранеными барабанами, оконные проемы которых фланкированы декоративной аркадой, состоящей из арок килевидных очертаний и полуколонок с византийскими капителями. Восточная алтарная часть состоит из трех апсид, подобных тем, которые устроены в плане храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской. В разнообразном декоре храма в честь Вознесения Господня города Курганинска взаимно переплетаются мотивы московской теремной архитектуры, читаемые в наличниках окон, ширинки, зубчики, гирьки, классицистический ленточный руст, византийские капители, греческие и православные кресты. Выразительная декоративная деталь, выполненная по типу филенки сложной конфигурации, поле которой напоминает старинный женский головной убор — остроконечный кокошник, обрамляет в верхней части стен притворов, пристроенных с западной, северной и южной сторон к храму, характерную для культовых сооружений А.П. Косякина трехчастную композицию оконных проемов, представляя собой не только эффектный художественный прием, но и региональную особенность.

Примечательно так же, что площадка устроенная под храм в честь Вознесения Господня, его стены, облицованные кирпичом, подкупольные пилоны и своды сделаны из железобетона, в целях устранения проблемы, связанной с подъемом в этом месте и без того высокого уровня подпочвенных вод, когда храмовое здание после сильных ливневых дождей, буквально стоит на воде.

В станице Успенской Белоглинского района Краснодарского края сохранился храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, построенный А.П. Косякиным в 1907 г., предшественником которого стала скромная, обветшавшая со временем, деревянная церковь. Возвышающееся в центре станицы Успенской каменное храмовое здание в честь Успения Пресвятой Богородицы является основной архитектурной доминантой и достопримечательностью сельского поселения. Проект храма относится ко второму типу церковных зданий, предлагаемых к строительству А.П. Косякиным. Двухэтажный центральный объем храма увенчан традиционным пятиглавием, над восточной алтарной частью возвышается, установленная на граненой шее, небольшая луковичная главка, трехъярусная колокольня имеет шатровое завершение. Храм Успения Пресвятой Богородицы станицы Успенской отмечен следами восстановления, что наиболее заметно в венчающих деталях: воссозданных граненых барабанах, куполах, шатре колокольни, в данном ракурсе, визуальное утративших типичные пропорции и внешний вид церковных построек А.П. Косякина. Характерное для творчества А.П. Косякина трехчастное окно прорезает фасады храма, подчеркивая устоявшуюся тенденцию набора конструктивных и декоративных элементов, свойственных всем церковным зданиям этого архитектора.

Таблица 1. Анализ архитектурно-планировочных характеристик храмов архитектора А.П.Косякина (на базе табличной идентификации разработанной в ТМ «Уютный город»)

Характеристики	ст.Воронежская	ст.Казанская	ст.Темужбекская	Г. Славянск-на-Кубани	г. Курганинск	ст.Успенская	ст.Пашковская	ст.Новодонецкая
Наименование храма	В честь Рождества Пресвятой Богородицы	Во имя Святой Троицы	Нет данных	В честь Успения Пресвятой Богородицы	В честь Вознесения Господня	В честь Успения Пресвятой Богородицы	Введение во храм пресвятой Богородицы	Во имя Святой Троицы
Статус	функционализирует	функционализирует	Не сохранилась, остатки колокольни	функционализирует	функционализирует	функционализирует	Не сохранилась	функционализирует
Географическое положение	Усть-Лабинский район	Кавказский район	Кавказский район	г. Славянск-на-Кубани	г. Курганинск	Белоглинский район	г. Краснодар	Выселковский район
Дата постройки, освящения	1911–1915гг.	1912–1914гг.	неизвестно	1907–1912гг.	1906–1916гг.	Освящен в 1907 г.	1909 г.	1911–1914гг.
Автор	А.П.Косякин	А.П.Косякин	А.П.Косякин	А.П.Косякин	А.П.Косякин	А.П.Косякин	А.П.Косякин	А.П.Косякин (?)
Количество нефов	трехнефный	трехнефный	неизвестно	трехнефный	трехнефный	трехнефный	неизвестно	трехнефный
Количество столпов	Четырехстолпный	Четырехстолпный	неизвестно	Четырехстолпный	Четырехстолпный	Четырехстолпный	Четырехстолпный	Четырехстолпный
Структура плана	Алтарь-средняя часть-притвор (+ трапзная)	Алтарь-средняя часть-притвор (+ трапзная)	неизвестно	Алтарь-средняя часть-притвор (+ трапзная)				
Форма плана	крестовая	крестовая	неизвестно	крестовая	крестовая	крестовая	крестовая	крестовая
Расположение приделов	В средней части	В средней части		В средней части				
Количество этажей (ярусов)	Два	Один	неизвестно	Один	Два	Два	Два	Два
Расположение колокольни	Пристроена	Пристроена	Пристроена	Пристроена	Пристроена	Пристроена	Пристроена	Пристроена
Количество ярусов колокольни	4	3	4	4	4	3	4	4
Количество глав над центральным объемом	5	5	5	5	5	5	5	5
Тип куполов	луковичный	луковичный с мая 2013 г.	неизвестно	луковичный	луковичный	луковичный	луковичный	луковичный
Тип завершения колокольни	луковичный	шатровая	шатровый	луковичный	луковичный	шатровый	шатровый	луковичный
Материал стен	кирпич	кирпич	кирпич	кирпич	кирпич+ железобетон	кирпич	кирпич	кирпич

Литература:

1. Тайны Соборов, или Соборы тайн /Под ред. А.Черинотти// М.,2009.
2. И храмы неслись в поднебесье Кубани во все времена. О православных храмах Курганинского района. Сост. Н. А. Булычева. Курганинская Центральная районная библиотека. Самиздат.
3. Авторские разработки ТМ «Уютный город» по реставрации храма во имя Святой Троицы станицы Ново-донской, творческий руководитель Снисаренко С. Н.
4. Личный архив настоятеля храма Рождества Пресвятой Богородицы станицы Воронежской (Краснодарский край).

Экономические трудности процесса феминизации в Японии в 1990-е — 2000-е гг.: феномены «OL», «hara» и «розовая» экономика

Бояринова Полина Александровна, студент
Томский государственный университет

Череду изменений от Мэйдзи Исин до Второй мировой войны и от Второй мировой до конца XX века сделали Японию практически неузнаваемой страной с новым, уникальным обликом, особой культурой отношений в обществе. Но эта уникальность во многом обусловлена не нововведениями и реформами, как это кажется на первый взгляд, а проявлениями традиционности.

Что касается жизни женщины, то современный этап обуславливается новыми факторами развития феминистских тенденций и новыми факторами их торможения. Докризисная экономика 60-х — 80-х годов готова была принять только низко квалифицированный женский труд, а мотором инновационной экономики были мужчины. Теперь женщин толкает вперед экономический фактор, который требует вливания новых трудовых ресурсов в экономику страны.

С другой же стороны, традиционные факторы феминизации общества с конца XIX до 80-х годов XX века, относящиеся к сферам культуры и образования, в настоящий момент начинают противодействовать процессам феминизации. В связи с демографическими проблемами японцы все чаще и все более настойчиво вспоминают о естественной роли для женщины. Возможно ли, что субъективные факторы действуют на японское общество больше, чем объективные экономические?

Есть свидетельства, что это не просто возможно, это реальность последних десятилетий.

Конституция 1947 года формально уравнила в гражданских правах мужчин и женщин. Первое время не было возможности проверить действенность этого акта, так как женщины еще долгое время, получая худшее образование, чем мужчины, работали обычно на низко оплачиваемой работе или временной работе. Кроме того, сами женщины стремились выйти замуж и бросить работу, потому не были заинтересованы в карьерном росте.

В 70-е годы японское экономическое чудо сильно изменило социально-экономическую ситуацию в стране, уровень благосостояния вырос, а на женское образование стали тратить больше, что формально выровняло шансы мужчины и женщины на бирже труда.

Реальность была такова, что именно в конце 70-х — 80-е годы обнаружились жесточайшие притеснения и дискриминация женщин по половому признаку. Об этом говорит реакция правительства, которое вынуждено было выпустить целый ряд законов. Начало серии законов положило принятие «Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации против женщин» в 1985 году. В 1986 году был принят «закон о равных возможностях в области занятости», в 1991 году впервые появился закон, обеспечивающий оплачиваемый отпуск по уходу за детьми. Только в 1998 году был изменен «Закон о медицинском страховании для пожилых людей», по которому женщины могли получать свою собственную медицинскую страховку, а не семейную [1, с. 70]. И это только самые важные и заметные из череды законопроектов, принятием которых правительство пыталось выправить ситуацию в обществе.

По оценке «гендерной реализации Программы развития ООН», в 2009 г. Япония занимала 57 место (из 109) по уровню вовлеченности женщин в экономическую и политическую сферы [2].

Газета «Shukan Kinyobi» в 2009 году напечатала историю одной женщины, которая являет собой типичную ситуацию нарушения вышеперечисленных законов. В 2007 году 39-летняя Йоко Эндо (имя изменено) сообщила работодателю, что беременна вторым ребенком, после чего ее уведомили, что ее рабочий контракт не будет продлен [3]. Это стандартная ситуация, когда работодатели заключают с женщинами-работницами краткосрочные возобновляемые контракты (3–5 месяцев) в попытке обезопасить себя от законов о найме на основе равных прав. Без помощи специальных организаций по защите

прав женщин такое дело не выиграть (в 1995 году специально для борьбы с проявлением подобных и иных форм дискриминации был создан Союз женщин).

В своей статье издательство газеты «Shukan Kinyobi» так же провело статистический анализ экономического статуса женщин по отношению к мужчинам: «66% работающих женщин зарабатывают в год менее 3 млн. иен, тогда как среди мужчин такой показатель равен всего 21,6%. Далее, 21,6% мужчин зарабатывают в год более 7 млн. иен, тогда как только 3,1% женщин зарабатывают столько же» [3].

К тому же в японских семьях не велика в экономическом плане тенденция к изменению. Женщины чувствуют себя достаточно защищенными в статусе жены и хозяйки, потому что обычно семейная собственность записана на главу семьи (дом, квартира, машина). Жена может даже не иметь собственного счета в банке. Даже пособия, которые получают несовершеннолетние дети, будут перечисляться на счет мужа [4]. В японских дорамах (сериалах) нередко встречается ситуация, когда, при отсутствии в семье наследника-мужчины, бизнес переходит к мужу наследницы-женщины (например, драма «Risou no Musuko»). Такие истории встречаются и в журнальных статьях как то: история индонезийца Кетута Рундега, который женился на японке, и, переехав в Японию, унаследовал магазин кимоно родителей своей жены [5, с. 22–23]. В этом случае передать дело не родственнику, да еще и иностранцу (учитывая, что Япония — страна мононации), все равно оказалось лучшим вариантом, чем отдать магазин в управление дочери.

Несмотря на то, что Япония, при тенденции к сокращению населения, отчаянно нуждается в трудовых ресурсах (экономический фактор для дальнейшей эмансипации налицо), но для женщин в трудовой сфере ситуация не сильно меняется. Показателем тому может служить соотношение работающих мужчин и женщин. На 1990 год мужчин — 59,5%, женщин — 40,5%. На 2012 год мужчин — 57,4%, женщин — 42,6% [6]. За более, чем два десятилетия ситуация практически не изменилась (нужно отметить так же, что в Японии женщин больше, чем мужчин в процентном отношении).

На данный момент женщины составляют примерно половину среди выпускников университетов (48%) [7], но этот потенциал не используется, так как женщины наталкиваются на множество препятствий в своем желании построить карьеру (даже если такое имеется).

Многие женщины могут устроиться только на низкооплачиваемые должности или на временную работу. В Японии даже придумали специальное сокращение — «OL», которое происходит от английского «office lady», а на деле обозначает женщину, которая занимается в основной тем, что подает кофе менеджерам-мужчинам, не имея никаких шансов проявить себя в работе, а значит — получить повышение. По сути, OL в Японии не воспринимаются всерьез и надолго. Это временные работницы; женщины, коротающие время до брака.

«Time Ideas» предоставили в своей статье о трудностях работающих женщин в Японии любопытные результаты исследования американского Центра политики в трудовой сфере, направленного на поддержание баланса между работой и личной жизнью (Center of Work-Life Policy): «Образованные японки гораздо чаще американок (74% против 31%) склонны добровольно увольняться с работы. В то время как для жительниц Запада наиболее важной причиной перерыва в карьере является уход за ребенком, японки жалуются на неблагоприятные условия работы и руководство, которое не ценит их. 49% респонденток ответили, что уволились, потому что чувствовали себя загнанными в угол и не имеющими перспективы» [7].

Если с такой точки зрения рассматривать проблему, то можно объяснить стремление японок уволиться и посвятить себя семье не столько проявлением традиционного сознания, но и просто наиболее продуктивным и рациональным выбором. Возможно ли, что многие просто не желают тратить свое время на работу без перспектив, наблюдая, как продвигаются по карьерной лестнице менее талантливые и квалифицированные мужчины?

Оказывается, что наилучшим вариантом для желающих построить карьеру японок становится трудоустройство в иностранные компании.

То, что большинство женщин в Японии все же опускают руки перед сложностями преодоления стереотипов в трудовой сфере, говорят и статистические исследования. Число женщин, прошедших курсы повышения квалификации (обязательное условие для карьерного роста), с 1999 года по 2002 выросло на 28,75%, но с 2002 по 2005 год произошло резкое сокращение на 24,3%. Вызван ли подобный перепад экономической рецессией в Японии? Известный факт, что японские предприниматели предпочитают не тратить деньги на образование женщин, которые заведут семью и уйдут с работы. С другой стороны, число женщин, прошедших различные курсы, не связанные с работой и карьерой, в среднем выросло на 3% [8].

В последние годы в связи с экономическими кризисами положение женщин в трудовой сфере не просто не улучшается, а стремительно ухудшается по мере роста безработицы.

Новые трудности, возникающие перед женщинами, описывает газета «Josei Jishin», рассказывая историю 37-летней домохозяйки с двумя детьми из префектуры Окаяма, которая отчаянно пыталась устроиться на полставки. Несмотря на большое количество различных вакансий, поиск закончился ничем, так как конкуренцию домохозяйке составляли молодые женщины и мужчины средних лет, которые могли работать в любое время [9]. Это сильно снижает шансы женщины, которая играет еще и функции жены и матери, устроиться на работу. Ведь от такой женщины будут ожидать выполнения всех ее ролей в полной мере, невзирая на сложность. Не важно — работает женщина или нет, но она должна успевать выполнять свои домашние обязанности.

Но с определенными трудностями сталкиваются не только желающие выйти на работу домохозяйки, но и молодые женщины. Многие из них жалуются, что во время интервью им нередко задавались неуместные вопросы, которые не стали бы задавать мужчинам. В основном это личные вопросы о жизненных планах, семейных планах, идеальных представлениях о мужчине или о свидании [1, с. 75].

В последние годы в японских СМИ с усиленной частотой мелькает новое сленговое словечко — «*haga*», что является сокращением от «*sexual harassment*» (сексуальное домогательство). В 1989 году на телевидении впервые было широко освящено судебное дело по сексуальному домогательству («дело Ватанабэ»), тогда и появился термин «*sekuhaga*» или просто «*haga*» [10]. Тогда было положено начало процессу борьбы с этим явлением, которая продолжается и по наши дни. Сейчас некоторые даже предлагают отдельные классификации сексуальных домогательств [11] в Японии, разделяя их по месту (работа, академическая среда, общественный транспорт и т.д.) или образу действия мужчины-агрессора.

«*Japan Today*», опираясь на американские исследования, в 2009 году опубликовали впечатляющие статистические данные о том, что на рабочем месте до 50% всех женщин подвергаются сексуальным домогательствам, против 10% для работников-мужчин. Хотя строгость японских законов несколько меняет ситуацию, так как в 2007 году процент женщин, подвергавшихся сексуальным домогательствам на работе, был 59% [12]. Такое снижение частоты домогательств связывается с активной деятельностью правительства, старающегося своевременно реагировать на жалобы населения.

Но, несмотря на все правительственные меры, необходимые для повышения безопасности женщины, за несколько последних десятилетий ряд видных политиков успели запятнать свои имена сексуальными скандалами. Во многом это происходит потому, что нынешние представители японской политической арены — мужчины за 45 лет, склонные к реализации традиционных и патриархальных стереотипов в большей мере, чем новое поколение.

Нельзя в связи с этой темой не упомянуть знаменитый скандал экс-губернатора Осаки Исаму Ямады (известного под сценическим псевдонимом «Кнок» Йокояма), который в 1999 году лишился карьеры и был вынужден выплатить 11 млн. йен за приставание к женщине [13]. Не далее, как в феврале 2013 года еще один политик — мэр Овасы (префектура Нагои) Хисаёши Окуда был осужден на 6 месяцев условно за растление 15-летней школьницы. Следствие по делу велось с 2009 года, но приговор оказался неожиданно мягким [14].

В конце концов, в Японии существует так называемая «розовая экономика», которая является одним из самых ярких показателей стереотипа восприятия женщины, который так распространен в Японии, на который японские мужчины сами создают такой большой спрос. По-дру-

гому эту сферу экономики еще называют *hostess and sex industry*, а «розовый оттенок» эта отрасль получила из-за так называемых «розовых салонов».

Если задаться вопросом, какое место «розовая экономика» занимает в секторе сферы услуг в Японии, то окажется, что достаточное, чтобы Банк Японии интересовался тем, как идут дела в «розовых салонах» и подобных им заведениях [15], используя эти данные для уточнения измерения спроса в сфере услуг.

Хостесс и хост индустрия существует в Японии, как для мужчин, так и для женщин. Нарастающая популярность хост-услуг (повышение предложения и падение цен) говорит об остроте гендерной проблематики в Японии. Фактически это экономический показатель кризиса гендерной модели отношений, который переживает Япония, находясь на этапе нового слома.

В то время как хост и хостесс услуги одинаково популярно как у мужчин, так и у женщин, секс-индустрия много более ориентирована на мужчин, а салоны для женщин, подобные «розовым салонам», часто вынуждены закрываться из-за нерентабельности [16].

В это время секс-индустрия, ориентированная на мужчин, только набирает обороты и принимает самые различные формы, часто противозаконные.

Например, популярность девочек-подростков на японском «рынке секс-услуг» привела к появлению специального эвфемизма — «*enjo kosai*» [17] (свидание за вознаграждение). Особо возрастает предложение *enjo kosai* во время школьных каникул, так как школьницам не найти временную работу, на которой им бы платили больше. Кое-где существуют даже специальные районы (подобно средневековым кварталам красных фонарей), где эротические и сексуальные услуги оказывают только девочки-подростки [18]. И то, что владельцы подобных «розовых салонов» так рискуют не удивительно, так как цены на девочек-подростков куда выше, чем на студенток или более взрослых женщин [19].

Но это только малая часть сексуальной индустрии Японии, которая включает в себя так же специализированные бары [20] и различное видео, которое приносит больший доход, чем должность менеджера средней руки в крупной фирме [21] (особенно популярно не студийное, а так называемое «подглядывающее» видео, снятое со скрытых камер и без ведома женщин, запечатленных на видео).

Таким образом, количественные и качественные показатели занятости японских женщин в экономической сфере не производят радужного впечатления. Процент женщин, работающих полный рабочий день, по специальности и имеющих возможность карьерного роста, чрезвычайно низок (в 2001 году женщины составляли чуть более 1% от всех руководителей отделов, а в 2008—4,1% [22]). Хоть работающих женщин и так меньше, чем работающих мужчин, даже при этом подавляющее большинство женщин работает на низкооплачиваемой или временной работе, а так же на низших должностях в сфере обслужи-

вания (включая и секс индустрию). Это все напоминает послевоенную ситуацию и время японского экономического чуда, одним из факторов которого стало использование низкооплачиваемого труда (в основном, женского). И оба эти периода отчетливо перекликаются с ситуацией после открытия страны, когда женщины из деревни за копейки работали на износ на шелковых мануфактурах.

Существенное отличие современной ситуации состоит в том, что до 80–90-х годов женщины не имели объективно равных стартовых возможностей: сильное отставание от мужчин в сфере образования и особенности работы в индустриальное время, — эти факторы дают возможность утверждать, что экономические предпосылки феминистских тенденций были весьма скромными.

В настоящее время уровень образования женщин и мужчин одинаковый, а переход к постиндустриальному обществу дает женщине куда больше возможностей реализовать себя в сфере услуг. Особенно большое место стали занимать женщины в сфере дизайна и рекламы [23, с. 35], так как женщины становятся еще и основными по-

ребителями на рынке. Можно сказать, что экономические предпосылки феминизации сложились, но процесс в сфере экономики тормозится мощным противодействием, исходящим из социальной и культурной жизни японского общества.

Более того, изменения, вызванные неравномерной феминизацией политической и экономической сферы (а также, сферы образования), привели к кризису гендерной модели в Японии, которая действовала в 70–80-е гг. Работающие японцы из среднего класса уже не могут в одиночку содержать семью, что не позволяет больше женщине занимать исключительно роль жены и матери, хранительницы очага и семейного бюджета. Японкам приходится либо совмещать семью и работу, либо они не выходят замуж совсем, посвящая время карьере, а семью заменяя походами в хост-клубы.

В настоящее время кризис настолько глубок, что некоторые социологи рисуют образ Японии будущего, как страны без семей [24], если новое поколение не сможет создать новую модель гендерных отношений.

Литература:

1. Kingston J. Japan in transformation, 1952–2000. 2001. 230 pp.
2. Income of young Japanese women tops that of men. [Электронный ресурс]: статья «Reuters Life!», 15.10.2010. URL: <http://www.reuters.com/article/2010/10/15/us-japan-income-idUSTRE69E15R20101015>
3. О женской бедности в Японии часто забывают [Электронный ресурс]: статья «Fushigi Nippon / Новости из Японии», 01.09.2009. URL: <http://news.leit.ru/archives/4573>
4. И ещё раз о русско-японских браках. [Электронный ресурс]: статья «Fushigi Nippon / Новости из Японии», 22.02.2010. URL: <http://news.leit.ru/archives/5224>
5. Жизнь в Японии: продавцу кимоно есть чему улыбаться. // Журнал «Ниппония». № 22, 2002.
6. Historical data: Labour force. Annual average. [Электронный ресурс]: статистическое исследование, «The Statistics Bureau of Japan», 01.02.2013. URL: <http://www.stat.go.jp/data/roudou/longtime/zuhyou/lt01-01.xls>
7. Japan's Working-Woman Problem. [Электронный ресурс]: статья, «Time Ideas», 11.12.2011. URL: <http://ideas.time.com/2011/12/11/japans-working-woman-problem/>
8. Culture and Leisure: Women's Educational Centres (1971–2005). [Электронный ресурс]: статистическое исследование, «The Statistics Bureau of Japan». URL: <http://www.stat.go.jp/data/chouki/zuhyou/26-23.xls>
9. Housewives seeking part-time work squeezed out by surge in jobless. [Электронный ресурс]: статья, «Kyodo News», 15.05.2012. URL: <http://www.japantoday.com/category/kuchikomi/view/housewives-seeking-part-time-work-squeezed-out-by-surge-in-jobless>
10. Sexual Harassment Runs Practically Unchecked In Japan. [Электронный ресурс]: статья, «The Seattle Times», 29.10.1995. URL: <http://community.seattletimes.nwsources.com/archive/?date=19951029&slug=2149452>
11. Blame it on the hara: harassment vocabulary makes us all victims. [Электронный ресурс]: статья, «The Japan Times», 28.01.2013. URL: <http://www.japantimes.co.jp/community/2013/01/28/issues/blame-it-on-the-hara-harassment-vocabulary-makes-us-all-victims/>
12. Dealing with sexual harassment in the workplace. [Электронный ресурс]: статья, «Japan Today», 03.04.2009. URL: <http://www.japantoday.com/category/opinions/view/dealing-with-sexual-harassment-in-the-workplace>
13. Osaka Ex-Governor Finally Admits Sexual Harassment Charges. [Электронный ресурс]: статья, «Japan Update» 25.03.2000. URL: <http://www.japanupdate.com/archive/index.php?id=1503>
14. Ex-mayor found guilty of molesting 15 year old, only given 6-month sentence. [Электронный ресурс]: статья, «JDP», 19.02.2013. URL: <http://japandailynews.com/ex-mayor-found-guilty-of-molesting-15-year-old-only-given-6-month-sentence-1923594>
15. Sex Shops Inform Bank of Japan View on Service Demand. [Электронный ресурс]: статья, «Bloomberg», 06.08.2009. URL: <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=av0dteXXKSwg>
16. Эротическая баня для женщин в Фукуоке лопнула как пузырь. [Электронный ресурс]: статья, «Fushigi Nippon», 11.11.2007. URL: <http://news.leit.ru/archives/388>

17. Teen hookers' demands for dough dented by deflation. [Электронный ресурс]: статья, «The Tokyo Reporter», 11.04.2010. URL: <http://www.tokyoreporter.com/2010/04/11/teen-hookers-demands-for-dough-dented-by-deflation/>
18. Подростки торгуют собой, чтобы заработать на карманные расходы. [Электронный ресурс]: статья, «Fushigi Nippon», 07.10.2007. URL: <http://news.leit.ru/archives/24>
19. Teen hookers' demands for dough dented by deflation. [Электронный ресурс]: статья, «The Tokyo Reporter», 11.04.2010. URL: <http://www.tokyoreporter.com/2010/04/11/teen-hookers-demands-for-dough-dented-by-deflation/>
20. Панцу-бар предлагает практически беспрепятственно удовлетворить самые непристойные желания клиентов. [Электронный ресурс]: статья, «Fushigi Nippon», 03.11.2007. URL: <http://news.leit.ru/archives/270>
21. Главная составляющая японского порно-бизнеса: скрытая съемка обнаженных женщин. [Электронный ресурс]: статья, «Fushigi Nippon», 04.05.2008. URL: <http://news.leit.ru/archives/1854>
22. Income of young Japanese women tops that of men. [Электронный ресурс]: статья «Reuters Life!», 15.10.2010. URL: <http://www.reuters.com/article/2010/10/15/us-japan-income-idUSTRE69E15R20101015>
23. Выразительность и оригинальная манера привлекают внимание к молодой художнице Ёсиясу. // Журнал «Ниппония». № 30, 2004.
24. Japan in 2030: A country from which families have disappeared. [Электронный ресурс]: статья, «Japan Today», 05.12.2012. URL: <http://www.japantoday.com/category/kuchikomi/view/japan-in-2030-a-country-from-which-families-have-disappeared>

Традиционная культура Тамбовского края: региональная специфика обрядов родильного цикла

Бунина Марина Анатольевна, студент

Институт филологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Поповичева Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Интерес к тамбовским говорам и тамбовской этнографии обусловлен историческим прошлым края. По данным истории и археологии, процесс заселения Тамбовского края — сложное и длительное явление. Традиционно Тамбовскую область считают территорией позднего заселения, но это касается только освоения тамбовских земель русскими. Наиболее устойчивым населением на Тамбовщине в прошлом тысячелетии была мордва, подвергшаяся активной ассимиляции с XVII в. Русское население формировалось здесь преимущественно из северо-западных (относительно Тамбова) уездов Русского государства. Естественно они несли сюда оттенки своей региональной культуры, отразившейся в топонимах, говорах, обрядах.

По особенностям местных говоров общепринято относить Тамбовскую область к южнорусскому наречию восточной группы рязанской подгруппе. Но вот по этнографическим особенностям в вопросе отнесенности Тамбовской области к зоне южной или среднерусской у исследователей нет единого решения.

Предметом анализа в данной работе являются тамбовские родильные обряды, среди которых региональная специфика усматривается особенно ярко в обрядах очищения роженицы и ее проводывания родственницами и знакомыми.

Как известно, сорок дней после родов женщина считалась *нечистой*. Сороковой день был очень значимым для роженицы: в этот день женщина шла в церковь, чтобы «*взять сороковую молитву*». В церкви священнослужитель читал над женщиной *очистительную молитву*, а ребенка *воцерквлял*.

По церковному уставу, нечистой считалась не только роженица, но и повитуха, принимавшая у ней роды, поэтому повивальной бабке тоже надлежало сходить в церковь, покаяться перед Богом за пролитую во время родов кровь.

Параллельно с очистительными ритуалами в храме совершался народный обряд очищения роженицы и повивальной бабки, известный жителям южнорусских территорий (Воронежской, Курской, Рязанской, Тамбовской

областей, на Смоленщине) как обряд «размывание рук» [1; 2, с. 62; 3]. Многообразие локальных вариантов этого обряда достаточно хорошо представлено в этнографической литературе.

Лингвоэтнографические экспедиции по Тамбовской области в 1995–2000 гг. позволили зафиксировать воспоминания о нескольких вариантах этого ритуала, еще бытовавшего среди сельского населения в к. XIX — н. XX вв. Так, в селах Бондарского района бытовала наиболее сложная форма ритуала: повитуха три дня после родов парила роженицу в бане, у роженицы был отдельный веник, после третьей бани повитуха и роженица подходили к иконам, клали на пол крестообразно веник роженицы, молились, просили прощение у Бога, друг у друга, взаимно омывали руки, после чего веник роженицы сжигали в печи и садились обедать¹.

В Пичаевском районе Тамбовской области ритуал «размывание рук» имел еще одно название — *размывки*. Содержание *размывок* сводилось к взаимному омовению рук роженицей и повитухой, в воду, которую использовали при этом, клали яйцо. После того как роженица умывалась этой водой, повитуха брала яйцо и катала его по лицу роженицы (с. Большой Ломовис Пичаевского района).

В селах Кирсановского района Тамбовской области повитуха неделю «банила» («парила») роженицу в печке (бани в этом районе были редкостью) и «руки размывали» на 7-ой день после родов. Повитуха и роженица, стоя на пороге, поливали друг друга на руки, после этого шли в дом, молились, просили прощения у Бога, взаимного прощения и садились обедать (с. Колаис Кирсановского района).

В Рассказовском районе Тамбовской области ритуал «размывание рук» совершался на 40-ой день. Все сорок дней повитуха приходила купать ребенка, на 40-ой день воду, в которой повитуха купала новорожденного, отец ребенка выливал ей на руки, роженица благодарила ее за помощь, приглашала отобедать, дарила полотенце, брус мыла (р/п Рассказово).

В наиболее упрощенном и самом распространенном на территории Тамбовской области варианте ритуал «размывание рук» сводился к угощению и одариванию повитухи. Обычно роженица дарила повитухе «краюху хлеба», полотенце, брус мыла.

В Рязанской губернии этот обряд назывался «*серебрение бабки*», поскольку в воду, в которой повитуха мыла руки, опускали монеты [4, с. 989]. В Воронежской губернии обряд имел название «размовение рук» [4, с. 375].

У мордвы такой обычай тоже существовал с тем же названием «размывание рук» [5, с. 57].

«Пребывание повитухи в доме севернорусского крестянина, пишет Т.А. Листова, — не требовало, по местным обычаям, совершения специальных очистительных обрядов, в том числе и обряда «размывания рук»» [6, с. 587].

У русских Кемеровской области обряд очищения роженицы и повивальной бабки назывался *размоины*, *рай*: в полдень в доме родихи собирались родные и знакомые, но только лица женского пола. На праздник «Рай» собирали гостей на 4–5 столов. Угощение готовили родные и муж родихи. На стол подавали котлеты, молочные блюда, пироги с рыбой, пекли блины, жарили мясо, угощали вином. Женщины гуляли, а родиха за стол не садилась — лежала на койке. Выпивали и начинали песни играть, застольные в основном. В селе Усть-Серта существовал обычай катать бабу-повитуху на «сковороднике». Бабка садилась на ручку сковородника, а женщины ее носили на нем по избе. Бабушка должна была сломать эту ручку, ее катают, а она подпрыгивает. Как только бабушка ломает ручку сковородника, отец ребенка тут же делает новую» [7].

Несмотря на название *размоины*, которое в определенной степени сближает его с названием *размывки*, *размывание рук*, обряд, сценарий и действия которого записаны в Кемеровской области, по содержанию более напоминает обряд *проведки* — посещение роженицы родственницами и знакомыми. В этом случае мы имеем термин, известный в разных говорах, но как название несхожих по содержанию обрядов.

Очистительная семантика ритуала «размывание рук» лежит в основе вербального обозначения ритуала — *размывание рук*, *размывки*. Однако терминологическое сочетание *размывание рук* в русских говорах часто употребляется и со значением «закончить дело». Рассматриваемый ритуал репрезентирует эту идею, так как после *размывок* повитуха больше не навещала роженицу.

Согласно принятой в русской деревне традиции, в первые дни после родов роженицу с приношениями навещали родственницы и соседки. Этот обычай также известен славянским и финно-угорским народам.

У чехов, словаков в первый же день после появления в доме новорожденного повитуха приглашала будущую крестную, которая принимала на себя все заботы о крестнике (крестнице) и его матери. Приходили соседки, родственницы роженицы, в корзинах или специальных горшках приносили ей продукты и готовую еду (муку, чечевицу, фасоль, горох, мак, масло, творог, отварную курицу с лапшой, сладкие калачи, конфеты и обязательно водку или ликер, который роженица ставила возле своей постели и угощала им посещавших ее женщин). Эти подношения назывались *приношения «в угол»* [8].

Обычай посещения роженицы и ребенка родственницами и соседками (*повойница*, *бабине*, *бабинке*, *кравай*, *кравы*, *приглед*) известен и у балканских народов. В первые дни после рождения ребенка родственницы и соседки роженицы без приглашения приходили

¹ Здесь и далее приводятся материалы из личных записей И.В. Поповичевой, сделанных во время экспедиций по Тамбовской области в 1995–2000 гг.

с подарками и поздравляли родителей. Такие посещения называли *мала повојница*. За ней следовала *велика повојница*, гостей на которую приглашали в определенный день. На повојницу приходили только женщины и дети. В ритуал повојницы обязательно входило одаривание ребенка, роженицы (приносили обрядовый хлеб (*погача*), пироги, мясо, птица, лук, соль, сыр, а также напитки, свечи, букетики цветов, деньги, детскую одежду), действия с обрядовыми печеньями [там же].

У болгар на третий день после родов родственники и соседей, преимущественно женщин с детьми, приглашает нарядно одетая свекровь с зеленой веточкой или геранью в руках. Гости приходят с едой, подарками и приносят монету «для сна» [9, с. 474; 10, с. 132]. Этот обычай назывался *большая пита*, *голяма пита*, *голям смигдаль*, *големи богородични пити*, *голяма сповойница* [8, с. 207; 10, с. 130]. Основные обрядовые действия (окуривание, преломление караваев с предварительным поднятием его вверх и произнесением благопожеланий ребенку) чаще всего совершала свекровь [9, с. 313]. Как отмечает И. А. Седакова, предназначение кусков хлеба и способы их раздачи во время такого застолья были очень разнообразными [10, 132].

У мордвы «знакомится» с новорожденным родственники, знакомые, соседи приходили в течение трех-семи дней после рождения. Обряд назывался *приходить на зубок*, *приходить с кашей*, *навестить (содафтома (м.), содавтома (э.))* [11, с. 230].

Обычай посещать родильницу и приносить ей подарки есть и у чувашей, и у башкир. У чувашей он совпадал с обрядом *ача чйк* (*ача сйри* (пиво в честь ребенка), *ача яшки* (суп в честь ребенка), *ача апачё* (сыр в честь ребенка), *ача пйтти* (каша в честь ребенка)) — обрядом приобщения к другим членам семьи, центром которого было жертвоприношение по случаю рождения ребенка. Интересно, что позднее, особенно в городах, этот обычай превратился в подношение новорожденному денег «на зубок», «на обмывание ножек» [12].

Как отмечает исследовательница украинских родинных обрядов Н. К. Гаврилюк, на Волынском, Киевском и Черниговском Полесье проведение (*отведки*, *одвідки*) носило индивидуальный или коллективный характер, в нем принимали участие баба-повитуха и главным образом пожилые родственницы и соседки, которые посещали роженицу в разное время и в разные дни. Подношения роженице при проведении и на родинах были примерно одинаковы: роженице обязательно приносили хлеб (кусочек хлеба) с солью, другие изделия из теста (вареники, блины, пироги и т. п.), куски бывшего в употреблении полотна на пеленки, на Правобережном Полесье — еще и кашу. В некоторых местах Украины (Волынская, Подольская губернии, Карпаты) составной частью обычая женского проведения было кормление новорожденного другой женщиной [13, с. 82].

Согласно описаниям Н. К. Гаврилюк, на Правобережье Украины обычаи проведения и празднования

родин как бы срастались в одно целое. Женщины в одиночку или, собравшись вместе, по двое-трое ходили к роженице не более трех дней. В Киевщине и Херсонщине роженицу посещали один раз — на второй, третий день после родов. На большей части Подольской и смежных с ней участках Киевской и Херсонской губерний в угощения для роженицы обязательно входили яйца и мука. Пришедших женщин угощали чаркой водки и легкой закуской [13, с. 83]. Совмещенный обычай женского проведения и празднования родин бытовал и на юге Черниговщины [13, с. 82].

На северных русских территориях крестьянки, отправляясь проводить роженицу, говорили: *идти с зубком*, *нести зубок*, *нести пироги*, *идти с банником*, новгородские — *нести здоровье* [6, с. 591]. Названия свидетельствуют о том, что основным блюдом в подношения роженице в севернорусских областях были пироги разных сортов (*банник* — сладкий пирог). Название *идти со здоровьем* отражало народное убеждение в том, что принесенные угощения должны пойти на пользу роженице.

В Псковской губернии посещение роженицы называлось *навиды* (*идти в отведки*, *идти в проведы*) [4, с. 149] (название схоже с белорусским *наведы*).

На среднерусских территориях (например, в Пензенской, Нижегородской областях) было также распространено название *зубок* [1, с. 29]. В Рязанской области обычай чаще назывался *идти с зубком*, *нести зубок*, но встречался и термин *идти на кашу*.

Таким образом, наиболее распространенными названиями обычая проведения роженицы в русских говорах были сочетания *идти с зубком*, *идти с кашей*.

Согласно тамбовским традициям, проведение родильницы могло носить как индивидуальный, так и коллективный характер. В первом случае каждая женщина, собирающаяся навестить роженицу, выбирала для этого наиболее подходящее для себя время, стараясь, однако, сделать это в течение недели после рождения ребенка; во втором — родственницы и соседки заранее обговаривали время «проведок». Обычно, это выпадало на ближайшее воскресенье или какой другой православный праздник.

Слово-название *проведки* в тамбовских говорах имеет синонимичные глагольные сочетания *ходить с зубком*, *ходить с кашей*. На севере/северо-востоке Тамбовской области терминологическое сочетание *идти с кашей* если не предпочтительней, то достаточно распространено, тогда как на юге и юго-западе области основным является глагольное сочетание *идти с зубком*. Можно предложить следующее объяснение подобных ареалов распространения этих названий в тамбовских говорах. Каша (сваренная крупа) как обрядовый заместитель мифологемы «богатство, плодородие» часто используется в календарных и семейных обрядах у русских [14]. С тем же значением в обрядах мордвы более активно используются злаки. Терминологическое сочетание *идти с кашей* распространено в тех районах, где

в состав зубка — подношения роженице — обязательно входила крупа в чистом виде или в виде «кашников» — оладьей из пшенной крупы, и, вероятно, хранит в себе следы обычаев мордвы, занимавшей преимущественно север области.

Независимо от того, как именовалось проведение роженицы (*ходить (идти) с зубком* или *ходить (идти) с кашей*), подношение роженице повсеместно в тамбовских говорах обозначалось одной лексемой — *зубок* (мн.ч. *зубки*), а женщины, приносившие ей зубок, назывались *зубошницами*.

В состав зубков входили самые разнообразные продукты питания: молочная пшенная каша, оладьи из пшенной каши (*драчены, кашники*), пироги, начиненные пшенной кашей (*пшенники*), блины, пирожки, квашенная капуста, огурцы, варенье, репе рыба, ветчина. Близкие родственницы роженицы (мать, родные сестры) обязательно приносили курицу.

Оформлялись зубки всегда празднично, торжественно. Их носили в решете, в кошелках, в чашках, жаровнях, сверху накрывали вышитыми полотенцами (*расшитыми утирками*) или скатертями (*столешниками*).

Входя в дом, зубошницы поздравляли роженицу с благополучным разрешением от бремени и с рождением ребенка («*С животом и сыном (дочерью)*»), после этого отдавали «зубки» свекрови (если роженица жила с родителями мужа) или ставили на стол, поскольку роженице в этот момент полагалось лежать на кровати. Свекровь приглашала зубошниц выпить за здоровье новорожденного и роженицы. Отказываться от такого приглашения было не принято. Обязательными считались и благопожелания, произносимые гостями. Тексты благопожеланий носили импровизационный характер, но всегда

включали в себя пожелания роженице и новорожденному здоровья, крепости, богатства и благополучия.

Итак, как видим обычай навещать роженицу после родов до недавнего времени существовал у всех славянских и некоторых неславянских народов. Конфессиональная принадлежность и местные традиции придавали обычаю свою специфику. Тем не менее по срокам проведения, составу участников, преобладанию хлебных и кашных изделий в продуктах питания, приносимых роженице, тамбовский вариант исследуемого ритуала совпадает с вариантами этого обычая, бытовавшими на средне-русских и южнорусских территориях [13; 15; 16, с. 28; 17].

Само название обычая (*проведки*) отражает главное обрядовое действие — проведение. Специфические для родильно-крестильного обряда термины, не повторяющиеся в других ритуальных комплексах (*зубок, зубошница, ходить с зубком*), имеют преимущественно южнорусский характер [18, с. 361].

Наличие в одной локальной традиции элементов духовной культуры, известных в южных, северных, поволжских областях России, у мордвы, определяет своеобразие тамбовского родильно-крестильного обрядового комплекса, которое во многом объясняется историей заселения Тамбовского края. Тамбовский край, издревле служивший своеобразной контактной, пограничной зоной расселения различных народов (в частности, в IX—XIV вв. русских — с северо-запада, с юго-востока — мордвы-мокши), и сегодня хранит в себе следы подобного «пограничного положения». Здесь встречаются обряды, лексика, известные жителям Поволжья, но неизвестные в районах северо-западнее и южнее Тамбова, и, наоборот, известные в южнорусских, центральных областях, но не известные в районах Поволжья, Нижнего Поволжья.

Литература:

1. Листова Т. А. Ребенок в русской семье. Рождение, крещение // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка / Отв. ред. Ю. Б. Симченко, В. А. Тишков. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 1995. С. 8—59.
2. Баранов Д. А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам): дисс... канд. истор. наук. СПб., 1999.
3. Поповичева И. В. Структура и семантика родильно-крестильного обрядового текста (на материале тамбовских говоров): дисс... канд. филол. наук. Тамбов, 1999.
4. Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. СПб., 1915.
5. Беляева Н. Ф. Родильные обряды мордвы-мокши Атюрьевского района Мордовской АССР (к. XIX-XX вв.) // Этнокультурные процессы в Мордовии. Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1982. Вып. 71. С. 51—62.
6. Русский Север: этническая история и народная культура. М. Наука, 2001.
7. Похабов В. Ф. Культурное наследие русских Кузбасса: (Семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области, Семигор: Ред. журн. «Самообразование», 2000.
8. Ганцкая О. А. Дети в обрядах и обычаях народов Зарубежной Европы. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Институт, 1995.
9. Вакарельски Е. Етнография на Балгария. Второ изд. София: Наука и изкуство, 1977.
10. Седакова И. А. Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар: дисс... канд. филол. наук. М., 1984.

11. Федянович Т. П. Родильные обряды мордвы (конец XIX-XX вв.) // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка / Отв. ред. Ю. Б. Симченко, В. А. Тишков. М., 1995. С. 217–244.
12. Егорова О. В. Традиционная родильная обрядность чувашей Волго-Уралья. Чебоксары: Новое время, 2010.
13. Гаврилюк Н. К. Родинные обычаи и обряды украинцев (опыт историко-этнографического картографирования в изучении динамики процессов развития явлений духовной культуры). Киев, 1981.
14. Сумцов Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.
15. Кухаронак Т. И. Родинная обрядность белорусов (историко-этнографические исследования): дисс...канд. истор. наук. Минск, 1987.
16. Носова Г. А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки // Этнологический альманах. Антропология. Культурология. Социология. М: Центр прикладной этнографии; Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. № 6.
17. Чистов К. В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян. М: Наука, 1987. с. 396–417.
18. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1976. Вып. 11.

Международные отношения и внешняя политика СССР в первые послевоенные годы (1945–1955)

Миннибаев Булат Илдарович, старший преподаватель;

Кузьмина Елизавета Владимировна, студент

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (Татарстан)

Ключевые слова: Холодная война, атомное оружие, система безопасности, «план Маршалла», Коминформ, военный союз.

После второй мировой войны значительно возрос мировой авторитет СССР. Черчилль не мог удержаться от ряда реверансов в его адрес. «Я очень уважаю и восхищаюсь доблестными русскими людьми и моим товарищем военного времени — маршалом Сталиным. Мы понимаем, что России нужно обезопасить свои западные границы и ликвидировать все возможности германской агрессии. Мы приглашаем Россию занять полноправное место среди ведущих стран мира. В Великобритании — как, я уверен, и в этой стране — с глубокой симпатией относятся к народам России и стремятся, несмотря на многочисленные разногласия, к установлению долгосрочных дружеских отношений с Россией», — распинался Уинстон Черчилль [5].

Теперь СССР — одна из ведущих стран мировых держав. Главной задачей внешней политики СССР теперь являлось создание прочной системы безопасности как в Европе, так и на Дальней Востоке.

Страна переживала экономическое разорение после больших потерь в военные годы, но не уступает другим странам в политическом и военном развитии. Тем не менее, могущество США за годы войны существенно возросло. По численности СССР имеет самую большую армию в мире, но США и Великобритания сделали большой прорыв в области военной технологии. 1945 году СССР имеет дипломатические связи уже с 52 странами. Стоит отметить, что в 1942 году их было всего 26. Совет-

ский Союз активно участвовал в урегулировании послевоенного положения в Европе.

Началом холодной войны принято считать день озвучивания «фултонской речи» бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля. В начале, которой он признал, что Советский союз входит в состав «руководящих наций мира», но позже подчеркнул, что СССР стремится к «безграничному распространению своей власти и своих доктрин» [5].

Восприняв эту речь как политический вызов, И. В. Сталин дал ответ Черчиллю в газете «Правда»: «... господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей... По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предьявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война. Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР» [4]. Конфронтация усилилась еще больше.

Западные историки считают, что старт «холодной войне» дал СССР со своей агрессивной внешней политикой. Этот миф был успешно введен на Западе с целью идеологической обработки населения так, как это было удобно для властей государств. СССР не мог разработать план агрессии на США и другие страны, так как у государства не было на то хорошего флота. Только в конце 1946 — начале 1947 года был разработан «План активной обороны территории Советского Союза», реализовавший только оборонительные задачи.

Холодная война характеризовалась политическими акциями агрессивного характера с обеих сторон.

Став мировой державой, СССР имеет цель расширить сферы своего влияния. К этому же стремится вторая мировая держава — США. В мире сложилась новая геополитическая ситуация. США сильно тревожило растущее влияние СССР. С надеждой, что влияние СССР уменьшится, США использует ядерный фактор. Впервые об атомной бомбе, изготовленной в США, Сталин узнал от президента Трумена на Потсдамской конференции в 1945 году.

После конференции Сталин в диалоге с министром иностранных дел СССР В. М. Молотов сказал: «Цену себе набивают. Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы» [1]. Речь шла об атомной бомбе. В августе 1949 г. на Семипалатинском полигоне была испытана первая отечественная атомная бомба, что придало Сталину уверенности в безопасности своей родины. Это был старт гонки вооружений. Через несколько десятилетий это приведет к глубокому экономическому кризису.

В 1947 году 5 июня администрацией США было принято «плана Маршалла». Программа подразумевала экономическую помощь странам, которые пострадали от нацистских агрессий. Конфронтация стала проявляться более отчетливо. Демонстративно отказавшись от участия в «плане Маршалла», Москва принудила сделать то же самое странам Центральной и Восточной Европы.

В ответ на «план Маршалла» СССР в 1947 году создает Коминформ (Информационное бюро коммунистических партий). Целью Коминформа являлся тщательный контроль за коммунистическими движениями в мире. В 1947—1948 г. г. были разоблачены партийно-государственные деятели, которые отступали от согласованной линии социалистического строя, из-за чего были обвинены во вредительстве. Кроме этого страны Восточной Европы по инициативе СССР создали в январе 1949 г. собственную международную экономическую организацию — Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Ее главными задачами стали «материальная поддержка стран просоветского блока, а также их экономическая интеграция. Вся деятельность СЭВа строилась на планово-директивных принципах и была пронизана признанием политического лидерства СССР в социалистическом лагере» [5].

В 1946 году коалиционные правительства в странах Восточной Европы разгоняются. Власть в Польше, Бол-

гарии, Чехословакии, Румынии, Югославии закрепляется за коммунистическими партиями.

В 1948 году отношения СССР и Югославии обострились. Причиной тому последовала «излишняя самостоятельность» генерального секретаря Коммунистической партии Югославии И. Б. Тито, который предлагал создание балканской федерации и ее собственный путь к социализму. Дипломатические отношения между СССР и СФРЮ были прекращены 25 декабря 1949 г.

В 1949 году СССР и страны Восточной Европы подписали договор о дружбе и взаимной помощи. Такие же договоры связали СССР с ГДР, который был создан на территории Восточной Германии, и ФРГ. Договор с Китаем был подписан с условием, что СССР предоставит Китаю кредит в размере 300 миллионов долларов.

В этом же году Германия была разделена на две части: восточную и западную. 23 сентября 1949 года зона оккупации США, Англии и Франции объединились в Федеративную Республику Германии (ФРГ). Германская демократическая Республика (ГДР), находившаяся на востоке страны, образовалась 7 октября 1949 года. ГДР возглавил протеже Сталина — Вальтер Ульбрихт, первый секретарь Социалистической единой партии Германии.

Накалились отношения с Кореей и Китаем. В 1946 году началась гражданская война между коммунистами и партией гомильдан, во главе которой стоял Чан Кайши. Партию гомильдан поддерживали США. Неоднократно предпринимались попытки провести переговоры с Чан Кайши. И только 23 ноября 1949 г. СССР установил дипломатические отношения с маоистским Китаем. Представители Чан Кайши продолжали заседать в ООН. В знак протеста СССР вышел из всех ее органов.

Администрация Трумена без особого труда провела через Совет Безопасности ООН резолюцию о вводе американских войск на территорию Кореи. Тем временем в Корее разразилась ожесточенная война между Севером и Югом. США оказывал политическую, материальную и людскую помощь Южной Корее, Советский Союз — Северной. В итоге ни одна из воюющих сторон не добила решающего военного перевеса. В результате в июле 1953 года установился мир, но раскол Кореи на два государства сохранился до сих пор.

Весной 1949 года США создали военный блок НАТО (Организация Североатлантического договора). В 1955 году СССР сформировало свой военный союз — Варшавский Договор.

Раскол Германии на ГДР и ФРГ и раскол Кореи на Южную и Северную символизировали раскол всего мира на две части. «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, над всем континентом опущен «железный занавес». За ним находятся все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София. Все эти знаменитые города и население вокруг них — я вынужден это констатировать — находятся не только в советской сфере влияния, но и очень сильного, а в не-

которых случаях усиливающегося контроля Москвы», объявил Уинстон Черчилль в 1946 году [5].

После второй мировой войны стремительно теряют свои колонии основные колониальные державы — Великобритания и Франция. Страны, которые недавно освобо-

дились от колониальной зависимости, образовали никому неизвестный «третий мир». Страны «третьего мира», которые получали поддержку в военной и экономической сфере от СССР, назывались «страны социалистической ориентации».

Литература:

1. Архив: 50 мегатонн Новой Земли. — [Электронный ресурс]. URL: http://bratishka.ru/archiv/2011/3/2011_3_7.php (Дата обращения: 18.11.2013).
2. История Отечества: люди, идеи, решения. — Очерки истории Советского государства. — М., 1991.
3. СССР в послевоенные годы (1945–1953). — [Электронный ресурс]. URL: http://www.telenir.net/istorija/otechestvennaja_istorija_konspekt_lekcii/p19.php (Дата обращения: 18.11.2013).
4. СССР после Второй мировой войны. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economics.kiev.ua/index.php?id=531&view=article> (Дата обращения: 18.11.2013).
5. 55 лет назад Черчилль объявил России войну. — [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/649008/> (Дата обращения: 18.11.2013).

Город в контексте экологической истории

Мирзагитова Алсу Линаровна, аспирант

Елабужский институт Казанского федерального университета (Татарстан)

В статье формулируется актуальная концепция исследования города на стыке двух наук: экологии и истории, обосновывается необходимость рассмотрения региональных экологических проблем через призму истории на примере развития городского строительства в регионе Средняя Волга во второй половине XX века.

Ключевые слова: город, урбанизация, окружающая среда, индустриальный город

Город является объектом изучения множества наук, как гуманитарных, так и естественных. Более того, каждая наука находит в этом явлении такие черты, которые интересны и актуальны для изучения конкретно в этой области. Многомерность города как явления и обуславливает существование нескольких областей городских исследований. Это география, экономика, история, архитектура, социология и другие отрасли. При этом город редко рассматривается лишь с точки зрения одной из перечисленных областей исследования. Чаще он является объектом научного интереса сразу нескольких наук. Это стимулирует междисциплинарный характер исследований, посвященных городам и подчеркивает их сущность как «сложных комплексов изучения» [1].

В современной исторической науке город и, вообще, урбанизированная территория, как объект должен занимать весьма заметное место. Однако на сегодняшний день можно столкнуться с набором весьма ограниченных по масштабу подходов, рассматривающих город не как самостоятельный и специфический объект исследования, а как рядовой объект, являющийся второстепенным, при изучении того или иного явления или процесса. Тем большим упущением является отсутствие внимания городу как среде. Так в исторической науке чаще город рассматривается либо как фактор, обуслов-

ливающий общественное развитие, либо как результат развития общества. Но подобные подходы являются узкими и не дают возможность рассмотреть проблему объективно.

В рамках экологической науки город изучается с целью формирования экологических оснований для корректирования норм градостроительства и градорегулирования. Кроме того, в границах бурно развивающейся экологии город как объект интереса все еще занимает более чем скромную позицию. В этом смысле значимой вехой является формирование новой подотрасли исторической науки — экологической истории. В рамках новой подотрасли город стал самостоятельным объектом исследования, позволяющим рассматривать различные факторы в их совокупности.

Экологические знания относительно молоды в свете исторической науки. В связи с этим, важной задачей является установление точек контакта исторического знания о городе со знанием экологическим и проекция этих знаний в настоящее и будущее. В этом и заключается актуальность тандема исторической и экологической наук в этой области исследования.

Рассмотрим взаимосвязь истории и экологии города на примере ТАССР и Нижнекамского промышленного района в 60–80-е гг. XX века.

Хозяйственная реформа середины 60-х годов определила главное содержание и прогрессивную направленность экономического развития страны на ближайший период. Мероприятия середины 60-х годов способствовали значительному росту промышленного производства во всей стране. Однако интенсивное индустриальное развитие явилось основой не только экономических, социальных достижений, но и стало причиной многих негативных явлений, в частности, способствовало возникновению острых эколого-экономических противоречий. С быстрым развитием производительных сил с середины прошлого века не только выросло влияние человека на природу, но и усилились последствия потребительского отношения к природе.

Негативизм этих последствий особенно возрос в 60-е годы прошлого века, потому что интенсивное промышленное развитие влекло за собой отбрасывание экологических ограничений. В то же время, изменилось и общественное мнение. Постепенно пришло осознание того, что «индустриальная экономическая система — вот непосредственный виновник надвигающейся катастрофы» [2, 5], так как особенно негативные последствия возникают в результате индустриального развития без учета эколого-экономических аспектов, ярким примером чего может являться опыт Республики Татарстан [3, 20].

Промышленной основой Нижнекамского промышленного района являлся химический комбинат, который должен был стать не только самым крупным предприятием нефтехимической промышленности ТАССР, но и градообразующим предприятием. В этом и состояла его уникальность. Именно он осуществлял огромные капиталовложения в строительство города, инфраструктуру района, в иные сопутствующие проекту производства. С одной стороны, строительство химкомбината и города ничем радикальным не выделялось из большинства строек страны того времени. Поэтому на основе изучения НПР можно обозначить общие для строек страны моменты: необходимость ускорения строительства, связанная с объявлением района Всесоюзной ударной комсомольской стройкой; характерное отставание жилищного строительства от промышленного; практическая реализация государственно-партийных и хозяйственных постановлений и т. д.

С другой стороны, имелись свои особенности, что obviously представляет интерес для всестороннего исследования. Например, насколько были оправданы темпы строительства? Каковым было воздействие на окружающую среду в результате осуществления такого масштабного проекта?

К сожалению, источники не дают исследователям возможности всесторонне проследить процесс промышленного загрязнения окружающей среды региона с начала 60-х гг. Таких сведений зачастую просто не существует из-за отсутствия контроля за этим процессом. Возможности для этого появились значительно позже, уже в 80-е гг.

Очевидным является то, что нефтехимическая промышленность является не только благом, но и опасным

очагом воздействия на окружающую среду. Так, во второй половине 70-х гг. медленно осуществлялось строительство печи для бездымного сжигания отходов и цеха по утилизации отработанного катализатора и сжигание промышленных отходов производилось в отвалах, ямах, на территории предприятий Нижнекамска, что вело к дополнительному загрязнению атмосферного воздуха.

Нефтехимическая и химическая отрасли относятся также к числу водоемких отраслей. Например, на производство 1 тонны продукции расходуется воды / в куб.м./: кальцированной соды — 10; серной кислоты — 25–80; азотной кислоты — 80–100; синтетического волокна — 500; пластмасс — 500–1000; синтетического каучука — 2000–3000 и т.д. Средний химический комбинат ежедневно расходует /т.е. потребляет и отводит/ 1–2 млн. куб/м воды [5, 139]. В то же время в последние годы количество используемой воды на предприятиях этих отраслей последовательно уменьшалось. Так, если в 1980 г. Нижнекамским нефтехимическим комбинатом было забрано воды 185398 тыс.куб/м. и сброшено 38982 тыс.куб/м. [6, ф.Р-81, Оп.1, ед.хр.1245, 1206], то в 1985 г. соответственно 98709 и 98606,8 тыс.куб/метров воды [6, ф. Р-81, Оп.1, ед.хр.1296, 1790].

Вода в основном используется для целей охлаждения сырья, промежуточной и готовой продукции, оборудования. В результате этих процессов на предприятиях отрасли образуются условно-чистые сточные и химически загрязненные сточные воды. Условно-чистые в основном состоят из вод, поступающих с теплообменной аппаратуры. В принципе они не должны загрязняться, но в практике происходит нарушение герметичности теплообменной аппаратуры и в отработанные воды поступают химические вещества.

В сфере природоохранной работы на предприятиях химии и нефтехимии имелось немало недостатков. В частности, в ходе проверки, проведенной комитетом народного контроля Татарской АССР в конце 1985 года было установлено, что в объединении «Нижнекамскнефтехим» с 1983 г. не выполнялись планы по обеспечению нужных объемов оборотного водоснабжения, что приводило к увеличению забора воды. Состав сбрасываемых стоков не соответствовал установленным требованиям. Средства, выделяемые на строительство узла очистки, осваивались неудовлетворительно, низкими темпами сооружался коллектор химически загрязненных стоков. Это приводило к сбросу в р.Каму большого количества плохо очищенных стоков.

На сегодняшний день по данным Государственного доклада «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2011 году», г. Нижнекамск входит в перечень городов России с высоким уровнем загрязнения воздуха [7, 155]. Основное негативное влияние на состояние природной среды г. Нижнекамска и прилегающих к нему территорий, оказывает комплекс нефтехимических производств и предприятия энергетики г. Нижнекамска. Это обуслов-

лено интенсивным техногенным воздействием на окружающую среду и недостаточной эффективностью природоохранных мероприятий.

Таким образом, можно констатировать тесную взаимосвязь процессов возникновения и развития промышленных городов с экологической ситуацией, сложившейся в их последствии [4, 86]. Отсутствие внимания к этой при-

чинно-следственной связи уже привело к серьезным экологическим проблемам. Необходимо всестороннее понимание того, что эти проблемы могут быть решены только на основе комплексного историко-экологического и историко-экономического анализа существовавших ранее и современных тенденций размещения производительных сил, формирования городов и концентрации производства.

Литература:

1. Вагин В.В. Городская социология. Учебное пособие для муниципальных управляющих. М., 2000. (Портал auditorium.ru. Социально-гуманитарное и политологическое образование).
2. Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. Монография. — М. Прометей, 2006. — 368 с.
3. Маркович Д.Ж. Социальная экология: Кн. для учителя: Пер. с серб.-хорв. — М.: Просвещение, 1991. — 176 с.
4. Мирзагитова А.Л. К проблеме взаимодействия «город — окружающая среда»: историко-экологический аспект// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 6 (53). 2013. — С. 84–86.
5. Стадницкий Г.В., Родионов А.И. Экология: Учебное пособие для студентов химико-технологических специальностей высших учебных заведений — Москва: Высшая школа, 1988. — 269 с.
6. Текущий архив ПО «Нижекамскнефтехим».
7. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2011 году: Государственный доклад. — М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2012. — 316 с.

Система общественного питания в Узбекистане: состояние и противоречивое развитие (1920–1980 годы)

Насыров Бунед Уралович, старший научный сотрудник-исследователь
Джизакский государственный педагогический институт (Узбекистан)

В статье раскрывается положение и противоречивое развитие системы общественного питания в Узбекистане в 1920–1980 годы. В особенности, были рассмотрены формирование системы общественного питания, различие в управлении, сравнительный анализ с Союзными республиками, отношение населения к предприятиям общественного питания, деятельность столовых на местах, а также другие проблемы.

Ключевые слова: предприятия общественного питания, управления, система, Союзные республики, норма, показатель, место, «социалистический» образ жизни, столовая.

С 20-х годов XX века в Советском Союзе началась разработка ряда программ и планов, направленных на создание «социалистического» образа жизни. Задачи, которые необходимо было решать в этом плане, должны были охватить ряд направлений. Одним из них явилась организация учреждений общественного питания в широком масштабе. С этой целью в марте 1920 года был создан Туркестанский Комиссариат Продовольствия. В целях укрепления экономики страны и форм «социалистического» хозяйства в Узбекистане было предусмотрено развитие государственной и кооперативной, оптовой и розничной торговли, в том числе обращено внимание на вытеснение частной торговли. 1923–24 годах в крупных городах при гостиницах, парках и рынках были открыты места общественного питания и шашлычные. В 1928 году

были организованы закрытые распределительные магазины для обеспечения рабочих необходимыми товарами. Эти учреждения в 1932 году были преобразованы в Отделы рабочего снабжения. В крупных городах были организованы магазины, продававшие продовольственные и промышленные товары.

В 30-х годах были осуществлены меры по организации и управлению системы общественного питания, развитию этой отрасли, улучшению ее санитарного состояния, обеспечению необходимым оборудованием и улучшением качества продукции.

В 40-х годах XX века в Узбекистане услуги системы общественного питания стали оказываться множеством самих учреждений и организаций. В частности подобные услуги осуществлялись при «Узбекхунаркенгаш» («Со-

вете ремесленников Узбекистана»), «Совете инвалидов Узбекистана», «Узбекбирлашув», Народном комитете местной промышленности, Народном комитете строительных материалов, учреждений военной торговли, Специальной торговли Узбекистана, Кооперативном объединении по рыбной ловле, железнодорожными буфетами, речным флотом и множеством других учреждений и организаций [1, д.10, л.53]. Позже деятельность по оказанию услуг населению в сфере общественного питания стала осуществляться несколькими министерствами и учреждениями.

В связи с тем, что во время второй мировой войны возник дефицит продовольственных продуктов государственное обеспечение ими населения осуществлялось посредством карточной системы.

На развитие системы общественного питания, являющегося важной отраслью народного хозяйства, ощутимое влияние оказали постановления, принятые в 50-е годы прошлого века [5]. Населению услуги общественного питания оказывались со стороны нескольких министерств.

Число учреждений общественного питания, находившихся в составе государственных и кооперативных организаций Узбекистана, в 1928 году составило 88, к 1940 году — 3.003, а в 1955 году — достигло 3.829. Этот показатель в других республиках Союза составил, в частности на Украине в 1928 году — 3420, позже — 18727 и в 1955 году — 23047; в Казахстане сначала — 117, позднее — 2185, в 1955 году — 4462; в Белоруссии соответственно — 278, в 1940 году — 2487 и в 1955 году — 3013 [4].

В Узбекистане на 10.000 населения число учреждений общественного питания в 1940 году составило 4, в 1955—5 и в 1960 году — 7 [4]. Эти показатели в других республиках Союза, например, в Грузии составляли соответственно 5, позже — 7 и в 1960 году — 9; в Азербайджане — 7, в 1955—60 годах — 9; в Латвии в 1940 году — 5, позднее — 6, в 1960 году — 7; в Эстонии в 1940 году — 5, а к 1960 году — 8.

В 1960 году в нескольких областях республики в результате того, что не было обращено достаточного внимания развитию системы общественного питания, укреплению ее материально-технической базы, строительству новых зданий, а также устранению соответствующих проблем учреждений общественного питания в столовых заводоуправлений и фабрик республики приходилось 11 человек на одно посадочное место вместо 6, согласно нормативам принятым в Союзе [1, д.298, л.59].

В конце 1960 года на заводах железобетонных изделий и цементном в Самарканде и Бекабаде, хлопковом заводе в Коканде, обувной фабрике в Бухаре и других фабриках было установлено, что столовые и буфеты располагались в непригодных для оказания услуг помещениях, отсутствовали склады, не хватало стульев. Более детально это выражалось в том, что, например в столовой инструментального завода в Ташкенте, число работников которого составляло 2000 человек, число сту-

льев было рассчитано на 80 человек (то есть 25 человек на посадочное место вместо 6, согласно нормативам), на заводе пластмассовых изделий в Ташкенте на 1500 сотрудников приходилось 40 посадочных мест в столовой, в Наманганском комбинате костюмных и штапельных тканей приходилось 30 человек на одно посадочное место [1, д.427, л.4].

В этот период также наблюдались случаи продолжительного строительства («долгострой») столовых крупных предприятий и организаций. В результате этого в городах республики существовало очень малое количество учреждений общественного питания открытого типа, которые составляли 37% от общего количества учреждений такого типа. В таких городах республики, как Андижан, Самарканд и Бухара в учреждениях общественного питания на 1000 человек приходилось 12 посадочных мест, а всего по республике 13 посадочных мест на 1000 человек [1, д.427, л.70].

В эти годы в республике из-за отсутствия материально-технической базы для производства полуфабрикатов, цехи по производству полуфабрикатов в системе общепита не могли самостоятельно удовлетворить потребности учреждений общественного питания. Этот вопрос был положительно решен в Прибалтийских республиках. А также, к примеру, в Молдавии за эти годы объем производства полуфабрикатов возрос в 3,5 раза, а в Грузии — на 45%. В Узбекистане же в этом направлении не произошло ощутимых изменений [1, д.298, л.11].

По потреблению полуфабрикатов населением Узбекистан значительно отставал от других республик Союза. Если доля мясных полуфабрикатов, полученных от промышленных предприятий, в валовом эквиваленте в 1970 году составила 47,9% от общего показателя производства полуфабрикатов по Союзу, то в Узбекистане она была равна 28,7%, в Таджикистане — 72,6%, в Грузии — 72,9%, Молдавии — 72,9%, Киргизии — 70,3%. Кроме того, если доля полуфабрикатов в общем показателе потребления мяса по Союзу составляла 51,6%, то в Узбекистане она составляла 26,7%, в Армении — 58,7% и в Молдавии — 66,1 процент [1, д.425, л.18].

В 1970 году только в Узбекистане оборот розничной торговли (включая общественное питание) в государственной и кооперативной торговле вырос в 4 раза по сравнению с 1960 годом, сама система общественного питания выросла в 2 раза, количество предприятий общественного питания — в 2 раза. В результате этого, если по всему советскому государству на 1000 человек населения приходилось 34 посадочных места в предприятиях общественного питания, то этот показатель на Украине составлял 34,5, а в Узбекистане доходил до 27 посадочных мест. В городах эти цифры составляли в Узбекистане 47 (в то время, как, согласно нормативам, должны были составлять 60), в сельской местности — 16 (в то время, как, согласно нормативам — 30). На предприятиях общественного питания на одно посадочное место в соответствии с нормативами должно было приходиться

25–28 человек, в действительности же приходилось 36 человек [6].

Результаты опроса населения в 1970-х годах показывают, что 48,1% респондентов пользовались услугами предприятий общественного питания ежедневно, 15,5% — в особых случаях, 7% — вообще не пользовались, 11,2% респондентов пользовались услугами столовых, кафе и ресторанов в выходные дни. Согласно этим исследованиям, 24% участников исследования отметили, что пользовались услугами других столовых, а не на предприятиях, где работали или по месту проживания, 64% опрошенных объясняли причину этого низким качеством и дороговизной блюд [6].

В 1980-х годах в Каракалпакстане уровень обеспеченности населения учреждениями общественного питания составлял 7 посадочных мест на 1000 человек [1, д.1630, л.109]. В этот период в городе Нукусе существовала всего одна столовая, готовившая диетические блюда, которая не могла полностью удовлетворить потребность населения в диетическом питании. На предприятиях, а также в средних и высших учебных заведениях таких столовых не было организовано вообще [1, д.1630, л.109].

К 1980 году в таких городах республик, как Ташкент, Фергана, Самарканд и Андижан, были сданы в эксплуатацию столовые, построенные по новым, современным проектам. Однако уровень обеспечения студентов учреждениями общественного питания (число посадочных мест на 1000 студентов) в Кашкадарьинской области составил 95 посадочных мест, в Хорезмской области — 83 места, в Каракалпакстане — 81 посадочное место. В связи с тем, что в некоторых высших и средних учебных заведениях столовые вообще не были организованы, студенты вынуждены были питаться в столовых за пределами учебного заведения по относительно высоким ценам. Вместе с тем было установлено, что существовавшие столовые не соблюдали правила санитарии и гигиены, а их здания не соответствовали назначению, то есть не были приспособлены для организации столовых.

Кроме того для обеспечения высших, средне-специальных учебных заведений и профессиональных техникумов системой общественного питания не хватало столовых на 30 тысяч посадочных мест. В некоторых столовых из-за нехватки самых обыкновенных столовых принадлежностей, в частности тарелок, ложек, ножей, клиенты вынуждены были есть руками [2, д.997, л.11–13]. Имеются данные о том, что в некоторых столовых на 84 стола приходилось всего 18 тарелок [2, д.997, л.13–14]. Из-за дороговизны блюд в столовых у большинства студентов не хватало средств на питание в столовых [2, д.19, л.38].

Литература:

1. Центральный государственный архив Республики Узбекистан, ф.Р.-91, оп.11.
2. Государственный архив Самаркандской области, ф.1647, оп.1.
3. Баринов Б. Т. Региональные проблемы управления и планирования сферы обслуживания населения. — Москва: Наука, 1989. — Б.28–30.

В этот период деятельность столовых в ряде общеобразовательных школ также не отвечала соответствующим требованиям. Многие годы в советских республиках обеспеченность школ столовыми очень отставала и была даже в 2 раза ниже установленных норм. Например, в 558 школах республики столовых вообще не было, в более чем половине школ, в которых существовали столовые и буфеты, они располагались в непригодных для этой деятельности зданиях. А также 50 процентов столовых, существовавших в школах, не соответствовали требованиям санитарии и гигиены [1, д.2531, л.8].

С 1960 по 1985 годы в советских республиках обеспеченность посадочными местами в учреждениях общественного питания из расчета на 10 тысяч человек населения выросла с 206 до 731 или выросла в 3,5 раза. В частности в Молдавии их число выросло в 6,9 раз, Белорусии — в 5,1 раз, Армении — в 4,6 раз. В Закавказских республиках (Грузии и Азербайджане) и Среднеазиатских республиках (Узбекистане, Туркмении и Таджикистане) этот показатель был крайне низким, то есть рост составлял менее, чем в 3 раза [3].

В заключении следует сказать, что одна из идей строительства «социалистического» образа жизни, пропагандируемая советским правительством, была воплощена в расширении системы учреждений общественного питания и улучшения их деятельности, с другой стороны, населению в этом направлении были созданы определенные удобства. Однако, несмотря на то, что население Узбекистана в определенной степени пользовалось деятельностью учреждений общественного питания, они не были так широко распространены, как в других республиках Союза. Одна из основных причин этого была связана с менталитетом узбекского народа. Известно, что большая часть местного населения Узбекистана имела обычай проводить свое свободное время в кругу семьи, а также обедать и ужинать вместе с членами своей семьи. С другой стороны, деятельность существовавших учреждений общественного питания не удовлетворяла требованиям населения, то есть приготовление блюд, соответствие требованиям санитарии и гигиены, цены в большинстве учреждений общественного питания не соответствовали потребностям населения. В-третьих, население не обладало достаточными средствами для того, чтобы питаться в ресторанах, кафе и столовых. Вместе с тем приготовление в учреждениях общественного питания традиционных национальных блюд наряду с европейскими привело к постепенному росту пользования услугами этих учреждений со стороны местного населения.

4. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. (М.: Финансы и статистика, 1987. ЦСУ. Электрон ресурс (http://publ.lib.ru/ARCHIVES/N/`Narodnoe_hozyaystvo_SSSR`/_`Narodnoe_hozyaystvo_SSSR`).
5. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 марта 1956 г. «О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания» (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т.4 М.: Политиздат, 1968. — Б.282–288); Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 февраля 1959 г. «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания» (в.кн. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т.4 М.: Политиздат, 1968. — Б.552–558)
6. Шадиев Р.Х. Сфера обслуживания и уровень жизни населения. — Ташкент:Узбекистан. 1974. — Б.57.

«Жеті Жарғы» Тауке хана как памятник права Казахстана: его сущность и значение

Нурлигенова Зауреш Нуркеновна, преподаватель;

Колосова Мария Юрьевна, студент

Карагандинский государственный технический университет (Казахстан)

В представленной статье прослежено становление и развитие обычного права Казахского ханства в XVIII веке. Особое внимание уделено своду законов «Жеті Жарғы» Тауке хана. Данный памятник обычного права казахов состоит из семи уложений, в которых рассмотрены земельный закон, семейно-брачное законодательство, военное законодательство, процессуальные нормы права, уголовное законодательство, нормы права о куне, закон о вдовах.

Ключевые слова: обычное право, свод законов, Казахское ханство.

Построение современного демократического правового государства немислимо без создания права. Право является одним из основных регуляторов жизни общества наряду с моралью, традициями и религией. Обретение Казахстаном независимости поставило перед нашим народом задачу создания права отвечающего международным стандартам в области прав человека. Итогом процесса правотворчества стало принятие Конституции Республики Казахстан 1995 г. — Основного Закона нашего государства. При ее написании и принятии новых законов, регулирующих жизнь общества необходимо учитывать уроки истории и опираться на многовековые традиции страны. В связи с этим возрастает важность знания и должной оценки права Казахстана в различные исторические эпохи и применение в современном праве лучшего из исторического наследия Казахстана.

«Жеті Жарғы» представляет собой свод законов обычного права казахов, принятый в Казахском ханстве при хане Тауке (который привил в 1680—1715). В научной литературе часто «Жеті Жарғы» именуется как «Уложение хана Тауке», «Законы хана Тауке». Времена правления Тауке хана остались в истории казахского народа как период благоденствия и расцвета [1, с. 161]. Однако одним из основных его достижений мы считаем создание единого свода законов для всего населения казахского ханства — «Жеті Жарғы». Это, как справедливо, пишет известный российский ученый А. И. Левшин, ставит его в один ряд

с такими государственными деятелями античной Европы как Ликург и Драконт.

Потребность в создании единого свода законов для Казахского ханства была тем более велика, что в период правления Тауке хана оно подвергается военной угрозе. На востоке растет сила Джунгарского ханства, с юга проводят агрессивную политику государства Средней Азии, с севера продолжают набеги башкир. Необходимо было консолидировать население страны, максимально уменьшить родовую рознь, сохранить единство казахского народа. Подобного рода правовые реформы имеют аналоги в мировой истории: «Русская правда» Ярослава Мудрого, Кутюмы Бовезии средневековой Франции.

Изменения структуры Казахского ханства вызвало необходимость переработки правовой базы организации казахского общества. Эта работа и была проведена при хане Тауке хане, найдя своё закрепление в своде законов «Жеті Жарғы». Этот свод был разработан при участии известнейших казахских биев — представителей основных регионов Казахстана: Толе би (Старший жуз), Қазыбек би (Средний жуз) и Айтеке би (Младший жуз) в начале XVII века.

«Жеті Жарғы» включает в себя следующие основные разделы [2, с. 365—374]:

— земельный закон, регламентирующий пользование землями и разрешение споров о пастбищах и водопоях.

— семейно-брачное законодательство, регламентирующее порядок заключения и расторжения брака, права

и обязанности супругов, имущественные права членов семьи.

— военное законодательство, регламентирующее военную службу, формирование подразделений.

— процессуальные нормы права, регламентирующее порядок судебного разбирательства.

— уголовное законодательство, регламентирующее наказания за различные виды преступлений кроме убийства.

— нормы права о куне — выкупе за убийство и тяжкие телесные повреждения, устанавливающий наказания за них.

— закон о вдовах — своего рода право социальной защиты, регламентирующее имущественные и личные права вдов и сирот, а также обязательства по отношению к ним общины и родственников умершего.

По данным историка Мухамеджана Тынышпаева единообразное применение и толкование положений «Жеті Жарғы» на всей территории Казахского ханства обеспечивалось ежегодным сбором биев всех трех жузов казахов в ставку Тауке хана [1, с. 162].

Следует отметить, что «Жеті Жарғы», продолжали использоваться в качестве источника права в Казахском ханстве своеобразные дополнения и комментарии — положения съездов биев — «Ереже», и «Билер сезі» — рассказы, содержащие сведения о практике суда биев — судебные прецеденты [3].

«Жеті Жарғы» представляет собой памятник обычного права казахов, под последним мы понимаем — совокупность юридических обычаев, санкционированных и гарантированных государственной властью, соблюдающихся в принудительном порядке в целях сохранения существующих общественных отношений. Обычное право казахов обозначалось термином эдет или зан. Нормы «Жеті Жарғы» были тесно связаны с обычаями, традициями и верованиями казахов. Поэтому защита ценностей, закрепленных в «Жеті Жарғы» в народе обычно связывалась с защитой себя как народности, как этнического целого. Нормы «Жеті Жарғы», пронизывая различные сферы жизнедеятельности и быта, имели большое значение и в духовной жизни.

Мы считаем, что свод законов «Жеті Жарғы» прямо или косвенно наследует монгольскую «Яса» («Жаса» — «Пять уложений»), которую Чингизхан ввел в монгольских степях. В XIII веке «Яса» попала в Дешт-и Кипчак и вошла в правовые традиции тюркских народов. Включение «Яса» в правовую культуру предков современных казахов было вполне естественным по двум причинам:

1. Династическим правопреемством, так как в Казахском ханстве, как и в других постмонгольских государствах Евразии (Сибирское ханство, Астраханское ханство, Казанское ханство, Крымское ханство) правила династии Чингизидов — потомков Чингизхана.

2. «Яса», построенная на обычаях, традициях и морали кочевого общества, прекрасно подходила для кочевых государств нашего региона, поскольку материальный

базис общества (метод хозяйствования) — кочевое скотоводство оставался неизменным вплоть до начала XX в.

Мы не можем полностью согласиться с мнением о том, что например такой памятник казахского права как «Жеті жарғы» «...следует интерпретировать как мусульманские степные законы, национальную интерпретацию Шариата» [4]. Влияние последнего на него неоспоримо, но наш взгляд все — таки большее влияние на него оказали такие правовые источники как «Яса» Чигисхана и «Қасым ханнын қасқа жолы» («Чистая дорога хана Қасыма»). Одна из исторических особенностей ислама в Казахстане состоит в том, как считает академик С.З. Зиманов, что религиозные служители находились в подчинении светской (ханской) власти. Мы поддерживаем вывод академика С.З. Зиманова, о том, что «в северном регионе Центральной Азии — далеко и отдаленном от влияния исламских центров, формировался светский уклад, наложивший свою печать на все стороны организации и жизни общества, в том числе и на правовую культуру» [5, с. 37].

Характерными чертами «Жеті жарғы» была его гуманность. Отсутствовали в нем жестокие меры наказания, принятых в уголовном законодательстве: лишение свободы, с отбыванием срока наказания в тюрьмах, зинданах, восточных погребах заточения, а также членовредительства, сожжения, колесования, закапывания живьем и т.д., распространенные во многих средневековых восточных странах. В связи с этим известный казахский ученый, этнограф Ч. Валиханов писал о казахском обычном праве следующее, что также справедливо и для «Жеті Жарғы»: «...обычное право киргиз (казахов) по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться, имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например, мусульманское, китайское и русское по Русской правде. В киргизских (казахских) законах нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргиз телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода отвечают за родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы» [7, с. 94]. В обычном праве казахов было много норм, поощряющих коллективизм, общность прав, сохранились демократические начала, формы и институты, распространявшиеся на широкий круг отношений — хозяйственных, родовых, бытовых, семейных и политических. Например, правовая традиция избирать ханов и удельных правителей («малых ханов») на народном собрании с участием свободных граждан, способных носить оружие, с поднятием избранного представителями родовых объединений на белой кошке, неукоснительно соблюдалась в периоды ханской власти. Гласность, простота и состоятельность судебного процесса, участие в нем представителей сторон, использование силы общественного мнения как средства исполнения судебных решений тоже отличительные черты «Жеті Жарғы». Возможность примирения сторон находит прямой аналог в институте медиации, существующем в действующем законодательстве Казах-

тана. Имеет прямую аналогию и с успехом используется настоящее время присяжных во многом совпадающий с судом биев, имеющимся в «Жеті Жарғы». Действующая Конституция Казахстана указывает, в ст. 13, что:

1. Каждый имеет право на признание его правосубъектности и вправе защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами, включая необходимую оборону. 2. Каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод [8]. Эти конституционные положения явились результатом долгой эволюции права на территории Казахстана, учета всего правового опыта предшествующих норм права, в том числе и «Жеті Жарғы».

Во всем этом проявляется демократическое своеобразие казахского обычного права — «Жеті Жарғы». Разумеется, в нем есть следы влияния норм соседних государств, с которыми, так или иначе, контактировало казахское общество по разным каналам и с разной степенью интенсивности в различные периоды. Однако местные народные обычаи все же оставались основными источниками обогащения и развития правовой системы Казахстана в том числе и «Жеті Жарғы». Такое положение

объясняется — прочными позициями обычаев и обычно-правовых норм во внутренней жизни кочевников — скотоводов, составлявших абсолютное большинство населения страны.

Значение «Жеті Жарғы» выходит на наш взгляд далеко за пределы своей собственной регулятивной нормативной роли в этнокультурных границах Казахстана. «Жеті Жарғы» было в широком смысле законом и властью, источником общественного бытия и нравственности, искусством и духовной ценностью. Справедливо высказывание о том, что: «Рожденное в рамках кочевой цивилизации, оно вобрало в себя многие ценностные черты и оптимумы человеческих мечтаний и человечности той эпохи» [9, с. 29]. Во многом в последующие века истории Казахстана «Жеті жарғы» стали одним из консолидирующих начал самосознания казахского народа в чем заключается одно из его основных заслуг перед историей. Будучи особым памятником творением кочевой культуры, «Жеті Жарғы» по праву может и должно занять достойное место в мире исторически значимых правовых систем.

Литература:

1. Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993.
2. Султанов Т.И., Абусейтова М.Х. Общество и культура //История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001.
3. Кляшторный С.Г., Султанова Т.И.. «Казахстан. Летопись трёх тысячелетий», «Центр Казахстан — Петербург», 1992.
4. Ахметова Н.С., Кожакметов Г.З. Ереже положения биев. (Сб. Правовых памятников и документов по истории обычного права казахов второй половины XIX и начала XXв.). — Караганда: Издательская группа «Болашак — Баспа», 1997 г.
5. Назира Нуртазина. Признать кочевника мусульманином. По мотивам популярного фильма. <http://www.islam.ru/pressclub/histori/nomad/>
6. Зиманов С. З. Древний мир права казахов и его истоки //Древний мир права казахов /Гл. ред. С. З. Зиманов. Т. 1. Алматы: Жеті жарғы, 2001.
7. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. Алма-Ата, 1961.
8. Конституция Республики Казахстан, принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. Электронный ресурс. Официальный сайт Конституционного Совета Республики Казахстан. <http://constcouncil.kz/rus/noprpb/constrk/>
9. Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования / Под ред. академика С.З.Зиманова. — Алматы, 2001.

Историография проблемы деятельности органов внутренних дел в СССР

Осокина Мария Олеговна, учитель истории и обществознания

ГБОУУ Астраханской области санаторного типа для детей, нуждающихся в длительном лечении «Санаторно-лесная школа»

В советской и постсоветской историографии сформировались устойчивые подходы к исследованию деятельности органов внутренних дел в Астраханской губернии в период становления советской государственности. В советской историографии изучение данной проблемы нахо-

дилось под влиянием марксистских идеологических установок, многие вопросы освещались необъективно.

Историография проблемы деятельности органов внутренних дел в СССР достаточно четко разделяется на два этапа: первый, хронологически более длительный, ох-

вывает литературу, вышедшую с 1920-х и до конца 1980-х гг. и характеризуется господством марксистско-ленинской методологии; второй — с начала 1990-х гг. отличается от первого деидеологизацией истории как науки, отличается поиском новых методологических подходов, расширением исследовательской проблематики истории милиции. В истории изучения органов внутренних дел 1920–30-х гг. можно выделить два периода с примерными рубежами: середина 1930-х и середина 1950-х годов.

С середины 1920-х гг. основной тенденцией, проявившейся в исторических исследованиях, стало выделение особой роли И. В. Сталина в процессе укрепления Советской государственности [1].

Первый период характеризуется тем, что история становления органов внутренних дел изучалась в ходе его осуществления. Основная литература по деятельности милиции и уголовного розыска была представлена непосредственными очевидцами, содержала фактические материалы, текущую статистику, наблюдения современников, правоведов, работников органов внутренних дел. Характерной чертой большинства работ было утверждавшееся мнение, что в строящемся социалистическом обществе с уничтожением экономического и политического неравенства между людьми, с предоставлением каждому нужных ему благ, с прекращением классовых борьбы, с коренной переделкой на новых началах всей экономической жизни — исчезнут и поводы совершения преступлений, исчезнет и преступность. Негативные социальные явления рассматривались как пережиток капиталистического прошлого, порождение нэпа.

В 1930 г. появились работы П. Зайцева и И. Ф. Киселева, посвященные милиции, но содержащие в основном теоретические выкладки [2]. Серьезное исследование результатов борьбы милиции и уголовного розыска с преступностью было предпринято В. Якубсоном, в его книге «Милиция и уголовный розыск в борьбе с преступностью» [8].

Со второй половины 1930-х и до середины 1950-х гг. значимых публикаций по истории милиции не было. Советские историки практически не касались этой темы. Исследование истории милиции, фактически прекратилось. Во-первых, здесь сказались ее закрытость в условиях тоталитарного государства. Во-вторых, следует учесть, что многие руководители НКВД были репрессированы, и любое упоминание о них в печати исключалось.

Некоторое оживление деятельности по изучению истории органов милиции относится ко второй половине 1950-х годов.

Новый этап в разработке истории милиции был тесно связан с подъемом в развитии советской исторической науки, наступившем после XX съезда КПСС. С середины 1950-х гг. растет количество публикаций, расширяется проблематика исследований. Определенный вклад в освещение проблемы внесли общие и специальные работы по истории советского государства и его органов. Всплеск научного интереса к историческим событиям нэповского периода был вызван попытками проведения советским пра-

вительством экономических реформ. Именно в это время были проведены исследования, определившие общее направление изучения государственно-правовых явлений советского государства в 1920–30-е гг., в которых нашла освещение структура и деятельность правоохранительных органов: «История советского государства и права» в 3-х книгах под редакцией А. П. Киселева; «Советское государство и право в период строительства социализма (1921–1935 гг.)» под редакцией Е. А. Скрипилова, М. В. Курицына [4]. Особое внимание уделялось роли партии в становлении правоохранительной системы страны.

Однако по настоящему переломным моментом в развитии историографии проблемы стала середина 1960-х годов. Причины такого поворота видятся как в приближении пятидесятилетнего юбилея советской милиции, так и в общем внимании к МВД нового политического руководства страны.

В 1977 г. вышла двухтомная «Истории Советской милиции» под редакцией министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова, которая стала первым фундаментальным трудом по истории советской милиции, сформулировавшим официальную концепцию истории органов внутренних дел. Истории милиции в период строительства социализма (1921–1936 гг.) отводится второй раздел первого тома [3]. Несмотря на использование большого фактического материала, работа выполнена в пафосной форме, показывая величие и непогрешимость МВД. В таком же плане выполнен коллективный труд «Советская милиция: история и современность. 1917–1987».

С начала 1990-х гг. начинается современный этап отечественной историографии, для которого характерны многообразие исторического анализа, появление новых исследовательских школ и концепций, использование новых методологических подходов и расширение круга исследуемых проблем. Открывшийся доступ к архивным материалам позволил приступить к более глубокой разработке истории советской милиции, в том числе периода 1920–30-х гг., ранее практически закрытого для изучения.

В преддверии 200-летнего юбилея МВД России вышли в свет исторический очерк «Министерство внутренних дел. 1902–2002» под общей редакцией министра внутренних дел Р. Г. Нургалиева и «МВД России. Энциклопедия» [7]. В них наблюдается взвешенный и объективный подход к истории советской милиции, отсутствие односторонней трактовки происходивших процессов. Началась разработка истории органов внутренних дел в политических портретах их руководителей.

Существенный вклад в комплексное изучение истории милиции и уголовного розыска внесли работы А. Ю. Малыгина, исследуя проблемы государственно-правового положения милиции в годы НЭПа, он отметил неудовлетворительное состояние дисциплины, рост преступности среди сотрудников милиции, высокую текучесть кадров, постоянный некомплект штатов [6].

Определенный вклад в изучение данной темы внесли работы, подготовленные и изданные к юбилейным датам

российской милиции. Так, в 1997 г. Вышли учебное пособие В.И. Костина «История Российской милиции» и книга ростовского писателя и историка В. Сидорова, а также ряд интересных работ В.В. Макеева [5].

Среди работ краеведческого характера можно выделить книгу «На страже правопорядка и законности», авторов П.В. Казакова и С.В. Лебедева. Её выход при-

урочен к 200-летию юбилею МВД. В книге подняты такие проблемы, как создание и становление милиции, её деятельность в годы гражданской войны и в годы сталинских репрессий, проведение кадровой политики в рядах милиции, нравственное воспитание сотрудников. Также здесь рассматривается изменения структуры и функций милиции на разных этапах её становления.

Литература:

1. Андреев А. Ф., Новиков В. В. Воспитание личного состава советской милиции в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма М., 1971.
2. Зайцев П. Рабоче-крестьянская милиция. М., 1930; Кисилев И. Ф. Милиция на селе (Каким должен быть милиционер на селе). М., 1930
3. История Советской милиции. Под ред. Н. А. Щелокова. В 2-х томах. М.: 1977. Т. 1: Советская милиция в период строительства социализма; Т. 2.: Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.).
4. Кисилев А. П. История советского государства и права. М., 1948; Курицын В. М. История государства и права России 1920–1940 гг. М., 1998.
5. Костин В. И. История Российской милиции: учеб. пособие. Н. Новгород, 1997; Сидоров В. С. Против зла: история ростовской милиции. Ростов-на-Дону, 1997; Макеев В. В. Милиция Российской Федерации: история и современность. Хронологический справочник. Ростов-на-Дону, 1997; Он же. История милиции России (знаменательные даты, события). Ростов-на-Дону, 1998.;
6. Малыгин А. Я. Правоохранительная система периода НЭПа. Труды Академии МВД. Проблемы развития правоохранительных органов. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1994.
7. Некрасов В. Ф. МВД России. Энциклопедия. М., 2002.
8. Якубсон В. Милиция и уголовный розыск в борьбе с преступностью. Административный вестник, 1930.

Периодизация советского движения Сопротивления и определение понятий «партизанское движение», «партизанство», «подполье» в Украине: контекст современной украинской историографии

Палкин Дмитрий Вячеславович, аспирант
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Освещение в исторических и публицистических работах событий Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и в наше время остаётся актуальным для большей части общества, а особенно для историков-ученых. Именно эта тема вызывает наибольший интерес у многих людей, порождая много полемики и споров.

Одной из центральных тем современной украинской историографии до нынешнего времени остаются разные вопросы советского Движения Сопротивления во время Великой Отечественной войны. Интерес историков именно к изучению этой темы достаточно обоснован, поскольку сейчас в работах современных историков мы можем увидеть ряд неисследованных, малоисследованных, а часто и неверно определенных аспектов организации, развития и деятельности представителей советского Движения Сопротивления в Украине.

Составной подтемой советского Движения Сопротивления являются вопросы периодизации советского Дви-

жения Сопротивления и определения терминов «партизанское движение», «партизанство», «подполье», наявность которых составляет особенно важную проблему в современной исторической науке.

Исходя из специфики нашего исследования, мы анализируем научные подходы историков к проблеме периодизации советского Движения Сопротивления и определения учеными таких терминов как «партизанское движение», «партизанство», «подполье» в Украине. К сожалению, в украинской историографии только некоторые ученые-историки обратили свое внимание данному аспекту. А именно, Кентий А., Лозицкий В., Байбури Р., Дьякова О., Гриневич В., Пилявец Р., Полянский Ф.

Проблеме периодизации советского Движения Сопротивления в Украине, к сожалению, уделит свое внимание только ограниченный круг исследователей. Среди них: Кентий А., Лозицкий В., Байбури Р. (которые выделяют три основных периода), Дьякова О. (в отличие от

Кентия А., Лозицкого В. и Байбурина Р. выделяет четыре периода, а также уделяет внимание систематизации деятельности партизанских отрядов в начале войны).

Кентий А., Лозицкий В., соглашаясь с советской историографией, выделяют в Движении Сопротивления три основных периода, определяя их хронологические рамки с 1941 г. до 1944 г., которые мы можем условно продолжить до 1945 года, а именно:

Первый период датируется с 22 июня 1941 г. до конца ноября 1942 г. (характерен поражениями советской армии аж до битвы под Сталинградом, растерянностью советского руководства и его неэффективными действиями в попытках создания и организации партизанского движения, в связи с тем, что немецкие войска уже начали оккупацию большей части России, Украины и Белоруссии).

Второй период — с конца ноября 1942 г. и до конца 1943 г. (характерен именно наибольшим развитием Движения Сопротивления на территории СССР, увеличением количества и численности партизанских формирований, которые действовали; партизанские отряды получили так званое «оперативно-стратегическое значение», оканчивается формирование сети специальных органов, которые должны были централизовать руководство партизанского движения, которое получило в то время массовый характер: советское руководство подготовило кадры для Сопротивления и материально-техническое оснащение для партизан и подпольщиков.)

Третий период — январь-август 1944 г. — май 1945 г. (период активной деятельности партизан в немецком тылу и их содействие в боевых операциях Красной армии, выход партизанских отрядов на территории Западной Украины). [5, с. 6–19]

Байбурин Р. также пытается определить периодизацию в развитии массового Движения Сопротивления в Украине, начиная с 1941 и продолжает до 1945 г.:

Первый период датируется с 22 июня 1941 г. до конца ноября 1942 г. (характерен поражениями советской армии на фронтах аж до битвы под Сталинградом, растерянностью советского руководства и его неэффективными действиями в попытках создания организованного Движения Сопротивления, которое проявило себя в основном стихийно и неэффективно, в связи с тем, что немецкие войска уже начали оккупацию большей части России, Украины и Белоруссии).

Второй период — с конца ноября 1942 г. до середины 1943 г. (опираясь на поддержку местного населения, знание партизанами местности, координацию действий и материальную поддержку с Большой земли, партизанское движение развивается и распространяет среди немецких солдат постоянное ощущение опасности и страха даже в собственном тылу, деятели Движения Сопротивления пытаются убеждать людей, которые были под оккупацией, в неизбежности победы над врагом; партизанское движение перерастает в всенародную, организованную борьбу; партизаны не только защищают собственные

базы, отбивая карательные акции нацистов, но и держат под контролем целые районы, постепенно переходят к рейдовых операциям).

Третий период — с середины 1943 г. — до полного разгрома фашистов (1945 г.) (для этого периода характерны масштабные диверсии, многочисленные партизанские рейды в тылу противника, активное взаимодействие партизанских формирований с частями Красной армии, их общая наступательная тактика в боевых действиях). [1, с. 166–169]

Дьякова О. в своем исследовании рассматривает региональную периодизацию Движения Сопротивления, но мы, соглашаясь ученым, можем условно использовать эту периодизацию как общую для всей территории Украины, выделяя четыре основных периода с 1941 г. до 1943 г.:

Первый период датируется с июля до сентября 1941 г. (подготовительный этап)

Второй период — с сентября 1941 г. до апреля 1942 г. — участие партизан в обороне в процессе наступления немецких войск, время развития борьбы за линией фронта и в тылу противника.

Третий период — весна — осень 1942 г. — деятельность участников Движения Сопротивления в ситуации отступления войск Красной армии и в условиях частичной оккупации территорий Украины.

Четвертый период — зима 1942–1943 гг. — период активизации деятельности партизанских отрядов и групп, возрастание их численности и результативности ударов по врагу.

Дьякова О. также уделила внимание систематизации деятельности партизанских отрядов, акцентируя, что, к примеру, оккупация части Харьковщины выпала на осень 1941 г., в это время партизанские отряды, по мнению исследователя, действовали следующим образом: 1) участие в оборонных боях на линии фронта; 2) совершение диверсий в прифронтовом вражеском тылу; 3) борьба за линией фронта. [4, с. 10–11]

Ученые Гриневиц В., Пилявец Р., Полянский Ф. попробовали дать определение таким терминам как «партизанское движение», «партизанство», «подполье».

Гриневиц В. в контексте данного вопроса попытался определить термин «партизанское движение»: **Классическое партизанское движение** представляет собой военизированные отряды, которые засылаются в тыл действуют на оккупированной территории с диверсионно-разведывательной целью. Они содействуют с армией и частично привлекают местное население в свои ряды. [2, с. 68] С этой трактовкой мы можем в большей мере согласиться.

Пилявец Р. сделал попытку дать определение термину «партизанство»: **Партизанство** — это вооруженная деятельность на оккупированной врагом территории, которая управляется той стороной конфликта, территорию которой оккупировал противник. Партизанами могут считаться: личный состав окруженных частей и соединений, которые действуют против врага; засланные в тыл группы с диверсионными и другими заданиями, которые дли-

тельное время действуют на территории, оккупированной противником; местное население, которое взяло в руки оружие и выступило против врага, но обязательно на той стороне, часть территории которой оккупирована. Партизанское движение может возникнуть и стихийно, но постепенно становится управляемым. [2, с. 76–77] С этим утверждением мы можем полностью согласиться.

Полянский Ф. попробовал определить сразу два понятия «подполье и партизанское движение». Историк акцентирует, что **подполье и партизанское движение** — являются двумя составляющими Движения Сопротивления. Подполье в своей работе выражает тайную, скрытую и законспирированную борьбу одной из форм Движения Сопротивления в тылу врага. Подпольщики представляют собой партизанское движение и имеют цель всесторонне защищать себя от вражеского уничтожения. [9, с. 18]

Ученый Коваль М. согласен с советскими историками и акцентирует на том, что партизанское движение и антифашистское Сопротивление в целом имело местное происхождения, а его основы не были навязаны из Москвы. По мнению историка, существует определенная проблема в трактовке советского Движения Сопротивления как «коммунистическое» или «партийное». [6, с. 111]

Мы можем согласиться с тем утверждением, что деятельность представителей подполья в Украине, как вспо-

могательной силы партизанского движения, в основном сводилась только к нанесению эпизодических ударов и определенного вредительства оккупантам, поднятию морально-психологического духа населения на временно оккупированных территориях в 1941–1944 гг. Таким образом, подполье сыграло в основном вспомогательную роль в партизанском движении. [3, с. 17; 8, с. 19; 7, с. 65–67] В течении 1941–1942 гг. подпольные комитеты были вынуждены свести свою деятельность к организации саботажа и срыва всех мероприятий оккупационных немецких властей и донесения до населения новостей из советского тыла, распространения листовок с призывами бороться против оккупантов. [8, с. 15]

Таким образом, интерес историков именно к изучению этой темы достаточно обоснован, поскольку сейчас в работах современных историков мы можем увидеть ряд не исследованных, малоисследованных, а часто и неверно определенных аспектов организации, развития и деятельности представителей советского Движения Сопротивления в Украине. Проблематики периодизации советского Движения Сопротивления в Украине и определению таких ключевых терминов, в контексте этой темы, как «партизанское движение», «партизанство», «подполье», к сожалению, уделил свое внимание только ограниченный круг исследователей.

Литература:

1. Байбурин Р. Идет война народная... Книга для чтения истории Украины в годы Великой Отечественной войны 194–1945./ Р. Байбурин — Днепрпетровск, 2011—426 с.
2. Україна і український народ у Другій світовій війні. Дискусії. Вип 2./ упорядники Герасименко Л., Пилявець Р. — К., Вид-тво імені Олени Теліги — 2009 — 84 с.
3. Друга Світова війна. Україна в роки Великої Вітчизняної війни: конспект лекцій./ гол. ред. Беренштейн Л. — К., 1993 — 90 с.
4. Дьякова О. В. Рух Опору на Харківщині у період нацистської окупації: автореф. дис. канд. іст. наук: 07.00.01 — історія України / Дьякова Олена Василівна; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна — Х., 2012—19 с.
5. Кентій А. Партизанський рух 1941–1944 рр. в Україні. / Кентій А., В. Лозицький // Український історичний журнал — № 3 — К., 2005 р. — 340 с.
6. Коваль М. Історія війни і війна проти історії. /М. Коваль //Вітчизна — № 5–6 — К., 1995—160 с. — С.-111
7. Мельниченко Г. Про діяльність підпільних груп у Братському районі на Миколаївщині в 1941–1944 рр./Г. Мельниченко // Історія Півдня України від найдавніших часів до сучасності. — Ч. 2. — Миколаїв-Одеса, 1999—360 с.
8. Ніколаєць Ю. О. Морально-політичний стан населення і воїнів Червоної армії в перший період Великої Вітчизняної війни (на матеріалах України): автореф. канд. іст. наук 07.00.01/ Ніколаєць Юрій Олексійович; Київський ун-т імені Тараса Шевченка — К., 1998. — 19 с.
9. Полянський Ф. Підпілля руху Опору в німецько-радянській війні 1941–1944 (за матеріалами тернопільської області). / Ф. Полянський// Мандрівець — № 6—2006—95 с. — С. 18

Жизнь эвакуированных детей в Узбекистане в годы Второй мировой войны

Саидова Гулзор Шавкатовна, старший научный сотрудник-исследователь
Ташкентский государственный педагогический университет (Узбекистан)

В данной статье сделана попытка проанализировать вопросы эвакуации детей с территорий, где велись военные действия в Узбекистан. В частности, раскрывается вопрос эвакуации детских домов и размещения их в разных областях республики. Особое внимание уделено оказанию помощи со стороны местного населения.

Ключевые слова: Узбекистан, война, дети, эвакуация, детские дома, интернаты, детские учреждения, оздоровительные дома.

Война разрушила тысячи семей, лишила детей родителей, совершенно нарушила образ жизни людей. С началом II мировой войны жизнь населения на территориях, где велись военные действия, подвергалась большой опасности. Поэтому с первых же дней войны были развернуты работы по переселению людей на территории, находившиеся за линией фронта. В частности, большое внимание было уделено переселению эвакуированию детей.

В частности в Узбекистан с 1 октября 1941 года по 1 октября 1942 года было эвакуировано 43 тысячи детей из 78 детских домов, расположенных в городах около фронта военных действий [2, с. 32]. 50 детских домов были сохранены в качестве самостоятельных. Они были размещены в городах Узбекистана: 4 — в Самаркандской области, 9 — в Наманганской области, 5 — в городе Ташкенте, 13 — в Андижанской области, 10 — в городе Фергане, 9 — в Бухарской области [1, д.4697, л.57].

28 детских домов были ликвидированы, а дети размещены в существующие детские дома, интернаты и другие детские учреждения, переданы в коллективное и частное воспитание. Юноши и девушки в возрасте 17–18 лет были направлены в промышленные предприятия, колхозы и совхозы, ремесленные училища, а 15108 детей направлены в детские сады и ясли, в частности 5500 детей переданы в группы, работавшие круглосуточно [2, с. 33].

В начале Второй мировой войны в Андижанскую область прибыло 26 детских домов, десять тысяч детей различной национальности, а также сто тысяч человек населения. 850 детей, прибывших из Куйбышевской области были размещены в кишлаках Пахтаобод, Чинобод, Холде-вонбек Андижанской области, четыре детских дома, прибывших из Донбасса, были размещены в детские дома, расположенные в Ойимском районе, а также в кишлаке Бутагорин при сельском Совете в Андижанском районе [3, с. 40].

Во вновь организованных 8 детских домах в Самаркандской области было размещено 4270 детей различной национальности. В детские дома, расположенные в городе Самарканде, было дополнительно принято 660 детей [6, с. 234]. К началу 1942 года в 10 детских домах города Самарканды воспитывалось 1512 детей, из них 590 были детьми, переселенными с прифронтовых территорий. Количество воспитанников детских домов возросло до 1810 человек в летние месяцы 1943 года.

Кроме того в города Узбекистана были переселены детские дома с польскими, испанскими детьми. В частности, в городе Самарканде был открыт детский дом для польских детей. Был организован интернат для 120 испанских детей, переселенных из Москвы [2, с. 33].

Если в начале 1941 года в Бухарской области осуществляли свою деятельность 8 детских домов, то к концу войны их число возросло до 27, а число их воспитанников с 850 человек до 2938. А в Самаркандской области число детских домов возросло до 40, число же воспитанников составляло свыше десяти тысяч человек. В Сурхандарьинской области число детских домов выросло с 2 до 12.

В Кашкадарьинской области было 22 детских дома, число детей в которых составляло 1360 человек. К концу 1945 года в вышеперечисленных областях численность детских домов достигло более ста, а число воспитанников составило 20.000 детей.

Таким образом, Узбекистан в годы Второй мировой войны сердечно принял около миллиона человек населения, 200 тысяч из которых составляли дети [2, с. 33]. Десятки тысяч детей были спасены от когтей смерти. Большинство детей через детские дома были направлены на работу в различных отраслях народного хозяйства, на учебу, возвращены родителям и родственникам. Если накануне войны в республике существовало 106 детских домов, а число их воспитанников составляло 12 тысяч детей, то в 1945 году число детских домов выросло до 236, а число воспитанников составило 30 тысяч. Можно проследить изменение числа детских домов с 1940 по 1945 годы. В частности в 1943 году число детских домов сильно увеличилось и составило 267, этот же показатель в 1944 году снизился.

Причина уменьшения числа детских домов в республике в 1944–1945 годах состоит в том, что большая часть детей из детских домов были возвращены в свои города и области, откуда они были переселены, после их освобождения. Например, в июле 1945 года 11 детских домов переехало из республики в свое прежнее место расположения — на Украину, в том числе были возвращены на родину по одному детскому дому из Ферганской и Самаркандской областей, по два — из Кашкадарьинской и Наманганской областей, пять — из Андижанской области.

Наряду с воспитанием детей, оставшихся без родителей, в семьях, детских домах, массовый характер приняла

также работа по воспитанию и обеспечению детей на коллективной основе. Трудящиеся Узбекистана за свой счет организовывали интернаты и детские дома. Детским учреждениям уделялось особое внимание. Каждый детский дом был взят под контроль. Со стороны милиции областей, районов, города и школ оказывалась регулярная помощь детским домам.

В целях регулярного обеспечения продовольственными и другими необходимыми продуктами детей, детских домов, эвакуированных в Узбекскую республику был принят ряд следующих официальных постановлений: в феврале 1942 года «О централизованном порядке осуществления снабжения детских домов», в апреле 1943 года «Об организации питания детей эвакуированных граждан», в июле 1943 года «О создании дополнительных источников обеспечения детских домов продовольственными продуктами», которые были направлены на коренное улучшение положения грудных детей в детских домах. В постановлении «О централизованном порядке осуществления снабжения детских домов» (от 1942 г.) было указано о выделении определенного количества продовольственных продуктов на каждого ребенка в день, в том числе 470 г хлеба, 56 г рыбы, 15 г кондитерских изделий, 32 г масла, 20 г сахара.

Однако в связи с тем, что не было возможности полностью обеспечить детские дома мясом и молоком за счет централизованных фондов, они были закреплены за колхозами. А также в целях улучшения обеспечения детей продовольственными продуктами, при каждом детском доме было организовано подсобное хозяйство. Обеспечение детских домов мясными продуктами также было возложено на подсобные хозяйства. На подсобных хозяйствах наряду с преподавателями и воспитателями трудились и сами дети. Если, с одной стороны, это была возможность трудового воспитания детей, то, с другой стороны, это имело большое значение в тот период нехватки рабочей силы. Для детей этот труд имел большое воспитательное значение.

С 1 октября 1941 по 1 октября 1942 на бесплатное питание детей в столовых было израсходовано 192 тысячи рублей. Грудным детям в яслях и детских садах через сеть детских консультаций было доставлено молока и молочных продуктов на 153 тысячи рублей [2, с. 47].

Десятки тысяч детей обеспечивались питанием в столовых по 3–4 раза в день. Население Узбекистана обеспечивало детей, детские дома, переселенные сюда с линии фронта, продовольствием и другими необходимыми вещами, проявляло всяческую заботу о них; люди добровольно жертвовали для них миллионы рублей наличных денег, различную другую продукцию, одежду, исходя из возможностей — муку, яйца, сахар, масло, овощную продукцию, сушеные и свежие фрукты. Никто не стоял в стороне от заботы и помощи детям.

В прессе того времени было напечатано следующее обращение узбекской женщины к девушкам и женщинам: «Девушки! С вашей помощью можно собрать много

средств, теплых вещей, обуви, детских игрушек, книг для населения и детей, эвакуированных с западных областей страны» [9, с. 193]. В ответ на это обращение население республики начало собирать средства для эвакуированных детей. Школа кройки и шитья при Кокандской железнодорожной станции, а также общество «Красного полумесяца» собрали и сдали для детей 70 теплых вещей и 375 рублей. К эвакуационному пункту Ташкентского вокзала было прикреплено 25 медицинских работников и 40 активистов общества железнодорожников. Около 1000 представителей общественности наряду с осуществлением деятельности в подшефных им детских домах, яслях и детских садах, собрали для детей 6 тысяч теплых шапок. Члены общества «Красного полумесяца» при Ташкентской железнодорожной станции собрали 78278 рублей и сдали в фонд помощи эвакуированным детям.

Поиск детей, оставшихся без крова, на прифронтовых территориях, их размещение, обеспечение необходимыми вещами, воспитание и обучение потребовали преодоления больших трудностей. Общественная помощь в решении этого вопроса и преодоление трудностей, возникших в этом процессе, была осуществлена благодаря гуманистическим побуждениям и любви узбекского народа, особенно женщин, по отношению к детям.

В составе специальных комиссий по организации материальной и моральной помощи детям были государственные служащие, представители профсоюзных организаций, военного комиссариата, женских комитетов и отделений здравоохранения, а также добровольцы.

В первый же год войны для детских учреждений Узбекистана на общественные средства было собрано 2 млн. рублей, 27 т различных сухофруктов, 82 тысяч штук детской одежды, во второй год войны — 3,5 млн. рублей, много продовольственных товаров, одежды и др. [2, с. 50]. В годы войны в республике несколько раз организовывались месячники организации помощи детям. В результате проведения такого месячника в 1944 году было собрано и сдано 300 тысяч рублей, 160 метров тканей, 12 тысяч штук нижнего белья, 10 тысяч пар обуви, 110 тысяч шкур, мыло и другие необходимые вещи [5, с. 77].

Большой вклад в материальное обеспечение детских учреждений внесли организации, взявшие шефство над этими учреждениями. Участие, деятельность шефских организаций в этом деле осуществлялось в различных формах. Для правильной организации работы были созданы попечительские организации. В эти организации входили командиры военных частей, руководители промышленных предприятий, главы различных учреждений, председатели колхозов, директора совхозов, заведующие отделов народного просвещения. Состав попечительских советов систематически проверял состояние детских домов и стремился своевременно определять и осуществлять меры для устранения недостатков.

Шефские организации выделяли средства на ремонт и оборудование детских домов, яслей и детских садов, помогали со строительными материалами. Они следили за

своевременным обеспечением детских учреждений продуктами, одеждой и другими необходимыми вещами.

Уделялось большое внимание привлечению к учебе всех детей школьного возраста, созданию материальных и моральных условий для детей. В связи с тем, что в республику постоянно привозили эвакуированных детей, увеличивалась число детских домов, школ, библиотек. Это повышало требования к кадрам. Потребность в педагогах и воспитателях удовлетворялась за счет эвакуированных специалистов, женщин с педагогическим образованием, опытом работы с детьми и добровольцев.

15108 эвакуированных детей были размещены в яслях и детских садах, более 40 тысяч детей получили возможность продолжить учебу в школе. Их постоянно поддерживали материально и морально. В свою очередь дети перевезенные в прифронтовые районы, несмотря на то, что они были малолетками, самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, стройках, колхозах и совхозах. Иногда они вынуждены были заниматься не по возрасту тяжелым трудом.

Трудящиеся Узбекистана стремились духовно поддерживать израненные души воспитанников детских домов, делали все возможное, чтобы обеспечить их учебу, лечение, обеспечение необходимыми вещами, сберечь их здоровье, воспитать их духовно и физически здоровыми. В семьях, домах отдыха, больницах отношение к детям было одинаковым, независимо от их национальной и расовой принадлежности, в семьях, куда они попадали никогда не было деления на «своих» и «чужих», отношение к ним было доброжелательным, создавались все условия для их физического и духовного выздоровления. Особое внимание уделялось оказанию медицинской помощи, оздоровлению детей, которые в этом нуждались, к числу таких детей относились и дети инвалидов Второй мировой войны.

В целях оздоровления детей во многих областях республики за счет народных средств были организованы специальные оздоровительные дома. В одном только Ташкенте осуществлял свою деятельность оздоровительный дом, рассчитанный на 350 воспитанников. Этот дом был организован в результате объединения детских домов с детьми школьного и дошкольного возраста. Дети с ослабленным здоровьем помещались в специальные республиканские санатории.

В течение 1942 года было выдано путевок для отдыха в санаториях и лагерях на 27 тысяч рублей. За это время укрепили своё здоровье 4 тысячи эвакуированных детей [8]. В 1943 году 6 тысяч из переселенных в Ташкент детей обедали в специальных столовых. В Сталинском районе города были размещены в ясли и детские сады 3 тысячи детей. Тысячи детей были закреплены за районными столовыми.

Особое внимание было обращено охране здоровья эвакуированных и размещенных в детские дома грудных детей. Каждый год около 10 тысяч детей укрепляли свое здоровье на оздоровительных площадях санаториев и пионерских лагерей, на летних дачах детских домов. Например, в Бу-

харской области большинство больных и ослабленных детей, воспитывавшихся в детских домах, яслях и детских садах, наряду с тем, что получали лечение, медицинскую помощь, также лечились и на оздоровительных площадках, санаториях. В области в течение одного года 2790 детей восстановили свое здоровье в стационарах, санаториях. 970 детей получили лечение в больницах [2, с. 58]. В Самаркандской области получили лечение в оздоровительных учреждениях в 1943 году 10570 детей, в 1944 году 15 тысяч детей, а в 1945 году 16345 детей [2, с. 152].

В городе Самарканде при трех круглосуточных детских садах были организованы специальные группы, в которых получали специальное лечение дети, заболевшие туберкулезом. В течение последующих трех лет Второй мировой войны 10 тысяч детей укрепили свое здоровье на оздоровительных площадках и санаториях в летние месяцы. Более 17 тысяч детей, воспитывавшихся в детских домах, отдыхали в загородных садах, парках [9, с. 193].

В санаториях Узбекистана получали лечение в первую очередь эвакуированные 8 тысяч детей. Кроме того 17 тысяч воспитанников детских домов имели возможность в течение всего отдыхать в соответствующих учреждениях, десятки тысяч детей отдыхали в пионерских лагерях, организованных при колхозах и совхозах [8]. Население республики, патриотическая молодежь собрали 47 млн. рублей (посредством концертов, вечеров, субботников) и сдали в фонд помощи эвакуированным детям. Эти средства были израсходованы в основном для восстановления здоровья грудных детей, для отдыха детей в пионерских лагерях. Кроме того было увеличено число оздоровительных площадок, столовых для детей, открыты дополнительные мастерские для починки детской одежды.

Таким образом в период Второй мировой войны население Узбекистана обращало большое внимание здоровью детей. Если в 1937 году на восстановление здоровья ослабленных детей было израсходовано 33 млн. рублей [9, с. 178], то в 1941 году — 75,5 млн. рублей, а в 1943 году — 107 млн. рублей [9, с. 178]. Медицинские работники Узбекистана в городе Ташкенте оказали различного рода медицинскую помощь 68093 гражданам, в том числе было 38427 детей. Несмотря на тяжелое экономическое положение в республике, узбекский народ нашел силы и возможности для оказания гуманистической помощи детям войны, были спасены жизни тысяч детей.

Многими детскими домами руководили самоотверженные и трудолюбивые люди. Одним из таких руководителей была А. П. Хлебушкина, заведовавшая 22-м детским домом, посвятившая 40 лет своей жизни воспитанию подрастающего поколения, подарившая материнскую любовь 2500 человек. В период Второй мировой войны она стала матерью сотням детей, разделила с ними их горести и радости.

Таким образом, с первых дней Второй мировой войны с прифронтовых районов в Узбекистан были переселены детские дома, а также сюда привозили всех подобранных там детей, оставшихся без родителей и крова. В 1943 году

количество детских домов в Узбекистане имело самые высокие показатели. В 1944–1945 годах в связи с окончанием военных действий на территории их бывшего расположения, детские дома переехали обратно.

В чрезвычайных условиях войны Узбекистан не был подготовлен принять огромное число эвакуированных детей. Для их размещения не хватало санитарно-гигиени-

чески соответствующих зданий. Несмотря на это, благодаря бескорыстной помощи узбекского народа была осуществлена деятельность по размещению, обеспечению продовольствием и одеждой, восстановлению здоровья эвакуированных детей. Благодаря климатическим условиям Узбекистана, а, самое главное, усердной помощи людей были спасены жизни огромного количества детей.

Литература:

1. ЦГА РУз, фонд 94, опись 5.
2. Турдиев С. Улуғ Ватан уруши йилларида Ўзбекистон меҳнаткашларининг кўчириб келтирилган болаларга гамхўрлиги. — Тошкент: Фан, 1987.
3. Воскобойников А., Яковлев М. В. Организаторская и идеологическая работа Коммунистической партии Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. — Ташкент, 1966.
4. Ефимов В. И. Патриотические подвиги труда Самаркандской области в годы Великой Отечественной войны. — Самарканд, 1962.
5. Иноятов Х. Ш. Галабага кўшилган хисса. — Тошкент, 1975.
6. Самарқанд тарихи. 2 том. — Тошкент, 1977.
7. Правда. — 1942. — 20 апрель.
8. Правда Востока. — 1944. — 10 октябрь.
9. Шаркюлдузи. — 1981. — № 6. — С. 193.

Воспоминания жителей Казани о продовольственном обеспечении в середине 50-х гг. XX в.

Ульянова Оксана Валерьевна, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Республика Татарстан)

В статье освещаются вопросы динамики развития культуры потребления продовольствия в г. Казань, определены критерии «престижных» продуктов и варианты обеспечения ими; проведен обзор повседневного и праздничного рационов жителей города Казани, развития общественного питания; рассмотрены варианты практик населения Казани в части продовольственного обеспечения.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение, потребление еды, продовольственная политика, гастроном, торговля, общественное питание, снабжение, товарный фонд.

Период экономического подъема, совпавший с началом хрущевской оттепели возбудил потребительские ожидания населения, однако желаемый результат ограничивался неправильной организацией продовольственного обеспечения, начиная с планов распределения и заканчивая организацией торговли. Татарская республика относилась к числу старопахотных регионов, не имеющих достаточных инвестиций для развития, она не располагала достаточными средствами для модернизации отрасли и лихорадочного выполнения решений центральной власти. В результате в архивах партийных документов сохранилось обращение партийных органов Татарской АССР о ненормальном положении рыночного фонда мясо-молочной продукции для Татарии, что создавало трудности в снабжении городского населения [6]. Причинами назывались необоснованные расчеты при

планировании показателей, не учитывающие быстрые темпы роста населения, особенно в нефтяных районах республики. В результате потребление мяса и молока в расчете на одного человека снижалось.

Тем не менее, рост благосостояния жителей города к концу первого послевоенного десятилетия был очевиден. Праздничный стол казанца включал суп, пельмени, картошку, соленые и свежие овощи (помидоры и огурцы), плавленый сыр, консервы и селедку, пироги (в том числе и принадлежащие к татарской национальной кухне). В конце 1950-х казанцы, согласно воспоминаниям, впервые начали готовить салаты, до этого времени им был известен только винегрет [1, с. 344]. Многие из перечисленных продуктов в магазинах было купить невозможно. В середине 50-х яйца, молоко и сметану казанцы предпочитали покупать у частных торговцев. Рано утром

по дворам ходили разносчики и громко кричали: «Каймак, сюзьма, катык» [4]. Также продавали свой товар и торговцы яйцами. Причем продукты эти были отменного качества [2, с. 54–55].

В исследуемый период основная масса населения Казани не задумывалась о правильности режима питания. Идеологические принципы питания, режимы питания предприятий общественного питания, лечебное питание по М.Певзнеру, применяемое в лечебных и санаторных учреждениях, нормы продуктового снабжения больниц, установленные Министерством здравоохранения СССР, примерный научный расчет калорийности и распределения питания в течение дня сделали свое дело — априори считалось правильным питаться три раза в день: утром — завтрак, днем или в обеденный перерыв — обед, вечером — ужин, утром — 30–35% всего дневного рациона, в обед — 40–45%, ужин — 20–30%. Полдник, второй завтрак и ужин применялись чаще в санаторно-курортном питании. В республике мало задумывались о лишнем весе, в народе ходила привычка спрашивать у человека, который отдохнул в санатории или детском лагере, на сколько килограммов он поправился. На триста граммов?!? — Плохо отдохнул.

Однако, надо признать, что нельзя оценивать уровень питания одинаково у всех социальных слоев. Интервьюирование граждан Казани, живших в исследуемый период в городе, показало различные мнения. Так, жительница М.Н. Ачкинази, 1946 г. р. (анкета) в исследуемый период училась в школе. Питание и обслуживание в магазинах в целом она оценивает, как очень хорошее. На завтрак обычно в семье готовили манную кашу и какао, на обед всегда был мясной суп (щи или борщ), на ужин часто были мясные котлеты или макароны с печенью. В воскресенье мама готовила что-то более вкусное, чем обычно (какао, блинчики, пироги). Любимым блюдом семьи были пельмени, их готовили примерно раз в месяц, отец семейства шел в этот день за пивом, и шутил: «какие же пельмени без пива». Семья состояла из 4-х человек — два взрослых работающих родителя и двое учащихся детей. Отец работал в проектной организации, мать — завхозом в детском саду. М.Н. Ачкинази помнит случаи, когда мама могла «дать денежку», можно было купить себе бутерброд с красной икрой. А в выходные дни бывали случаи, когда мама выдавала поллитровую банку и просила сходить за икрой, правда, купить можно было, отстояв очередь. Очереди, припоминает жительница, были также за хлебом, сахаром и мукой. Тем не менее, Ачкинази М.Н. не помнит таких случаев, чтобы она или кто-то из домашних, стояли в очереди, а товар закончился. Праздниками в семье считались Пасха и Новый год. На пасху пекли куличи, красили яйца, делали творожную пасху из творога, сливочного масла, сметаны, меда, орехов. На Новый год готовили винегрет, холодец, пельмени, пекли пироги с капустой и яйцами, редко — с мясом, плюшки, обсыпанные сахаром. Продукты в семье не заготавливали впрок, дачного участка не было, в деревню и в другие ре-

гионы за продуктами не ездили. Покупали на колхозном рынке картошку и капусту впрок и иногда варили варенье из черной смородины и вишни. Продукты, в основном, покупались в магазине, мясо — на рынке, молочные продукты (сюзьма, сметана, творог) покупались у частных торговцев, ходивших по дворам, но все-таки редко, так как стоили они дорого. Детскими блюдами считались манная каша и компот. Трапезничали всей семьей, за обеденным столом, покрытым клеенкой. Хуже, чем в своей семье М.Н. Ачкинази отмечает питание двух подружек, которым на день мать оставляла одно яйцо на двоих, и соседей, которые постоянно жарили картошку, как ей казалось другого они ничего и не ели. Лучше, чем в своей семье, питания жительница не помнит, так как в то время не обращала на это внимания. Разговоров о том, что нет денег на питание, либо о том, что что-то не удалось купить, не помнит. Также жительница отмечает, что их соседкой по подъезду была женщина, которая работала в Совете Министров, за ней приезжал ЗИЛ, водитель отвозил ее на работу. Соседка была очень вежлива, доброжелательна, скромна, в ее семье практиковалось обычное питание, как у всех. Она приглашала иногда зайти в гости, при этом всегда угощала чаем с пряником или конфетой. По приведенным воспоминаниям можно сделать косвенный вывод, что, достаточность питания в семье у опрашиваемой жительницы обеспечена должностью матери (завхоз в детском саду), имеющей возможность приносить продукты оттуда, но таких фактов М.Н. Ачкинази не помнит, кроме того, что иногда мама приносила кастрюльку с отходами для подкорма кур. Соседи, кстати, отрицательно относились к этому факту, комментировали, «с работы принесла, некрасиво это».

Тем не менее, воспоминания М.Н. Ачкинази отличаются от воспоминаний Р.И. Халилуллова, того же 1946 г. р. Он помнит, что когда в 1953 году он пришел в первый класс учительница спрашивала у детей кто и что ест на завтрак. И когда одна девочка сказала, что у них в семье едят бутерброд из булки, масла и икры — ей никто не поверил, так как у всех остальных были либо чай с хлебом, либо каша, ни масла, ни икры ежедневно они не ели.

Немногом отличалось питание и у студентов. Из воспоминаний Марселя Сафина, 1943 г. р., в то время студента КАИ, покушать любили все. Студентам-юношам нравился тот же борщ, котлеты, сосиски, яйца. Праздничными блюдами считали пельмени, гуляш и вино, в дни стипендии ходили в столовую «Дом Кекина», где также брали борщ, вместо котлеты — шницель и салат-винегрет. Роскошными и недоступными считали краковскую колбасу и торты.

Из практик самообеспечения студентов, можно было выделить следующие. Марсель Сафин играл в футбольной команде «Буревестник» и за это раз в неделю получал талон на питание стоимостью в 4 рубля. На талон можно было приобрести в городской столовой обед из трех блюд (суп, второе с гарниром, хлеб), и еще оставались деньги на мелочи: булочки, чай, бутерброд. Летом

Марсель Сафин играл в городском футбольном клубе, получая уже два талона в неделю по 6 рублей.

Студентки-девушки (воспоминания Клары Сафиной, 1943 г. р.) считали вкусным и полезным кефир, покупали его каждый день на ужин, роскошными блюдами называли торт Наполеон, любимым блюдом считали «борщ с головизной», который каждый день покупали на обед, но все равно любили и он им не надоедал. Примечательно, что и в фильмах того времени на вопрос, что бы ты хотел вкусно поесть, называли борщ и котлету. По поводу еды, диет, случаев некачественной покупки продуктов никто не переживал, наоборот, если удалось купить что-то вкусное — радовались. Иногда случалось купить испорченную сельдь в магазине — отмывали и съедали. Девушки больше переживали из-за невозможности купить новую одежду — не хватало денег. Все признавали, что львиная доля доходов уходила на питание, одежда покупалась редко.

Студенты положительно относились к общепиту — излюбленным местом считалась столовая «Дом Кекина», туда ходили в день стипендии или отмечать дни рождения. Шутили, что в день стипендии действует правило правой руки — закрываются правой рукой цены в меню и блюдо выбирается по названию, а в остальные дни действует метод левой руки — закрываются названия блюд, и выбор осуществляется по ценам. Дни рождения и свадьбы отмечали вкладчину — подарков не дарили, скидывались деньгами и шли в кафе, либо в столовую ВУЗа. Девушки — студентки отмечали уютную обстановку в указанной столовой — занавески, скатерти, они покупали там кофе, мороженое и пирожные. Все опрошенные студенты сошлись во мнении, что праздничными и редкими блюдами считались мясные блюда, сладкая выпечка и конфеты. На вопрос, считаете ли Вы, что кто-то питался хуже Вас и в чем это выражалось, прошлые студенты отвечали: «да, некоторые жили так плохо, что даже конфетки не видели». По поводу лишнего веса никто не переживал — над редкими полными людьми подшучивали, жалели и подкармливали их. Так, Сафин М.З., будучи в исследуемый период студентом, вспоминает, как один раз поспорили над полным студентом, которого дразнили «Филончиком» из-за его медлительности и лени, как они считали. Скинулись, у кого были яйца, привезенные из деревень от родителей, сварили и поспорили — сколько он сможет съесть, получилось 23 штуки. «Филончик» съел десять штук, больше не смог.

Из необычных блюд жительница Казани Сафина К.Ф. вспоминает отварную курицу, под кожу которой предварительно шприцом заливалась смесь из яиц с молоком, затем зашивались отверстия, и курица варилась в бульоне. Это блюдо она попробовала в гостях своего жениха во время знакомства с родителями и запомнила его на всю жизнь, таким необычным и вкусным оно ей показалось. В ее семье было пятеро детей и из «вкусностей» могли позволить только пирог с творогом. Остальные очевидцы того времени из необычных блюд называли жареного гуся, так как никогда его не пробовали и читали о нем только в ку-

линарных рецептах. Отметим, что существенной чертой советского продовольственного потребительского кредо того времени являлось наличие некой гастрономической мифологии, связанной с разрывом между возможностями питания в принципе, предоставляемыми высокоразвитым социалистическим обществом, и реальным состоянием, которое представлялось как временное. Так, ингредиенты рецептуры и Книги о вкусной и здоровой пище представлялись априори наличествующим фактором, что создавало картину доступного изобилия. Мать жительницы Казани Ачкинази М.Н. шутила по поводу таких рецептов из Книги о вкусной и здоровой пище — «если к вам неожиданно пришли гости, спуститесь в погреб и возьмите там баранью ногу». Но, смеясь над книгой, эта же мама придерживалась культурных традиций, пропагандируемых в этой книге: скатерти, закуски перед обедом, лимонницы, селедочницы и т.п.

Конечно, студентам и учащимся присущ оптимизм и позитивное отношение к жизни в силу молодости и возраста, но воспоминания более взрослого населения, имеющего в исследуемый период семью и детей, также имеют позитивную окраску. Да, в очередях стояли, но всегда всего хватало еды, к празднику всегда были в достаточном количестве и мясо, и колбаса, и сладкое, а в обычные дни — довольствовались питанием в столовой, которое было и вкусным, и разнообразным, и недорогим.

Другая жительница Казани, Чубарова Е.И., 1933 г. р. вспоминает, что в исследуемый период время было тяжелое, но с течением времени жить становилось легче. Отмечали все советские праздники, иногда ходили в рестораны, отмечали широко и церковные праздники, детей крестили. На столе были пироги, пельмени, грибы, летом окрошка или уха, зимой — холодец и домашняя лапша, голубцы и различные соленья. Из алкогольных напитков вспомнила самогон, иногда водку, домашнее вино. Обедали на работе бесплатно.

Мочалова Лариса Ивановна, 1943 г, вспоминает годы учебы в КГУ, повторяя почти тот же набор продуктов: пельмени, блины (особенно запомнились гречичные, их готовила мама), винегрет. На праздник пекли пирожки с мясом и луком, покупали торт «Сказка», конфеты Ласка, Кара-кум, апельсины, мандарины, готовили салат Оливье. Пили шампанское, водку Столичная, армянский коньяк «5 звезд». Продукты к празднику привозил брат из Москвы. Ежедневные продукты: мясо, рыбу, яйца, овощи, фрукты, молоко покупали в магазинах свободно вплоть до 1963 года, когда яйца, мясо и масло значительно подорожало.

Не противоречит общим высказываниям и Гатауллин Р.И., 1935 г. р., который также вспоминает пироги с рисом, мясом, рыбой, квашеную капусту, соленые огурцы, свежие и соленые помидоры, лук. Пили чай, портвейн «777». На особые даты готовили пельмени и суп-лапшу.

Внучка Матюгиной Н.А., 1943 г. р., жительницы Казани с 1948 года вспоминает рассказы бабушки о том, как в семье питались: картошка, макароны, по праздникам за-

пекали гуся или поросенка. Дома у бабушки был телефон и соседка — заведующая детским садом — часто приходила звонить. Она всегда приносила с собой печенье, орех или конфету, а, уходя, приглашала к себе пить чай.

Орлова Юлия Ивановна, 1930 г. р., заслуженный педагог РТ, переехала с мужем в Казань в 1952 году. Муж работал главным зоотехником в министерстве сельского хозяйства, отличник пчеловодства. Юлия Ивановна вспоминает, что в 94-й школе, где она работала, была полноценная столовая, даже было меню. Обязательно был салат, первое блюдо: суп-щи или гороховый, второе — пюре и котлеты, На третье предлагались чай, компот, кисель и чай. В питании у детей был свободный выбор. Дети из малоимущих семей по приказу директора питались бесплатно, остальные дети сдавали деньги на питание. Некоторым приносили еду в школу родственники. Также Орлова Ю.И. вспоминает в Казани «очень хороший продуктовый рынок», цены там были иногда ниже чем в магазинах, а качество конечно же лучше. Там можно было купить любое мясо, на праздники я обычно покупала кролика. Из фруктов не было ни апельсинов ни мандаринов, ни бананов. Как то муж из Москвы привез два ананаса. Мы их поставили в главной комнате и по всей квартире разошелся приятный запах ананаса, который помнится до сих пор. В огородах у многих росли свои яблоки, сливы, ягоды, из которых варили компот.

Юлия Ивановна тоже помнит, что национальное блюдо «чак-чак» было популярно, пекли его сами, в магазине или не рынке оно не продавалось.

Сложнее приходилось тем людям, которые работали в учреждениях, где не было столовых по льготным ценам. Так, А.Е. Шишова вспоминает, что в исследуемый период ее мать работала дворником, отца у них не было, а в семье было три человека — мать и две маленькие дочери. Питание было очень скудным, мяса, молока, масла и сладостей в рационе не было. Девочки с благоговением смотрели на баночку меда, которую мать припасла «на черный день» и мечтали ее открыть. Далее, мать устроилась посудомойщицей в кафе «Сирень». Тогда, по словам девочек, у них началась «райская жизнь», они попробовали и копченую колбасу, и шоколадные конфеты, которые мама часто приносила с работы, кроме того, больше голодных времен они не помнили никогда, то есть, все-таки, работая в кафе, население имело возможности обеспечить свою семью питанием.

Сычева А.В., работая в 1960 году дворником, также не могла обеспечить семью разносолами: питались, в основном, картошкой, весной варили суп из крапивы.

В районах республики воспоминания менее позитивные. Так, Хайруллин Р.А. вспоминает хлеб из кукурузной муки, который никому не нравился, так как на вкус хлеба переходило недовольство народа реформами в сельском хозяйстве, проводимыми Хрущевым Н.С. Жена Хайруллина Р.А. оказалась в Казани в день приезда Хрущева. И когда Хрущев проезжал мимо домов, из окон вслед ему бросали помидоры и фрукты (август 1964).

Примечательно, что население не вспоминает политических фактов, люди относились благоприятно к приезжим, дружно осенью выходили во двор на рубку капусты, население неохотно посещало тогда немногочисленные кафе, предпочитая приобретать незатейливые готовые блюда «с рук». На популярных в то время рынках питания («обжоровка» напротив пригородного вокзала или «толкучка» на Булаке) можно было купить все: пирожки, жареную рыбу, даже суп [8]. По этому поводу, в своем выступлении на заседании бюро обкома партии, Первый секретарь Татарского обкома КПСС С.Д. Игнатьев с тревогой отмечал о росте «кулацкого» движения — в районах строительства Ветеринарного института, Дербышках, Ленинском (ныне Московском) районе и районе Кабана развивалось строительство дач и подсобных хозяйств [7], что соответствовало стремлениям горожан обеспечить себе достойное питание во время продовольственного дефицита.

Так, Сереева Клавдия Петровна вспоминает, что в 1946 году она с мужем переехала в Казань. Его направили в Суворовское училище и жили они в военном городке. В этом городке был свой магазинчик, и все необходимые покупались в нем. В магазинчик привозили все необходимые продукты: молоко, творог, хлеб, булки, масло, сыр, даже выпечку и торты. Торты были дорогие и поэтому мы покупали их только по праздникам, очень редко. В основном покупали коржики, булки, было очень вкусно. Колбаса была чудесная, самая дешевая «Любительская» или «Чайная». «Она была очень ароматная и вкусная, такую сейчас не выпускают», — вспоминает Клавдия Петровна, — Я очень часто пекла пироги с яблоками и пирожки с мясом, это были излюбленные блюда. В военном городке была семья, которая разводила поросят, поэтому у нас всегда было свежее мясо».

Про национальные блюда Клавдия Петровна слышала, но, например, чак-чак «никогда не видела на прилавках, ни в магазинах, ни на рынке. Да и сама не пробовала».

Сереева К.П. вспоминает, что в гости в то время ходили друг к другу редко, в основном, на дни рождения, но и столы в этот день не ломались от еды. Все было скромненько. Алкоголь мы тоже не пили, обычно это была минеральная вода «Ессентуки» либо «Лимонад».

Дачи в семье Сереевой К.П. не было, поэтому овощи и фрукты покупали на рынке. Там всегда была вкусная квашеная капуста и соленые огурцы. Варенье и джемы не варили. Особые воспоминания — о «буженине»: «ели ее очень редко, только по праздникам, но это было очень вкусное блюдо. Вся семья ела с наслаждением». Сереева К.П. вспоминает, что самое главное во все времена для нее было быть сытой. Одежда и предметы быта — после. Сетует на то, что современная жизнь гораздо труднее, в хрущевский и вообще советский период человек чувствовал заботу власти и уверенность в завтрашнем дне.

Среди девиантных практик самой распространенной была практика «нужных людей». Воспоминания граждан

свидетельствуют, что открытого понятия «блат» в исследуемый период не было, на улице об этом не кричали и не говорили. Конечно, можно было все найти, но только при наличии денег, для этого существовало понятие «достать» (Серекова К. П.). Так и в исследуемый период «достать» продукты можно было, имея знакомого человека в сфере торговли. Правда, если не хватало денег, то и блат был бесполезен. Поэтому многие ничего не доставали, покупали в магазинах и на рынках то, что было.

При действующей плано-распределительной экономике и низкой организации транспортного обслуживания торгующие организации не могли равномерно получить полагающийся набор продуктов для продажи. Отсюда и очереди в те дни, когда производился долгожданный завоз, причем покупатели и продавцы часто не знали какие продукты привезут в магазин. Такие факты, конечно, не мог не заметить народ, в сатирических журналах того времени появлялись карикатуры на плохую организацию торговли (приложение).

В связи с тем, что производство некоторых продовольственных товаров — мяса, рыбы, сахара, масла животного — носило сезонный характер, оптовые базы в определенные периоды времени были «завалены» продукцией; однако при неудовлетворительной организации снабжения была нарушена его равномерность, которая имела большое значение в потребительских ожиданиях и настроении жителей Казани. Именно такие неравномерные выгрузки товаров со складов приводили к возникновению дефицита и очередей. В сезонные периоды «затоваривания» баз, нарушались условия хранения, а многие продукты даже не могли быть приняты. В этом снова проявлялись недостатки организации распределения — сбой провоцировали и невыполнение, и перевыполнение планов.

По данным архивных документов в целом по Казани весь исследуемый период были проблемы с обеспечением мяса, в 1957 году были перебои с сахаром и мукой. С 1958 года продовольственные фонды на основные продукты уменьшились. В 1960 году сверх фондов было получено 11576 тн мяса и молокопродуктов за счет перевыполнения плана поставок государству, в 1961 году перевыполнить план не удалось. В 1962 году на республику по запросу Обкома КПСС выделены дополнительные фонды мяса и молочных продуктов.

Потребление населением овощей можно проследить по справке в архивах ЦГА ИПД РТ о торговле картофелем и овощами. Так, в первом полугодии 1955 года по Татарской АССР было реализовано квашеной капусты 2576 тн, помидоров соленых 362 тн, огурцов соленых 274 тн, какртофеля 12285 тн, цитрусовых 865 тн, сухофруктов 85 тн, лука зеленого 86 тн, огурцов свежих 42 тн, красных помидоров 3,7 тн, свежей капусты — 8 тн, редиса 11,3 тн, прочих овощей 11 тн, ягод — 14 тн [5]. Так и представляется ежедневный ужин казанца тех времен — картошечка, посыпанная зеленым луком, с квашеной капусткой. В то же время ужин мог быть и разнообразнее — работники торгующих организаций в нарушение обязательств

договоров, допускали случаи отказа от приемки ранних овощей, а также незаконные скидки с веса принимаемой продукции, понуждали колхозы и совхозы развозить продукцию по отдельным магазинам, расположенным на разных концах города, что приводило их к излишним транспортным расходам [6]. Установлены также случаи, когда при приемке овощей, работники торгующих организаций не выписывали или неряшливо оформляли документы, произвольно занижали качество продукции. Такие действия приводили к тому, что в некоторых колхозах и совхозах значительное количество овощей перезревало, теряло свои пищевые качества, что снижало материальную заинтересованность колхозов и совхозов к овощеводству, недостаток овощей, плодов и ягод в магазинах города приводило к повышению на них цен на колхозных рынках. Так, совхоз Пестречинский имел договоры на поставку овощей с 3-м Горпищеторгом города Казани. Совхоз вырастил на двух гектарах 50 тысяч пучков редиски или 10 тн, но сумел сдать по договору только 19 тысяч пучков. В результате один гектар даже пришлось запахать, вследствие чего совхоз понес убытки в сумме 1250 руб., а население города не получило свежей редиски. Из 440 кг зеленого лука на реализацию принято только 60 кг, от партии весом 4479 кг торг отказался. Также торг отказался от урожая свеклы и укропа. Из 1158 кг капусты принято только 700 кг. Казанский горплодоовощторг вместо 2200 пучков моркови принял от совхоза «Кулаевский» только 100 пучков. Морковь была возвращена в совхоз и скормлена скоту. Плодоовощторг не принял и 480 кг вишни, ссылаясь на их нестандартный вид (отсутствие черешка). Далее вишня была принята и реализована с 50-процентной скидкой, вследствие чего совхоз «Кулаевский» понес убытки. Такие же факты допускал и Казанский трест ресторанов, не приняв у совхоза «25 лет Октября» урожай капусты и редиса [6]. В то время Комитетом партийно-государственного контроля Обкома КПСС и Совета Министров ТАССР выявлены вопиющие факты рассмотрены и принято постановление о наказании виновных, но до горожан пропавшие овощи уже дойти не могли.

Исключение составляли праздничные даты, к которым власти заранее готовились и мобилизовали все силы на обеспечение бесперебойного продовольственного обеспечения. Так, сохранилось распоряжение по Министерству промышленности и продовольственным товарам от 15.04.1957 года № 33 «Об обеспечении торговли в предпраздничные дни и дни Первомайских праздников», на основании которого фабрики им.Микояна, Светоч, Казанский горпищеккомбинат и Казанская макаронная фабрика обязаны были обеспечить в апреле 1957 года выработку кондитерских и макаронных изделий в специально установленном ассортименте и расфасованные в празднично-художественно оформленные упаковки. Также устанавливался повышенный план выработки.

Равномерная отгрузка товаров, особенно в отдаленные районы, вменялась под личную ответственность директоров указанных предприятий [3]. Праздничный ассор-

тимент фабрики Светоч составлял дополнительные 42 тонны конфет: малина со сливками, клубника со сливками, черная смородина, клубника, яблоко, слива, вишня, раковая шейка, апельсин, лимонная, ликерная, золотой улей, клюква, дюшес, театральная, любительская, мятная. Расфасовка — в глянце, упаковка — в коробки-баульчики, монпасье — в жестяные коробки

Праздничный ассортимент фабрики имени Микояна составлял: коробка майская/конфета Весна, шоколадные батоны с начинкой/этикетка майская, шоколад Детский, Ванильный, Виды Казани, Ирис Забава, конфеты Каракум, печенье Привет, Мозаика, Украинская смесь, Московские хлебцы, торт ы: бисквитно-кремовый, Отелло, Сказка, пирожные, кексы — всего 38 тонн; Конфеты Ромашка, Южная, Лето, Буревестник, Пилот, Ласточка, Лимонные, Счастливое детство, Весна, Радий, Цитрон — 28 тонн [3].

Праздничный ассортимент Казгорпищекомбината: конфеты Раковая шейка — 3 тонны, Эсмеральда — 2 тонны, Ореховая смесь — 10 тонн, Мишка на Севере — 0,5 тонн, Школьная — 4,5 тонн.

В праздничные и предпраздничные дни в магазины производилась повышенная отгрузка мяса, масла и других деликатесных продуктов. В докладной записке Директора конторы Гастроном сохранились данные о дополнительном выделении фондов перед новым годом на мясо, колбасные изделия, муку, масло, вина виноградного, получении 44 тн импортных апельсинов, 44 тн яблок, детских новогодних подарков.

Таким образом, воспоминания жителей Казани исследуемого периода подтверждают выводы нашего исследования о том, что в целом продовольственное обеспечение в 1953—1964 годах улучшилось в сравнении с военным и послевоенным периодом, а также с периодом после правления Хрущева. В магазинах и на рынках города можно было купить разнообразное количество продуктов отличного качества. Потребление продовольствия отличалось по разным слоям населения в зависимости от достатка. Студенты, школьники и работники заводов и учреждений, питающиеся в предприятиях общепита, подтверждают отсутствие национальной кухни в Казани до 1960-х годов.

Литература:

1. Вишленкова Е. А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX-XX вв./Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 452 с. с. 344.
2. Носов Н. Версты любви//Казань. 1995. № 1—2. с. 54—55
3. Национальный Архив Республики Татарстан. Р. 6292. Оп.1. Ед.хр.1839. Л.42,43.
4. Центральный Государственный Архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф.15. Оп. 6. Д. 3647. Л. 13, 33—34
5. ЦГА ИПД РТ, Ф.15. Оп.6. Д.5046, Л.52
6. ЦГА ИПД РТ.Ф.15. Оп.6. Д.7156. Л.109, 110.
7. ЦГА ИПД РТ.Ф.15. Оп.41.Д.62.Л.109.
8. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 43. Д. 5348. Л. 5,6.

Пресловутые борщи, котлеты, пирожки и пельмени являются любимыми блюдами населения и в наши дни. Далее в общепите появляется ряд национальных блюд. Хозяйки, которые готовили дома, пекли национальные блюда, соблюдали религиозные традиции (пасха и т. д.).

При отсутствии продуктов в магазине их можно было купить на рынке, ряд практик самообеспечения включает: 1) продукты с приусадебных участков, в том числе и мясо кур, свиней; 2) участие в различных работах и общественных проектах, за которое власть платила талонами на питание; 3) поездки в другие регионы либо деревни (осуществлялись редко, по случаю). Среди девиантных практик можно выделить спекуляцию продуктами работников магазинов и предприятий общественного питания; хищение продуктов;

Отмечено позитивное отношение к исследуемому периоду, чувство радости от вкусных продуктов по праздникам, чувство сплоченности при заготовках на зиму. Очереди были, но очевидцы также сравнивали их с очередями других периодов, когда продуктов могло и не хватить при стоянии в очереди. Сладкие продукты также ассоциировались с праздниками или особыми случаями. Режим питания сохранялся трехразовый с небольшими перекусами в перерывах. К такому режиму относились с уважением и старались его соблюдать. Также соблюдали традиции, прививаемые средствами массовой информации по части сервировки стола, очередности блюд, если не каждый раз, то при праздничных трапезах обязательно. Праздники также отмечались повышенным продовольственным снабжением магазинов госторговли и потребительской кооперации, колхозных рынков.

Проблемы с питанием возникали у неработающих (не организованных по учебе и т. п.) граждан либо работающих в учреждениях, не имеющих льготных столовых, так как общегородские столовые, кафе и проч. были доступны не каждому гражданину.

Таким образом, очевидно, что активизация развития идеологии культуры питания и общественного питания определила критерии и предпочтения населения Казани, которые по большому счету не отличались от центральных установок.

Вынужденный компромисс хана Хивинского (конец XIX века)

Уразметов Мангубек Турсунбаевич, студент
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

В последние годы все больше усиливается интерес к культуре, истории и духовной жизни среднеазиатского региона. Появляется ряд исследований по изучению региона. Большинство таких работ публикуются западными исследователями. Часть из них переведена на русский язык. Менее исследованной остается политическая ситуация Хивинского¹ ханства конца XIX — начала XX века который имеет свои особенности в рассматриваемом регионе.

Мухаммад Рахим-Хан II (1864—1910) был последним независимым ханом Хорезма. В 1873 году, несмотря на сопротивление, ханство оказалось под протекторатом России [4]. После захвата Хивы 29 мая 1873 года ханство фактически превратилось в вассала Российской империи. 12 августа 1873 г. в Гандумкане, в летней резиденции хана, был заключен мирный договор между Россией и Хивинским ханством. По пункту № 1 договора хивинский хан признал себя покорным слугой российского императора.

Несмотря на вынужденную покорность, Хивинский хан Сеид Мухаммед Рахим II несколько раз ездил в Санкт-Петербург, встречался с представителями мусульманских сообществ и высоко ценил просветительскую идеологию Российского государства.

В журнале «Нива» от 1883 года есть сообщение под названием «Наши восточные гости. Хан Хивинский» где описывается приезд хана в Санкт-Петербург со всеми подробностями. *«Теперешний владетель Хивы, Сеид-Магомед-Рахим-Богадур, еще молодой человек, очень симпатичной и приятной наружности, которая не имеет ни одной черты, напоминающей жестокого и хитрого среднеазиатского деспота. Хан в действительности очень добрый и гуманный человек, как об нем единогласно свидетельствуют все путешественники, посещавшие Хиву за время его управления. во время пребывания своего в России, Хивинский хан повсюду проявлял свою любознательность, и кажется, что Петербург произвел на него большее впечатление, нежели Москва [5].*

В условиях колониализма народы Туркестана стали свыкаться с империей, а русского царя стали воспринимать как главу своего мусульманского государства. Через традиционные литературные жанры мусульмане стремились поддержать правителя. Русская и местная интеллигенция в лицах как Фуркат, Фитрат, Саттархан Абдулгафуров, Ибрат, мулла Абдулла и другие выступали как активные сторонники просветительства, боролись за сближению двух народов.

В фонде русского краеведа-историка Н. Остроумова (1846—1930) в центральном государственном архиве Республики Узбекистан хранится текст хутбы (мольба) на узбекском языке, написанный на имя русского царя Александра III (1881—1894). Она составлена после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. Её текст написан на бумажном листе размером 18x27,5 см. и приклеен на деревянную доску размером 19,5x29 см. В верхней части доска имеет округлую петлю, предназначенную, видимо, для подвешивания на стене.

Н.П. Остроумов один из первых российских учёных, изучавших Туркестан и мусульманскую культуру. С 1877 года Николай Петрович жил и работал в Ташкенте. Его книги «Мир Ислама в прошлом и настоящем» (1912), «Исламоведение. (ташкент, 1914), «Аравия — колыбель ислама» (1910), «Вероучение Корана» (Москва, 1915), «Шариат» (Ташкент, 1912), «Коран И Прогресс» (1901) активно подействовали пропаганде и к уважению мусульманской духовности среди обеих наций.

Надо отметить, что мирный договор между Россией и Хивинским ханством был для хана вынужденным перемирием, важным и обязательным элементом политического процесса, а также способом реализации целей в политике, имеющим конструктивный характер, что в какой-то мере устранил угрозы разрастания широкого конфликта в обществе. При нестабильной политической системе Хивинского ханства XIX века это был единственной дорогой к преодолению кризиса и переходу к нормальной жизни, а также инструментом непосредственного удовлетворения социальных потребностей народа и желаний на безопасность.

Процесс перемирия был не только единство сторон, но и их борьба. Так как в основе действовало противоречие между субъектами политической деятельности. Ряд исторических хроник как «Шахиди-Икбал», стихотворений местных авторов как «Хорезмнаме», «Мунаджат» и другие источники открывают реальную картину событий рассматриваемого периода. «Хроника «Шахид-И Икбаль» посвящена периоду правления Саида Мухаммеда Рахим Хана II, просвещенного покровителя хорезмской науки и искусства. Она представляет собой запись современника о совершавшихся на его глазах событиях с 1864 по 1872 гг. [2].

О значении национальных источников В.В. Бартольд писал следующее: *«Между прочим, остается невыполненной задача, важность которой, казалось бы, не могла подлежать сомнению, особенно*

¹ Хива город музеев под открытым небом в Узбекистане.

для местных деятелей: извлечь из памятников туземной литературы рассказы о ходе завоевания края русскими и об отдельных моментах этой борьбы» [1].

На необходимость выполнения этой работы впервые обратили внимание проф. Н.И. Веселовский, академик А.Н. Самойлович. Они справедливо отметили, что при пользовании одними русскими источниками мы

можем впасть в односторонность и составить неверный взгляд на местное население, на его взгляды и деятельность в то время.

Этот вопрос до сих пор остается актуальным. Следует по архивным данным обратить внимание на реальность выполнения конкретных задач, договоренностей достигнутых сторонами: между Хивинским ханством и Россией.

Литература:

1. Бартольд В.В. События перед Хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка Сочинения Т.П.Ч.2. М.:Наука.1964. — с. 400.
2. Халлиева Г. О единственной рукописи хорезмского поэта XIX в. Агахи, хранящейся в рукописном отделе Института восточных рукописей РАН// Письменные памятники востока. Санкт-Петербург. 2010. — № 2 (13). — Стр.199–206.
3. Мирный договор России и Хорезма ЦАРУз // Фонд И-1 (канцелярия Туркестанского генерал-губернатора) Оп.№ 27.Дело.№ 7
4. <http://ru.wikipedia.org>
5. Наши восточные гости. Хан Хивинский // НИВА, 1883,№27. — Стр. 648–651.

Методы борьбы с беспризорностью в России в 1917–1939гг.

Фадеева Галина Дмитриевна, доцент;

Паршина Ксения Сергеевна, студент;

Маркелова Иветта Владимировна, студент

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

По официальной статистике в России сейчас около 700000 детей сирот большинство из них беспризорники, но по не официальной статистике их около 3 миллионов [1, с. 43]. В год прибавляется по 78 тысяч сирот. С 1990 количество детских домов увеличилось с 900 до 2100. Точный учет беспризорных и безнадзорных детей в Российской Федерации затруднен и тем, что многие родители часто не подают заявления в милицию об «ушедших на улицу». В розыск же, как правило, объявляют, прежде всего, детей и подростков, сбегающих из детских домов, интернатов, специальных образовательных учреждений, приютов. Например, в 2000 г. в официальном розыске числилось около 40 тыс. детей и подростков, в т.ч. более 10 тысяч, сбежавший из домов-интернатов. В 2002 г. же число объявленных в розыск детей выросло почти до 50 тыс. Реальное же число детей, ставших беспризорными и безнадзорными, нуждающимися в помощи, гораздо больше [2, с. 70].

К сожалению, в настоящее время в нашей стране предпринимается не достаточно мер для коренного перелома в данной проблеме. Данная работа направлена на то, чтобы, проанализировав методы борьбы с беспризорностью в России в разные времена, выработать наиболее эффективные меры для борьбы с беспризорностью в России сегодня.

Семь лет. Первой мировой и Гражданской войн вызвали разруху в стране. Народное хозяйство, миллионы

людей остались без крова и без работы, семьи — разлученными, дети — выброшенные на улицу.

Как только стихли бои на фронтах Гражданской войны, одним из первых вопросов, вставший перед Советской властью, был вопрос о детях. Проблема детской беспризорности обострилась с особой силой в 1921 году, когда на Россию обрушился губительная засуха. Посевы погибли, хлебные резервы исчерпаны, надежд на урожай не было. Положение страны стало катастрофическим. Пришел небывалый голод, охвативший 37 губерний с населением свыше 40 млн. человек.

В районах сложилась ужасающая картина детского, сиротства, бездомности, проституции, преступности, буквального вымирания.

Газета «Красная звезда» Петроградского военного округа от 29 марта 1922 года сообщала: «К началу 1922года от голода умерло более 11,2 млн. детей». В1922 году в стране находилось около 7 млн. детей беспризорных и безнадзорных детей.

По инициативе Ф. Э. Дзержинского Президиум ВЦИК на заседании 27 января 1921 года постановил организовать при ВЦИК комиссию по улучшению жизни детей. В тот же день Дзержинский издал приказ ВЧК № 23, в котором в частности, говорилось:

«Положение детей, особенно беспризорных, тяжёлое... Три года напряжённой борьбы на фронтах (Гражданской

войны) не дали возможности, однако, сделать всего необходимого для обеспечения и снабжения детей и окружения их исчерпывающей заботой... И Чрезвычайные комиссии не могут оставаться в стороне от этой заботы. Они должны помочь всем, чем могут, советской власти и в работе по охране и снабжению детей» [3, с. 47].

Далее в приказе указывались конкретные задачи. В них входили: обследование фактического положения дел на местах; проверка выполнения декретов о детском питании и снабжении и изыскания мер и способов к их выполнению; помощь в отыскании лучших зданий, их ремонте, снабжении топливом; особое внимание уделялось защите беспризорных детей на вокзале и в поездах. В случае невозможности принять детей органами народного образования надлежало «изыскать иные способы снабжения их помещением и продовольствием». Предписывалось: «обо всех случаях хищения, злоупотреблений или преступного отношения к детям — и разгильдяйства — Чрезвычайной комиссии должны доводить до сведения своего Исполкома... и все дела, требующие наказания, передавать в Ревтрибунал или Народный суд по важности дела — для гласности разбирательства». В заключение приказа говорилось: «Забота о детях есть лучшее средство в истреблении контрреволюции. Поставив на должную высоту дело обеспечения и снабжения детей, Советская власть приобретает в каждой рабочей и крестьянской семье своих сторонников и защитников, а вместе с тем широкою опору в борьбе с контрреволюцией». В двухнедельный срок предлагалось сообщить, «что по этому вопросу сделано, а также план предстоящей работы в этом направлении» [3, с. 53].

Официально комиссия по улучшению жизни детей была образована 10 февраля 1921 года. Председателем Комиссии стал Ф.Э. Дзержинский. Его заместителем ВЦИК утвердил командующего войсками ВЧК, начальника милиции республики В.С. Корнева. В состав комиссии вошли пять членов — по одному представителю от Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомпроса, Рабоче-крестьянской инспекции и ВЦСПС.

В письме Дзержинского, направленного всем местным органам ВЧК, говорилось, что работа сотрудников ЧК должна состоять не в том, чтобы вмешиваться в деятельность учреждений, которые поручена охрана детей, а в том, чтобы оказывать им практическую помощь.

Сотрудники ЧК и милиции раскрывали и пресекали преступления связанные со взяточничеством, хищениями и бесхозяйственностью в работе учреждения по охране жизни детей, взяли под свою защиту беспризорных детей на вокзалах и в поездах.

Деткомиссия занималась многими аспектами, по улучшения ситуации по поддержке детей, за время своего существования. Но, естественно, больше всего внимания она уделяла вопросам снабжения различных детских учреждений всем необходимым, распределения продовольствия, а так же предметов первой необходимости. Было распределено 175 тысяч пар обуви и 750 тысяч пар лаптей

(например, Петроградской губернии выделилось 17 780 пар обуви и 76 200 пар лаптей), а также 110 тысяч пар американской обуви; досок, брусков и других лесоматериалов. Особой статьёй выделялись деньги (12млрд. 700 млн. рублей) на организацию детских домов в голодающих губерниях. Отдельные решения были приняты даже по распределению 4 вагонов посуды и 2400 ящиков оконного стекла.

Создавались специальные детские учреждения: приемники-распределители (временного пребывания), детские дома, «коммун» и детских «городков». «Детские городки» представляли собой объединение нескольких детских домов, школ, ФЗО с обслуживающей их инфраструктурой и подсобными учреждениями, и персоналом работников.

Активное участие в работе с детьми и подростками «с улицы» принимали и комсомольские работники. Через 200 созданных в 1921 г. приемников-распределителей, рассчитанных на прием от 50 до 100 детей одновременно, в первый год целенаправленной государственной борьбы с беспризорностью прошло более 540 тысяч детей. Для сравнения отметим, что ныне, по данным МВД, только в России из семей сбегает, до 500 тысяч детей в год.

В детских домах, принимавших детей до 12–14 лет, организовывалось лишь их обучение и воспитание. Трудовые коммуны же принимали подростков более старших возрастов (14–16 лет), и наряду с общеобразовательным велось и их трудовое обучение, так же внедрялись принципы самоуправления и самообеспечения.

Несмотря на огромные трудности восстановительного периода, к 1925 г. в РСФСР уже имелось более 280 детских домов, 420 «трудовых коммун» и 880 «детских городков» [4, с. 124].

Если через созданные при участии комсомольских работников 43 школы ФЗО (фабрично-заводского обучения) за 1921 год прошло только 2 тысячи учащихся, то в 1924 году уже 927 таких школ окончили более 90 тысяч подростков.

Часть детей направлялась, в том числе и в различные вспомогательные подразделения Красной Армии. Конечно, можно рассуждать об ограничении «свободы выбора» у подростков-беспризорников, данный тезис является принципиально неверным утверждением. Вертикальная социальная мобильность населения, то есть возможность граждан реализовывать свои личные планы и стремления, в 20-е годы была несравнимо выше, чем в последнее десятилетие. Интересный факт, что 8 бывших беспризорников стали впоследствии академиками СССР, один из них основатель Института цитологии и генетики Николай Петрович Дубинин.

Нельзя также упускать из вида и того неоспоримого факта, что дети уходили с полной опасностью и преступности улицы, взамен же приобретая хотя бы минимальный кров и уход, а так же образование и возможность своей реализации в дальнейшем.

Самые несчастных детей из голодающих губерний эвакуировала в более благополучные регионы, а также за

границу (600 человек отправили в Чехословакию; рассматривался вопрос о направлении в Германию и Англию).

По инициативе ВЧК народный комиссариат продовольствия направил 21 марта 1921 года указания всем Губпродкомам: «В целях обеспечения диетическим питанием детей и больных... изъять нижеперечисленные продукты из общего распределения, представив их исключительно для детского и больничного питания». В числе продуктов были запасы сушеных фруктов, молочной муки «Нестле», овсяной крупы «Геркулес», фруктовых консервов, шоколада, и т.д. В телеграмме Корнева, направленной вслед за этим указанием, говорилось: «Винные в неисполнении циркуляра подлежат строгой ответственности».

В другой телеграмме Корнева предлагалось «немедленно принять меры отвода в ведение Наркомпроса не требующих большого ремонта хорошо сохранившихся пригородных дач для летних детколоний».

Лишь бюджетных средств для борьбы с беспризорностью естественно было недостаточно, и Деткомиссия искала всё новые источники пополнения своего бюджета. Одним из них стал специальный выпуск тиражей двух почтовых марок, все средства, от продажи которых шли на помощь беспризорным. По инициативе Деткомиссии Президиум ВЦИК ввёл специальное 10%-ное обложение билетов в различные увеселительные зрелища в форме особых марок. В 1923 году была проведена всероссийская «Неделя беспризорности и больного ребёнка», давшая большие сборы (ГПУ пожертвовала 100млрд. рублей). Прошёл также «Тарелочный сбор» в театрах. 10%-ое отчисление от выручки буфетов только за первый день «Недели» составило 25 млрд. рублей. Была выпущена ки-

нокартина «Беспризорные», освещавшая жизнь среды, в которой вращались беспризорные — «дно улицы», ночлежки, воровские притоны. На средства, собранные в рамках «Недели», были основаны новые детские учреждения.

Созданные в большом количестве детские, «дома ребёнка», детские коммуны, колонии, интернаты и другие детские учреждения, эвакуация детей в благополучные районы, кампания по усыновлению беспризорных и другие меры, в результате дали свои плоды. Количество беспризорных и безнадзорных детей резко сократилось [5, с 52]. Может быть это простое совпадение, но памятник Ф.Э. Дзержинскому был воздвигнут там, где находятся здания не только здания спецслужб, но и универмага «Детский Мир».

По просьбе Ф.Э. Дзержинского, перегруженного работой ОГПУ, Наркомате путей сообщений, а также в ЦК ВКП (б), осенью 1923 года он был освобождён от руководства комиссией, работа которой была уже налажена, но до конца своих дней не переставал заботиться о детях. Ф.Э. Дзержинский ушёл из жизни в 1926 году, не успев полностью завершить начатое дело по ликвидации детской беспризорности. Несмотря на все принятые меры, в 1926 году в СССР оставалось ещё около 290 тыс. беспризорных детей.

Накануне Великой Отечественной Войны, благодаря комплексному внедрению мер по ликвидации и профилактики беспризорности. Удалось практически полностью.

Таким образом, опираясь на опыт борьбы с беспризорностью в 1917—1939гг. необходимо создать (с учётом поправки на реалии нашего времени) и реализовать комплексную программу по борьбе с детской беспризорностью.

Литература:

1. Брошенные дважды Беспризорники в России забыты и родителями, и государством № 26 (267) от 7 июля 2011 [«Аргументы Недели», подготовила Надежда ЛАРИНА]
2. Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации». М., 2003. -130 с.
3. Дзержинский Ф. Э., Избранные статьи и речи, М., 1947—390 с.
4. Самая великая операция Дзержинского.//Сто великих операций спецслужб. — Москва.: «Вече»,2005. с. 123—126
5. Луначарский А.В. О детдомах и беспризорности [Текст]// Народное просвещение:М — 1928 — № 1.

Реклама на страницах периодической печати Туркестана в конце XIX — начале XX века (на примере «Туркистон вилоятининг газети»)

Холикулова Шахноза Баймухаммедовна, старший преподаватель
Навоинский государственный педагогический институт (Узбекистан)

В статье раскрывается проблема появления на страницах периодической печати Туркестана в конце XIX — начале XX века на примере «Туркистон вилоятининг газети», первой газеты на узбекском языке. Автором прослеживаются качественные и количественные изменения рекламы через прессу.

Ключевые слова: Туркестан, периодическая печать, газета, реклама, предпринимательство

Появление рекламы [1] имеет давнюю историю. Имеются сведения о том, что в Древней Греции и Риме существовали устные и письменные рекламы и даже товары рекламировались посредством клейма товарного знака. Реклама в ее нынешней форме появилась в США со второй половины XIX в. с созданием рекламных агентств, деятельность которых приносила им большие доходы. Первоначально письменная реклама выполняла функцию оповещения покупателей о магазине и выставленных в нем продажу товаров. Эта информация передавалась на специально созданных досках объявлений и витринах. Позже реклама обретает форму обращения к потенциальному покупателю через специальные издания. Так, рекламные объявления стали публиковаться в афишах, книгах, журналах, газетах [2, с. 299].

В Туркестане первые печатные рекламные объявления появились в 70-е годы XIX в. на страницах первой газеты края «Туркестанские ведомости» — официального органа Туркестанского генерал-губернаторства. В этот же период реклама стала размещаться и на страницах периодического издания «Туркистон вилоятининг газети» [3] — первой газеты в Туркестане, издававшейся в 1870—1883 гг. в качестве приложения к газете «Туркестанские ведомости» периодичностью 2—4 раза в месяц на узбекском и 2 раза в месяц на кыргызском [4] (казахском) языках тиражом 500 экземпляров. С 1872 по 1883 г. редактором газеты был переводчик Туркестанского генерал-губернаторства Шохимардон Ибрагимов, в 1883 г. — Мухаммадхасан Чанышев, с конца 1883 г. по февраль 1917 г. — Н. П. Остроумов. С 30 января 1883 г. «Туркистон вилоятининг газети» стала публиковаться как самостоятельная. В 1885—1901 гг. одна полоса газеты была отведена публикациям на русском языке. Газета имела своих читателей не только в Туркестане, но и в других регионах России, в частности, в Гельсингфорсе, Казани, Кашгаре, Бахчисарае, Москве, Омске, Петербурге.

Через рекламы на страницах «Туркистон вилоятининг газети» читатели в основном ознакомились с научными открытиями и новинками в мире техники. Реклама размещалась на первой и последней страницах газеты. Для привлечения внимания читателей она очень красочно оформлялась, причем в рекламе определенных товаров в течении продолжительного времени использовались иллюстрации, что также порождало любопытство и интерес к рекламируемому товару.

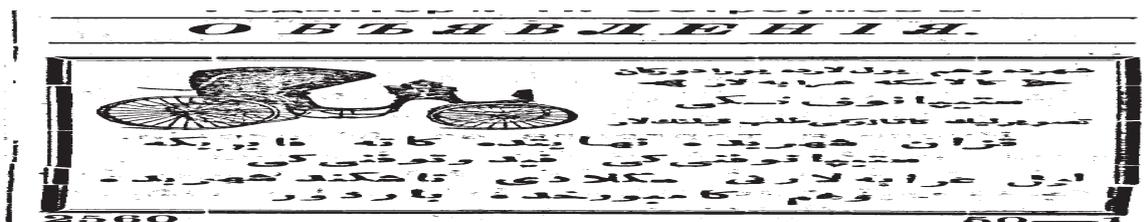
С конца 90-х годов XIX в. на страницах этой газеты стали широко рекламироваться новая техника и технологии, что было необычным явлением в социально-экономической жизни края. В частности, неподдельный интерес рекламы вызвала швейных машин, и пишущих машин, велосипедов, извозчиков [5, с. 169]. Например, в № 25 за 1905 г. «Туркистон вилоятининг газети» была помещена реклама о продаже в магазине в Ташкенте велосипеда (на языке местного населения «шайтан арбу») английского завода «Филит» [6], коляски, производства завода г. Казани,

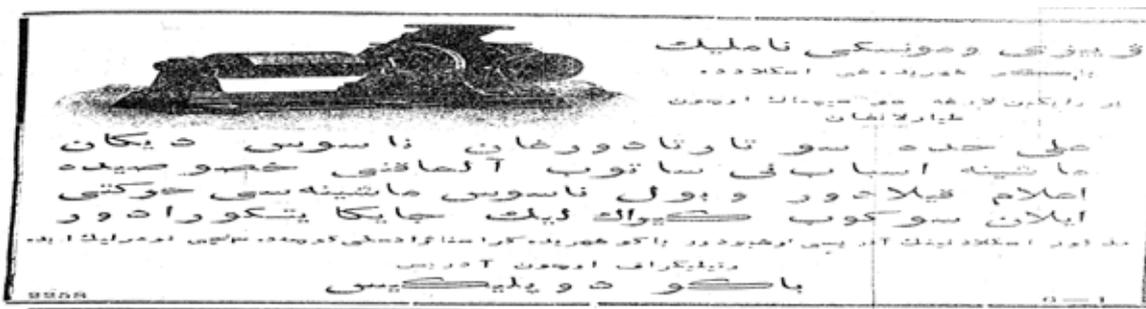
انگليسكى ۋېلاسىدلار
ساياڧدور شېھرتا شىكندە سكاوسكى كوچەدە ۲۹ نىچى نومرلىك حولىدە ي - آ - مينا كو فۇدە . (25) گ .
مىنى شىطان غرابە ۋى آلدىن
كىن ۲ دونكا لاكلى كومبىرەم
فايت فابرىكا لارىنىك

اينگليس آطلاۋىنى تىخىدىن بولغان آيغر آطاعە يىلارنى قوشوب چاپتورمىنى خواھلاغۇچىلار نىمكا نسكى كوچەدە
كرامنى كرست جاعە نىنك كسل خانە سىنى زوروسىدە مانامادومف نىنك حولىسىدە سوراب بىلسەلار بولادور
13 - 12 (27)

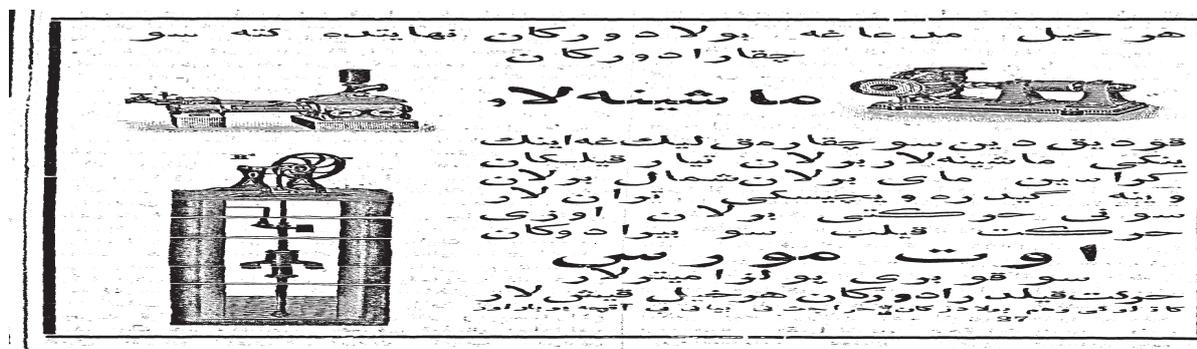
которую можно было выбрать по каталогу [7].

Как свидетельствует анализ газетного материала, газета давала информацию о товаре и возможности его приобретения не только на территории Туркестанского генерал-губернаторства, но и в других городах через телеграфную службу. Например, в одной из таких реклам, сообщалось о насосе для поливки растений, который можно приобрести со склада г. Баку, причем давался адрес склада и его телеграфный адрес [8].

Реклама вызывала большой интерес у читателей тем, что давала им жизненно важную информацию. Так, например, исходя из того, что в экономической жизни Туркестана большое место занимало сельское хозяйство и большая потребность была в оросительной технике, газета поместила рекламу о водонасосных двигателях, в которой перечислялись достоинства товара и особо подчеркивалось, что такие двигатели могут воспроизводить большое количество воды, работать как на керосине, так и с помощью ветра и воды. Предлагался, выбор их по каталогу, в котором указывались цены на них [9].

Небезызвестно что, реклама газеты была очень своевременна в конце XIX-начале XX в. в Туркестане в связи с развитием хлопководства стала развиваться хлопкообрабатывающая и маслобойная промышленность. «Туркистон вилояти газети» учитывая актуальность этого, разместила рекламу, предлагая предпринимателям края для хлопкообрабатывающей и маслобойной промышленности, технику и технологии зарубежного производства. В рекламе сообщалось, что организация, которая продает технику берет на себя обязательство устройства и обслуживания техники. В частности, в одной из реклам покупателю предлагались прессы для выжимки масла из хлопка, производства г. Магдебурга Германии. Сообщалось, что прессы в употреблении удобны и очень эффективны: за один раз можно выжать 750 пудов семян хлопчатника. Особо оговаривалось, что их приобрести в кредит, а также указывалось цена вместе с установкой 4500 руб.» [10].

В тот период на рынки Туркестана начали проникать известные компании и организации мира, которые начали рекламировать свои товары. В числе их была компания Зингер, в рекламах которой отмечалось, что их товары можно приобрести не только в Ташкенте, но и в других городах края [11]. На страницах «Туркистон вилояти газети» ташкентский предприниматель Самижон Мулло Зафар угли Азизбоев сообщал о том, что машины этой компании можно купить в областных отделениях компании.

«Туркистон вилоятининг газети» рекламировала не только, производственную технику, но и технику для увеселительных целей. Так, читателям предлагались синемаграфы и указывалось, что они необходимы и для солдат, и для школьников, и для клубов [12].

Следует подчеркнуть, что в конце XIX — начале XX в. газетам разрешалось рекламировать различного вида оружия. В рекламе «Туркистон вилоятининг газети» предлагались винтовки и пистолеты, одежда для охоты, спортивные снаряжения и одежда магазина А. Биткова, известного на всю Европу, который располагался по адресу: Москва, ул. Лубанского, д.8, ориентир: Кузнецкий мост [13].

Эта газета также на своих страницах размещала объявления о купле-продаже недвижимости, а также о кадастре земельных участков. В объявлениях оговаривалось, что желающие получить плановые документы на недвижимость могут обратиться в канцелярию г. Ташкента и приобрести их в статистическом бюро по улице Кашгар с установленной платой [14].

Из реклам, помещенных на страницах газет конца XIX — начала XX в. можем выясняется какого рода книги были востребованы среди населения. Реклама информировала о том, что в книжных магазинах имеются в продаже книги на тюркском, персидском и арабском языках. В частности, предприниматель Самижон Мулло Зафар угли Азизбоев предлагая книги читателям сообщал, что они могут быть доставлены почтой, что в его книжном магазине продаются книги по истории России 1316—1899 гг. И настенный календарь, изданный в Казани, в котором указывалось время совершения намаза и кратко освещались другие религиозные вопросы. В конце сообщения давались сведения об адресе магазина, цене и почтовой цене [15]. Из газетных реклам становится известным, что учащиеся медресе (высших школ) могли пользоваться не только услугами местных книжных магазинов, но имели возможность покупать через посредников у москвичей-предпринимателей. Например, обеспечивающий необходимыми товарами учебные заведения Ф.Швабе в Москве предлагал свои услуги в деле обеспечения необходимыми учебными программами и другими учебными принадлежностями. Особо отмечалось, что этот предприниматель может обеспечить книгами гимназии, медресе и другие учебные заведения такими книгами, как природоведение, география, математика, геология, рисование, а также книги по этике [16].

Сегодня стала обычной практикой подготовка абитуриентов перед вступительными экзаменами на различных подготовительных курсах. Интересно, что в конце XIX — начале XX в. газеты стали рекламировать подобные подготовительные курсы. В них отмечалось, что у проходившего обучение на таких курсах появится возможность стать студентом медресе [17].

С начала XX в. «Туркистон вилоятининг газети» дает рекламы о европейских музыкальных инструментах, в числе которых были рояль и пианино фабрики Я. Беккер, К. М. Шредер, Оффенбахер, А. Эбберг, Карл Рениш, Ф. Мюльбах, В. Менцель, М. Эрикссон, гитары саксонских фабрик, скрипки, граммофоны, парлофоны (усовершенствованный вид граммофона), гармони, балалайки [18].

Заметим если в 70-е годы XIX в. через периодическую печать давались объявления о продаже мануфактурных товаров, книг и пр., то с 90-х годов XIX в. расширился список наименований рекламируемых товаров значительно. С начала XX в. состав рекламируемых товаров сильно расширился, стали появляться рекламы различной техники, транспортных средств, музыкальных инструментов. Кроме того, предпринимателями были использованы разные методы рекламы.

Как свидетельствуют результаты исследований, в конце XIX — начале XX в. предприниматели понимали важность рекламы через прессу, четко осознавая, что ее одновременно читает широкая аудитория, а это в свою очередь помогает привлечь внимание покупателей и клиентов и увеличить их число, а следовательно, увеличить свои доходы. Тем более, реклама через «Туркистон вилоятининг газети» приносила больше пользы, так как ее читателями было в основном, местное население, в лице которого было большее число потенциальных покупателей. Практически в тот период газеты служили единственным средством массовой информации. Следует подчеркнуть, что в свою очередь, газета размещая рекламу на своих страницах имела финансовую заинтересованность, пополняя свой бюджет за счет рекламы.

Литература:

1. Реклама — объявление о продаваемых товарах и предлагаемых услугах с целью привлечь потребителей расхваливанием, часто преувеличенным, качеств товара. (см. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания 1890 года. — Ярославль: Терра, 1992. — с. 527).
2. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. — Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 2004.7-жилд, — Б.299.
3. См.подробно о газете: Шодмонова С. Туркистон тарихи — матбуот кўзгусида. — Тошкент: Yangi nashr, 2011. — 296 с.
4. В исторических источниках царского периода кыргызами назывались казахи, кыргызы — каракыргызами.
5. Шодмонова С. Туркистон тарихи — матбуот кўзгусида. — Тошкент: Yangi — nashr, 2011. — Б.169.
6. Туркистон вилоятининг газети. — 1905. — № 25.
7. Туркистон вилоятининг газети. — 1914. — № 2.
8. Туркистон вилоятининг газети. — 1913. — № 87.
9. Туркистон вилоятининг газети. — 1914. — № 22.
10. Туркистон вилоятининг газети. — 1909. — № 14.
11. Туркистон вилоятининг газети. — 1901. — № 5.
12. Туркистон вилоятининг газети. — 1916. — № 49.
13. Туркистон вилоятининг газети. — 1909. — № 56.
14. Туркистон вилоятининг газети. — 1914. — № 1.
15. Туркистон вилоятининг газети. — 1899. — № 1.
16. Туркистон вилоятининг газети. — 1909. — № 68.
17. Туркистон вилоятининг газети. — 1914. — № 40.
18. Туркистон вилоятининг газети. 1906, № 44.

К вопросу о происхождении названия города Кенигсберг

Шумилова Ирина Викторовна, учитель истории
 MAOY Гимназия №1 (г. Калининград)

Дупленко Александр Геннадьевич, программист
 НОУ «Учебный центр Олега Видякина» (г. Калининград)
 MAOY Гимназия №1 (г. Калининград)

В статье представлены результаты критического анализа наиболее распространенной версии происхождения названия города Кенигсберг, в соответствии с которой он был назван так в честь чешского короля Пржемысла Отакара II. Сделан вывод об ошибочности данной версии. По мнению авторов, основанная крепостными крепость получила название прусского укрепления Королевская гора (Конугарбе), что переводится на немецкий язык как «Кенигсберг».

Ключевые слова: Кенигсберг, происхождение названия Кенигсберг.

Многие российские города переименовывались, некоторые даже неоднократно. И если для одних городов старинное название — просто интересный факт, о котором рассказывают школьникам и туристам, то для других — актуальная, часто политизированная проблема, которая вызывает оживленные дискуссии в обществе. Не утихают споры и о том, как должен называться старинный балтийский город на реке Преголе, современное название которого — Калининград.

Первоначально здесь находилось прусское городище Твангсте. В январе 1255 года на его месте была заложена крепость Кенигсберг (Königsberg), у стен которой возникло поселение, которое также стало называться Кенигсбергом. Городские привилегии по Кульмскому праву

оно получило спустя три десятилетия — в 1286 году. В 1724 году название Кенигсберг получили расположенные на этой территории в непосредственной близости друг от друга и давно уже объединившиеся де-факто три города, замок, многочисленные предместья, посады и другие поселения. В период с 1758 по 1762 год, когда Кенигсберг принадлежал России, он не переименовывался, хоть на Руси этот город был известен как Королевце (Королевце) или Королевиц. Именно это название упоминается в различных русских источниках начиная с XIII века и до Петра I, а изредка и в более поздний период, вплоть до начала XX века.

С 1945 года город на Преголе вместе с северо-восточной частью Восточной Пруссии был признан владе-

нием Советского Союза, а 4 июля 1946 года он был переименован в Калининград в честь «всесоюзного старосты» М. И. Калинина.

В эпоху Перестройки, когда по стране прокатилась волна переименований, в Калининграде также был поднят вопрос о возвращении исторического названия Кенигсберг. Однако сложное геополитическое положение Калининградской области и непростая судьба этих земель привели к тому, что вопрос о переименовании города стал как бы верхушкой айсберга, которая прикрывала собой попытки перевести полученную по результатам Потсдамской конференции территорию Восточной Пруссии под юрисдикцию других государств.

Со временем с укреплением позиций России на международной арене острота этой проблемы уменьшилась, но споры между противниками и сторонниками современного названия города не утихают. Практически каждый год проводятся опросы, появляются статьи и бурные обсуждения на местных интернет-форумах.

Больше всего сторонников имеют следующие предложения. Первое — сохранить название Калининград. Второе — вернуть название Кенигсберг. Третье — дать городу какое-либо другое название (например, Королевец, Балтийск или Кантоград).

В ходе проведенного исследования были собраны наиболее распространенные версии о происхождении названия данного города. Оказалось, что в литературе даются самые противоречивые сведения. Например, некоторые авторы считают Королевец странным названием этого поселения, появившимся еще до завоевания пруссов рыцарями Тевтонского Ордена, другие же доказывают, что это просто перевод с польского названия «Крулевец», и отвергают версию о возвращении этого названия как непатриотичную. Нередко происходит манипуляция общественным мнением путем искажения тех или иных исторических фактов. Все это делает важным и актуальным исследование вопроса о происхождении названия «Кенигсберг», который до сих пор остается дискуссионным.

Целью проведенного исследования являлся критический анализ наиболее распространенной версии происхождения названия города «Кенигсберг», в соответствии с которой он был назван в так в честь чешского короля Пржемысла Отакара II.

При проведении исследования использовались материалы Государственного архива Калининградской области, Калининградской областной научной библиотеки, научной электронной библиотеки eLibra.ru и др.

Анализ литературных источников позволил сделать вывод о том, что в большинстве из них приводится версия о названии города Кенигсбергом в честь чешского короля Пржемысла Отакара II, принявшего участие в завоевательных походах Тевтонского ордена.

К примеру, в энциклопедическом справочнике «Кенигсберг — Калининград, 1255—2005» написано: «На месте сожженного и разграбленного прусского поселения

Твангсте началось строительство крепости Кёнигсберг, названной так в честь чешского короля Оттокара II Богемского» [2, с. 10]. На официальном сайте Калининградской областной научной библиотеки в справочной системе «Краеведение: Топонимика» читаем: «...назван Кёнигсберг — нем. «королевская гора» в честь чешского короля Пржемысла II (он же Отакар II), принимавшего активное участие в походах против балтийского племени пруссов) [3].

Данная версия долгое время практически не оспаривалась. При этом основывались на летописях Петра из Дусбурга (Peter von Dusburg), священника Тевтонского ордена XIV века, создавшего «Хронику земли Прусской» и написавшего в ней, что крестоносцы «построили замок Кёнигсберг, назвав его в честь короля Богемии Королевским замком» [5, с. 85].

В настоящее время некоторые историки ставят под сомнение слова Петра из Дусбурга, считая, что летописец мог неумышленно заблуждаться или умышленно написать то, что было выгодным Тевтонскому ордену.

Сомнения ученых основаны на следующих фактах. Не менее чем за два века до появления в этих краях крестоносцев рядом с местом закладки будущего замка на возвышенности находилась ставка племенного вождя пруссов. Укрепление, соответственно, называлось пруссами Конугарбе (Konugarbe), т.е. Княжеская гора — от «конгос» (по-пруски князь, король) и «гарбе» (гора). Часто бывавшие здесь викинги называли ее Королевская гора — Конунгаберг (Konungabeig) [4, с. 110]. Немцы позднее переименовали это название на более близкое им фонетически «Кунигсперк», а потом и «Кёнигсберг» [1].

Доктор исторических наук, руководитель Балтийской экспедиции Института археологии РАН В. И. Кулаков утверждает, что «замки, в редких случаях основанные Орденом на месте прусских городищ, неукоснительно сохраняли местные названия и предавали их позднейшим городам. Примерами являются топонимы Labiau (Labguva), Tapiau (Tapiova), Wehlau (Veluva), Pr. Eylau (Ylava)» [4, с. 115]. Таким образом, с одной стороны, название замка Кенигсберг в честь Пржемысла II Оттокара противоречит орденской традиции, с другой стороны, название его в честь уже существовавшего на этом месте прусского поселения Конунгаберг полностью соответствует этой традиции.

Имеется и еще один довод в пользу этой версии. Крепость Кенигсберг была основана крестоносцами в 1255 году, а Пржемысл Отакар II был официально коронован лишь спустя шесть лет — в 1261 году. С момента смерти своего отца и до официальной коронации он именовался «Наследник земли Чешской» и «Сын короля Вацлава», но никак не король. Калининградский историк А. Б. Губин по этому поводу пишет: «Естественно, что современники Отакара II были прекрасно осведомлены о титуле предводителя чешского войска. В средние века придавали большое значение формальному титулованию. Тогда как Отакар II, ещё не будучи королём, мог стать поводом для «королевского» названия горы?» [1].

Что же касается Петра из Дусбурга, то он не был непосредственным свидетелем и современником основания Кёнигсберга, приехав в Пруссию лишь около 1290 года, то есть спустя 35 лет после закладки крепости Кенигсберг [5, с. 112]. В комментариях к его «Хронике» сообщается о предположениях, но не приведено ни одного документа. Нет ничего удивительного в том, что он изложил появившуюся к тому времени неверную, но очень полезную для Ордена версию названия Кёнигсберга, отдававшую дань уважения такому важному союзнику крестоносцев, как чешский король. Это тем более правдоподобно, что его «Хроника» выполняла важную политическую функцию. Вот что по этому поводу пишет Вера Ивановна Матузова, известнейший специалист по истории Тевтонского ордена: «Ключом к пониманию политического контекста и политической функции «Хроники земли Прусской» видится политика, проводимая великим магистром Вернером фон Орзельн (1324–1326), которому Петр из Дусбурга посвятил свое сочинение (что свидетельствует об его принадлежности к официальной историографии Ордена, где, возможно, ему отводилась определенная роль в рамках программы реформ великого магистра). ... В таких сложных политических условиях одна из функций «Хроники земли Прусской» заключалась в воздействии на политические силы за пределами Ордена, то есть на всех тех, от кого зависело оправдание политики Тевтонского ордена в Пруссии и вообще — его существования как военно-церковной и политической организации» [5, с. 12].

Литература:

1. Губин А.Б. Основание Кёнигсберга // Сайт «История города Калининграда», 2012. URL: <http://www.klgd.ru/city/history/almanach/> (дата обращения 15.06.2013)
2. Кёнигсберг — Калининград, 1255–2005: ил. энцикл. справ. / Под общ. ред. А. С. Пржездомского. — Калининград: Янтар. сказ, 2006. — 800 с.
3. Краеведение: Топонимика // Сайт Калининградской областной научной библиотеки, 2011. URL: <http://lib39.ru/krau/toponimu/> (дата обращения 15.06.2013)
4. Кулаков В.И. От Восточной Пруссии до Калининградской области. — Калининград: Пром. тип. «Б.-К». 2000. — 288 с.
5. Матузова В.И. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. — М.: Ладомир. 1997. — 383 с.
6. Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов и др. — Калининград: Янтар. сказ, 2004. — 536 с.

Таким образом, было установлено следующее.

Во-первых, на месте закладки крепости Кенигсберг существовало укрепление с названием «Конугарбе» (Konugarbe) по-пруски и «Конунгаберг» (Konungabeig) по-древнеисландски, что означает «Королевская гора».

Во-вторых, замки, в редких случаях основанные Тевтонским орденом на месте прусских городищ, всегда сохраняли местные названия и предавали их позднейшим городам.

В-третьих, Пржемысл Отакар II был официально коронован лишь спустя шесть лет после закладки замка Кёнигсберг, и 1255 году именовался не королем, а лишь наследником земли Чешской.

В-четвертых, летописец Петр из Дусбурга, воин-священник Тевтонского ордена XIV века, создавший «Хронике земли Прусской», выполнял важную для Тевтонского ордена политическую функцию и излагал события так, как это было для него выгодно.

На основании всех этих доводов можно сделать вывод об ошибочности наиболее распространенной версии о названии Кенигсберга в честь чешского короля Пржемысла Отакара II. Скорее всего, его имя связали с названием замка позже, чтобы польстить самолюбию важного союзника. По нашему мнению, наиболее вероятной является версия, согласно которой основанная крестоносцами крепость получила название прусского поселения Королевская гора (Конугарбе), что переводится на немецкий язык как «Кенигсберг».

Образ периодической печати на страницах газеты «Туркистон» в 1922–1924 гг.

Эшбекова Дилафруз Туйчиевна, старший преподаватель
Джизакский государственный педагогический институт (Узбекистан)

В данной статье проанализированы проблемы периодической печати, поднимавшиеся в 1922–1924 гг. на страницах газеты «Туркестан». Автором, на основе первоисточников, раскрыт ряд проблем периодической печати 1922–1924 гг.

Ключевые слова: периодическая печать, газета, статья, сообщение, заметка, Туркестан, Узбекистан, журналистика.

Сто лет прошло с момента появления периодической печати на территории Республики Узбекистан. В течение этого периода периодическая печать прошла своеобразный путь развития: публицистические жанры по своему содержанию и направлению изменились и с технической стороны обогатились.

Периодическая печать является разновидностью полноценной социальной деятельности и по своим особенностям считается важным историческим источником. Пресса на своих страницах освещала различные события, происходившие в стране. Систематизация публикаций о стране, их анализ и обобщение дает богатый источник материал для изучения истории Узбекистана. В последние 20 лет в республике возрос интерес к изучению материалов периодической печати XX в., и особенно это касается материалов национальной периодической печати, которые в советский период плохо изучались по нескольким причинам, но одной из основных были идеологические причины, т. к. национальная периодическая печать считалась националистической. Другой причиной было то, что исследователи почти не знали арабскую графику, которую использовала национальная периодическая печать в первые годы советской власти. Вне поле зрения исследователей остались туркестанские газеты, опубликованные после октября 1917 г., хотя деятельность газет, которые являлись и являются важнейшим средством агитации и пропаганды власти, представляют для исследователей большую значимость.

Необходимо отметить, что в период 1917–1924 гг. туркестанская пресса переживала сложный процесс своего развития. В конце 1917 г. и в течение 1918 г. советской властью были закрыты все печатные издания рассматривавшиеся ими в качестве контрреволюционных. Все «самостоятельные» (т. е. «независимые») газеты были закрыты, а их издательства были экспропрированы. Вместо них появились газеты, которые были под пристальным наблюдением большевистской партии и предназначались для агитации и пропаганды их идей и распространения их идеологии. Такие газеты публиковались в Туркестанской АССР сначала на русском языке, и только по прошествии некоторого времени на узбекском языке. В 1918 г. в Туркестанской АССР на узбекском языке выходило 11 газет: в Ташкенте это были газеты «Иштирокиюн» (Коммунист) и «Халк дорилфунуни» (Народный университет),

в Намангане «Ишчилар калкони» (Щит рабочих), в Самарканде «Мехнаткашлар товуши» (Голос трудящихся), в Коканде «Халк газетаси» (Народная газета) и др. Позже стали появились газеты на туркменском, азербайджанском, татарском, кыргызском языках [1]. До образования Узбекской ССР в 1924 г. в Туркестане на языках народов региона печаталось 16 газет [2].

В годы советской власти периодическая печать имела в своей деятельности некоторые своеобразные проблемы и главной среди них была сильная цензура, установленная большевистской партией. Впрочем право контроля имел и официальный орган большевистской партии в регионе газета «Иштирокиюн» (Коммунист) (под этим названием публиковалась в период с 21 июня 1918 г. по 9 декабря 1920 г.), которая позже несколько раз переименовывалась и называлась «Кизил байроқ» (Красная знамя) (в период с 12 декабря 1920 г. по 10 сентября 1922 г.), «Туркистон» (с 13 сентября 1922 г. по 3 декабря 1924 г.) и «Кизил Ўзбекистон» (Красный Узбекистан) (с 5 декабря 1924 г. по 4 июня 1964 г.). Последний раз газета переименовывалась 5 июня 1964 г. и вплоть до 31 августа 1991 г. издавалась под названием «Совет Ўзбекистони» (Советский Узбекистан). С 1 сентября 1991 г. начала выходить под названием «Ўзбекистон овози» (Голос Узбекистана). С момента возникновения эта газета была официальным органом коммунистической партии и до 1991 г. действовала по программе коммунистической партии [3]. Материалы, напечатанные на ее страницах является зеркалом того времени. Газета «Туркистон» в период 1922–1924 гг. публиковала не только материалы о социально-политической, экономической и культурной жизни общества, но и статьи и сообщения о периодической печати, таким образом, создавая образ прессы того времени. Газета печатала статьи, сообщения, фельетоны о периодической печати, которые издавались в то время в Средней Азии, а именно о газетах — «Камбагаллар товуши» (Голос бедняков), «Дархон» (Освобожденный), «Зарафшон» (Зеравшан), «Фаргона» (Фергана), «Ёш Шарқ» (Молодой Восток), «Оқ жўл» (Светлый путь), «Инкилоб куёши» (Солнце революции), «Тилчи» (Языковед), «Инкилоб» (Революция), журналах — «Тонг» (Утро), «Нашри маориф» (Издательство образования), «Билим ўчоғи» (Очаг знания), «Ўзгаришчи ёшлар» (Изменяющаяся молодежь), «Байналмилал» (Интернационалист), «Муштум» (Кулак),

«Янги турмуш» (Новая жизнь), «Шарқ юлдузи» (Звезда Востока), «Чўлпон» (Утренняя звезда). На страницах газеты печатались аналитические и критические материалы о деятельности и проблемах периодической печати, в т. ч. о достижениях и проблемах газеты «Туркистон». К примеру, из номеров газеты «Туркистон» в 1922–1924 г. можно узнать о расширении круга освещаемых вопросов, об улучшении технической базы газеты, о процессе подготовки кадров, о назначении корреспондентов газеты в различных городах и селах Туркестана, о проблемах работы почты по распространению газеты. В 54-м номере газеты за 1923 г. автор по имени Абдулхай в статье под названием «Матбуот фрунти» (Фронт печати) писал о том, что недостаток печати заключается в том, что «не хватает у нас пишущих, недостаток с финансовой стороны заключается в том, что в период новой экономической политики правительство не оказывает финансовую поддержку и периодическая печать вынуждено обеспечить сама себя. В таких трудных условиях, отмечал автор, когда нет помощи со стороны [государства], о развитии печати сложно говорить» и он видел решение этой проблемы в агитации и распространении газеты среди населения и увеличение подписчиков газеты [4]. В 281-м номере этой же газеты за 1924 г., в юбилейной статье в честь шестой годовщины начала своих публикаций, в статье под названием «Ўзбек қизил матбуоти» (Красная пресса Узбекистана) звучал призыв к объединению узбекских газет вокруг единой цели, при этом автор этой юбилейной статьи считал, что только в этом случае можно будет руководить народными массами [5].

В период 1922–1924 гг. газета «Туркистон» руководила деятельностью областных, районных и городских газет, публикуя на своих страницах критические статьи и заметки. Одним из недостатков газет, издававшихся в республике в указанный период, был их сложный для восприятия язык. В 8-м номере газеты за 1922 г. автор по имени З. Яшар в статье под названием «Ўзбек адабиёти ҳам вақтли матбуот» (Узбекская литература и периодическая печать) писал о том, что газета «Иштирокиюн» никогда не выходила «на простом понятном языке». По его мнению, среди изданий ташкентской периодической печати только газета «Қизил байроқ» (Красная знамя), а также журналы «Тонг» (Утро) и «Инкилоб» (Революция) печатались «новой графикой на чисто узбекском языке» и на страницах которых печатались такие видные деятели узбекской литературы как Чулпон, Элбек, Боту, репрессированные в 30-годы. Примером же сложности языка изложения и наличия большого количества иностранных слов служил журнал «Ҳақиқат» (Правда), в котором, по мнению автора, было очень много персидских и арабских слов, в связи с чем автор статьи выражал желание по возможности «узбекизировать» язык журнала. Основным критерием оценки автор взял печатание на литературном узбекском языке, узбекскую орфографию, нравственную и национальную сторону. Помимо этого, он считал вредным для узбекской литературы слепо сле-

довать по пути европейской литературы. Задачей периодической печати должно было быть инициирование дискуссии о выборе пути и она должна была быть проводником национального языка и литературы — вот эту задачу автор считал одной из главных задач прессы [6].

Другой автор (публиковавшийся под псевдонимом А.) говоря о засилье иностранных слов в языке газет того времени также писал о том, что газеты, выходявшие на узбекском языке в Средней Азии должны печататься без использования арабизмов на чисто узбекском языке [7]. Автор, сравнивая по этому показателю газеты «Туркистон», «Фарғона» (Фергана), «Зарафшон» (Зеравшан), «Озод Бухоро» (Свободная Бухара), находил лучшим положение газеты «Туркистон». Анализ этих материалов показывает, что в указанные годы в совокупности рассматривались также проблемы национального языка, литературы и периодической печати.

Интересен такой факт, который в свое время особо отмечался в газете «Туркистон» — газету «Қизил байроқ» читали не только в Туркестане, но и в Татарстане. Причиной такого интереса к этой газете было, по всей видимости, освещение на ее страницах большей частью местных событий, нежели печатание переводов центральных газет и немаловажным фактором было то, что читать ее не составляло труда из-за простого и ясного языка изложения материалов [8Туркистон 1922 № 11]

Как известно, в Туркестане в тот период было очень мало рабочих и они почти все были представителями европейских национальностей. Местное население в основном занималось земледелием. Поэтому газета «Туркистон» рекомендовала газетам, выходявшим на местных языках, больше писать о жизни села и о положении в сельском хозяйстве. 11-й курултай советов в своем решении о периодической печати акцентировал внимание на вопросах пропаганды сельского хозяйства, указывая на то, что газеты на местных языках должны быть «газетами сельскими как газета «Беднота», выходящая в Москве. Как отмечалось в решениях курултая, газеты необходимо больше распространять в кишлаках, аулах, а также финансово их поддерживать. Помимо этого курултай обязал все исполкомы выписывать газеты, а в целях распространения газет устраивать кампании с участием различных организаций. [9Туркистон 1922 № 38]

В 295-м номере газеты за 1924 г. автор под именем Чигатай обратил внимание на проблему технического оформления газет. Автор, особо отмечая превращение в отдельную профессию «сотрудников газет» и увеличение числа и навыков корреспондентов газет, поднял проблему улучшения техники издания, плодотворного использования страниц газет, использования к месту и правильно букв, привлечение внимания читателей к содержанию и внешнему виду, а также на целенаправленное использование иллюстраций. Автор, отмечая факт улучшения техники издания газет в целом, подверг критике газеты «Озод Бухоро» (Свободная Бухара), «Инкилоб қуёши» (Солнце революции), «Зарафшон» (Зеравшан),

«Фаргона» (Фергана) за неудовлетворительное техническое состояние [10].

Советская власть плодотворно пользовалась периодической печатью в пропаганде своих идей среди молодежи и поэтому на страницах газеты «Туркистон» пристально следила за деятельностью молодежной печати. В 401-м номере газеты за 1924 г. была подвергнута критике деятельность газеты «Ёш коммунист» и, в частности, говорилось о публикации статей и заметок без поправок, засоренности страниц газеты ненужными иллюстрациями и т.д. [11], что еще раз говорило о контроле со стороны коммунистической партии.

Помимо молодежи советская власть особое внимание также уделяла проблеме привлечения женщин в общественную жизнь страны и в этом деле она также опиралась на периодическую печать. Так, в 324-м номере газеты за 1924 г. поднималась проблема распространения газет среди женщин-представительниц местного населения. Автор статьи призвал для начала научить женщин читать газеты, а уж затем писать для них статьи и заметки о жизни женщин-мусульманок. Необходимо отметить, что центральным Женотделом Туркестана издавалась еженедельная газета «Янги йўл» на узбекском языке. Деятельность этой газеты подвергалось критике из-за того, что авторы многих статей были мужчинами. Автор статьи предлагал управлять газетой и писать статьи самим женщинам, в связи с чем указывал на необходимость организации в женских педучилищах специальных кружков

для подготовки кадров для редакций газет из представительниц женского пола [12].

Таким образом, изучение материалов газет дает возможность исследователям изучить уровень развития периодической печати, проанализировать их проблемы, а также указать на недостатки их деятельности. Помимо вышеуказанного изучение материалов показывает отношение современников и участников событий к деятельности периодической печати. Материалы газеты «Туркистон» за 1922–1924 гг. являются важным источником в исследовании малоизученных проблем истории журналистики. Несмотря на то, что был установлен тормоз на пути развития демократических идей, представители национальной интеллигенции продолжали борьбу за просветительство и культуру. Исходя из того, что пресса имеет особое влияние на духовную жизнь народа и особое место в национальной культуре, несмотря на все препятствия, интеллигенция всегда была в поиске путей развития.

Анализ материалов газеты «Туркистон» о деятельности и проблемах периодической печати показывает, что несмотря на сильный цензурный контроль и финансовые трудности интеллигенция делала неоднократные попытки развития периодической печати Туркестана. И несмотря на то, что большевики превратили газеты средствами агитации и пропаганды советской власти, тем не менее газеты служили источником информации и распространения знаний среди населения.

Литература:

1. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Кн.2. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида // Составители: М.Жураев, Р.Нуруллин, С.Камолов и др. / Редакционная коллегия: А.Азизхўжаев и др. — Т.: «Шарк», 2000. с. 151. (на узбекском языке)
2. Кары-Ниязов Т. Н. Очерки истории культуры советского Узбекистана. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. с. 332.
3. Миллий матбуот фикри: «Иштирокиюн», «Қизил байроқ», «Туркистон» ва «Қизил Ўзбекистон» газеталарида эълон қилинган мақолалар библиографияси (1918–1930) / Составитель: Ф. Нуриддинова; — Т.: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2010. с. 9. (на узбекском языке)
4. Туркистон. 1923, № 54. (на арабской графике)
5. Туркистон. 1924, № 281.
6. Туркистон. 1922, № 8.
7. Туркистон. 1924, № 402.
8. Туркистон 1922 № 11
9. Туркистон 1922 № 38
10. Туркистон. 1924, № 295.
11. Туркистон. 1924, № 401.
12. Туркистон. 1924, № 324.

СОЦИОЛОГИЯ

Внедрение системы менеджмента качества в учреждение здравоохранения — фундамент для повышения качества медицинских услуг

Аджиев Магомет Эльботович, зав. кардиологическим отделением МЦ «Диагностикум» (г. Грозный), аспирант Северо-Кавказская академия инновационных технологий в образовании и науке (г. Пятигорск)

Системы здравоохранения многих странах мира — и Россия здесь не исключение — проходят через непростой период реформирования, связанный как с продолжающимся мировым финансово-экономическим кризисом, так и с многочисленными вызовами со стороны социума. Здоровье населения и здравоохранение относятся к тем секторам, от состояния которых во многом зависит благополучие и безопасность государства, которые обеспечивает не только здоровое поведение, безопасная среда обитания, развитая сеть медицинских учреждений, полноценное лекарственное обеспечение, но и то, насколько хорошо лечебно-профилактическая помощь организована. И в этом отношении одну из центральных позиций занимает менеджмент качества в здравоохранении, который в последнее десятилетие все чаще сталкивается с необходимостью решать новые и непривычные проблемы, связанные с тем, что весьма существенно изменились условия, в которых функционируют медицинские учреждения и вся система здравоохранения в целом.

Суть этой серьезной проблемы заключается в том, что развитие современной цивилизации находится под мощным воздействием феномена глобализации, что вносит существенные изменения в сектор здравоохранения большинства стран, включая и Россию. Изменились условия, в которых функционирует система здравоохранения. Изменилось и состояние системы здравоохранения в целом. Изменились многие внутрисистемные содержания структурных компонентов здравоохранения. Перемены коснулись и межсекторальных взаимодействий, прямо или опосредованно влияющих на здоровье населения и систему охраны здоровья в целом. Такие кардинальные перемены не могли не затронуть и качественного содержания процессов управления отраслью. [1, 208 с.].

Под глобализацией нередко понимают процессы формирования и последующего развития единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых информационных (преимущественно компьютерных) технологий [2, 127с].

На основе фундаментальных разработок У. Бека попытаемся установить основные, качественно новые изменения, которые глобализация вносит в здравоохранение и, соответственно, в управление отраслью [3, 214 с.].

Процессы глобализации создают тотальное всеохватное пространство мировой капиталистической системы, на котором происходит дальнейшее усугубление разделения труда и усиление неравенства, в т.ч. в отношении здоровья.

Капитал освобождается от ограничений территориального, социального и институционального порядка, возникает новая система коммуникаций со своими связями, взаимодействиями и взаимообусловленностями.

В основу жизнедеятельности секторов общества агрессивно закладывается приоритет экономического принципа.

Аспекты политические, социальные, культурные, экологические и иные лишаются своей приоритетности и подчиняются экономическому измерению. На все процессы жизнедеятельности общества жестко накладывается вектор линейности, что ведет к линейному решению многих социально-экономических и медико-социальных проблем.

Соответственно, в управлении формируется одномерный тип мышления и действий, порожденный монопричинным (экономическим) мировоззрением.

На уровне государственного управления начинает активно внедряться принцип унификации, когда таким многомерным, мультисекторальным и сверхсложным образованием, как государство, управляют как предприятием или корпорацией.

На международном и национальном уровнях общества формируется глобальное богатство и локальная бедность, между ними утрачиваются прежние взаимосвязи и относительное равновесие. Возрастает воздействие фактора неопределенности, что в здравоохранении ведет к труднопредсказуемым и прогнозируемым вызовам и их последствиям (ВИЧ-инфекция, атипичная пневмония, птичий грипп, резистентные формы туберкулеза и т.п.). На уровне

личности фактор неопределенности формирует так называемую приватную экономическую неуверенность, что создает перманентный социальный стресс у населения и его отдельных социальных групп. Тем самым складывается «общество риска», когда риски глобализации в экологии, политике, экономике порождают новые «нарушения порядка», которые вносят в устоявшуюся организованность социально-экономических процессов хаотичность. Тем самым возникает хаотизация деятельности социума и его отдельных секторов. [4]

В этих условиях проблемы менеджмента усугубляются снижением социальной значимости научного знания. Интенсификация и экспоненциальный рост масштабов коммуникаций в обмене знаниями упростили их «превращение» в материальные или социальные ценности и привели к тому, что наука постепенно перестает быть инструментом технологического прогресса и перерождается в прикладное обслуживание отдельных общественных интересов при помощи сложных административных и бюрократических согласований, которые в конечном счете и не нуждаются в новых научно-технологических принципах. Наука как поставщик знаний становится малозначимой, подготовка управленческих решений все больше основывается на эмоциях и предубеждениях, а не на научных фактах и научном понимании проблем. Наука (особенно фундаментальная) перестает быть главной производительной силой. Как следствие снижения социальной значимости знаний происходит рост числа и разрушительности аварийных ситуаций, включая и сектор здравоохранения, во многом из-за снижения авторитета специалистов в глазах управленцев.

Постепенно утрачивает полноценную поддержку принцип доступности медицинской помощи населению. Возрастают финансовые ограничения из-за расширения научно-технических возможностей современного здравоохранения, увеличения медицинских потребностей стареющего населения и значительного роста объективной стоимости медицинских услуг (высокие технологии, новейшие лекарства, высококвалифицированный труд врачей).

В отечественное здравоохранение глобализация вносит ряд специфических изменений, которые прежде или отсутствовали, или были выражены незначительно:

— Горизонтальная «стратификация» системы здравоохранения на относительно самостоятельные подсистемы «здравоохранение для богатых» и «здравоохранение для бедных».

— Вертикальное «расслоение» системы здравоохранения на три относительно автономные подсистемы системы: федеральную, региональную (областную) и муниципальную.

— Здоровье населения начинает включать в себя болезни «богатых» и болезни «бедных».

— Привычные управленческие подходы, методы, стандарты, шкалы и эталоны утрачивают свою прежнюю эффективность, поскольку принципиально изменилось

состояние системы здравоохранения и условия ее функционирования.

— Необходимость смены парадигмы классического управления системой здравоохранения.

В этих условиях основой системного управления здравоохранением становятся принципы стратегического управления и планирования, под которыми понимаются элементы процесса принятия решений, направленного на достижение целей при максимально эффективном функционировании объектов управления, когда предполагаются не только будущие изменения, но и перспективные последствия от решений уже принятых [5, 301 с.].

Приложение методологии стратегического менеджмента к формированию современной системы управления здравоохранением предполагает выявление целей здравоохранения как системы (отрасли), задач, которые необходимо решить для их достижения, а также определение необходимых ресурсов и предвидение соответствующих последствий, результатов и исходов от принимаемых решений.

Такой подход предусматривает интеграцию интеллектуальных, политических, социальных, организационных, технологических и управленческих процессов в единый многопоточный объединяющий процесс стратегического управления системой здравоохранения, что предполагает широкое использование прогностического моделирования возможных положительных и отрицательных изменений в стратегических сценариях развития здравоохранения, что позволит применять инструментарий государственного регулирования здравоохранения на всех уровнях управления.

Востребованность перехода в управлении здравоохранением к принципам стратегического менеджмента обусловлена рядом причин.

1. Необходимость полноценного использования динамичной интерактивной организации современного процесса управления здравоохранением в условиях системной лабильности.

2. Лавинообразное нарастание жесткой конкуренции, диверсификации и ресурсной ограниченности во всех сферах публичной деятельности, к которым относится и здравоохранение.

3. Необходимость учета динамично меняющихся состояний среды обитания населения, процессы и факторы которой непосредственно влияют на функционирование системы здравоохранения.

4. Необходимость оперативного и упреждающего реагирования на последствия неопределенности и хаотичности, активно привносимых на все уровни управления здравоохранением.

Следует подчеркнуть, что в современном постиндустриальном обществе, буквально пронизанном процессами глобализации, стратегическое управление отраслью, в силу нарастания влияния фактора неопределенности, существенно усложняется, поскольку эффективное управление здравоохранением начинает все больше осно-

вываться на таких характеристиках, как тотальная системность, многомерность, обратная связь, перспективность, гибкость, адаптивность, динамичность, социальная и личностная ориентированность. Стратегический менеджмент не только интегрирует в себя все управленческие процессы, происходящие в здравоохранении, но при этом интегрируется в эти процессы как инструмент и организационные технологии управления. Этим определяется и многомерность, и многонаправленность управления современным здравоохранением в целом, что позволяет всесторонне учитывать внешние и внутренние факторы, которые определяют степень управленческой эффективности [6, 159 с.].

При таких условиях на всех уровнях стратегического управления здравоохранением требуется обновленная нормативно-правовая и финансово-экономическая база.

Не менее востребованы и инновационные организационные, экономические и финансовые механизмы, которые позволят гибко реализовывать управленческие подходы через соответствующие мероприятия с позиции их формирования и корректировки в процессе осуществления. Гибкость стратегического управления здравоохранением потребует введения новых организационных технологий управления системой здравоохранения и на основе межфункционального и межсекторального взаимодействия.

Процесс стратегического управления здравоохранением включает в себя не точную прогностическую картину будущего отрасли, а описание желаемого будущего системы, представляющее совокупность пожеланий о том, в каком состоянии должна находиться система здравоохранения, какую позицию должна занимать в государственной политике, какую иметь ресурсно-организационную поддержку и пр. Все это в сумме и составляет то,

что определяет выживаемость системы здравоохранения и степень ее приспособляемости к изменяющимся условиям.

Все разделы и мероприятия эффективной системы стратегического управления здравоохранением должны обладать научной обоснованностью, что предполагает обязательное практическое использование достижений научно-технического прогресса, фундаментальных разработок в области социальной гигиены, организации здравоохранения, а также достоверной информации о состоянии здоровья населения с целью обеспечения медико-социальной и лечебно-профилактической эффективности здравоохранения и оперативного учета изменяющихся потребностей общества в области укрепления и охраны здоровья.

Таким образом, организация стратегического управления здравоохранением предполагает несколько последовательных и взаимосвязанных этапов:

1. Изучение внешней и внутренней организационной среды системы здравоохранения, включая сбор/отслеживание информации, прогнозирование, оценку реального положения отрасли.
2. Направления и ориентиры деятельности системы здравоохранения: видение, миссия, комплекс целей.
3. Стратегический анализ системы здравоохранения, включая сопоставление целей и факторов, разработку вариантов политических стратегий.
4. Выбор политики здравоохранения и ее проработка.
5. План действий деятельности системы здравоохранения.
6. Среднесрочные тактические планы и программы здравоохранения.
7. Краткосрочные (годовые) оперативные планы и программы здравоохранения.

Литература:

1. Аджиев М. Э. Анализ принципов организации управление качеством медицинской помощи // Молодой ученый. 2013. № 11. — С. 207–211.
2. Делягин М. Мировой кризис: общая теория глобализации. — М.: Инфра-М, 2003. — 765 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? — Москва: Наука, 2001. — 304 с.
4. Маслов О. Ю. Глобализация: этапы глобализации, доллар глобализация, кризис-глобализация или процесс глобализации глазами мыслящих глобально: Режим доступа <http://www.polit.nnov.ru/2009/09/26/glob5ethronolog26>.
5. Ансофф И. Стратегическое управление // Пер с англ. — М.: Экономика, 2009. — 519 с.
6. Томпсон А. мл., Стрикленд А. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа // Пер. с англ. — М.: Вильямс, 2007. — 456 с.

Особенности организации выставочной деятельности в туризме и сфере гостеприимства

Арутюнова Жанетта Хачиковна, студент

Пятигорский государственный лингвистический университет (Ставропольский край)

Сфера услуг в настоящее время быстро развивается, поэтому любые мероприятия, связанные с повышением ее эффективности, приводят, в итоге, к общему экономическому росту и улучшению макроэкономических показателей. В настоящее время выставочная деятельность требует глубокого анализа, оценки факторов ее развития и эффективности в различных сферах экономики, определения целей и задач выставочного бизнеса в системе международных экономических отношений [1, с. 6].

Основная цель выставочной деятельности — с одной стороны, помочь потребителю (потенциальному туристу) и туристским фирмам — продавцам услуг сориентироваться в огромном количестве туристских предложений, а с другой стороны, помочь туроператору найти партнеров по сбыту в других странах и регионах, способных качественно и количественно удовлетворить требования туроператора по продажам [2, с. 84]. Поэтому реклама, представляемая здесь, по форме и содержанию несет большую коммерческую нагрузку, сообщает о цене, условиях бронирования, сезонности, классе обслуживания, предлагаемых услугах, дает описание гостиницы и т. д.

Рассмотрим основные особенности выставочной деятельности. Одной из основных особенностей выставочной деятельности является то, что она входит в сферу услуг. Но услуга, предоставляемая выставками, необычна, так как является сложной и многофункциональной. Производство этой услуги преследует всегда несколько целей, поэтому необходимо распределять выставочные услуги по важности признаков. Иногда это — информационный признак, иногда — деловые услуги (рекламная деятельность, банковское обслуживание), в третьем случае — продажа экспоната (товара или услуги) конечному потребителю [3, с. 57].

Второй особенностью является то, что выставочная деятельность относится к сфере деловых услуг. Для нее характерны те же особенности, что и для услуги вообще.

Третья особенность заключается в том, что любое выставочное мероприятие является видом рекламной услуги и содержит в себе такие свойства, как:

- вероятностный характер достижения полезного эффекта;
- наличие элементов товара в услуге;
- индивидуальный характер производства;
- недостаточную предсказуемость реакции потребителей [4, с. 21].

Следующая особенность заключается в том, что выставка является и элементом маркетинговых коммуникаций, так как до сих пор не создана их исчерпывающая классификация.

Обычно к коммуникациям в маркетинге относят рекламу, стимулирование сбыта, public relations и прямой маркетинг [5, с. 651].

Если разбить цели участия в выставке по элементам комплекса маркетинга, то получим:

- коммуникативные цели;
- ценообразовательные цели;
- цели товарной политики;
- цели распределения [6, с. 67].

Кроме того, необходимо учитывать и то, что выставка преследует и цели ознакомления с новинками.

Важной особенностью является и то, что выставочная деятельность играет большую роль в системе международных экономических отношений. При этом необходимо учитывать, что с одной стороны это связано с тем значением, какое придается выставкам, как инструменту сбыта, с другой — выставки играют значительную роль и в достижении успеха международного предпринимательства.

В современных условиях особенностями международных экономических отношений являются расширение международных производственных кооперационных связей и выставочная деятельность вносит весомую лепту в развитие национальных экономик, расширение международных экономических отношений.

Известно, что услуги оказывают воздействие не только на непосредственных клиентов, но и на «третьих лиц». Так, выставка оказывает влияние на дополнительные заказы по производству печатной продукции. Поэтому мотивом концентрации услуг является возможность присвоения положительных внешних эффектов, которые в противном случае достанутся третьим лицам. Например, организацию выставок можно соединить с выпуском печатной рекламной продукции для них в рамках одной фирмы.

Рекламная и выставочная деятельность, как услуги, не приобретают овеществленной формы, хотя, естественно, что ряд этих услуг сопровождается материальными продуктами в виде материальных носителей рекламы, рекламных кино- и видеолент, различной документации, выставочных стендов и т. д. Выставочная деятельность является средством рекламной услуги, хотя может рассматриваться и как самостоятельный многоцелевой вид услуг наряду с рекламными услугами, и, более того, сопровождаемый ими. Однако доминирующим признаком выставочной деятельности является ее рекламная направленность. Поэтому необходимо рассматривать специфику рекламной услуги, как виду специальной (деловой) услуги, имея в виду и выставочную деятельность как ее разновидность [7, с. 132].

При всем своем разнообразии рекламные услуги имеют те же четыре характеристики, что и все услуги вообще. Определяется это такими известными признаками, как неосязаемость, неразрывность производства и потребления услуги, неоднородность или изменчивость качества, неспособность рекламных услуг к хранению.

Обычно, принимая решение об участии в выставке, пытаются решить несколько задач, стоящих перед туристской организацией:

— демонстрация товара, услуги: на выставке возможно представление большого числа товаров и услуг, производимых фирмой; наглядные материалы об услугах и товарах фирмы (видеозаписи, каталоги, проспекты и пр.) можно показать большому кругу специалистов и покупателей. Для новых товаров и услуг выставка — прекрасное место изучения спроса и введения их на международный рынок;

— изучение рынков сбыта: на выставке можно изучить спрос на большинство товаров, услуг, уточнить рынки сбыта, определить новые международные рынки сбыта. На выставки, особенно международные, обычно съезжаются представители фирм, предприниматели, торговые агенты со всего мира, а также со всех концов России и ближнего зарубежья (в случае проведения выставки в России);

— реклама товаров, услуг: при правильно поставленной рекламе на выставке могут отрабатываться сразу несколько ее видов: имидж-реклама, стабилизирующая реклама. С точки зрения имидж-рекламы — выставка прекрасное место для встречи с представителями прессы,

коммерсантами, специалистами, руководителями различных международных, государственных и коммерческих структур и объединений;

— сбыт продукции: выставка — удачное место для заключения договоров о продаже товара, а также договоров о партнерстве и сотрудничестве. Например, на туристских выставках часто пытаются заключить контракты на оптовую продажу или покупку туров;

— изучение продукции конкурентов: на выставке изучение продукции связано с наименьшими трудностями. Здесь возможны непосредственные контакты с представителями конкурирующих фирм. При таких переговорах нейтральность территории имеет большие преимущества.

Участие в выставках для туристских предприятий рассматривается как перспективная деятельность по расширению партнерских связей. Большое количество участников и публики в ежегодно проводимых мероприятиях подобного рода подтверждает их ценность для успешной работы турпредприятия [8, с. 56].

В заключение следует сказать, что выставочная деятельность относится к специальным, деловым услугам. Для нее характерны те же особенности, что и для услуги вообще. При этом, являясь разновидностью рекламной услуги, она содержит в себе те же свойства, что и любая услуга, а именно — вероятностный характер достижения полезного эффекта, наличие элементов товара в услуге, индивидуализированный характер производства, наличие внешних эффектов, недостаточная предсказуемость реакции потребителей и т. д.

Литература:

1. Сорокина Е. Роль выставки для предприятия. // Экспо столица. — 2009. — № 8.
2. Чертыковцева Т. А. Предприятие на международной выставке: проблемы управления международной выставочной деятельностью предприятия как бизнес-процессом // Российское предпринимательство. — 2009. — N 10.
3. Бурняшева Л. А. Традиционное и новационное в духовно-нравственной сфере социального бытия: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Северо-Кавказский государственный технический университет. Ставрополь: СевКав ГТУ, 2008.
4. Суховская Д. Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории. [Текст] / Д. Н. Суховская // Молодой ученый. — 2013.
5. Корепанова С. А. Выставочная деятельность в России в XIX веке: автореф. дис.... канд. ист. наук. спец. 07.00.02. — Екатеринбург, 2010.
6. Быстров Ю. Л. Выставки — инструмент маркетинга // Маркетинг. — 2009. — № 3.
7. Гончарова Е. Н. Социально-конструктивистский подход в исследованиях туризма в условиях глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. — Выпуск 4 (69). — 254 с.
8. Кольчугина Т. А. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа в Ставропольском крае: задачи и проблемы функционирования и развития // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2011.

Необходимость использования маркетингового подхода в зарубежном туристском бизнесе

Жилитежева Изабелла Валерьевна, студент

Пятигорский государственный лингвистический университет (Ставропольский край)

В последние годы в мире наблюдается интенсивный рост туристских услуг. Туризм имеет огромный потенциал роста, более значительный, чем какая-либо другая отрасль экономики. Согласно прогнозам Всемирной туристской организации, поток туристов возрастет по всему миру от 550 млн., человек в конце 90-х годов до более 1 млрд. чел в 2014 году. В 2016 году ожидается, что туристская отрасль создаст рабочие места для более чем 300 млн. чел., доходы этой отрасли должны составить 12 % мирового валового продукта, рабочие места в туризме должны составить около 12 % всех рабочих мест в мире [1, с. 345].

Постиндустриальный переход в странах с развитой экономикой и развитие экономики потребления способствовали росту индустрии туризма и гостеприимства и внедрению прогрессивной маркетинговой концепции в деловую практику туристских компаний. Таким образом, с 50–60-х годов маркетинг стал использоваться туристскими компаниями. В основном это были туроператоры — крупные оптовики, создатели туристского продукта — и различные туристские клубы (например, во Франции) [2, с. 52].

Эти туристские организации первыми начали заниматься исследованием своей клиентуры, пытаясь проанализировать мотивационную сторону принятия решений о туристской поездке. Пионерами в этих крупных исследованиях были Германия, Австрия и Швейцария. Надо отметить, что в отличие от туристских фирм и различных туристских клубов, гостиничный бизнес оставался более консервативным и до 70-х годов не занимался исследованиями потребительских особенностей своей клиентуры, лишь к концу 70-х годов менеджеры отелей начали ставить предпочтения клиента в центр своей рыночной политики [3, с. 22]. Приблизительно в эти годы начинают разрабатываться различные теории туристских мотиваций и моделей принятия решений о туристской поездке. Очевидно, что причин покупки определенного туристского продукта (или услуги) может быть много. Но для туристской фирмы особенно важно, чтобы она не была случайной, эпизодической. Наиболее приемлемый для туристской компании вариант — это когда у клиента создаются достаточно сильные мотивы для того, чтобы стать абсолютным приверженцем данной фирмы, чтобы его покупки стали регулярными. Таким образом, за счет создания системы мотивирования потенциального потребителя с помощью маркетинговых приемов туристская фирма может добиться расширения круга своих постоянных клиентов и завоевать доверие непостоянных и взыскательных туристов.

Сейчас в России работает более 5000 туроператоров, имеющих лицензию. После принятия в ближайшее время Госдумой РФ поправок к закону «Об основах туристской деятельности» число туристских компаний уменьшится, так как получить финансовую гарантию или страховой полис будет сложнее и дороже, чем лицензию: стоимость банковской гарантии будет составлять от 2 до 5 % суммы гарантии, то есть 200–500 тысяч рублей. Кроме того, под гарантию банк будет требовать обеспечение, а страхование ответственности будет стоить столько же. Для туроператоров, работающих в области международного туризма, размещение гарантий составит 10 млн. рублей. Для удержания своего места на рынке и получения конкурентных преимуществ от российских туристских компаний потребуются новые действия по изучению туристского рынка, новых условий конкуренции, формированию новых маркетинговых стратегий, логистических схем [4, с. 251].

Российский туристский рынок активно подключается к международной сфере туристских и гостиничных услуг, что представляет собой сложный организационно-технический и экономический процесс, требующий не только разнообразных знаний в области туризма, профессионализма в туристско-экскурсионной деятельности, но и умения развивать и применять маркетинговые и логистические концепции и новые прогрессивные методы обработки и передачи материальных и информационных потоков [5, с. 148]. Расширение маркетинговой и логистической деятельности российских туристских компаний находится в тесном взаимодействии с увеличением потоков туристов.

В этой связи очень показателен опыт Австрии, где туристский маркетинг рассматривается как совокупность следующих функций:

- обнаружение и стимулирование у потребителей желания путешествовать;
- превращение этого желания в определенные виды туристских услуг,
- продвижение этого пакета туристских услуг на рынок и его продажа;
- изучение ответной реакции потребителей [4, с. 253].

Здесь важно подчеркнуть первую и особенно четвертую функции, так как именно их реализация позволяет разработать определенную мотивационную систему, воздействующую на процесс принятия решения потенциальных клиентов по поводу туристской поездки. В туристской практике такая задача решается с помощью проведения маркетинговых исследований, применения приемов прямого маркетинга, а также использования рекламационного менеджмента. Что касается последнего, то здесь

особенно важно выделить его регулирующую функцию. Имеющий своей непосредственной целью разбор поступающих требований и жалоб клиентов, рекламационный менеджмент является важнейшим информационным источником для контроля за качеством предоставляемых услуг.

Таким образом, рекламационный менеджмент позволяет обратить внимание на слабые места в сервисе и оперативно устранять имеющиеся недостатки.

Второй элемент маркетинга, необходимый туристской фирме для создания постоянной клиентуры — прямой маркетинг, — включает в себя такие приемы, как:

- телефонные (или почтовые) опросы потребителей о качестве оказанной им услуги, о пожеланиях и требованиях клиентов;

- рассылку по почте информационных листов и каталогов с сообщениями о новых туристских маршрутах, услугах и т. п.;

- рассылку поздравительных открыток и рекламных обращений;

- проведение презентаций и встреч со своими потребителями;

- другие приемы.

Прямой маркетинг, так же как и рекламационный менеджмент, направлен на обеспечение обратной связи с клиентом и анализ реакции туриста на предоставляемые ему услуги. Для более глубокого изучения ответной реакции потребителей и их ожиданий от туристской поездки проводятся маркетинговые исследования. Маркетинговые исследования в туризме имеют ту же схему, что и в любой другой отрасли. Особенностью здесь является их определяющее значение для последующих этапов маркетинговой политики, в частности для организации рекламной кампании туристского продукта, создания имиджа туристской фирмы и самого формирования пакета туристских услуг. Для успешности всех этих мероприятий туристской фирме необходимо собрать сведения или провести исследование, касающееся предпочтений и вкусов своих потенциальных клиентов, особенностей их поведения и мотивации и т. д.

Вообще в туризме, в силу особенностей туристского продукта, представляющего собой комплекс взаимосвязанных услуг (по размещению и питанию, экскурсионному и культурному обслуживанию, транспортному обеспечению и другим услугам), особое место в маркетинговой политике занимает создание определенного образа туристского продукта и туристской фирмы в глазах потребителей [6, с. 123]. Это связано с тем, что при покупке туристской путевки потребитель еще не видит воочию, какие именно услуги ему будут предоставлены и насколько они отвечают его ожиданиям (имеется в виду, что турист в первый раз покупает данную туристскую поездку у данной туристской фирмы). Данное обстоятельство связано с неосвязаемостью услуг, их неотъемлемой характеристикой. Таким образом, одной из главных особенностей маркетингового подхода в туристском бизнесе является

непосредственная направленность туристской фирмы на изучение мотиваций и ожиданий туристов, а также создание соответствующего имиджа фирмы и рекламы, налаживание эффективной обратной связи с клиентами

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что использование маркетинговой концепции и отдельных приемов маркетинга (создание имиджа, анализ потребительских предпочтений, обеспечение непосредственных контактов с клиентами и др.) в практической деятельности туристской компании позволяет ей воздействовать на частоту и регулярность покупки своего туристского продукта, способствует более прочному (устойчивому) ее положению на туристском рынке за счет создания и расширения круга своей постоянной клиентуры

Но не менее важен и тот факт, что маркетинговые исследования рынка туристских услуг создают основу для эффективного использования территориальных потенциалов страны (региона), так как изначально маркетинговые исследования в туризме направлены не только на изучение спроса и определение своих потенциальных клиентов, но и на формирование самого спроса с учетом развития и использования имеющегося туристского потенциала определенных территорий. Такой целенаправленной деятельностью занимаются как частные коммерческие туристские организации (отели, бюро путешествий, крупные авиакомпании и др.), так и государственные и муниципальные учреждения (национальные бюро по туризму, региональные и городские комитеты и департаменты туризма и др.). Целью их маркетинговой политики, которая может быть названа маркетингом мест отдыха, является привлечение как можно большего числа туристов в конкретные регионы (курорты, города, страны). Инструментами такой политики в основном служат пропаганда и реклама особых достопримечательностей той или иной местности, создание запоминающегося имиджа определенной территории. К примеру, Афины — это античные храмы и памятники, Лас-Вегас — город ночных развлечений и т. д. вообще по затратам на маркетинг, связанным с освоением рынка (т. е. организации информирования широкой публики и потребителей о имеющихся туристских услугах, налаживанием связей с общественностью, организацией рекламной кампании), в развитых странах лидируют национальные бюро по туризму (50% от всех затрат на маркетинг), затем идут туристские агентства (35%), авиакомпании (25%); туроператоры тратят на эти цели не более 3% от своих затрат на маркетинг, так как основные их расходы в этой сфере связаны с выпуском дорогостоящей информационно печатной продукции (каталогов, различных буклетов и т. п.).

Таким образом, применение приемов маркетинга для более эффективного использования туристского потенциала определенных территории способствует развитию туристского бизнеса, а вместе с ним посредством мультипликативного эффекта и всей экономики региона, так или иначе связанной с индустрией туризма (имеется в виду усиление экономической активности строительных ор-

ганизаций, банков, страховых компаний, транспортных компаний, коммунальных служб, пищевой промышленности и других сфер экономики). Последнее обстоятельство свидетельствует о большой социальной значимости развития туризма, для чего необходимым является использование маркетинговой концепции в практической деятельности туристских организаций.

Таким образом, говоря об особенностях маркетингового подхода в туризме, следует выделить следующие обстоятельства:

— начало использования маркетингового подхода в туризме связано с исследованиями мотиваций и моделей принятия решения о туристской поездке, которыми с 50-х годов начали заниматься крупные туристские организации Германии, Австрии и Швейцарии;

— особая важность изучения и воздействия на мотивы выбора потребителей при покупке туристского продукта способствовала проведению маркетинговых ис-

следований и налаживанию обратной связи с клиентами посредством прямого маркетинга и рекламационного менеджмента;

— в связи с неосязаемостью туристской услуги особое место в маркетинговой политике туристских фирм занимает создание определенного имиджа компании, а также проведение соответствующей политики коммуникации (создание рекламы, обеспечение связи с общественностью, пропаганда и т. д.);

— основной целью и следствием маркетинговой политики туристской фирмы является создание и расширение круга своей постоянной клиентуры, что способствует более устойчивому ее положению на туристском рынке;

— маркетинговая политика в туризме направлена также на формирование спроса на туристские услуги с учетом использования имеющегося туристского потенциала определенных территорий, чем призваны заниматься национальные бюро по туризму.

Литература:

1. Ахмедова А. А. Инновационные направления в туризме / А. А. Ахмедова // Актуальные вопросы современной экономической науки: сб. докладов Междунар. науч. конф. (Липецк, 20 февраля 2010 г.). — Липецк: Изд. центр «Де-факто», 2010.
2. Игнатъев А. В. Инновационная стратегия управления туристическим бизнесом в эпоху глобализации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / А. В. Игнатъев. — М.: Государственная академия профессиональной переподготовки и повышения квалификации руководящих работников и специалистов инвестиционной сферы, 2008.
3. Лебедев В. В. Управление инновационным развитием индустрии туризма на основе эволюционного подхода: автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. В. Лебедев. — М.: Государственный университет управления, 2010.
4. Гончарова Е. Н. Социально-конструктивистский подход в исследованиях туризма в условиях глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. — Выпуск 4 (69).
5. Овчаренко Г. В. Инновационный маркетинг взаимодействия — инструмент инновационного управления в социотехнических системах / Г. В. Овчаренко, О. Г. Савельева // Terra Economicus. — 2010. — Т. 8.
6. Кольчугина Т. А. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа в Ставропольском крае: задачи и проблемы функционирования и развития // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2011.

Государственная политика РФ по противодействию экстремизму

Киселева Евгения Евгеньевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель
Астраханский государственный университет

В статье представлены результаты анализа документов и интернет сайтов по государственной политике РФ по противодействию экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие экстремизму и терроризму.

Extremism counter policy in Russian Federation

Kiseleva Evgeniya Evgenievna, Cand.Sci. (Soc.), senior lecturer of the chair of sociology, Astrakhan state university

The article gives the main results of document and websites analysis on extremism counter policy in Russian federation.

Key words: terrorism, extremism, extremism and terrorism counter policy.

Экстремизм является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного российского общества, что связано, в первую очередь, с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране.

Согласно Федеральному закону РФ к экстремизму можно отнести [1, с. 417]:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насильем либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насильем либо угрозой его применения;

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. «главными направлениями

государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан» [2].

С целью координации усилий различных ведомств по противодействию экстремизма Указом Президента была создана Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации.

Межведомственная комиссия является межведомственным органом, образованным в целях обеспечения реализации государственной политики в области противодействия экстремизму, координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, участвующих в противодействии экстремизму, а также организационно-методического руководства этой деятельностью. Межведомственная комиссия осуществляет свою деятельность во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями.

Основными задачами Межведомственной комиссии являются:

- подготовка предложений Президенту РФ и Правительству РФ по формированию государственной политики в области противодействия экстремизму, по совершенствованию законодательства РФ в этой области; подготовка ежегодных докладов о проявлениях экстремизма в РФ

и представление их Президенту РФ не позднее второго квартала года, следующего за отчетным;

— разработка мер, направленных на противодействие экстремизму и на устранение способствующих ему причин и условий;

— обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в области противодействия экстремизму, а также организация их взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями; разработка проектов концепций, стратегий, программ, планов и иных документов в области противодействия экстремизму; участие в международном сотрудничестве в области противодействия экстремизму, в том числе в подготовке проектов международных договоров и соглашений РФ;

— мониторинг, анализ и оценка состояния противодействия экстремизму в РФ, а также выработка мер, направленных на совершенствование деятельности в этой области федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций; организационно-методическое руководство постоянно действующими рабочими группами по вопросам гармонизации межэтнических отношений в субъектах РФ.

Согласно отчетным документам, в целом с момента создания Межведомственной комиссией был проделан значительный объем работы, приняты решения, направленные на изменение действующего законодательства в целях совершенствования правового регулирования противодействия экстремистской деятельности. В частности, о внесении изменений в ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», ФЗ «О некоммерческих организациях» и в статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, касающихся усиления ответственности за проведение не-

санкционированных массовых публичных акций и нарушений в миграционной сфере. Наряду с этим выработан комплекс мер, направленный на профилактику терроризма и экстремизма, формирование российской гражданской идентичности, воспитание патриотизма в молодежной среде [3].

Кроме того, активно обсуждались вопросы о совершенствовании системы и методики проведения судебных экспертиз по уголовным делам и исследований в рамках проверок по информационным материалам, содержащим признаки экстремизма, о возможности и целесообразности правового регулирования обязательного получения лицами, осуществляющими религиозную деятельность, теологического образования в учебных заведениях на территории Российской Федерации [4].

Также, под эгидой МВК создана возглавляемая начальником ГУПЭ МВД России межведомственная рабочая группа по противодействию идеологии экстремизма в средствах массовой информации и сети Интернет. До настоящего момента проведено две встречи в данном формате [5].

В целом содержательный анализ документов по противодействию экстремизму и терроризму показывает, что государственная политика России в основном направлена на выявление случаев экстремизма, воспитание патриотизма и формирование гражданской идентичности в молодежной среде, гармонизацию межэтнических отношений. Однако, при этом мало внимания уделяется именно профилактике молодежного экстремизма, специфики проявления экстремистских настроений именно в молодежной среде, использование таких методов работы с молодежью как флеш моб, социальная реклама, разработка социальных проектов, конкурсов и т.д. Анализ же региональных программ показывает, что в основном, при профилактике экстремизма применяются такие методы как проведение круглых столов, конференций, конкурсов плакатов.

Литература:

1. Пашкова Е. Е. Экстремизм в молодежной среде: виды и особенности. // Молодой ученый. 2013. № 12. — С. 417–419.
2. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988 [Электронный ресурс] URL: <http://mvd.ru/mvd/sovorg/mejved>
3. Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12088334/>
4. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. Стенограмма. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской газеты. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/12/stenogramma-poln.html>
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/>
6. Справка о деятельности Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://mvd.ru/mvd/sovorg/mejved>

Теледизайн на белорусском телевидении

Ковалева Ольга Юрьевна, магистрант;

Токарь Ольга Владимировна, кандидат технических наук, доцент
Белорусский государственный технологический университет (г. Минск)

Мало кто задумывается над тем, что одни передачи и каналы узнаются с первых секунд, а другие только после того, как объявит диктор или ведущий. Именно теледизайн отвечает за узнаваемость и восприятие информации в межпрограммное время, а также во время самой передачи. Создание телевизионного дизайна подчиняется тем законам, по которым работает большое кино, применяются те же технологии и приемы, с той лишь разницей, что время очень ограничено. Чем более цельно выполнено оформление телепередачи, чем точнее оно отражает ценности конкретного канала, тем более эффективно теледизайн работает на создание уникальной среды для потребителей.

Эксперт в области телевизионного бизнеса Ли Хант выделяет следующие функции телевизионного дизайна [1, с. 20]: коммуникация с потребителем (нацеливание на аудиторию и информирование зрителя); идентификация телевизионного продукта; обеспечение первичного контакта (настройка на восприятие программ); формирование единого визуального облика (объединение отдельных составляющих эфира); отстройка от конкурентов; подчеркивание ценностей бренда; обеспечение удобства пользования (интерфейс).

Теледизайн позволяет подчеркнуть индивидуальность канала или программы, что проявляется в единой стилистике, так называемом «фирменном стиле». Именно он формирует в сознании потребителей особое восприятие продукта, называемое брендом [1, с. 21]. В телевизионном производстве бренды формируют «добавочную стоимость» телевизионных продуктов или телекомпаний. Бренд несет в себе подтверждение того, что данное содержание представлено для данной целевой аудитории.

Для массовых коммуникаций свойственна органичность и динамика. Они меняются ежечасно, в течение суток, от недели к неделе. Соответственно, медиа-бренд должен быть текучим и гибким, отвечать программной политике, аудитории и всем непредсказуемым факторам, характеризующим телевидение. При этом он должен расширяться и сокращаться, сохраняя верность себе. Эти факторы нельзя игнорировать при разработке фирменного стиля телепрограммы или канала.

В процессе создания медиа-бренда необходимо изучить потребителя. Только проанализировав аудиторию, можно понять, кто те люди, которые будут смотреть проект, чего они хотят, что они уже получают в достатке, где есть какие-то упущенные возможности. Не следует забывать и о конкурентах: каковы их сильные и слабые стороны, аудитория. Особо необходимо рассмотреть разрабатываемый продукт: выделить его достоинства и уникальность.

Компоненты успешного позиционирования бренда выявляются пересечением трех зон: чего хочет потребитель, в чем слабости конкурентов, какой спецификой обладает создаваемый продукт.

Современное телевидение не живет без эффектной, выразительной подачи динамичного, постоянно меняющегося контента. В сознании телезрителя форма, то есть оформление канала или программы, неотъемлема от содержания. Оформление передает эмоции, облегчает навигацию (нахождение нужного места в нужное время), способствует узнаванию, помогает выразить мысли, идеи в невербальной форме. [2]

Особое место при оформлении телепередачи занимает дизайн заставки. Ее длительность составляет 5 до 15 секунд, а специалист по теледизайну должен сделать ее такой, чтобы зритель с первого мгновения или звука узнавал не только передачу, но и телеканал в целом. Каждая заставка заканчивается пэкшотом (англ. «packshot, pack shot») — неподвижным или динамичным изображением рекламируемого продукта [3]. В нашем случае, название телепередачи занимает центральное место в пэкшоте к заставкам. В нем в сознании зрителя за 2–5 секунд закрепляется образ рекламируемого продукта. Таким образом, пэкшот является важным стимулом для продаж, так как нацелен на формирование узнаваемости телепередачи.

Иллюстратор или шрифтовик при создании пэкшота должен представлять всю его композицию как динамическую, живущую в движении, понимать требования и законы этого движения, которые отличаются от законов печатного листа.

Шрифт надписи и стиль ее представления может сделать многое для того, чтобы предвосхитить «историю», о которой рассказывается в телевизионной программе. В постоянных поисках очередной гарнитуры необходимо помнить о функциональной роли шрифтов и преимуществах, которыми обладают универсальные, многоцелевые и гибкие дизайн-системы.

Исследование американских ученых К. Диманд-Яумана, Дэниела М. Оппенгеймера и Эрики Б. Вон [4, с. 111] продемонстрировало, что текст, набранный трудночитаемым шрифтом, запоминается лучше, чем тот, в котором была использована легкая для восприятия гарнитура. По мнению ученых, усилия, связанные с трудностью чтения, стимулируют работу памяти. Это не значит, что следует выбирать самые необычные шрифты, но поискать альтернативу популярной гарнитуре стоит.

Текстовая информация в пэкшоте может быть представлена несколькими блоками. В этом случае различное стилевое оформление поможет разграничить разнородную

по функциональности информацию. Сочетание шрифтов должно создавать некоторое напряжение и пробуждать интерес. Однако не следует использовать слишком непохожие шрифты. Добиться гармонии в типографике — не самое легкое дело, тем более, если несоответствие высот строчных букв приходится компенсировать их различным размером. Поэтому необходимо комбинировать шрифты с совпадающей высотой строчных знаков. Сравнение шрифтов в одном кегле покажет, смогут ли сосуществовать надписи, набранные разными гарнитурами. Хорошим сочетанием является комбинация шрифтов одного автора, так как они имеют общие пропорции, рисунок, ширину и угол наклона штрихов.

Теледизайн — род деятельности, который еще формируется на белорусском рынке, но на международном существует уже десятилетия. Фестивали в этой области проводятся во всем мире уже более 50 лет (ROMAX & BDA, OMNI INTERMEDIA AWARD и др.). В нашей стране только в 2004 году постановлением Министерства информации Республики Беларусь был утвержден Национальный телевизионный конкурс «Телевершина», одной из номинаций которого является «Лучший телевизионный дизайн».

Для анализа шрифтового оформления передач белорусского телевидения был проведен опрос с применением проективных методик: респонденты оценивали пэкшоты заставок, завершая предложения анкеты (например, «первое, на что обращаешь внимание...», «цветовое решение...», «передается ощущение...»).

Телевизионное пространство белорусского телевидения представляют 3 организации: Белтелерадиокомпания, ЗАО «Столичное телевидение» (СТВ), ЗАО «Второй национальный телеканал» (ОНТ). Белтелерадиокомпания объединяет 5 телевизионных каналов: «Беларусь 1», «Беларусь 2», «Беларусь 3», «Беларусь 5», «Беларусь 24», «НТВ-Беларусь». При оценке оформления не рассматривались заставки канала «НТВ-Беларусь», поскольку основу его эфира составляет продукция телеканала НТВ, произведенная российской стороной, а также лучшие фильмы и сериалы российского и зарубежного производства.

В девятом Национальном телевизионном конкурсе «Телевершина—2013» в номинации «Лучший телевизионный дизайн» первое место заняла Белтелерадиокомпания, которая представила межпрограммное оформление телеканала «Беларусь 2». Как же респонденты оценили пэкшоты телепередач данной организации.

«Первое, на что обращаешь внимание при рассмотрении заставок, это их мрачность». Из представленных пэкшотов из цветового охвата резко выделяются программы «Вокруг света» и «Командировка», в оформлении которых использован ярко-оранжевый цвет. Остальные — «навевают тоску», «окутаны унылостью», «вводят в состояние безысходности». Такой эффект создается благодаря сочетанию таких оттенков, как белый, черный, синий.

Шрифтовые композиции названий не отличаются цветовым разнообразием: белый (используется в большинстве случаев), синий, черный, красный. Причем иногда цветовое решение «не помогает восприятию, а затрудняет его».

««Зямля беларуская» — один из самых грандиозных и продолжительных проектов в истории отечественного телевидения». Так говорят о своем продукте его создатели. Действительно, потрясающий материал, который раскрывает неизведанные страницы истории Беларуси. Если посмотреть на пэкшот одной из программ проекта, например, «Віцебск на скрыжаванні часоў», то белый цвет теряется на фоне изображения архитектурного памятника. Что касается дизайна данного проекта в целом, то он проработан крайне недостаточно. Нет единства в шрифтах заголовков, цвете, размещении дополнительных элементов заставок.

Большинство шрифтов однотипны по своему начертанию. В один ряд можно поставить заставки к телепередачам «Актуальное интервью», «Клуб редакторов», «Наши», «Знай наших», «Перезагрузка», «Тайны следствия» и другие, в которых используются стандартные и однотипные шрифты. На этом фоне выделяется передача «Статут ВКЛ»: «видно, что шрифт подбирался исторический». И все же «буквица и остальные буквы совершенно не похожи», «не составляют одно целое», «выглядят из разных эпох». Во многом на это влияет значительное расстояние между первой и остальными буквами, а также их различная четкость.

В большинстве своем названия передач не подвергаются дизайнерской обработке.

Редко можно встретить шрифтовые композиции (например, программы «Зона Х», «Мастацтва»), проработку одной из букв (передача «Командировка», «Вокруг планеты», в обоих случаях буква «о» стилизована под земной шар). Иногда телезрители не улавливают смысловую нагрузку в дизайне (так, в передаче «Диалоги о цивилизации», не совсем понятно, почему была выделена буква «а»: «может быть она что-то разделяет», «хотелось бы понять, для чего это сделано»).

На фоне всех заставок выделяется пэкшот к программе «БеларусьLIFE»: «он сделан на самом деле стильно», «современен», «3D графика придает живость», «дизайн заинтересовал, и теперь я даже как-нибудь посмотрю эту передачу». Во многих остальных заставках Белтелерадиокомпания «буквы выглядят плоскими», «нереальными», «нарисованными», «мало привлекают внимание».

Теледизайн — это дизайн в движении во времени и пространстве. Если графический дизайн — плоская картинка, то теледизайн, прежде всего, анимация. Телевизионный дизайнер всегда стоит на телевидении особняком. Он находится между производителем контента и его потребителем. Именно он, в зависимости от задач, делает различное восприятие этого контента.

Телезритель смотрит программу один раз в день или раз в неделю. Проморолик к этой программе он видит гораздо чаще. Более того, свое мнение о программе он сложит из

того проморолика, который наблюдает на экране. В нем должны быть собраны самые эффектные моменты контекст и оформления программы. Именно они складываются в новую форму, которая и составит костяк восприятия программы телезрителями.

Дизайн телеканала влияет на четкость визуального и звукового восприятия. И сегодня пакет эфирного оформления должен сделать намного больше, чтобы оправдать свое существование. Дизайн в связке с промоушн, программированием и даже рекламой — важный инструмент

для управления телевизионной аудиторией. Только при их четком и слаженном взаимодействии можно удержать уже имеющихся зрителей или завладеть вниманием тех, кто случайно попал на канал. Хороший дизайнерский пакет совместно с исследованиями зрительской аудитории, стратегией, тактикой, творческими решениями, производством, постпродакшн и формированием сетки вещания несет ответственность за то, чтобы зритель переключался на этот канал почаще и смотрел его подольше. Это достигается за счет обогащения впечатлений зрителя.

Литература:

1. Хант Ли. Основы телевизионного брэндинга и эфирного промоушн. — М: Галерея, 2003.
2. Спириков М. Два гектара телевидения [Электронный ресурс] // Как: электронный журнал о дизайне. — Режим доступа: <http://kak.ru/columns/teledesign/a4499/>
3. Advertopedia [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.advertopedia.ru/index/show-article?id=25>
4. Cognition: International Journal of Cognitive Science/ editor-in-chief Gerry T. M Altmann. — January 2011.
5. Белтелерадиокомпания [Электронный ресурс]: официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.tvr.by/rus/default.asp>
6. Хант Ли. Теледизайн умер [Электронный ресурс] // Евразийская гильдия телевизионных дизайнеров и промоушн. — Режим доступа: <http://www.television-dis.ru/materials.php?part=lesson&id=3&pn=1>

Роль религиозного туризма в международном туристском бизнесе

Оганесян Карен Самвелович, студент

Пятигорский государственный лингвистический университет (Ставропольский край)

Религиозный туризм играет важную роль в системе международного и внутреннего туризма. Туристы отправляются в паломнические и экскурсионные поездки по святым местам и религиозным центрам. Они стремятся принять участие в религиозных церемониях, помолиться, совершить жертвоприношения. Религия влияет на формирование самосознания и стереотипов поведения людей. Она выступает элементом общественной системы и во многих случаях — одним из важнейших. Это особенно характерно для современной постсоветской России, где очень важно усиление процесса объединения религии, науки и искусства в борьбе за высокие нравственные идеалы, культурные и духовные ценности. Актуальность исследования заключается в том, что на современном этапе намного возросла роль Русской Православной Церкви в деле объединения славянских народов, оказавшихся в последние десятилетия разделенными. В этом свете роль религиозного туризма трудно переоценить. Он развивается на фоне положительной динамики всей индустрии туризма.

Важнейшей компонентой религиозного туризма является туризм экскурсионной направленности и паломнического типа. В первом случае туристов интересуют главным образом экскурсии с посещением монастырей, храмов, музеев и выставок [4, с. 227]. Причем эти туристы

могут быть, а могут и не быть приверженцами той религии, объекты которой посещают, а также могут быть вообще людьми нерелигиозными. Следует отметить, что религиозная тематика довольно часто является составляющей комбинированных туров культурно — познавательной направленности. Паломников интересует непосредственное участие в религиозных культурах. Социально-психологическая база паломнического туризма уже, чем религиозного. Паломники в основном исповедуют ту религию, святым местам которой они приехали поклониться. Экскурсии, посещение музеев, выставок для них — вторичная, сопутствующая задача или вообще мало интересны. Религиозные туристы и в первую очередь паломники пускаются в путешествие, когда у них возникает потребность совершить нечто большее, чем обычные культовые действия в условиях обычной среды их проживания. Люди отправляются в поездки по святым местам с разными мотивами: помолиться, решить личные проблемы, найти себе подходящую религию, духовную школу и систему ценностей, познакомиться с культурным наследием страны [7].

Туризм представляет собой форму миграции людей, не обусловленную сменой их местожительства или работы. По определению А.Ю. Александровой, туризм есть совокупность отношений и явлений, которые возникают во время перемещения и пребывания людей в местах, от-

личных от их постоянного места проживания и работы [1, с. 121].

А.Ю. Александрова, ссылаясь на материалы Международной конференции по статистике путешествий и туризма (Оттава, 1991) и рекомендации ЮНВТО, выделяет три главных критерия, позволяющих включить туристов и экскурсантов в категорию посетителей и отличить их от других путешествующих лиц. Это, во-первых, выезд за пределы обычной среды, во-вторых, продолжительность пребывания в месте поездки и, в-третьих, цель посещения [1, с. 123].

В статистике туризма учитываются люди, продолжительность пребывания которых в новом месте не превышает 12 месяцев. Если человек прожил где-либо больше года, он переходит в категорию постоянных жителей. Например, паломники, отправляющиеся в известный православный монастырь на неделю, считаются туристами. Что касается целей поездки, то в отличие от других путешественников (сезонных рабочих, мигрантов, военнослужащих, дипломатов и т.д.) подобными посетителями движут туристские мотивы. По рекомендации ЮНВТО туристские цели были объединены в несколько блоков. Среди блоков, выделенных ЮНВТО — отдых, посещение родных и близких, деловые и профессиональные цели, лечение и др. Нас интересует посещение святых мест и поклонение религиозным святыням [2, с. 119].

Места, которые человек посещает регулярно, даже если они находятся сравнительно далеко от места его проживания, являются элементами его обычной среды. Сюда можно отнести также объекты, находящиеся в непосредственной близости от места проживания человека независимо от частоты их посещения (например, какой-нибудь музей или храм, расположенные в данном городе) [3, с. 142]. Психологически они воспринимаются как элемент каждодневности. В религиозном туризме поездка в достаточно удаленный город или район для поклонения какой-нибудь святыне, участие в культовых действиях или посещение музеев и выставок будет считаться выездом за пределы обычной среды. Концепция обычной среды существования вызывает споры среди специалистов — какое расстояние должен проехать человек и как часто посещать те или иные места, чтобы считаться туристом. Очевидно, что понятие обычной среды различается по странам и может различаться для людей разной мобильности, социального и имущественного положения, мировосприятия и мотивации поездки [4, с. 227].

Итак, мы можем сказать, что туристом, путешествующим с религиозными целями, является человек, выезжающий за пределы обычной среды на срок не более года для посещения святых мест и центров религий. Под религиозным туризмом следует понимать виды деятельности, связанные с предоставлением услуг и удовлетворением потребностей туристов, направляющихся к святым местам и религиозным центрам, находящимся за пределами обычной для них среды.

Религиозный туризм — это самостоятельный вид туризма. У него, как и у других его видов, есть свои разновидности: паломнический туризм и религиозный туризм экскурсионной направленности [6, с. 111].

Религиозный туризм имеет две основные разновидности. Это паломнический туризм и религиозный туризм экскурсионно-познавательной направленности. Разновидностью паломнического туризма является духовно-паломнический туризм.

Эта разновидность религиозного туризма представляет собой совокупность поездок представителей различных религий с паломническими целями. Слово «паломничество» происходит от слова «пальма» — паломники-христиане, совершавшие поездки на Святую землю в Средние века, привозили оттуда пальмовую ветвь [9]. Паломничество мы можем понимать как странствие людей для поклонения святым местам. Совершать паломничества людей побуждает много различных мотивов. Это желание исцелиться от физических или душевных недугов, помолиться за родных и близких, обрести благодать, набраться сил, сделать какую-нибудь работу (строительство, уборка территории монастыря, храма, ашрама (духовного центра) и т.д.). Паломничество может быть обусловлено также стремлением выразить благодарность высшим силам за блага, ниспосланные ими, проявить преданность вере, испытать собственные намерения и способности к подвижничеству, обрести смысл жизни [8, с. 251].

Паломничество предполагает определенное отношение человека к действительности. Психологические особенности паломников очень разноплановы. Паломник в большинстве случаев — глубоко религиозный человек с уже сложившейся системой ценностей. Он готов на время поступиться привычным образом жизни: кругом общения, удовольствиями, питанием для достижения своих духовных и нравственных целей [6, с. 112]. Идея паломничества подразумевает действия в условиях определенных трудностей, добровольно взятые на себя обязательства быть в этих условиях. Это символизирует готовность человека пожертвовать временным и преходящим материальным во имя вечного духовного. Люди отправляются в паломнические поездки, когда им недостаточно ритуальных действий в местах обычной среды их проживания. Они едут или идут в святые места, более значимые для них.

Традиции паломничества уходят корнями в далекую древность. Так, в Индии испокон веков люди совершали поездки в святые места, наполненные энергией того или иного божества. В Шримад-Бхагаватам, написанной много веков назад, сказано, что святые места, в которых почитаются божества, нужно посещать и в них нужно молиться, чтобы достичь духовных результатов. Посещение таких мест и участие в ритуальных церемониях даст результаты в тысячу раз лучшие, чем те, что будут достигнуты при выполнении тех же действий в других местах. В Древней Греции к прорицательнице-пифии, жившей в храме в Дельфах, съезжались представители всего гре-

ческого мира для получения предсказаний. В Средние века сложилась традиция поездок христиан к Гробу Господню в Иерусалим. Эпоха крестовых походов стимулировала развитие паломничества. Крестовые походы проходили под флагом освобождения Святой земли от неверных [9].

В России в Средние века и Новое время правители совершали паломничества, часто пешие, в различные монастыри и храмы. Когда во время пеших походов монарх уставал идти, его увозили на отдых в близлежащий путевой дворец. Затем его привозили на то же место, и он продолжал свой поход.

В XX в. в связи с развитием туризма, современных средств транспорта, связи, информационного бума возросли интенсивность и географическое разнообразие паломничества. По имеющимся данным, более 200 млн. человек ежегодно совершают паломничества [9].

В современной России произошло возрождение интереса к религиям и церкви. В советское время религия не оказывала большого влияния на туризм. Религиозные святыни рассматривались лишь как интересные в историческом отношении и привлекательные с эстетической точки зрения объекты.

В заключении можно отметить, что в современном туризме выделяют различные виды паломничества. По числу участников и признаку семейной принадлежности

различают индивидуальные, семейные и групповые паломничества. По продолжительности можно обозначить паломничества длительные и короткие. Раньше по русским православным канонам паломничеством считалась поездка продолжительностью более 10 дней [7]. В зависимости от того, в какой стране находятся объекты, посещаемые паломниками, существуют поездки внутренние и зарубежные. Паломники обычно выдвигают гораздо меньше требований к уровню и качеству обслуживания, питания, размещения. Они останавливаются на ночлег в кельях монастырей, на территории ашрамов, в палаточных городках (во время хаджа, например), могут ночевать в храмах на полу или прямо на улице. Выбор пищи обычно невелик и она более скромная. В христианских странах во время постов пища постная, в Индии — вегетарианская.

Паломничества связаны с посещением определенных мест, являющихся святыми. Это могут быть монастыри, храмы, природные объекты — горы, реки, озера, рощи, пещеры. Часто паломничества бывают приуроченными к определенным праздникам. Скажем, в христианстве паломничество в тот или иной храм или монастырь может быть приурочено ко дню празднования местночтимого святого. В Ватикан собирается много паломников послушать пасхальную проповедь папы римского.

Литература:

1. Александрова А. Ю. Международный туризм: Учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 464 с.
2. Коростелев Е. М. Роль географии в формировании образа России для развития международного туризма / Региональные и географические исследования. — СПб, Русское географическое общество, 2005. — С. 117–121.
3. Бурняшева Л. А., Газгиреева Л. Х. Духовный кризис ценностных оснований: социально-философский дискурс проблемы // Перспективы науки. — 2011. — № 17. — С. 52–56.
4. Прокопенко Т. А., Максимов Д. В. Религиозный туризм и его место в системе туристской деятельности // Материалы 6-ой международной научно-практической конференции г. Сочи, 16–19 мая 2006 г.: «Проблемы, инновационные подходы и перспективы развития индустрии туризма», СГУТиКД. — Сочи, 2006. — С. 225–230.
5. Суховская Д. Н. Концепция креативного класса в глобализирующемся обществе. Сборник научных трудов SWorld. — Выпуск 2. Том 25. — Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. — С. 34–37.
6. Максимов Д. В. Сегментация и перспективы рынка религиозного туризма. Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития // Мат. II Региональной научно-практической конференции. — Краснодар: Просвещение-Юг. 2005. — С. 109–113.
7. Организация паломнических поездок из Москвы по святым местам России // Москва: Музей паломничества по святым местам. — 2011. — (Рус.) — URL: <http://www.plmusey.narod.ru>
8. Гончарова Е. Н. Социально-конструктивистский подход в исследованиях туризма в условиях глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. — Выпуск 4 (69). — 254 с.
9. Паломническая служба «Святой источник» // Москва: Официальный сайт паломнической службы «Святой источник». — 2000. — (Рус.) — URL: <http://www.palomnik-sl.narod.ru>

Проблема социального порядка в современной социологической теории: от дискурса порядка к порядку дискурса

Соболевская Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

В статье рассмотрены генезис и история формирования проблемы социального порядка в теоретической социологии, а также проанализированы способы ее переосмысления в современных социологических теориях.

Ключевые слова: *социальный порядок, современная социологическая теория, теоретический синтез, классическое наследие.*

Вопросы, которые современность ставит перед социальными теоретиками, возникают и как совершенно новые, и как такие, которые могут быть отнесены к традиционным — классическим социологическим проблемам. Существует ли единый социальный порядок? Какова природа и принципы такого порядка? Изменяется ли он в условиях современного общества? Какие интеграционные механизмы способны такой порядок поддержать? И если классическая социологическая теория предлагала рассматривать социальный порядок как неслучайность социального взаимодействия, которая противостоит хаосу, как надежно устоявшиеся и стабильно воспроизводимые во времени практики и структуры, охватывающие все общество без исключения, то современное общество, находящееся в состоянии постоянных изменений, требует новых способов осмысления и объяснения как принципов социальной организации, так и механизмов ее функционирования. Осмысление и объяснение этих изменений — одна из ключевых задач, которую ставит перед собой социологическая теория, претендующая на название современной.

В социологии термин «социальный порядок» имеет целый ряд логически связанных между собой значений. Во-первых, «порядок» относится к существованию определенных ограничений, запретов, контроля в общественной жизни. Во-вторых, — указывает на существование взаимности в обществе: поведение каждого индивида не случайно и хаотично, но отвечает взаимностью или дополняет поведение других. В-третьих, — охватывает элемент предсказуемости и повторяемости общественной жизни: люди могут действовать социально только в том случае, если они знают, чего ожидают друг от друга. В-четвертых, — может означать определенную согласованность, непротиворечивость компонентов социальной жизни, и, наконец, в-пятых, — устойчивость, более или менее длительное сохранение всех форм. В условиях современного общества эти базовые характеристики социального порядка сохраняются, однако, к ним добавляются новые признаки, радикальные преобразования, связанные с вызовами времени и попытками ответить на новые вопросы: существует ли единый «глобальный мировой порядок»? За счет чего осуществляется легальный политический порядок общества? Как функционируют

локальные, ограниченные во времени региональные и особые порядки?

Главной отличительной чертой современности, которая предопределяет и генерирует постановку вышеобозначенных вопросов, становится признание принципиальной множественности, плюральности социального мира, и вместе с этим — определение множественности самого порядка, который возникает уже как социальные порядки [1]. Однако плюрализация социального порядка в современном мире не означает наступление хаоса. Просто это практическое решение классической «гоббсовской проблемы порядка» не связанное ни с принципом «реальности», как у самого Т. Гоббса, ни с «естественным совпадением интересов», как у Дж. Лока, ни с «нормативизмом» Т. Парсонса. Плюрализация социального порядка обусловлена такой организацией социальной действительности, когда одна область определенным образом упорядоченных явлений воспроизводит себя, взаимодействуя с другими.

Такие онтологические изменения требуют разработки соответствующего теоретико-методологического аппарата для адекватного описания общественных реалий, а указанные вызовы современности находят свое отражение в самой социологической науке. В то же время, новый теоретический инструментарий для описания и осмысления тенденций развития современного общества, стремящихся постичь эти онтологические изменения, разрабатывается через переосмысление классических социологических концепций.

Почему вопрос социального порядка и дискурс вокруг него становится объектом анализа современных социальных теоретиков? Этот вопрос — как возможен социальный порядок?, — по мнению Дж. Тюрнера [2, с. 27], в исторической перспективе выступает как наиболее общая проблема социологической науки, которую, ссылаясь на Т. Гоббса, можно сформулировать как «проблему порядка»: как возникают, сохраняются и изменяются социальные образования? Если рассмотреть историю социологии сквозь призму проблемы порядка, то можно увидеть, что этот вопрос раз за разом возникает в творчестве разных мыслителей от социологии — начиная от классиков и заканчивая современными теоретиками.

Так, уже в трудах О. Конта понятие социального порядка раскрывается в одном из важнейших для него аспектов социологического исследования — социальной статике, а прогресс, или социальная динамика, оказывается лишь «развитием порядка». Спенсеровская органистическая теория общества рассматривает социальный порядок как один из этапов развития материи в ее надорганической стадии, когда обеспечивается максимальная сбалансированность внутренней структуры общественного организма и его адаптация к условиям внешней среды (состояние эквилибризма). Центральным для описания социального порядка в творчестве Э. Дюркгейма становится понятие социальной солидарности, а разделение труда выступает как важнейший механизм через который современные индустриальные общества достигают состояния упорядоченности и консенсуса. Классики немецкой социологии обращаются к вопросу о социальном порядке через описание определенных духовных сущностей — «совместного воления» (*wessenwille*) у Ф. Тенниса, «духа народов» у В. Вундта, «духа капитализма» в творчестве В. Зомбарта и М. Вебера, или определения формальных способов типизации — через понятие «форм обобществления» (*vergesellschaftung*) у Г. Зиммеля. Продолжая классическую традицию, феноменологическое направление в социологии, представленное в работах А. Шюца, рассматривает проблему социального порядка через призму понятия повседневных типизаций. Теоретические разведки в рамках этнометодологических исследований Г. Гарфинкеля и драматургической социологии И. Гофмана объектом анализа выбирают практики порядка повседневных взаимодействий, пытаются объяснить природу такого порядка с помощью экспериментов по разрушению устоявшихся способов взаимодействия (Гарфинкель) или через определение ситуации и ее рамок-фреймов (Гофман).

Наиболее глубокого и детального осмысления концепция социального порядка и социальной интеграции в социологии XX века получила в трудах американского социолога, представляющего структурно-функционалистское направление — Т. Парсонса. Парсонс не просто подытоживает, но основательно перерабатывает идеи своих предшественников по поводу основного вопроса социологии — проблемы социального порядка общества. Парсонс считает, что социальный порядок — это факт, не подлежащий сомнению: «Я всегда считал, что социальный порядок, хотя и несовершенный, существует реально, а вслед за этим ставил вопрос о том при каких условиях можно объяснить факт его существования» [3, с. 258]. Однако, выступая против классических утилитаристских интерпретаций социального порядка, американский ученый ставит под сомнение утверждение о том, что стабильный порядок может существовать в ситуации, когда люди в своих действиях ориентируются исключительно на пользу. Вопрошая об условиях возможности социального порядка, Парсонс доказывает, что те авторы, которые исходят из понимания человеческих действий,

ориентированных исключительно на собственную выгоду, не способны объяснить существование нормального социального порядка, то есть такого порядка, который был бы установлен не благодаря подчинению внешней высшей силе (как, например, у Т. Гоббса) или в котором задействованы рыночные механизмы рационального обмена (как, например, у А. Смита или Дж. Локка). Итак, если социальный порядок действительно существует (а эмпирическая реальность подтверждает этот факт), то, по мнению Парсонса, необходима теория, которая могла бы его объяснить. Но это должна быть такая теория, которая вышла бы за пределы классического утилитаристско-экономического объяснения человеческого действия, которое сводит все к выгоде.

Решение поставленной задачи предлагается Парсонсом в разработке нормативистской теории действия, которая становится основой его теории порядка. Любой социальный порядок, согласно Парсонсу, в определенной форме и в зависимости от обстоятельств опирается на общие ценности и нормы. Принятой в утилитаризме «произвольности целей», по мнению Парсонса, не существует в чистом виде, поскольку она ограничивается общими нормами и целями. Следовательно, нормы и ценности изначально структурируют индивидуальные действия и тем самым гарантируют возможность соотнесения действий различных индивидов. Если любой социальный порядок устанавливается и функционирует благодаря тому, что существуют нормы, то необходима такая теория действия, в которой главную роль играли бы нормы и ценности. Аргументы в поддержку этой теории действия Парсонс находит у классиков социологии и экономической теории — М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Паретто, А. Маршалла — таким образом, став одним из первых социологов, осуществивших попытку широкого теоретического синтеза. Так, опираясь на достижения классической социологии, Парсонсу впервые удается связать теорию социального действия и теорию социального порядка.

Теория Парсонса, которая на новый лад актуализировала для социологии проблему социального порядка и определила пути ее решения через обращение и переосмысление классической социологической наследия, нашла как своих сторонников, так и собрала вокруг себя многих критиков. Однако, несмотря на определенные проблемные вопросы, которые следовали за появлением этой амбициозной теории, вопрос условий возможности социального порядка и механизмов его функционирования в его классической формулировке остается актуальным для теоретиков, пытающихся дать свой ответ на старый гоббсовский вопрос — вместе с Парсонсом или вопреки ему, — открывая пространство возможностей для появления новых направлений современной социологической теории.

Таким привлекательным и интересным для современных теоретиков этот вопрос делает тот факт, что способ ответа на него ведет к определенным выводам о современности, что позволяет установить своеобразный

«диагноз времени». Взгляды, которые формируются теоретиками в ответе на этот вопрос, иногда очень абстрактные, отображаются в совершенно конкретных оценках современных обществ, определении перспектив их дальнейшего развития, объяснении их прошлого. Именно поэтому поиски ответов на этот и другие, связанные с ним вопросы, — это не просто формальное дело или тренировки в теоретической эрудиции, однако это также то, что делает социальные науки значимыми и важными для общества, то, что способно вызвать интеллектуальный интерес у общественности. Речь идет о понимании механизмов функционирования современных обществ и выявления тенденций и перспектив их развития.

Так или иначе, проблема упорядоченности общественной жизни, и стремление к объяснению существующего социального порядка (на макроуровне функционирования общества через понятия консенсуса и статики, или на микроуровне человеческого взаимодействия через понятия взаимных типизаций и смысла социального действия) или отклонения от него, — существует как центральная проблема, вокруг которой строилась и оформлялась наука об обществе.

Несмотря на интуитивную прозрачность понятия «социальный порядок», все же оно требует прояснения и уточнения своего содержания. И проблема не только в том, что находясь в дискурсе гуманитарных дисциплин, это понятие постоянно наполняется и обогащается дополнительными смыслами, но и в связи с тем, что, как и большинство понятий социологии, понятие «социальный порядок» также широко используется в повседневной речи, выступая ориентиром и регулятором поведения для тех, кто стремится жить в условиях социального порядка или тех, кто призывает к нему.

В самом общем виде порядок — это «правильное, отлаженное состояние», «правила, по которым что-либо осуществляется», «существующий строй» [4]. В этом определении можно выделить, по крайней мере, 3 аспекта: во-первых, отсылающие нас к общей характеристике устройства; во-вторых, к принципам осуществления и поддержания определенного состояния; в-третьих, к самой сложившейся ситуации, как таковой, что может быть достижима или и уже существует.

Что касается понятия «социальный порядок», то философский словарь [5] дает следующее определение: это понятие, которое «выражает устойчивость и организованность общественной жизни, а также возможность объективации социального, а, следовательно, его концептуализации». Таким образом, через понятие социального порядка, путем установления социального порядка происходит не только описание определяющих характеристик общественной жизни и ее регулярностей, но и закладывается принципиальная возможность его познания через систему сложившихся понятий (концептуализация).

Понятно, что сфера социального порядка является специфической предметной областью рефлексии, в рамках которой онтологическая и гносеологическая состав-

ляющие не могут не взаимодействовать, а их изоляция может привести к взаимной деформации. Нельзя говорить только о гносеологическом компоненте в достижении социального порядка, не учитывая практические условия его становления и воспроизводства в реальной жизни.

С развитием способов описания и осмысления социального порядка в социологии увеличивался и аккумулировался целый теоретический арсенал подходов к пониманию самой природы и механизмов установления социального порядка. Плюральность, множественность порядков накладывает отпечаток на тот способ теоретизирования, который пытается осмыслить эти радикальные онтологические сдвиги. Именно поэтому современная социологическая наука характеризуется отсутствием единой общепризнанной теории общества, а значит, представляет собой набор различных подходов и способов концептуализации социальной действительности. Такое разнообразие теоретических обобщений, которые дополняют, а иногда и противоречат друг другу, позволяет критически переосмыслить определенные выводы и достижения, а многообразие теорий образует разноплановую и мозаичную картину общественной жизни, картину, единство которой сохраняется благодаря социологической рефлексии.

Современный социологический дискурс не удерживается в пределах какой-то одной традиции, школы, направления, демонстрируя значительную дисперсию парадигмальных установок, за счет чего происходит взаимообогащение концепциями и понятиями. Однако развитие и разнообразие стратегий современного социологического теоретизирования также подчинено определенной логике, которая обусловлена самим характером и природой социологического познания.

При этом наиболее общей и рамочной проблемой как классической, так и современной социологической теории остается проблема порядка. В этом смысле, сложно не согласиться с Т. Парсонсом, который определяет проблему социального порядка как центральную проблему социологического теоретизирования с момента его оформления в самостоятельную отрасль научного познания и до современности. Проблема, которая по мнению самого классика американской социологии, становится центральной для всего его творчества: «Хотя в теоретическую схему «Структуры социального действия» входил ряд главных тем, из них со временем выделилась и во многих вариантах продолжала оставаться на переднем плане одна, которую я называл «проблемой порядка», имеющей отношение к условиям человеческого существования вообще и социальной системы в частности» [3, с. 257].

К нему присоединяются и другие авторы, которые считают, что именно проблема порядка порождает ряд специальных теоретических вопросов, которые становятся основой социологической теории как попытки «объяснить процессы институционализации и деинституционализации» [2, с. 28], или то, что вопросом «Что такое социальный порядок?» занимались все социальные теоретики — от

классиков социологической теории до современных ее представителей [6, с. 34–35].

Однако специфика современного социологического теоретизирования не только и не столько в том, что существует некая общая тема или проблема (объект), вокруг которой происходит организация интеллектуальных усилий ученых, но важным является тот способ, с помощью которого происходит актуализация данной тематики. Определение направлений способов организации современной теории и позволяет рассмотреть плюральный дискурс современного социологического теоретизирования как упорядоченный определенным способом, перейдя от специфической тематической организации такого дискурса (дискурса порядка) к логике его формирования (порядку дискурса). Принципиальными стратегиями организации дискурса современной социологической теории в ее обращении и раскрытии проблемы социального порядка становятся три таких измерения.

Во-первых, это обращение к самой действительности, реально существующим объективным связям и тем трансформациям, которые с ними происходят. В этом смысле, социология всегда пыталась ответить на запросы общественной жизни производством и поставкой необходимых ресурсов в виде знаний, которые помогают решать существующие проблемы и принимать необходимые решения. Таким образом, изменения в самом объекте исследования социологической науки, стимулируют развитие социологического знания и открывают возможности для появления новых способов объяснения социальных феноменов и процессов, их динамических изменений и трансформаций. В условиях фрагментации социальной действительности, когда одна область социальных явлений и процессов, регламентируясь собственной логикой функционирования, реализуется через постоянное взаимодействие и взаимозависимость с другими областями, условием возможности общего социального порядка (локального и лабильного) выступает ансамбль социальных отношений, представленный в виде многомерного пространства локальных порядков, которые поддерживаются и воспроизводятся системой публичной политики. При этом проблема социального порядка превращается и переформулируется в проблему того, как возможны социальные порядки — множественные и плюральные, характеризующие современную социальную действительность. Именно поэтому, по мнению российской исследовательницы Н. Шматко, адекватным способом исследования таких локальных порядков и способов их организации и регулирования становится топологический подход, который, по ее словам, «может стать основой концептуальной модернизации и поисков более глубокой внутренней единства социологии» [1, с. 14].

Во-вторых, кроме разработки новых альтернативных способов описания изменяющихся реалий общественной жизни, еще одной стратегией развития современного теоретического дискурса в социологии становится тенденция теоретического синтеза. Примечательной чертой синте-

тической деятельности в социологической теории в конце XX века стали, по мнению Дж. Ритцера [7, с. 103], два главных аспекта. Во-первых, такой тип деятельности выступает не единичной попыткой, но получил широкое распространение. Во-вторых, целью такого синтеза выступает не развитие общей синтетической теории, которая бы охватила все социологические направления, но относительно узкий синтез теоретических идей. Обобщающая теоретическая деятельность может происходить как внутри одной теории, так и демонстрировать попытку синтеза нескольких теорий, а также заимствований из других областей знания. Так, например, неофункционализм Дж. Александера пытается преодолеть ограниченности структурного функционализма путем интеграции идей широкого круга теорий, в то время как неофункционализм Н. Лумана для разработки собственной системной теории, претендующей на объяснение социального мира, заимствует концептуальный аппарат и основные принципы общей теории систем и нейрофизиологии.

Еще одним, третьим способом поддержания целостности современной социологической теории, становится собственно дискурсивный подход, который не столько обращается к самой реальности, сколько задает условия познавательной деятельности как таковой, формируя определенные правила репрезентации вещей и условия их попадания в дискуссионное поле. Таким способом организации современной теоретической социологии как дискурсивной практики становится обращение к классическим идеям, дилеммам, и проблемам. Вообще, классическое наследие играет определяющую роль в стимулировании социологического воображения и в поисках ответа на сложные вопросы. Свидетельство тому — неисчерпаемый интерес к работам классиков социологии и их актуальность. Именно обращение к классическому социологическому наследию сегодня является одним из основных источников развития теоретической социологии. Классика — это источник вдохновения и одновременно определенный научный стандарт, критерий научности современных социологических нововведений. Она для социальной теории является образцом, общепризнанным каноном, согласно которому организуется производство теоретической продукции. Вместе с тем, обращение к классическим трудам вносит в любое исследование элемент рефлексии — определение предпосылок, обращение к истокам формирования проблем. Обращение к классическому наследию, ее осмысление, новая интерпретация идей и проблем, затронутых в работах классиков социологии, является одним из источников развития современной социологической теории. Только в связи с прошлыми достижениями и теоретическим опытом можно понять и взвесить новые проблемы, стоящие перед современными социологами-теоретиками.

Итак, несмотря на концептуальное и методологическое разнообразие современной теоретической социологии, разнообразные стимулы и способы ее развития, именно благодаря единству способа формирования объ-

екта исследования, который реализуется как практика обращения к классическому наследию, удастся сохранить центральный вопрос и объект исследования социологии, сформулировав его как проблему социального порядка и возможности порядка как такового. Конечно, изменения в самом обществе постоянно бросают вызовы теоретикам, меняя ракурсы и способы раскрытия этой центральной для социологии проблемы, однако, определенная логика и стратегия развития самих теорий социального порядка дает основания обозначить то эпистемологическое поле, в котором это описание (социологический дискурс по-

рядка) происходило и происходит. Следовательно, речь идет не об определении границ истинности или адекватности тех или иных теорий социального порядка, сформировавшихся за время существования социологии как науки, скорее именно раскрытие логики становления и развития теорий социального порядка в социологии дает возможность определить условия существования самой социологии как науки, те принципиальные модели познания, которые лежат в ее основе. А значит, определить и установить те предпосылки, которые закладывают возможность социологического мышления.

Литература:

1. Шматко Н. А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социологические исследования. — 2001. — № 9. — С. 14–19.
2. Тернер Дж. Структура социологической теории. — М.: Прогресс, 1985.
3. Парсонс Т. Система современных обществ // Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. — М.: Аспект-Пресс, 1997.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-25266.htm>
5. Кемеров В. Философская энциклопедия. — Минск: «Панпринт», 1998.
6. Йоас Х., Кнебель В. Социальная теория: двадцать вводных лекций. — СПб.: Алетейя, 2011.
7. Ритцер Дж. Современная социологическая теория — СПб.: Питер, 2002.

Коррупция и ее отрицательное воздействие на развитие карьеры государственных служащих

Чернов Евгений Николаевич, аспирант

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Первое упоминание о коррупции в системе государственной службы, нашедшее отражение в древнейшем из известных человечеству памятнике государственности — архивах Древнего Вавилона, — относится ко второй половине XXIV в. до н. э. В эпоху шумеров и семитов Царь Лагаша (древнего города — государства в Шумере на территории современного Ирака) Урукагина (Уруинимгина) реформировал государственное управление с целью пресечения злоупотреблений своих чиновников и судей, а также уменьшения вымогательства незаконных вознаграждений у храмового персонала со стороны царской администрации, уменьшения и упорядочения платежей за обряды [2, с. 94].

Античный мир воспринимал коррупцию весьма неоднозначно. Коррумтировать (от лат. «согитреге») значило повреждать желудок плохой пищей, портить воду в закрытой таре, расстраивать дела, расточать состояние, приводить в упадок нравы, упускать возможности, истощать источник, истреблять насекомых, уничтожать имущество пожаром, губить свободу, обольщать женщин, развращать молодежь, исказить смысл, фальсифици-

ровать результаты, позорить достоинство. Среди прочего, отнюдь не в своем первом значении «коррумтировать» означало подкупать кого-либо или всех — народ (не обязательно должностное лицо) деньгами, щедрыми раздачами.

Приставка «сог», видоизмененное от «соп» — «с», «вместе», «наряду», «при посредстве», добавляясь к многозначному глаголу «гитреге» — рвать, ломать, разрушать, разрубать, пронзать, проламывать и среди множества подобных значений — нарушать мир, расторгать договор, преступать закон — расширяла круг его адресатов. Приставка «сог» как бы «приглашала» совместно нарушать закон, договор, с самого начала определив, что коррупция — явление имеющее, соучастников.

В римском праве «согитреге» — разламывать, портить, повреждать, фальсифицировать показания, обесчестить девственницу, но в тоже время и подкупить судью (претора). Предусматривались в качестве отдельных важных исков *actiodealbocogruptio* — против того, кто повредил или изменил выставленный текст преторского эдикта на белой доске (*album*) для публичных объявлений,

писавшихся черными или красными буквами. Или например, *actiodeservosogrupto* — иск, который подавался любому управомоченному по роду дела против того, кто нравственно развратил чужого раба (приговорил его совершить преступление) [1, с. 93].

Термин «коррупция» использовался и как правовой принцип. Например, *corruptiooptimiestpessima* — «извращение наилучшего есть самое худшее»: худший вид аргумента — это ошибочный вывод из здравых предпосылок. Гай нередко высказывался в том смысле, что сговор или бездействие одного не должны нарушать права другого (*alterijuscogrupti*). Одна из максим Ульпиана — призыв вернуть что-либо испорченное (*guadcorruptumest*) в прежнее состояние.

Существовали и другие сходные понятия. Например, *peretunde*, *resuniaperetunde* означало деньги, подлежащие обратному взысканию с административных лиц как полученные ими в виде взяток или путем вымогательства.

В течение следующих почти тысячи лет — в период **средневековья**, понятие «коррупция» приобретает исключительно церковное, каноническое значение — как обольщение, соблазн дьявола. Около 500 лет назад отцы инквизиции присущими ей методами способствовали быстрому завершению продолжавшейся более двух тысяч лет борьбе латинского языка с его греческими корнями, одним из следствий которого стала замена длительно использовавшегося термина «катализ» (от греч. *katalysis* — разрушение, разложение, уничтожение) на латинский «коррупция». *Corruptibilitas* — означало бренность человека, подверженность разрушению, но отнюдь не его способность брать и давать взятки. Коррупция в богословии католицизма стала проявлением греховности, ибо по Апостолу Иоанну «грех есть беззаконие». После первородного грехопадения коррумпированной, то есть растленной и греховной оказалась природа, в которой рождаются и живут люди. Наследственная греховная порча нередко рассматривалась как первопричина всех грехов (Блаженный Августин, Фома Аквинский).

Современное понятие коррупции начинает складываться на рубеже Нового времени с началом образования централизованных государств и ныне существующих правовых систем. Важный импульс к осмыслению коррупции в нынешнем понимании дают труды Никколо Макиавелли.

Коррупцию он сравнивал с болезнью, например, чухоткой. Вначале ее трудно распознать, но легче лечить. Если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и коррупция в делах государства. Если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, если же он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

Получившему свободу, но развращенному народу, по Макиавелли, крайне трудно остаться свободным. Римские цари, писал он, дошли до такой степени развращенности (*a quantacogruzione*), что если бы за ними последовало еще два-три подобных им преемника, то падение Рима стано-

вилось бы уже необратимым. Для Рима было великим счастьем то, что его цари развратились (*cogroti*) быстро и были изгнаны. Впоследствии многие римские императоры были убиты вследствие разложения армии [10, С. 137, 139].

Макиавелли полагал, что в монархиях, «правлящих при помощи слуг», коррупция менее опасна, поскольку все «слуги» обязаны милостям царя и их труднее подкупить.

В последующем акцент в понимании коррупции был перенесен на ее криминологическую и уголовно-правовую стороны. Томас Гоббс спустя век напишет в «Левиафане»: «люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения» [4, С. 229]. К ним же он относил «имеющих много могущественных родственников или популярных людей, завоевавших себе высокую репутацию», которые осмеливаются нарушать законы в надежде, что им удастся оказать давление на власть, исполняющую закон. Коррупция по Гоббсу «есть корень, из которого вытекает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам» [4, С. 234].

Первые законодательные оценки коррупции на Руси

Первое упоминание о *посуле* как незаконном вознаграждении за осуществление официальных властных полномочий в законодательстве Руси, по-видимому, связано с Двинской уставной грамотой 1397–1398 гг. (Уставная грамота Василия I, выданная боярам двинским, сотскому и всем черным людям Двинской земли), в статье 6 которой говорилось: «А самосуда четыре рубли; а самосуд, то: кто изымав татя с поличным, а посул себевозмет, а наместники доведуются по заповеди, ино то самосуд; а опрочь того самосуда нет» [6, с. 181, 185]. В статье идет речь о незаконном присвоении потерпевшим от кражи судебных полномочий (самосуде). При этом самосудом признается незаконное получение денежной компенсации, причитавшейся наместнику, на которого возлагались осуществление правосудия. Некоторые ученые полагают, что данная норма запрещала наместнику отпускать пойманного вора за взятку [6, с. 64]. Тем не менее большая часть исследователей истории российского законодательства полагают, что понятие посула начинает употребляться в смысле взятки, начиная с Псковской Судной грамоты 1397 г., последняя переработка которой производилась между 1462 и 1471 гг. (период пяти соборов). Статья 4 Псковской Судной грамоты гласила: «А князь и посадник на вече суду не судяты, судити им у князя на сенех, зирая в правду по крестному целованью. А не въсудят в правду, ино Бог буди им судиа на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику» [8, с. 332, 337].

Определение современного понятия коррупции

Наиболее простое определение коррупции — подкупность и продажность государственных чиновников, дол-

жностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще [9, с. 369]. Однако существуют и другие определения этого понятия. Коррупция первоначально «распадается» на две неравные части: собственно этические отклонения и правонарушения. Однако этим «дуализм» коррупции не исчерпывается. Нередко она выражается, с одной стороны, в использовании служащим своего статуса для получения незаконных преимуществ (продажность), а с другой — в предоставлении последнему таких преимуществ. Традиционно считается, что в противоречивом единстве этих сторон с точки зрения большей общественной опасности доминирует продажность. Достаточно часто коррупция представляет собой подобие односторонних сделок или хищения. Исторически различающимися в российском общественном мнении и праве формами коррупции были мздоимство — получение в нарушение установленного законом порядка лицом, состоявшим на государственной или общественной службе, каких-либо преимуществ за совершение законных действий (бездействия) по службе) и *лихоимство* — получение тем же лицом каких-либо преимуществ за совершение по службе *незаконных* действий (бездействия). Мздоимство и лихоимство могут проявляться на всех уровнях системы власти, при этом объемы сумм и масштабы вредного воздействия на общество могут бесконечно варьироваться.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что все разъяснения коррупции неизбежно повторяют определение, данное во второй половине XXIV в. до н. э., актуальность которого не утрачено и в наше время.

Отрицательное воздействие данного явления в большей степени отражается на чиновниках, т.к. они чаще, чем другие граждане попадают в ситуацию конфликта государственных, ведомственных, общественных и индивидуальных (в том числе личных) интересов, когда нарушается принцип беспристрастности и появляется искушение отдать предпочтение собственным, а не государственным интересам. Наличие запретов и ограничений у чиновника оказывает серьёзное влияние на возможность управления своей собственной карьерой.

Отдельные авторы связывают этимологическое происхождение понятия «карьера» от французского «*carrière*», что означает успешное продвижение вперед в области общественной, служебной, политической и научной деятельности. Считается, что понятие «карьера» пришло в повсеместное употребление из конного спорта и означает — ход лошади, быстрый галоп, состоящий из ряда скачков. Такую трактовку понятия «карьера» дает Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона [3, с. 661].

Литература:

1. Бартошек М. Римское право. Понятие, термины, определения. М., 1989.
2. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1977. Т.27.
3. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. — М., 1899. — Т. 38..
4. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936.

В Толковом словаре В.Даля карьера определяется как «путь, ход, поприще жизни, службы, успехов и достижений чего-либо» [5, с. 95].

В словаре С.И. Ожегова термин «карьера» трактуется как путь к успеху, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также само достижение такого положения [7, с. 345].

Запреты и ограничения государственных и муниципальных служащих (будь то выборных или назначаемых) — не просто теоретические концепции или идеальная абстракция, не имеющие практического значения; эти запреты и ограничения возложены на чиновника законом, и при вступлении в должность каждый служащий должен воспринимать их как обязательное руководство к действию. Должное исполнение этих запретов и ограничений важно для эффективной деятельности всей системы власти, которая существует ради народа и во благо народа. От того как чиновники выполняют запреты и ограничения зависит их перспектива трудовой деятельности и как следствие карьерный рост.

Ответственность за осуществлением контроля выполнения чиновником всех запретов и ограничений (другими словами за профилактику коррупционных и иных правонарушений) возложена на должностных лиц кадрового подразделения. В их обязанности входит обращать внимание на служебное поведение государственных гражданских служащих, исполнение ими всех ограничений и прав. Особое внимание уделяется обязанностям, по которым предусмотрено:

- осуществление специальных полномочий представителя власти организационно-распорядительных или административно — хозяйственных функций;
- предоставление государственных услуг гражданам и организациям;
- осуществление контрольных и надзорных мероприятий;
- подготовку и принятие решений о распределении бюджетных средств;
- управление государственным имуществом;
- осуществление государственных закупок либо выдача лицензий и разрешений;
- хранение и распределение материально-технических средств.

За нарушения запретов и ограничений в корыстных целях государственный служащий подлежит обязательному увольнению. Именно поэтому для успешного управления своей карьерой чиновнику необходимо помнить об отрицательном воздействии коррупционных проявлений на перспективу его дальнейшего роста.

5. Даль В. Толковый словарь. — М., 1989. Т. 2.
6. Двинская уставная грамота 1397—1398 гг. // Российской законодательство X-XX веков. Т.3. М.: Юрид. лит., 1985.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка/ Под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд. — М., 2004.
8. Псковская Судная грамота // Российской законодательство X-XX веков. Т.1. М.: Юрид. лит., 1984.
9. Словарь иностранных слов. М., 1954.
10. Machiavelli N. Opere Milano. 1954.

ПСИХОЛОГИЯ

Взаимосвязь успешности обучения и переживания ощущения тревожности у подростков

Бурченкова Лейла Шагиновна, студент
Ивановский государственный университет

Понять особенности подросткового возраста может помочь знание той ниши, в которой они живут на данный момент времени. Эта самая ниша характеризуется возрастной изоляцией: отстранение от взрослых, игнорирование младших. Это переломный возраст, кризисный, критический. Он знаменуется переходом от зависимого детства к ответственной взрослости, излишней чувствительностью к влиянию СМИ и мнения социального окружения.

Подростки занимают промежуточное положение в обществе. Этот фактор, наряду с такими, как конформность, потребность в интимно-личностном общении (а это ведущая деятельность данного возрастного периода) приводят к тому, что подростки мечтают в постоянном поиске себя. Это может приводить к определенным нарушениям и влиять на успешность их обучения в школе [4].

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи успешности обучения подростков с эмоционально-личностными нарушениями. Объектом исследования стали подростки в возрасте от 13 до 14 лет.

Уже сейчас можно сказать, что затронутая нами проблема актуальна, потому что эмоционально-личностные расстройства (в первую очередь, тревожные) относятся к группе наиболее распространенных среди подростков, однако именно они долгое время могут оставаться неопознанными и приводить в дальнейшем к более серьезным проблемам. Поскольку тревога является адаптивной эмоцией, которая подготавливает подростка к преодолению трудной ситуации и сопровождается физическим напряжением и ожиданием неприятности в будущем, наше исследование коснется такого аспекта ее переживания, как ситуация обучения, общения и участия в общественной жизни школы [2].

В рамках нашего исследования использовались несколько методик:

1. Тест ситуативной и личностной тревожности Ч. Спилбергера-Ханина;
2. Вербальная самооценка личности;
3. Экспертная оценка — процедура получения оценки

проблемы на основе мнения специалистов (экспертов) с целью последующего принятия решения (выбора).

Существует две группы экспертных оценок:

Индивидуальные оценки основаны на использовании мнения отдельных экспертов, независимых друг от друга (в нашем случае — это учитель).

Коллективные оценки основаны на использовании коллективного мнения экспертов.

Совместное мнение обладает большей точностью, чем индивидуальное мнение каждого из специалистов [5; 6].

В рамках нашего исследования, мы просили классных руководителей исследуемых классов оценить учащихся по трем критериям: успешность в обучении, успешность в общении, успешность в общественной деятельности школы по пятибалльной шкале, где цифра 1 — самый низкий показатель, а 5 — самый лучший показатель.

Высчитав средний балл по экспертной оценке, мы получили, что наши респонденты одинаково успешны как в обучении (3,4 б.), так и в общении (3,4 б.), чего нельзя сказать об успешности класса в общественной жизни школы (2,9 б.).

Мы полагаем, что полученные нами результаты связаны с влиянием особенностей ведущей деятельности подросткового возраста (интимно-личностное общение по Эриксону). Кроме того, как нам удалось выяснить, родители большинства детей данных классов являются учителями или преподавателями различных учебных заведений, что, вероятно, может оказывать влияние на результаты их обучения (дети учатся под руководством собственных родителей, чье влияние переносится из стен учебного заведения домой и наоборот). Плюс ко всему, большинство классных руководителей исследуемых коллективов являются властными и авторитарными личностями, следовательно, оказывают большое влияние на успеваемость классов (строгость, страх наказания). Личность классного руководителя всегда непосредственно влияет на эффективность общественной жизни класса. Это зависит от многих факторов: субъективного отношения к учащимся (любимчики), интереса или его отсутствия к своему пред-

мету, отношение к тем или иным школьным мероприятиям, стиля общения с классом и другое.

Как показал корреляционный анализ, ученики, обладающие высокой успешностью в обучении также успешны в общении ($r=0,53$, при $p \leq 0,01$) и в общественной жизни ($r=0,77$, при $p \leq 0,01$).

Вероятно, это связано со стремлением учащихся «попробовать себя во всем» для подтверждения собственной значимости в глазах сверстников, и желанием достигнуть высоких результатов в тех видах деятельности, в которых они принимают участие и которые являются значимыми с их точки зрения.

Кроме того, ученики с высокой ситуативной тревожностью имеют низкую самооценку ($r=0,42$, при $p \leq 0,05$), обладают также высоким уровнем личностной тревожности ($r=0,83$, при $p \leq 0,01$) и имеют низкую эффективность в сфере общения ($r=-0,42$, при $p \leq 0,05$).

Далее, мы выяснили, что ученики с высоким уровнем личностной тревожности также имеют низкий уровень самооценки ($r=0,62$, при $p \leq 0,01$), как и ученики с высоким уровнем ситуативной тревожности.

Подытожив полученные результаты, отметим, что поскольку под тревожностью в психологии понимают склонность человека переживать тревогу, т. е. эмоциональное состояние, возникающее в ситуациях неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий, тревожные люди живут, ощущая постоянный беспричинный страх. Повышенная тревожность может дезорганизовать любую деятельность, что приводит к низкой самооценке, неуверенности в себе.

Таким образом, это эмоциональное состояние может выступать в качестве одного из механизмов развития невроза, так как способствует углублению личностных противоречий. Постоянно испытываемое чувство страха перед неизвестным приводит к тому, что такие люди крайне редко проявляют инициативу, т. е. им свойственен низкий уровень притязаний [3].

Отметим главные положения, которые нам удалось сформулировать по результатам исследования:

1) успешность обучения и общения у учащихся имеет одинаковый показатель;

2) успешность общественной жизни классов оценивается их руководителями довольно низко;

3) те дети, которые успешны в обучении, также успешны и в общении, и в общественной жизни;

4) дети, имеющие высокую ситуативную тревожность, также имеют высокую личностную тревожность;

5) оба типа тревожности сочетаются с низким уровнем самооценки;

6) лица с высоким уровнем ситуативной тревожности имеют низкую успешность общения.

Вероятно, это можно связать с такой особенностью данного возраста, как желанием утвердиться в глазах сверстников, доказать значимым взрослым свою состоятельность и самостоятельность. Кроме того, в данном возрасте

более или менее формируется самооценка и самосознание.

Успехи, которые демонстрируют учащиеся в тех или иных видах деятельности являются своеобразной компенсацией низкой самооценки и средством поддержания и сохранения самоуважения, а также служат способом коррекции «Образа Я» (я могу, я что-то из себя представляю).

Кроме того, можно предположить, что в данном возрасте на формирование самооценки учащихся влияет объект их социального сравнения (кумиры, родители, референтные группы).

Также, данный возраст сенситивен для быстрого и безоговорочного принятия социальных оценок окружающих. Особенно это касается посторонней точки зрения относительно внешности учащихся (для данного возраста характерны следующие подростковые реакции: дисморфофобия (недовольство собственным телом), патологическое фантазирование и пр., что может оказать значительное влияние на формирующуюся самооценку и, соответственно, повысить уровень тревожности).

Личность с высоким уровнем тревожности (как ситуативной, так и личностной) воспринимает мир как заключающий в себе угрозу и опасность в значительно большей степени, чем это себе представляют люди с адекватным уровнем тревоги. Высокий уровень тревожности создает угрозу психическому здоровью личности и способствует развитию предневротических состояний, а также сказывается на устойчивости поведения и проявлении навыков его самоконтроля. Тревожность может выполнять в поведении и развитии личности мотивирующую функцию (избегание неудач).

Все это сказывается на эмоциональном фоне учащихся. Испытуемые с высоким уровнем тревожности проявляют раздражительность, нетерпеливость, стремление объяснить свой неуспех внешними причинами (ситуативная атрибуция), в связи с чем, решение проблемы тревожности относится к числу острых и актуальных задач психологии и ставит исследователей перед необходимостью как можно более ранней диагностики уровня тревожности.

Все это, в конечном итоге, может привести к низкому уровню притязания (безынициативность, пассивность, ригидность), мотивации избегания, неврозам и навязчивым состояниям, к излишнему использованию механизмов психологической защиты (незрелых в первую очередь, в виду возраста и отсутствия опыта: регрессия, вытеснение, отрицание и проекция). Все это может откликнуться во взрослой жизни, так как приведет к повышению утомляемости (незрелые механизмы психологической защиты энергоемки), раздражительности, формированию иллюзорного представления о себе как о личности (и о мире в целом), отсутствию мужества и ответственности за свою жизнь перед собой и другими, невозможности объективной оценки действительности и преобладания в структуре их личности такого состояния «Я», как «Я-ребенок», согласно Э. Берну.

Для того чтобы повысить самооценку учащимся, учителям необходимо давать положительное подкрепление детям за результаты их работы в виде похвалы, не сравнивать детей друг с другом, выработать систему поощрений. Родителям следует постараться научить детей ставить перед собой реально достижимые цели, и, учитывая особенности данного возраста, подбадривать своих детей, сочувствовать и сопереживать. Быть им другом, уметь слушать и слышать, а не стараться принимать решения за них.

Самим учащимся следует стараться находить причины собственного успеха в себе, а невезения — в ситуации. Кроме того, с точностью наоборот истолковывать причины успехов и неудач сверстников. При сравнении себя с кем-либо, необходимо дать понять детям, что объект не должен превосходить самих детей. Учащиеся должны постараться найти в себе положительные качества и отталкиваться от них в оценке себя.

В настоящее время существуют исследования, показывающие, что тревога, зарождающаяся у ребенка уже в семимесячном возрасте, при неблагоприятном стечении обстоятельств в подростковом возрасте становится устойчивым свойством личности. Изучение, а также своевременная диагностика и коррекция наличия страхов, уровня тревожности у детей поможет избежать ее негативные последствия.

В результате нашего исследования мы достигли поставленной нами цели изучить взаимосвязь успешности

обучения, общения и общественной жизни подростков с эмоционально-личностными нарушениями путем осуществления поставленных нами задач. В ходе этого процесса наша гипотеза полностью подтвердилась: повышенная тревожность учащихся отрицательно влияет на самооценку детей и успешность их деятельности.

Кроме того, необходимо отметить, что полученные нами данные соответствуют более ранним исследованиям в этой сфере, однако мы смогли более широко охватить эту проблему и расширить знания в этой области. Также необходимо отметить, что полученные нами данные могут быть использованы в качестве сравнительной базы для исследований других возрастов.

Но, несмотря на то, что нам удалось достичь, существуют еще ряд неохваченных в нашем исследовании проблем, таких как, например, влияния уровня притязаний учащихся на уровень успешности их деятельности, особенностей их темперамента и субъективного ощущения собственного одиночества на эффективность обучения, общения и общественной жизни. Известно, что предпосылкой возникновения тревожности является повышенная чувствительность. Однако не каждый ребенок с повышенной чувствительностью становится тревожным и это также достойно дополнительного дальнейшего исследования. Поэтому, в дальнейшем можно продолжить расширять представления о данной проблеме и получать новые результаты [1; 3].

Литература:

1. Возрастная психология: краткий курс лекций / М. Е. Хилько, М. С. Ткачева. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. — 194 с. — Серия: Хочу все сдать!
2. Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка / Эрик Мэш, Дэвид Вольф. — М.: АСТ; СПб.: прайм-ЕВРОзнак, 2007. — 511, [1] с. (Большая университетская библиотека).
3. Изард К. Э. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 2011. — 461 с. : ил. — (Серия «Мастера психологии»).
4. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. — 9-е изд. — СПб.: Питер, 2012. — 940 с. : ил. — (Серия «Мастера психологии»). Научный редактор перевода на русский язык к. психол. Н., доцент Т. В. Прохоренко.
5. Райгородский Д. Я. Энциклопедия психодиагностики. Т. 1. Психодиагностика детей. Самара: Издательский Дом «Бахар-М», 2010. — 624 с.
6. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. — 490 с.

Подходы к исследованию социализации личности в зарубежной и отечественной психологии

Валентинов Михаил Юрьевич, аспирант
Московский городской психолого-педагогический университет

Интерес к исследованию проблем социализации личности, в равной степени отличает и возрастную и социальную психологию, каждая из дисциплин содержит множество концепций, теорий, точек зрения, так или

иначе обращенных к анализу социализационных процессов при изучении личности. В большинстве современных психологических обзоров выделяются следующие теоретические направления изучения процесса социализации

зации, представленные в зарубежной научной литературе: биогенетическое, социогенетическое, интеракционистское, социально-экологическое, социальное научение, психоаналитическое, когнитивистское. Рассмотрим эти направления.

Биогенетические теории. В качестве общих теоретических оснований данного направления в изучении социализации выступают эволюционная теория Ч. Дарвина и биогенетическая концепция Э. Геккеля. Одним из наиболее влиятельных представителей данного направления был американский исследователь Г.С. Холл (1844–1924) — один из основоположников научного изучения детства. Согласно теории рекапитуляции Холла, онтогенез повторяет филогенез, т.е. каждый человек в своем развитии проходит те же стадии, что прошло все человечество в ходе эволюции.

Другим ярким представителем биологического детерминизма в анализе процесса социализации был А. Гезелл. Согласно его спиральной модели развития любые человеческие способности и умения также возникают сами собой как результат созревания, а не в зависимости от обучения и практики [4, с. 17].

Следовательно, с точки зрения биогенетических теорий развития и социализации социальное поведение человека есть результат существования его врожденных механизмов, сформировавшихся в результате тысяч лет эволюции.

Социогенетические теории. Антитезой биогенетическим концепциям социального развития являются социогенетические теории. Впервые вопрос о тесной взаимосвязи культуры и типа формирующей в ней личности был поставлен направлением «культура и личность», становление которого в 30-е гг. связывают с именами Р. Бенедикт (1887–1948) и М. Мид (1901–1978). Описывая различные «конфигурации культур», Р. Бенедикт использовала метафору культуры как личности, отброшенной на большой экран: культура — это практически личность общества. И как в структуре личности можно выделить определенные ведущие черты, так и в каждой культуре есть своя доминанта: например, одна «строит» огромную суперструктуру юности, другая — смерти, третья — загробной жизни (Стефаненко, 2006).

Анализ закономерностей трансляции социального опыта с данной точки зрения был продолжен М. Мид. В своей известной работе «Культура и мир детства» она рассматривает три основных типа культур и специфические для каждого из них варианты социализации (Мид, 1988). Постфигуративная культура и соответствующее ей общество живут традициями: прожитое предыдущими поколениями прошлое является схемой будущего для детей. В кофигуративных культурах поведение предыдущих поколений уже не рассматривается как абсолютная модель для воспроизводства, социальный опыт передается как бы по горизонтали: и дети и взрослые в качестве основных образцов социального поведения используют сверстников, что вызвано усложнением и нарастающей

изменчивостью социальной жизни. Для префигуративных культур, которые, с точки зрения М. Мид, характерны для современного постиндустриального мира, центральным является абсолютный разрыв межпоколенных связей [4, с. 19].

Итак, общими отличительными чертами анализа с точки зрения социогенетических теорий процесса социализации являются культурный детерминизм (развитие личности определяется социокультурными условиями) и культурный релятивизм (поскольку элементы культуры — традиции, обычаи, нравы, верования, образ жизни — в различных обществах различны, культура есть понятие относительное).

Интеракционистские теории. Данным названием традиционно объединяется целая «палитра» теоретических моделей социализации, для которых общим является акцент на анализе взаимодействия человека со своим социальным окружением.

Чарльз Хортон Кули считал, что личность формируется на основе множества взаимодействий людей с окружающим миром. В процессе этих интеракций люди создают свое «зеркальное Я». «Зеркальное Я» состоит из трех элементов:

- 1) того, как, по нашему мнению, нас воспринимают другие;
- 2) того, как, по нашему мнению, они реагируют на то, что видят;
- 3) того, как мы отвечаем на воспринятую нами реакцию других [4, с. 21].

Эта теория придает важное значение нашей интерпретации мыслей и чувств других людей. Американский психолог Джорж Герберт Мид пошел дальше в своем анализе процесса развития нашего «Я». Как и Кули, он считал, что «Я» — продукт социальный, формирующийся на основе взаимоотношений с другими людьми.

По мнению Дж. Мида, процесс формирования личности включает три различные стадии. Первая — *имитация*. На этой стадии дети копируют поведение взрослых, не понимая его. Затем следует *игровая стадия*, когда дети понимают поведение как исполнение определенных ролей: врача, пожарного, автогонщика и т.д.

Третий этап, по Дж. Миду, *стадия коллективных игр*, когда дети учатся осознавать ожидания не только одного человека, но и всей группы. На этой стадии приобретает чувство социальной идентичности [5, с. 124].

Следовательно, в рамках данного теоретического направления движущей силой социального развития личности является социальное взаимодействие, а не внутренние психические состояния и не факторы социальной среды. В центре внимания исследователей оказывается активный, разумный, деятельный субъект.

Социально-экологический подход. Данный подход к анализу процесса социализации, по сути, является частной конкретизацией социогенетического подхода, в котором при этом четко прослеживаются интеракционистские влияния. Начало изучению социализации

в рамках данного подхода положили работы известного американского исследователя детства У. Бронфенбреннера (1976). С его точки зрения, в анализе социализации необходимо учитывать всю совокупность факторов окружающей среды и условий жизни: микро- и макросоциальное окружение, влияние средств массовой информации, национальные и культурные особенности, характеристики социальных институтов и т. п.

В итоге в структурном строении социального окружения выделяются четыре уровня:

Первый уровень — микросистема, включающая в себя всех, с кем ребенок вступает в близкие отношения, кто оказывает на него непосредственное влияние.

Второй уровень — мезосистема, включает в себя взаимоотношения между различными областями микросистемы, например, между семьей и школой.

Третий уровень — экзосистема — это социальные институты, органы власти и другие элементы социальной среды, к которым индивид непосредственно не относится, но которые имеют на него влияние (например, органы опеки и попечительства, администрация школы, городские власти, начальство родителей и т. п.)

Четвертый уровень — макросистема, она включает в себя доминирующие на данный момент социокультурные нормы, системы социальных представлений и установок, а также нормы и правила социального поведения, существующие в той или иной субкультуре [4, с. 25].

Таким образом, в рамках социально-экологического подхода социализация представляет собой сложный процесс: с одной стороны, индивид активно реструктурирует свою многоуровневую жизненную среду, а с другой — сам испытывает воздействие всех элементов этой среды и взаимосвязей между ними (Крайг, 2000).

Теории социального научения. В 1941 г. Н. Миллер и Дж. Доллард ввели в научный обиход термин «социальное научение». На этой основе вот уже более полвека разрабатываются концепции социального научения, центральной проблемой которых стала проблема социализации. Альберт Бандура — автор одной из самых популярных теорий научения. Альберт Бандура считал, что награда и наказание недостаточны, чтобы научить новому поведению. Дети приобретают новое поведение благодаря имитации модели. Одно из проявлений имитации — идентификация — процесс, в котором личность заимствует мысли, чувства.

Теория Альберта Бандуры предполагает объяснение способов, которыми люди приобретают разнообразные виды сложного поведения в условиях социального окружения. Основная идея теории нашла выражение в понятии обсервационного научения или научения через наблюдение.

Вопрос о научении через наблюдение Бандура считает весьма важным, в частности в связи с тем, что «теория должна объяснить не только, как приобретаются образцы реакций, но и как регулируется и поддерживается их выражение» [Bandura, 1973, р. 44]. С его точки зрения, «выра-

жение ранее выученных реакций может социально регулироваться через действия влиятельных моделей» [Bandura, 1973, р. 43]. Таким образом, функция научения посредством наблюдения (наблюдающего научения) в схеме Бандуры оказывается достаточно широкой [2, с. 64].

Основной тезис теорий научения состоит в том, что личность во всех своих проявлениях формируется окружающей средой, причем как большинство форм поведения, так и моральные принципы, установки приобретаются путем научения, которое имеет всеобъемлющий характер, то есть, человек является продуктом своей личной истории научения, и в это смысле к нему малоприменимы понятия морали и этики.

В результате последователи теорий социального научения исходят из следующих основных положений:

— личность является накопленным набором изученных моделей поведения;

— научение человека социальным действиям происходит преимущественно в результате наблюдения за поведением других людей и подражания значимым моделям;

— необходимым элементом процесса научения является подкрепление, т. е. реакции других людей на поведение индивида;

— одним из вариантов подкрепления является самоподкрепление, т. е. ситуация, когда в процессе научения человек сам себя подкрепляет за успех в какой-либо деятельности, имеющей для него ценностное значение (Хьелл, Зиглер, 2000) [4, с. 26].

Следовательно, основная идея теорий социального научения сводится к тому, что личность в процессе социализации усваивает новые образцы действий и соответствующим образом меняет свое поведение. Вместе с тем, собственно социально-психологическая проблематика остается достаточно скромной. Например, групповые процессы, по существу, выпадают из поля зрения сторонников данной ориентации [2, с. 69].

Психоаналитические теории. Общим теоретическим основанием психоаналитических трактовок процесса социализации послужила теория З. Фрейда (1856–1939). Согласно классической психоаналитической точке зрения процесс социального развития есть процесс последовательного овладения личностью либидозной энергией, открытое проявление которой противоречит нормам культуры. Тем самым социализация представляет собой процесс обуздания природных инстинктов с помощью тех или иных защитных механизмов личности.

Другим примером теоретического изучения социализации в рамках данного направления может служить концепция психосоциального развития Э. Эриксона (1902–1904), в которой также очень большое значение придается социальному окружению и закономерностям формирования «Я концепции» [4, с. 27].

Таким образом, процесс социализации представителями данного направления трактуется как становление и развитие внутренней активности личности и ее потребностной сферы.

Когнитивистские теории. Приверженцы данного направления в исследованиях социализации исходят из теории развития Ж. Пиаже (1896–1980), согласно которой психологические новообразования каждого возрастного этапа в жизни индивида определяются развитием *когнитивных процессов*. С точки зрения Ж. Пиаже, на каждой стадии развития мышления формируются новые навыки, определяющие границы обучаемости в самом широком смысле: не только как, например, возможность обучения тем или иным математическим операциям, но и как возможность освоения тех или иных социальных действий.

Одним из ярких представителей данного подхода является Л. Колберг (1927–1987), придававший большое значение изучению закономерностей нравственного развития ребенка [4, с. 28].

Л. Колберг выделил шесть стадий нравственного развития личности, которые сменяют одна другую в строгой последовательности, аналогично познавательным стадиям у Ж. Пиаже. Переход от одной стадии к другой происходит в результате совершенствования когнитивных навыков и способности к сопереживанию (эмпатии). В отличие от Ж. Пиаже — Л. Колберг не связывает периоды нравственного развития личности с определенным возрастом. В то время как большинство людей достигают, по крайней мере, третьей стадии, некоторые на всю жизнь остаются нравственно незрелыми [6, с. 323].

Итак, в когнитивистском направлении преобладающим является подход, который отождествляет процесс социализации с моральным развитием личности на протяжении всей жизни, которое является индивидуальным для каждого отдельного человека.

Таким образом, различные зарубежные теории социализации могут быть классифицированы, в том числе с точки зрения акцентирования определенных механизмов социализации: социального научения (бихевиористские модели), идентификации (психоаналитические концепции), социального сравнения (интеракционистские точки зрения) и социальной категоризации (когнитивистские теории). В различных зарубежных концепциях акцентируется внимание на различных уровнях социальной детерминации — от межличностного влияния до социокультурных факторов развития.

В отечественной научной литературе взгляды на социально-психологические проблемы личности формировались представителями разных школ и направлений психологической науки: в рамках теории деятельности, психологии отношений и структурно-динамическом подходе. Проанализируем эти подходы.

Деятельностная теория основывается на фундаментальном принципе — деятельностном подходе к психике (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Л. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, А. В. Петровский и др.). Деятельность — это процесс взаимодействия человека с окружающим миром, процесс решения жизненно важных задач. При деятельностном подходе психика понимается как форма жизнедеятельности субъекта, обес-

печивающая решение определенных задач в процессе взаимодействия его с миром. Психика — это не просто картина мира, система образов, но и система действий.

По мнению сторонников этой теории, психическое развитие человека имеет социальную природу: прогресс человечества определяется не биологическими, а социальными законами. Видовой опыт человечества фиксируется не с помощью механизмов генетической наследственности, а закрепляется в продуктах материальной и духовной культуры. Учение и воспитание — специально организованные виды деятельности, в процессе которой люди усваивают опыт предыдущих поколений.

А. Н. Леонтьев считал, что личность — это социальная сущность человека, и поэтому темперамент, характер, способности и знания человека не входят в состав личности в качестве ее подструктур, они лишь представляют собой условия формирования этого образования, социального по своей сущности. Направленность и воля принадлежат личности, ибо волевой поступок невозможно рассматривать вне иерархии мотивов, так и направленность есть непосредственное выражение мотивационных структур, т. е. ядра личности [7, с. 87].

Культурно-историческая концепция Льва Семеновича Выготского (1896–1934) доказывает, что разгадка человеческой психики кроется не внутри мозга или духа, а в знаках, языке, орудиях, социальных отношениях. Чтобы понять высшие психические процессы (произвольная память, внимание, абстрактно — логическое мышление, речь), надо выйти за пределы организма и искать объяснения в общественных отношениях этого организма со средой [7, с. 87].

Развитие личности как процесс социализации индивида осуществляется в определенных социальных условиях семьи, ближайшего окружения, региона, страны, в определенных социально-политических, экономических условиях, в этносоциокультурных, национальных традициях того народа, представителем которого он является.

Реализация деятельностного подхода в социальной психологии личности представлена в концепции *деятельностного опосредования межличностных отношений* Артура Владимировича Петровского. Основными категориями в данной концепции являются «личность», «деятельность» и «коллектив». Межличностные отношения в группе опосредованы содержанием и ценностями группы [7, с. 94].

Таким образом, с точки зрения представителей деятельностного подхода человек в ходе деятельности не только преобразует мир, но и развивает себя как личность, как субъект деятельности. Культурное и социальное развитие выступает как основное условие развития личности.

Психология отношений. Основателями психологии отношений в России являются Александр Федорович Лазурский (1874–1917) и его ученик и последователь Владимир Николаевич Мясичев (1893–1973).

По мнению А. Ф. Лазурского, отношение является системообразующим фактором структуры личности. Харак-

терируя личность как сложное целое, он разделил ее проявления на два рода: эндopsихические и экзопсихические.

Эндопсихика — это совокупность всех взаимосвязанных и взаимозависимых психических элементов и функций. Это внутренний механизм человеческой личности.

Экзопсихика определяется отношением личности к внешним объектам, к среде; это природа, материальные вещи, другие люди, социальные группы, наука, искусство, религия, душевная жизнь самого человека [7, с. 94].

Разработку концепции психологии отношений продолжил В. Н. Мясищев. Согласно его точке зрения, «система общественных отношений, в которую оказывается включенным каждый человек со времени своего рождения и до смерти, формирует его субъективные отношения ко всем сторонам действительности. И эта система отношений человека к окружающему миру и к самому себе является наиболее специфической характеристикой личности, более специфической, чем, например, ряд других ее компонентов, таких как характер, темперамент, способности» [7, с. 95].

Дальнейшее развитие концепции отношений было предпринято Борисом Федоровичем Ломовым (1927–1989). По его мнению, для раскрытия объективного основания психических свойств личности необходим анализ системы отношений «индивид-общество». В этой системе в качестве такого основания выступают общественные отношения.

Итак, с позиции психологии отношений процесс взаимодействия личности и системы общественных отношений осуществляется путем социализации и индивидуализации личности.

Структурно-динамический подход. Для социальной психологии огромное значение имеют взгляды социальных психологов на структуру личности (А. Г. Ковалев, К. К. Платонов, Б. Д. Парыгин).

А. Г. Ковалев предложил различать в личности три образования: психические процессы, психические состояния и психические свойства. Психические процессы составляют фундамент личности, они формируют состояния. Из психических процессов образуются психические свойства. Свойства характеризуют устойчивый, постоянный уровень активности, обеспечивающий наилучшее приспособление индивида к воздействиям извне [7, с. 97].

Согласно концепции К. К. Платонова, низшим уровнем личности является биологически обусловленная подструктура, в которую входят возрастные, половые свойства психики, врожденные свойства типа нервной системы и темперамента. Следующая подструктура включает в себя индивидуальные особенности психических процессов человека, т. е. индивидуальные проявления памяти, восприятия, ощущений, мышления, способностей, зависящих как от врожденных факторов, так и от тренировки, развития, совершенствования этих качеств. Третьим уровнем личности является ее индивидуальный социальный опыт, в который входят приобретенные человеком знания, навыки, умения и привычки. Эта подструктура формиру-

ется преимущественно в процессе обучения, имеет социальный характер. Высшим уровнем личности является ее направленность, включающая в себя влечения, желания, интересы, склонности, идеалы, взгляды, убеждения человека, его мировоззрение, особенности характера, самооценки. Подструктура направленности личности наиболее социально обусловлена, формируется под влиянием воспитания в обществе, наиболее полно отражает идеологию общности, в которую человек включен [7, с. 98].

В концепции Б. Д. Парыгина проанализирована социально-психологическая структура личности: статическая и динамическая. В динамической структуре личности фиксируются основные компоненты психики индивида в непосредственном контексте человеческой деятельности — это модель психического состояния и поведения человека, которая позволяет понять механизмы взаимосвязи между собой всех компонентов в психике индивида. В динамической структуре личности Парыгин выделил два основных аспекта: внутренний — интроспективный и внешний поведенческий. Модификациями динамической структуры выступают: структура вербального поведения; структура невербального поведения; структура внутреннего состояния; структура невербального психического состояния [7, с. 99].

С точки зрения Г. М. Андреевой, социализация — это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, — процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [1, с. 267].

Таким образом, проведенный психологический анализ теоретических идей и концепций, в которых нашла отражение проблема личностного становления индивида в процессе социализации, свидетельствует об отсутствии единого концептуального подхода к категории «социализация». В большинстве научных направлений социализация рассматривается как сложный, внутренне и внешне обусловленный и во многом противоречивый процесс усвоения индивидом социального опыта.

Наиболее дискуссионным является вопрос о социализирующем влиянии на индивида внешних (средовых) и внутренних (психологических) факторов и соотношении этого влияния. Одновременно наблюдается достаточная согласованность взглядов на социализацию как процесс регуляции личностного становления индивида, обеспечивающий его активное взаимодействие с окружающей средой, формирование индивидуальной структуры самосознания, направленности и образа жизни, овладение системой социальных ролей.

Большинство исследователей рассматривают социализацию как двухсторонний процесс, назначение которого состоит, с одной стороны, в освоении индивидом существующего социального опыта, а, с другой, в его активном преобразовании и воспроизводстве в различных, в том числе профессиональных видах деятельности.

Литература:

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учеб. для высших учебных заведений. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 365 с.
2. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: учебное пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 288 с.
3. Андриенко Е. В. Социальная психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / под ред. В. А. Сластенина. — М.: Академия, 2008. — 264 с.
4. Белинская Е. П. Проблемы социализации: история и современность: учеб. пособие / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. — М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. — 216 с.
5. Смелзер Н. Социализация: основные проблемы и направления исследований / Н. Смелзер. Социология. — М., 1994. — 688 с.
6. Социальная психология: хрестоматия / сост. е.П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 463 с.
7. Столяренко Л. Д. Социальная психология: учебное пособие / Л. Д. Столяренко, С. И. Самыгин. — М.: КНОРУС, 2014. — 336 с.

Субъективное оценивание реализуемости базисных ценностей в городской среде и его взаимосвязь с личностным потенциалом вузовской молодежи

Мартынова Марина Александровна, старший преподаватель

Лесосибирский педагогический институт — филиал Сибирского федерального университета (Красноярский край)

В статье рассматривается проблема субъективного оценивания реализуемости базисных ценностей в городской среде вузовской молодежью, а также влияние личностного потенциала на этот показатель. Приведены результаты экспериментального исследования. Установлено, что отдельные показатели личностного потенциала воздействуют на характер восприятия молодыми людьми условий города.

Ключевые слова: самоосуществление, городская среда, субъективное оценивание, базисные ценности, самодетерминация, самоорганизация, планомерность, целеустремленность.

Город и созданные в нем условия должны соответствовать потребностям и ценностям проживающего в нем человека. Если в городской среде человек находит возможности для удовлетворения актуальных для него потребностей и воплощения в жизнь собственных ценностей, то городские условия оцениваются им как благоприятные. При этом действует закономерность, которую однажды подчеркнул в своем высказывании древнеримский философ Эпиктет: «Людей расстраивают не события сами по себе, а то, как они их воспринимают» [6, С. 89]. Основываясь на этом факте, можно отметить, что специфика восприятия городской среды человеком в значительной мере определяет его поведение в условиях города. В связи с этим особенно важным становится изучение особенностей восприятия городских условий вузовской молодежью, которая, с одной стороны, является основной движущей силой общественного развития, а с другой — характеризуется наличием устойчивых миграционных намерений.

Разработкой проблемы взаимосвязи специфики восприятия человеком условий среды и его поведения занимается средовая персонология — это раздел психологии среды, задачей которой является нахождение своеобразного общего поля и анализ взаимосвязей между личностью, ее внутренним миром и той средой, где находится субъект [1]. Среда — это окружающие человека общественные, материальные и духовные условия существования, функционирования и деятельности [7, С.13]. В свою очередь, под городской средой понимают совокупность конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека. Понимание взаимосвязи специфики восприятия человеком городских условий и его поведения возможно благодаря рассмотрению взаимодействия человека и среды.

В I-ой пол. XX в. немецкий ученый К. Левин в контексте теории поля заложил основы изучения проблемы взаимо-

действия человека и среды. Согласно его точке зрения, поведение человека в тот или иной момент времени может быть определено по формуле: $V=f(P, E)$, где P — наследственная предрасположенность, индивидуальная характеристика человека; E — специфика ситуации, в которой оказался человек; V — поведение человека в данной ситуации. В любой момент времени поведение человека зависит и от его индивидуальных особенностей, и от текущей структуры сложившейся ситуации. Однако однозначно определить, какие поведенческие стратегии человека детерминированы окружающей средой, а какие — его индивидуальными чертами, достаточно сложно. В данном случае наследственная предрасположенность может выступать как склонность человека к тем или иным реальным формам поведения безотносительно к особенностям среды [3].

В 1959 г. была издана монография Э. Холла «Молчаливый язык». Ее автор, участвуя в различных американских программах содействия слаборазвитым странам, обратил внимание на трудности коммуникаций между представителями различных культур. Дистанция общения, принятая у южных народов, была абсолютно неприемлема для культур северных народов и воспринималась ими как агрессивное вторжение в личное пространство. Э. Холл заинтересовался организацией пространственного поведения людей, проектированием пространства общения. Им были выделены и описаны четыре зоны в общении людей: интимная зона (15–45 см), личная, или персональная зона (45–120 см), социальная зона (120–400 см) и публичная зона (свыше 400 см). Проблематикой персонального пространства увлекся также Р. Соммер, который ввел понятие «пространственный пузырь» — это окружающее человека пространство, вторжение в которое он не допускает. Данное направление исследований получило развитие и впоследствии было названо проксемикой. Оно рассматривает человека как биологическое существо с присущими ему законами территориального поведения, способами освоения пространства [9].

В 60-е годы XX в. вышли работы Р. Баркера, родоначальника школы экологической психологии. Он считал, что единственно правильный способ изучения человека — наблюдение за его поведением в естественных условиях, и что реализация человека в большой степени детерминруется условиями среды. В 40-е годы им были проведены эксперименты, в рамках которых он изучал и сравнивал поведение детей в привычном для них окружении, а также в новой обстановке. Результаты исследований показали, что разные дети ведут себя почти идентично в одной и той же среде, в то время как один и тот же ребенок может вести себя очень по-разному, оказываясь в новых для него условиях. В итоге им была разработана теория мест поведения, согласно которой среда предоставляет возможность для определенного количества ролей, но в действительности ролей может быть больше, чем средовых ролей, или меньше. И то, и другое создает напряжение в обществе [1,9].

У. Найссер, один из основателей когнитивной психологии, предположил, что восприятие человека есть действие, которое управляется схемами, направляющими исследовательскую активность. Схемы не даются ему изначально, а формируются прижизненно, возникают в процессе перцептивного научения. Поэтому при оценивании окружающей среды человек использует приобретенные им схемы, а на восприятие им средовых условий оказывает непосредственное влияние его прошлый опыт.

Дж. Гибсон разработал теорию, объясняющую механизм формирования целостного образа, и назвал ее экологической оптикой. Он ввел представление о двух зрительных системах: 1) зрительное поле наблюдателя — оно связано с развитием культуры и формированием установки наблюдателя; 2) зрительный мир с установкой человека на действие. По мнению Дж. Гибсона, между человеком и средой существует непосредственная взаимосвязь, которая определяет то, что человек за счет резонанса с предметной средой сразу же реагирует на происходящие в ней изменения. Ценностные, эмоциональные значения заложены уже в самом физическом мире, и человек реагирует в соответствии с ними без включения анализирующих систем коры [9].

В 1960 г. в США была опубликована книга К. Линча «Образ города». С его точки зрения, ключевая ценность города — способность к накоплению, передаче и развитию внутреннего опыта. К. Линч утверждает, что город создает ощущение преемственности, это его коллективная память, прошлое объединено с будущим, возникает чувство связанности во времени и пространстве. Открытость — это ценность, которая делает город жизнеспособным, включает такие свойства как доступность, децентрализация, неоднородность, гибкость, терпимость к эксперименту. Названным ценностям соответствуют следующие показатели качества города: жизнеспособность, осмысленность, соответствие, доступность. Кроме того, при реальном взаимодействии с городской средой человек создает когнитивные схемы, т.е. выстраивает образ города. К. Линч отмечает важность «хорошего» образа города для поддержания эмоционального благополучия человека. Им же вводится категория «осмысливаемое пространство города», с помощью которой утверждает, что в образах города воплощается его смысл [1,7,9].

Х. Мюррей в рамках предложенной им концепции утверждал, что среда детерминирует поведение человека, и в любой момент времени образ действий человека не может анализироваться без учета характеристик этой среды. Он ввел понятие «средовой пресс» для обозначения качества средовых условий. В зависимости от величины средового пресса человек либо удовлетворен местом своего пребывания, либо фрустрирован [1,2].

По мнению В. Иттельсона и его коллег, поведение человека и окружающая его среда находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Среда, как правило, воздействует на человека на бессознательном уровне. При этом невозможно уловить все сигналы, поступающие извне. Че-

человек выбирает лишь те, которые значимы для него, и на которые он может реагировать.

Кроме того, в собственном сознании человек создает образ окружающей его среды, на который в значительной мере опирается при построении собственного поведения. Переживание двумя людьми одной и той же среды никогда не будет одинаковым. В зависимости от индивидуальности, национальности, веры, возраста, пола, образования, профессии или просто настроения человека, его восприятие может исказить объективный мир. Действительно, человек смотрит на окружающую среду через линзы гнева, печали, радости или удивления, а это в большей степени определяет его поведение, чем физические свойства реальной окружающей среды. В. Иттelson отмечает, что в случае, когда на первый план для человека выходят его личностные ценности, окружающая обстановка становится менее важным фактором в формировании его поведения.

Среда всегда наполнена смыслами. То, что окружающая среда означает с точки зрения ее объективного описания и анализа, далеко не всегда идентично тому, какое субъективное значение, какой смысл придает ей человек. Именно это качество окружающей среды дает человеку тот смысл «идентичности места», которое помогает определить роль человека в обществе, дает возможность ощутить корни, связь с прошлым своей семьи, рода или народа [7].

В. Иттelson подчеркнул, что человек живет не в фиксированной среде, адаптируясь к ней и страдая, а изменяет ее. Изменяя свой мир, преобразуя его, человек изменяется сам. Следовательно, изменение среды обитания может существенным образом изменить мир человека. Поэтому дизайн жилой среды имеет особое значение в жизни человека [9].

Французский социолог П. Бурдьё вводит понятие «социальное пространство» и рассматривает его как структуру социальных позиций. Он считает, что социальное пространство вписано одновременно и в объективные пространственные структуры и в этом плане предстает перед людьми как общественное социальное пространство (архитектурное пространство, территориально-производственные образования и др.), и в субъективные структуры (т.е. в сознание людей), которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. Это свидетельствует о том, что социальное пространство одновременно и зависит от физических характеристик городской среды, и оказывает влияние на психологические особенности людей [7].

На основе результатов диссертационного исследования В.Б. Чупиной было установлено, что социокультурная среда представляет собой совокупность социальных условий жизнедеятельности человека, предоставляющих возможность действовать в соответствии со структурой и функциями среды, выбирая из разнообразного спектра возможностей те, которые могут быть реализованы. Развитая, богатая культура несет в себе не-

объятное множество самых разнообразных программ и предлагает каждому огромный выбор возможностей. Вопрос, однако, в том, насколько человек способен к свободному выбору из возможных альтернатив и созиданию, и насколько он оказывается в состоянии твердо и последовательно осуществлять то, к чему толкает его свободный выбор [5,8].

Таким образом, можно отметить, что человек находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой, формирует ее и формируется ею [7]. При этом на его поведение в значительной степени влияет его представление об условиях среды, образ среды, который сложился в его восприятии. В свою очередь, характер восприятия человеком средовых условий находится в зависимости от его личностных особенностей, в частности, от его личностного потенциала.

По мнению Д.А. Леонтьева, личностный потенциал — это интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. Эта характеристика отражает способность личности проявлять себя в качестве личности, выступать автономным саморегулируемым субъектом активности, оказывающим целенаправленные изменения во внешнем мире и сочетающим устойчивость к воздействию внешних обстоятельств и гибкое реагирование на изменения внешней и внутренней ситуации. Личностный потенциал предстает как интегральная характеристика уровня личностной зрелости, а главным феноменом личностной зрелости и формой проявления личностного потенциала является феномен самодетерминации личности, т.е. осуществление деятельности в относительной свободе от заданных условий этой деятельности — как внешних, так и внутренних условий, под которыми понимаются биологические, в частности, телесные, предпосылки, а также потребности, характер и другие устойчивые психологические структуры [4]. Высокие показатели личностного потенциала являются основой для успешного протекания самоосуществления человека. Также этому способствует и соответствие представления человека о городских условиях актуальным для него потребностям и значимым для него ценностям. В этом случае он рассматривает окружающую его среду как благоприятную для собственного самоосуществления и включается в данный процесс.

В связи с этим нами было проведено экспериментальное исследование субъективного оценивания реализуемости базисных ценностей в городской среде вузовской молодежи, а также взаимосвязи этого показателя с личностным потенциалом. Исследование было проведено в г. Лесосибирске (Красноярский край). В нем приняли участие студенты старших курсов, магистранты и аспиранты, изучающие специальности гуманитарного профиля

(средний возраст участников — $21,8 \pm 1,8$). Общее количество испытуемых — 154 чел. Показатели личностного потенциала вузовской молодежи были определены с помощью следующих методик: опросник самоорганизации деятельности (авт. е.Ю. Мандрикова), методика дифференциальной диагностики рефлексивности (авт. Д.А. Леонтьев), шкала «Самодетерминация личности» (авт. Б. Шелдон, адапт. е.Н. Осина), опросник «Якоря карьеры» (авт. Э. Шейн, модиф. С.А. Богомаз), шкала «Удовлетворенность жизнью» (авт. Э. Динер). Для изучения специфики восприятия вузовской молодежью городской среды была использована методика «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (авт. С.А. Богомаз, далее — методика СОРБЦ). Полученные результаты были собраны в единый массив и обработаны с помощью методов описательной статистики, корреляционного (r -коэффициент Ч. Спирмена) и кластерного анализа (метод k -средних). Основные математические расчеты были произведены на базе пакета программ Statistica 7.0.

С помощью метода k -средних были выделены два кластера, между которыми зафиксированы различия в средних значениях по методике СОРБЦ. Их количественный состав оказался следующим: кластер 1—78 чел., кластер 2—76 чел.

Для молодых людей, которые вошли в кластер 1, характерно оценивание городских условий как благоприятных (индекс по методике СОРБЦ = $4,18 \pm 2,76$). Следовательно, они рассматривают город как комфортное, безопасное место, подходящее для профессионального развития, создания семьи и отдыха. С их точки зрения, городская среда в большей степени располагает условиями для удовлетворения таких потребностей как «любить и быть любимым» ($5,76 \pm 2,64$), «иметь благополучную семью» ($5,10 \pm 2,53$), «быть справедливым» ($4,99 \pm 2,76$). Более низкие показатели были получены в отношении реализуемости следующих базисных ценностей: «иметь хорошую работу» ($2,99 \pm 2,61$), «быть материально обеспеченным» ($3,02 \pm 2,41$), «все знать о мире» ($3,44 \pm 2,25$).

В свою очередь, вузовская молодежь, принадлежащая к кластеру 2, дает более высокую оценку потенциалу города (индекс по методике СОРБЦ = $5,82 \pm 0,28$). Они определяют городские условия как удовлетворительные и уверены в том, что в них сосредоточено огромное количество возможностей, которые можно воплотить в жизнь. С большей вероятностью, по их мнению, могут быть реализованы такие базисные ценности как: «любить и быть любимым» ($6,74 \pm 0,34$), «иметь благополучную семью» ($6,65 \pm 0,55$), «быть справедливым» ($6,62 \pm 0,31$). В меньшей степени городская среда располагает возможностями для удовлетворения следующих потребностей: «быть материально обеспеченным» ($4,34 \pm 4,16$), «стать известным и знаменитым» ($4,51 \pm 2,44$).

Таким образом, сравнительный анализ средних значений по методике СОРБЦ в отношении каждого из кластеров показал, что испытуемые из второй подгруппы определяют потенциал городской среды как более вы-

сокий. При этом и представители первой, и представители второй подгрупп убеждены в том, что город располагает большими возможностями для поиска спутника жизни, создания семьи и построения отношений на основе принципа справедливости. В свою очередь, молодые люди, которые вошли в кластер 1, уверены в том, что в Лесосибирске трудно найти хорошую работу, а вузовская молодежь из второй подгруппы убеждена, что в этих городских условиях тяжело стать известным и знаменитым.

Для получения дополнительной информации о субъективном оценивании реализуемости базисных ценностей вузовской молодежью нами был проведен корреляционный анализ. Значимые корреляционные взаимосвязи были выделены между параметрами личностного потенциала и показателями по методике СОРБЦ в отношении каждого из кластеров.

В отношении кластера 1 были обнаружены достоверные зависимости между базисной ценностью «найти смысл жизни» и суммарным значением по шкале «Удовлетворенность жизнью» ($r=0,30$ при $p \leq 0,01$). Следовательно, удовлетворенность молодых людей жизнью зависит от того, можно ли в этом городе найти то, ради чего стоит жить. Были получены неоднозначные корреляционные взаимосвязи между показателями по опроснику самоорганизации деятельности и базисными ценностями: шкала «Ориентация на настоящее» и «найти смысл жизни» ($r= -0,36$ при $p \leq 0,01$), шкала «Планомерность» и «быть примером для других» ($r=0,29$ при $p \leq 0,01$), шкала «Настойчивость» и «достичь успехов в профессии» ($r= -0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Фиксация» и «стать свободным» ($r=0,30$ при $p \leq 0,01$), шкала «Самоорганизация» и «достичь успехов в карьере» ($r=0,34$ при $p \leq 0,01$), индекс целеустремленности и «иметь хорошую работу» ($r= -0,34$ при $p \leq 0,01$). С одной стороны, представление молодых людей о потенциале города в плане достижения в нем успеха в профессиональной и социальной сферах тем лучше, чем в большей мере они обладают способностью к самоорганизации деятельности. С другой стороны, чрезмерное проявление настойчивости, целеустремленности, сосредоточенности на настоящем может препятствовать поиску смысла жизни и достижению успеха в профессиональном плане, в таком случае молодые жители г. Лесосибирска не видят в городских условиях возможностей для этого. Показатели по опроснику «Якоря карьеры» в этой подгруппе достоверно взаимосвязаны со следующими базисными ценностями: шкала «Ориентация на служение» и «все знать о мире» ($r= -0,30$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу для» и суммарный индекс по методике СОРБЦ ($r= -0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу от» и суммарный индекс по методике СОРБЦ ($r= -0,34$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу от» и «жить полной жизнью» ($r= -0,29$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу от» и «иметь благополучную семью» ($r= -0,30$ при $p \leq 0,01$). Выраженная у молодых людей карьерная ориентация на служение и их стремление достичь свободы для того, чтобы самостоятельно что-то сделать, чего-либо достичь, спо-

собствуют тому, что они находят в городской среде возможности для получения всесторонних знаний о мире, создания благополучной семьи, проживания жизни в полном объеме, а также в общем оценивают условия города как благоприятные. В то же время стремление молодых жителей к независимости, свободе от ограничений и предписаний также создает основу для высокой оценки потенциала города. Вполне возможно, что эти молодые люди стремятся к максимально полному проживанию жизни, хотя прочувствовать все ее грани, попробовать все возможные удовольствия. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что кластер 1 является неоднородным и может быть разделен еще на два подкластера в зависимости от выраженности параметров личностного потенциала.

Корреляционный анализ на основе результатов по кластеру 2 показал наличие взаимосвязей между следующими шкалами опросника самоорганизации деятельности и базисными ценностями: шкала «Фиксация» и «быть уважаемым» ($r=0,30$ при $p \leq 0,01$), шкала «Самоорганизация» и «иметь власть» ($r= -0,37$ при $p \leq 0,01$), шкала «Планомерность» и «быть справедливым» ($r=0,29$ при $p \leq 0,01$), шкала «Целеустремленность» и «быть справедливым» ($r=0,39$ при $p \leq 0,01$), суммарное значение и «быть справедливым» ($r=0,39$ при $p \leq 0,01$). Это говорит о том, что наличие у молодых людей способности к самоорганизации оказывает благоприятное влияние на достижение ими успеха в социальном плане, в процессе общения с другими людьми. Такие личностные черты как планомерность, настойчивость, концентрация на деле выступают как достойные уважения других людей, как гарантия справедливости при выполнении каких-либо дел, однако претворению в жизнь возможности иметь власть они не способствуют. Показатели по методике СОРБЦ значимо коррелируют с несколькими шкалами методики «Дифференциальная диагностика рефлексивности»: шкала «Фантазирование» и «быть здоровым» ($r= -0,32$ при $p \leq 0,01$), шкала «Фантазирование» и «жить полной жизнью» ($r= -0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Системная рефлексия» и «быть справедливым» ($r=0,31$ при $p \leq 0,01$). Склонность молодых людей к рефлексии, к систематическому переосмыслению того, что было сделано и прожито, создает основу для того, чтобы сохранить собственное здоровье, проживать жизнь в полном объеме и оставаться справедливым при взаимодействии с другими людьми. Отдельные показатели по опроснику «Якоря карьеры» имеют достоверные взаимосвязи со следующими базисными ценностями: шкала «Ориентация на служение» и «быть уважаемым» ($r=0,32$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на служение» и «быть примером для других» ($r=0,32$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на служение» и «самоут-

вердиться в жизни» ($r=0,31$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу для» и «быть уважаемым» ($r=0,41$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу от» и «самоутвердиться в жизни» ($r=0,30$ при $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что карьерная ориентация на служение другим, характерная для этих молодых людей, способствует достижению ими успеха и признания среди других людей, в обществе. Возможно, это связано с тем, что в г. Лесосибирске для студентов и выпускников гуманитарных специальностей всегда имеется достаточное количество вакансий, которые связаны с достойной уважением и признания работой (например, учитель, воспитатель и пр.), однако заработная плата в отношении них не рассматривается молодыми людьми как солидная, и, следовательно, работа подобного рода воспринимается ими лишь как источник уважения и признания среди других людей. Шкалы методики «Самодетерминация личности» значимо взаимосвязаны со следующими базисными ценностями: шкала «Самовыражение» и «быть свободным» ($r=0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Самовыражение» и «быть здоровым» ($r=0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Самовыражение» и суммарный индекс по методике СОРБЦ ($r=0,36$ при $p \leq 0,01$), индекс самодетерминации и суммарный индекс по методике СОРБЦ ($r=0,36$ при $p \leq 0,01$). Получается, что склонность молодых людей к самодетерминации способствует тому, что они находят возможности для сохранения собственного здоровья и в целом оценивают город и созданные в нем условия как благоприятные. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что значимых взаимосвязей между базисными ценностями, которые сопряжены с профессиональным развитием, в данном случае не обнаружено, т.е. молодые люди из г. Лесосибирска не склонны к убеждению в том, что способность к самодетерминации позволяет достичь успеха в профессиональной сфере.

Таким образом, параметры личностного потенциала оказывают влияние на характер восприятия молодыми людьми городской среды. Оцениванию городских условий как благоприятных способствует наличие у вузовской молодежи таких личностных качеств как способность к самодетерминации, склонность к системной рефлексии, планомерность, настойчивость, способность к самоорганизации, карьерная ориентация на служение и стремление к свободе для. Их выраженность помогает молодым людям преодолеть многие из ограничений городской среды и претворить имеющиеся в ней возможности в действительность. Но чрезмерная выраженность отдельных личностных свойств (например, склонность к фантазированию, карьерная ориентация на свободу от) может препятствовать реализации собственного потенциала в условиях города.

Литература:

1. Абрамова Ю. Г. Психология среды: источники и направления развития // *Вопр. психол.* — 1995. — № 2. — С. 130–136.

- Ишмухаметов Р. Р. Психология среды как контекст проблемы самореализации личности // Успехи современного естествознания. — 2006. — № 4. — с. 45.
- Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. — М.: Смысл, 2001. — 572 с.
- Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2011. — 680 с.
- Логинова И. О. Психология жизненного самоосуществления. — М.: Изд-во СГУ, 2009. — 279 с.
- Осипова А. А. Общая психокоррекция. — М.: ТЦ Сфера, 2005. — 512 с.
- Смолова Л. В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. — СПб.: Речь, 2008. — 379 с.
- Чупина В. Б. Социокультурная детерминация самооценки и самореализационного потенциала молодых преподавателей вуза. — СПб., 2007. — 160 с.
- Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. — СПб.: Речь, 2004. — 239 с.

Особенности формирования пищевых нарушений у подростков

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры медико-валеологических дисциплин факультета БЖ РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Ключевые слова: пищевое поведение, нарушения пищевого поведения, экстернальное пищевое поведение, эмоциогенное пищевое поведение, ограничительное пищевое поведение, нервная анорексия, булимия, превентивные стратегии.

В настоящее время в современном обществе все большую актуальность приобретает проблема отклонений пищевого поведения среди подростков. Именно в подростковом возрасте формируются основные привычки, закладывается фундамент общечеловеческих ценностей. На этот же возраст приходится период повышенного внимания подростков к собственной внешности, желание соответствовать «стандартам», принятым в современном обществе. Молодежь охотно верит рекламе и средствам массовой информации, которые отнюдь не всегда пропагандируют здоровый образ жизни, следствием чего является формирование у многих ложных ценностей и идеалов, искаженных представлений о самих себе, приводящих к развитию различных отклонений в поведении, в том числе и пищевом.

Данная проблема требует к себе пристального внимания не только психологов и психотерапевтов, но и эффективной организации профилактики нарушений пищевого поведения среди школьников и студентов, разработки превентивных стратегий, что способно предупредить развитие болезней, сохранить здоровье и улучшить качество жизни.

Следует заметить, что разработанной и апробированной программы первичной профилактики отклонений пищевого поведения среди указанного контингента подростков, на данный момент в России просто не существует.

Рассмотрим особенности формирования пищевого поведения человека и причины формирования пищевых аддикций.

Пищевое поведение (ПП) — совокупность форм поведения человека, включающих режим (частота, распре-

деление во времени), темп (скорость) приема пищи, предпочтительность потребления отдельных видов продуктов, побудительные причины (не только появление чувства голода и аппетит) и поводы к приему пищи, субъективное отношение к процессу питания [1]. В. Д. Менделевич под пищевым поведением понимает ценностное отношение к пище и ее приёму, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса, ориентация на образ собственного тела и деятельность по его формированию.

Пищевое поведение человека направлено на удовлетворение не только биологических и физиологических, но также психологических и социальных потребностей. Именно поэтому проблема изучения потребления пищи приобретает самостоятельное значение, ее следует отделить от проблем изучения процесса пищеварения (Конышев, 1985; Вознесенская, Дорожевец, 1987). Самой простой формой пищевого поведения является прием пищи с целью удовлетворения потребности в питательных веществах, когда еда становится средством поддержания энергетического и пластического равновесия (Покровский, 1974). Однако, пищевая потребность, будучи чисто биологической по своей природе у животных, у человека предстает в более сложном виде, являясь средством:

- разрядки психоэмоционального напряжения;
- чувственного наслаждения, выступающего как самоцель;
- общения, когда еда связана с пребыванием в коллективе;
- самоутверждения, когда первостепенную роль играют представления о престижности пищи и о соответствующей «солидной» внешности;

- поддержания определенных ритуалов или привычек (религиозные, национальные, семейные традиции);
- компенсации неудовлетворенных потребностей (потребность в общении, родительской заботе и т. д.);
- награды или поощрения за счет вкусовых качеств пищи;
- удовлетворения эстетической потребности.

Пищевое поведение человека находится в рамках континуума, включающего нормальные пищевые паттерны, эпизодические пищевые расстройства и, наконец, патологическое пищевое поведение. Несмотря на то, что чрезвычайно сложно определить «нормальные» пищевые паттерны, исследователи в значительной степени игнорируют отношение между нормальным и патологическим развитием пищевого поведения (Russ, 1998), существует определенная типология пищевого поведения и его нарушений.

Нарушение пищевого поведения (НПП) — это комплекс симптомов, которые возникают из-за длительного воздействия поведенческих, эмоциональных, психологических, межличностных и социальных факторов.

Данные Всемирной организации здравоохранения свидетельствуют о прогрессивном снижении уровня здоровья детей в разных странах мира и России. По свидетельству Г.Г. Онищенко (2001), с 1998 года возросло число детей с болезнями эндокринной системы, органов пищеварения, расстройствам питания, нарушений обмена веществ и т. д. В соответствии с данными официальной статистики, здоровье детей и подростков, проживающих на территории Российской Федерации, ухудшается с каждым годом.

«Справочник по диагностике и систематике психических расстройств» Американской психиатрической ассоциации (DSM-IV) предусматривает три вида нарушений пищевого поведения: нервную анорексию, нервную булимию и неуточненные расстройства пищевого поведения, в частности расстройство по типу переедания, так называемые пищевые кутежи, или компульсивное переедание (Binge Eating). Нервная анорексия (греч. отрицательная приставка *an-* и *orexís* — аппетит) представляет собой «сознательное ограничение в еде с целью похудения в связи с убежденностью в наличии мнимой или резко переоцениваемой полноты» (Цивилько и др., 1999). Булимия (бычий голод) (от греч. *Bu (s)* — бык и *limos* — голод) обозначается как навязчивое чередование еды/рвоты или еды, дефекации (Drewnowski et al., 1995).

Однако необходимо отметить, что рассмотренные три основных типа расстройств не отражают всего разнообразия нарушений пищевого поведения. Среди других нарушений выделяют эмоциогенное, экстернальное и ограниченное пищевое поведение (Савчикова, 2005).

Экстернальное пищевое поведение связано с повышенной чувствительностью к внешним стимулам потребления пищи: человек с таким поведением ест не в ответ на внутренние стимулы (уровень глюкозы и свободных жирных кислот в крови, пустой желудок и т. д.), а на

внешние: витрина продуктового магазина, хорошо накрытый стол, вид едящего человека, реклама пищевых продуктов и т. д. Реакцию на внешние стимулы к приему пищи определяет не только аппетит, но и медленно формирующееся, неполноценное чувство насыщения.

Другим типом нарушений пищевого поведения является **эмоциогенное пищевое поведение**. Оно наблюдается у 30% населения. Такое нарушение наиболее характерно для эмоциональных женщин, но встречается и у людей любого пола. При этом типе пищевого нарушения, стимулом к приему пищи является не голод, а эмоциональный дискомфорт: человек ест не потому, что голоден, а потому, что неспокоен, тревожен, раздражен, у него плохое настроение, он обижен, разочарован, ему скучно, одиноко и т. д. Другими словами, при эмоциогенном пищевом поведении человек заедает свои горести и несчастья, «заедает» свой стресс, так же, как человек, привыкший к алкоголю, его «запивает». Продукты питания для людей с эмоциогенным пищевым поведением являются своеобразным лекарством, так как действительно приносят им не только насыщение, но и успокоение, удовольствие, релаксацию, снимают эмоциональное напряжение, повышают настроение.

Третий тип нарушений пищевого поведения — **ограничительное пищевое поведение**. Так называют избыточное пищевое самоограничение и бессистемное соблюдение чрезмерно строгой диеты. Такого рода диету невозможно соблюдать долгое время, и достаточно быстро ей на смену приходят периоды выраженного переедания. В результате такого поведения человек находится в постоянном стрессе — в период ограничений он страдает от сильного голода, а во время переедания страдает от того, что опять набирает вес и все его усилия были напрасными.

Существуют два варианта возникновения аддикции к голоданию: медицинский и немедицинский (Короленко, Дмитриева, 2000). При медицинском варианте аддикция развивается после разгрузочной диетотерапии. Фаза вхождения в голод характеризуется трудностями, связанными с необходимостью подавить аппетит. Затем состояние меняется — появляются новые силы, аппетит исчезает, повышается настроение, усиливается двигательная активность, невротические проявления редуцируются. Некоторым подросткам нравится состояние голода, когда уже исчез аппетит, и они стремятся его продлить. Повторное голодание осуществляется уже самостоятельно. На уровне достигнутой с помощью голодания эйфории происходит потеря контроля, и человек продолжает голодать даже тогда, когда это становится опасным для здоровья, утрачивая критическое отношение к своему состоянию.

При немедицинском варианте голодать начинают самостоятельно с целью похудения, иногда, отдавая дань моде, для этого используют необычную диету. Одним из психологических механизмов, провоцирующих голодание, является желание изменить себя физически, вы-

глядеть лучше, соответствовать модному на сегодняшний момент образу. Другой механизм, имеющий тут большое значение, заключается в самостоятельной постановке задачи и ощущении удовлетворения и гордости от ее выполнения. По мере голодания появляются признаки физического истощения. Контроль теряется, поэтому попытки окружающих повлиять на ситуацию ни к чему не приводят. Аддикты живут в воображаемом мире; у них возникает отвращение к еде, а жевательную резинку или зубную пасту, попавшую в рот во время чистки зубов, они считают достаточным количеством еды (Короленко, Дмитриева, 2000).

Аддикция к еде — это, с одной стороны, психологическая зависимость, а с другой — утоление голода. По мере того как еда приобретает все больший аддиктивный потенциал, появляется искусственная стимуляция чувства голода. У переедающего человека меняется обменный баланс. Чувство голода начинает появляться сразу с падением концентрации глюкозы в крови после очередного приема пищи. Физиологические механизмы расщепляются. Человек начинает есть слишком много и слишком часто. На каком-то этапе он уже стыдится переедания и стремится скрыть факт аддикции. Он начинает есть в одиночку, в промежутках между любой активной деятельностью. Все это приводит к опасным для здоровья последствиям: нарастающему весу, нарушению обмена веществ и потере контроля, в результате чего человек употребляет количество пищи, представляющее опасность для жизни.

У некоторых людей регулярное обращение к еде в состоянии дискомфорта становится патологическим механизмом адаптации и приобретает характер психологической зависимости, «социально приемлемого вида аддиктивного поведения, неопасного для окружающих» (Ротов и др., 1999). Синдром психической зависимости от еды включает влечение к пище и способность достижения состояния исключительного психического комфорта в процессе еды (Мизерне, 1993). Менделевич В.Д. и Садыкова Р.Г. (2002) делают акцент на повышении ценности процесса питания при пищевой аддикции. Питание избирается как альтернатива повседневной жизни с ее требованиями, обязанностями и регламентациями. Психическое влечение выражается в постоянных мыслях о еде, в подъеме настроения в предвкушении ее приема, в подавленности, неудовлетворенности в отсутствии даже не продуктов первой необходимости, а лакомств и изысканной гастрономии. У человека формируется феномен «жажды острых ощущений» в виде изменения пищевого поведения, например сочетания несочетаемых продуктов.

С целью изучения степени формирования нарушений пищевого поведения, нами было проведено исследование среди школьников старших классов общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга и студентов первых-вторых курсов высших учебных заведений, состоящее из двух частей. Исследовательская выборка составила 60 человек в возрасте от 14 до 20 лет.

В эксперименте приняли участие две группы подростков. Первая группа для первой части эксперимента

составила 20 человек девушек в возрасте 14–17 лет, учащихся старших классов школы, среди которых проводилось тестирование на выявление факта пищевой зависимости (Котляров А.В., 2006), либо ее отсутствия. Вторая группа для второй части эксперимента составила 10 человек юношей и 30 девушек в возрасте 17–20 лет, которым был предложен опрос на выявление типа отклоняющегося пищевого поведения (экстернального, ограничительного и эмоциогенного типа), либо его отсутствия. Для этого были использованы методики оценки особенностей пищевого поведения (голландский опросник пищевого поведения, DEBQ (The Dutch Eating Behaviour Questionnaire)). В ходе обработки результатов исследования первой экспериментальной группы было выявлено, что отсутствие пищевой зависимости наблюдается у 45% испытуемых девушек, 5% находится на границе нормы, что означает риск развития зависимости, тогда как 50% уже имеют разную степень пищевой зависимости. Что показательно демонстрирует развитие тенденции пищевых отклонений среди девушек старших классов общеобразовательной школы.

В ходе обработки результатов исследования второй экспериментальной группы стало ясно, что только у 20% (8 человек из 40), анкетирование не выявило никаких пищевых отклонений, остальные 80% опрошенной аудитории предрасположены к той или иной группе пищевых отклонений. Этот тревожный показатель дает наглядное представление о существующей картине пищевых нарушений у студентов первых-вторых курсов высших учебных заведений.

Эксперимент позволил выявить несколько типов пищевых отклонений, в которых ясно прослеживаются предпосылки к развитию пищевых расстройств. Больше половины испытуемых из первой выборки имеют отклонения в пищевом поведении. Результаты исследования второй выборки свидетельствуют о том, что у 80% испытуемых подростков наблюдается тот или иной тип зависимости от пищи. Ведущими из них стали ограничительный тип пищевого поведения для девушек, целью которых является похудение, и экстернальный тип пищевого поведения, провоцирующий переедание и избыточный вес. Для половины испытуемых юношей наиболее привычным оказался экстернальный тип пищевого поведения, что подтверждает тенденцию «моды» на фастфуд среди подростков, приобщение к «быстрому» питанию, следование рекламе. Эмоциогенный тип пищевого поведения, когда неблагоприятный эмоциональный фон является предпосылкой развития зависимости от пищи, как средства изменения своей реальности и снятия напряжения, встречается в основном у девушек. Тогда как, отсутствие каких-либо пищевых отклонений можно отметить только у 8 человек из 40, 5 из которых юноши и всего 3 девушки.

Таким образом, полученные результаты могут дать представление о существующей картине пищевых нарушений у учащихся старших классов общеобразовательной школы и студентов первых-вторых курсов высших

учебных заведений. Только 23% опрошенной аудитории не имеют никаких пищевых нарушений, остальные 77% предрасположены к той или иной группе пищевых отклонений. Это тревожный показатель выявляет тенденцию ухудшения состояния здоровья подрастающего поколения. И требует внедрения мер профилактики на различных уровнях, а в некоторых случаях, терапии и медицинского сопровождения.

В профилактическую программу рекомендуется включить:

— предоставление подросткам информации о связи сбалансированного питания с благополучием жизни, гармонии с собой и миром;

— осознание личной ответственности за свою жизнь и здоровье;

— развитие мотивации к здоровому образу жизни (рациональное питание, регулярные физ. нагрузки, соблюдение режима труда и отдыха, исключение излишеств);

— развитие и активизация личностных ресурсов и копинг-стратегий;

— развитие ассертивности (распознавания своих эмоций);

— организацию занятий подростков спортом, их творческое самовыражение, альтернативные виды деятельности, подразумевающие самореализацию в сферах, способствующих личностному росту.

Литература:

1. Буйнов Л. Г., Пазыркина М. В. Сохранение здоровья школьников как педагогическая проблема. Журнал «Молодой ученый». 2012. № 6 С. 372–375.
2. Балакирева Е. Е. Нервная анорексия у детей и подростков: обзор литературы // Психиатрия, 2005. № 4 (16). с. 44–55.
3. Менделевич В. Д. Пищевые зависимости, аддикции — нервная анорексия, нервная булимия // Руководство по аддиктологии. СПб.: Речь, 2007.
4. Плахов Н. Н., Сопко Г. И., Пазыркина М. В. Инновационные методы оздоровления детей в образовательном учреждении. Журнал «Молодой ученый». 2012. № 2. С. 286–289.
5. Сыромятникова Л. И., Макарова Л. П., Бахтин Ю. К. Значение медико-валеологического образования студентов и опыт его реализации в педагогическом университете. Журнал «Молодой ученый». 2012. № 6. с. 372–375.
6. Сухоруков Д. В. Социологические методы исследования аддиктивного поведения. Профилактическая и клиническая медицина. 2011. № 3. с. 61.

Психологические аспекты восприятия комического детьми дошкольного возраста

Неверова Анастасия Александровна, педагог-психолог
МКДОУ «Д/с № 2 «Родничок», (г. Шадринск, Курганская обл.)

В психологических исследованиях комического можно заметить несколько его аспектов: возникновение объектов комического для детей дошкольного возраста, восприятие ими комических противоречий, оценку и эмоциональное отношение их к юмористическим героям, механизмы развития восприятия комического детьми дошкольного возраста и факторы, детерминирующие адекватность данного процесса.

На важности определения мотивов комического для детей настаивал А. Н. Лук [7]. С его точки зрения «изучение всех ситуаций, вызывающих смех, есть тот базис, на котором можно строить теорию комического».

О. И. Никифорова [8] считает, что первая социализированная улыбка возникает по подражанию, затем — при виде улыбающейся матери, несколько позднее — на ласковые слова типа «ладушки» и т. д. Кроме улыбки чувство радости выражается в громком смехе. Дети смеются при повторяющемся удалении и приближении играющих

с ними взрослых, в ситуации когда последние то поднимают их вверх, то опускают вниз, а также в других случаях. Все они представляют предпосылки появления чувства комического.

М. Аргайл [1] полагает, что дети начинают улыбаться очень рано, в первые недели жизни: когда видят лицо или слышат голос матери, а также когда их щекочут. К четвертому месяцу они уже смеются в ответ на щекотку или какую-либо тактильную стимуляцию, игру в «ку-ку» (в прятки). К концу первого года жизни они реагируют, таким образом, в ответ на нелепые события, например, когда мать пьет из детского рожка. По-видимому, подобные несоответствия вызывают смех уже в столь раннем возрасте, но лишь в том случае, когда ситуация безопасна и подаются игровые сигналы.

Р. Мартин [10] указывает, что в конце первого — начале второго года жизни ребенок начинает замечать искажение человеческого лица и необычные движения. При-

близительно с 18 месяцев дети начинают играть, что-то воображая, преувеличивая, самостоятельно выдумывая нелепости и несоответствия. Игры, в которых дети изображают из себя всевозможных персонажей, часто имеют социальный характер и являются источником веселья. По мере взросления дети начинают понимать и более сложные шутки, а после 6–7 лет способны видеть множественность значений. Шутки представляются детям более смешными, если их нужно разгадывать, т.е. вычленять второе значение. В юморе детей с самого раннего возраста присутствует сильный социальный элемент. К 3 годам возникает выраженное желание рассказывать что-то смешное, делиться им с другими, чтобы рассмешить. Причина такого желания кроется, вероятно, в том, что общий смех доставляет удовольствие, а также укрепляет взаимоотношения в группе.

По мнению Р.И. Жуковской [5] в дошкольном возрасте расширяется поле деятельности ребенка, усложняются его отношения с другими людьми, и в соответствии с этим, расширяется объем предмета комического. Детей смешат в этом возрасте движения животных; поза, мимика, жесты человека, обнаружившего рассеянность, неловкость; удивленные глаза; необычность внешнего облика, цвета, формы одежды; движения, не соответствующие условиям поведения; остроумие в поступках, изобретательность в поведении персонажей, нелогичность в их действиях, проявление неряшливости и т.д.

М.В. Бороденко [3] называет объектами смеха нарушение логики формы: солнце не круглое, а квадратное; дорога, имеющая разную ширину в отдельных местах (дорога с утолщениями); фары квадратные; нарушение нормы цвета: красные глаза обезьян, дерево с черными и красными ветвями, разноцветный дождик; нарушения предметных норм — машина с трубой, дом вверх ногами, дверь дома внизу под землей; нарушение нормы поведения — мартышка плачет, сама не зная почему, мужчина в юбке; смешение логики живого и искусственного веер у птицы вместо крыльев, у колодца рога и др.

Наблюдая за дошкольниками во время чтения юмористических произведений, Н.С. Красникова [6] заметила, что детей смешат динамика действия, частая смена событий, связанных с явлением антропоморфизма или олицетворением («А от бешеной мочалки я помчался, как от палки...». К.И. Чуковский «Мойдадыр»); звуки, рифмы, ритмически звучащие имена (например, имена поросят в сказке С. Михалкова «Три поросенка»); перевертыши, то есть показ окружающей действительности в перевернутом, необычном виде, небылицы, различные несуразности; в художественном произведении привлекает описание какого-нибудь смешного образа («Рассеянный» С. Маршака или «Иванушка-дурачок» в русских народных сказках); нелогичные действия художественных персонажей, несоответствующие здравому смыслу, положениям реальной действительности, в которой ребенок вполне утвердился.

Кроме того в психологии наличествуют данные о том, что объектом смеха могут быть комические эпизоды из

кинофильмов (Леруа-Буссон); басни (О.М. Концевая); серии юмористических картинок (О.М. Попова); также шутки (Е.А. Бондаренко); рифмы бессмысленных слов (П. Мак-Ги, К.И. Чуковский); двигательные истории, истории с персонажами, носящими смешные имена (Дж. Родари); перевертыши (К.И. Чуковский).

Сопоставив мотивы смешного детей разных возрастов, следует отметить усложнение и расширение их диапазона. В раннем возрасте — несоответствие воспринятого сформировавшимся представлениям о внешнем виде и функциям предмета: в младшем дошкольном возрасте — наделение объекта признаками противоположного ряда; в старшем дошкольном возрасте с ним добавляются неодуманное поведение сказочных персонажей, а также произведения с элементами комического.

Обзор литературы о восприятии детьми дошкольного возраста комического позволяет выделить механизмы этого процесса.

Характеризуя механизмы восприятия дошкольниками комического, Ю. Борев [2] выдвигает на первый план схватывание комического несоответствия, а на второй — разрешение этого несоответствия и переоценку ситуации в целом. Вслед за начальной фазой усмотрения противоречия субъект вовлекается во вторую фазу — «разрешение несоответствия», в которых примиряются два первоначальных несовместимых элемента. Разрешение дополняет распознавание несоответствия, и вместе они приводят к пониманию и порождают интеллектуальную часть юмористической реакции, которая является основой удовольствия от юмора.

О.М. Попова [9] выделяет общие и специфические механизмы восприятия детьми дошкольного возраста комического, которые находят свое отражение в обнаружении комических несоответствий в разных видах, жанрах, структурных единицах комического, в особенностях операций, которые производятся при их восприятии. Механизм восприятия комических деталей заключается в операции выделения отдельных элементов изображения при обязательном сопоставлении их с нормой, при этом возникают ассоциации «животного с животным», «человека с животным» и др.. Восприятие перевертышей сопровождается улавливанием в последних обратной координации вещей, восприятие комических ситуаций — сопоставлением компонентов этих ситуаций (цель, мотив действия поведения персонажа, необычное средство достижения цели, неожиданный исход события), с общепринятой нормой, друг с другом и еще раз с нормой.

В психологической литературе содержатся сведения о закономерностях восприятия детьми комического. Одной из этих закономерностей является — динамика развития восприятия детьми комического.

О.М. Попова [9] иллюстрируя данную закономерность выделяет пять уровней восприятия детьми комических ситуаций.

Первый уровень — индифферентное рассматривание комических картинок. Дети называют серию картинок

смешной, но не могут объяснить, почему они ее такой считают.

Второй уровень — дети с чувством удивления и испуга рассматривают лягушки в одежде, необычное местоположение предметов и вещей, акцентируют внимание на несообразностях в их цвете, величине и форме, говорят о каждой картинке, входящей в одну серию, как о самостоятельном эпизоде, не связанном по смыслу с другими эпизодами.

Третий уровень — радостная улыбка, смех. Комментируются неожиданные последствия поступка комического персонажа. На дополнительные вопросы о содержании всей серии картинок дети отвечают правильно.

Четвертый уровень — дети с улыбкой перечисляют персонажей, изображенных на всех картинках одной серии, и описывают происходящие с ними события.

Пятый уровень — дети сопоставляют комические противоречия и дают морально-этическую оценку поступкам комических персонажей. Комические детали не упоминаются.

Вторая закономерность восприятия — неравномерность восприятия детьми комического проявляется в недоступности детям сложных комических конструкций — дети младшего дошкольного возраста в состоянии заметить лишь внешнюю сторону комического: комизм жестов, голосовой комизм, несоответствие в одежде, а дети более старшего возраста хорошо видят скрытый комизм — в несоответствии ситуации, несоответствующие образы, видят сходство и различие между моделью (Д.Ф. Николенко); дети не сразу охватывают все разнообразие те художественных средств, которыми богаты комиксы. Они сначала улавливают внешние, а потом внутренние связи и отношения комических явлений, изображенных на смешных картинках (Р.И. Жуковская).

Третья закономерность восприятия детьми комического — **синхронность**, которая выражается в одновременном развитии когнитивного и аффективного аспектов комического в восприятии разных видов и структурных единиц комического (О.М. Попова).

В психологической литературе имеются также данные о факторах, которые детерминируют процесс восприятия комического детьми дошкольного возраста, к которым относятся следующие:

— личностные и профессиональные качества воспитателя (общительность, повышенная эмоциональность, умение заразить окружающих веселым настроением, умение создать благоприятные условия для восприятия детьми комического (Р.И. Садыкова);

— средства выражения комического — наиболее выразительные движения комических персонажей могут иногда помешать ребенку увидеть остальное богат-

ство выразительных средств и из-за этого понять смысл юмористической ситуации в целом (Р.И. Жуковская); восприятие школьниками поведения сатирических персонажей зависит от осознания ими объективных последствий невежества и лицемерия этих персонажей от того вреда, который они несут обществу (И.Н. Назимов);

— степень сформированности у детей представлений о внешнем виде и функциях объектов. Комические ситуации воспринимаются детьми только тогда, когда изображения сюжета не отвечает имеющимся у них представлениям об адекватном развертывании действий, комические персонажи руководствуются в своих поступках неблагоприятными целями и мотивами, используют необычные средства их достижения и попадают из-за этого в нелепые положения (Н.Г. Кутепова);

— динамическая сторона рисунка — дошкольнику интереснее смотреть комическую ситуацию, нежели перевертыши и комические детали, что характеризует их интерес к динамической и одушевленной стороне рисунка, так как рассматривая рисунок, ребенок начинает действовать с ним в воображении, а несоответствия в цвете, форме, величине объектов он воспринимает как обычные (Р.А. Садыкова).

В исследовании О.М. Поповой [9] были выделены причины, по которым дошкольники дают ошибочные ответы. К одной из них было отнесено отсутствие у детей константности восприятия. Также было замечено, что адекватному восприятию детьми картинок не раз мешало стилизованное изображение персонажей и предметов и неумение выделить комические детали, имеющие существенное значение для понимания смысла ситуаций. Непонимание детьми смешных историй не раз обуславливалось неумением определять эмоциональное состояние персонажей, что ограничивало их возможности адекватно интерпретировать развертывающиеся события. Неоднократно ошибочность детского восприятия вытекала из неумения детей представить события, не нашедшие отражения на картинках. Помимо этого, было установлено, что часть детей всех возрастов квалифицировала комические ситуации как несмешные, несмотря на то, что смысл картинки ими улавливается наравне с другими детьми. У этих «трагически настроенных детей смешные положения персонажей вызывали не смех и улыбку, как у других испытуемых, а горячее сочувствие «несчастливым» и даже слезы.

Заканчивая поисково-творческий анализ литературных источников о восприятии детьми комического, следует отметить, что в них есть определенные сведения о мотивах, механизмах, закономерностях и факторах детерминирующих его развитие.

Литература:

1. Аргайл М. Психология счастья/ М. Аргайл. — Питер: — 2003, — 272 с.
2. Боров Ю.Б. Комическое/ Ю.Б. Боров. — Искусство, — 1970, — 275 с.

3. Бороденко М. В. Два лица Януса — смеха/ М. В. Бороденко. — Ростов н/Д: изд-во РИО ПО «Цветная печать», — 1995. — 86 с.
4. Дементьева И. С. Веселая книга в воспитании чувства юмора детей старшего дошкольного возраста: Автореф. дисс. канд. наук. М. 1973.
5. Жуковская Р. И. Юмористические картинки/ Р. И. Жуковская // Дошкольное воспитание. 1958. — № 4. С. 38–46.
6. Красникова Н. С. Формирование чувства юмора у детей старшего дошкольного возраста средствами художественной литературы/ Н. С. Красникова // Дошкольник. — 2013. — № 3. с. 25 — 29.
7. Лук А. Н. Юмор, остроумие, творчество/ А. Н. Лук. — М., «Искусство», 1977. — 183 с.
8. Никифорова О. И. Восприятие художественной литературы школьниками/ О. И. Никифорова. — М.: Учпедгиз, — 1959, — 206 с.
9. Попова О. М. Когнитивная парадигма чувства комического в психологической литературе/ О. М. Попова // Дошкольник. — 2013. — № 3. с. 30 — 39
10. Martin Rod, Psychology of Humor: An Integrative Approach. Elsevier Academic Press: Burlington, MA, — 2007, — 446 p.

Проблема руководства коллективом в психологической науке

Самойлова Елена Александровна, аспирант
Белгородский государственный университет

Истоки руководства коллективом следует искать в родоплеменном обществе. В таких государствах Древности, как Шумера, Египет, Китай, Древний Рим, Древняя Греция и многих других, развивалось искусство управления людьми. Этим занимались правители государств, военачальники, жрецы, различного рода чиновники. Например, среди жрецов выделились те, кто вел хозяйственные дела, профессионально занимался управлением при планировании доходов и расходов, а также осуществлял учет и контроль в этой сфере деятельности.

Первые заметные шаги на пути выделения функции управления персоналом были сделаны в средневековых гильдиях и цехах — объединениях ремесленников которые заботились об улучшении условий труда, оплаты и жизни своих членов, об обучении пополнения — учеников, а также регулировали профессиональную карьеру, продвижение по ступенькам цеховой иерархии.

Проблемы руководства государством были глубоко исследованы в книге «Государь» Никколо Макиавелли (1469–1527). Современник Макиавелли, один из основоположников утопического социализма, Томас Мор (1478–1535) изучал следствия плохого управления и убедился в справедливости своих выводов на собственном опыте — несмотря на честное добросовестное служение отечеству и престолу он был низвергнут с высшего государственного поста Англии и вскоре казнен по приказу благодарного короля [3, с. 7].

Огромный интерес к управлению появился в 1911 году с выходом в свет книги Ф. У. Тейлора (США) «Принципы научного управления».

Фредерик Тейлор (1856–1915) — инженер и ученый, который считается родоначальником науки управления.

Его заслуга состоит в том, что он открыл для нас ряд социальных явлений, а также усовершенствовал социальную организацию, что способствовало развитию мировой науки.

Он полагал, что главным является управление людьми, а не экономика или техника. И решив проблемы управления, по мнению Тейлора, можно создать эффективную организацию труда.

Ф. Тейлор выделил четыре принципа управления, внедрение которых позволяет в несколько раз увеличить производительность труда:

- 1) внедрение экономных методов работы;
- 2) профессиональный подбор и обучение кадров;
- 3) рациональная расстановка кадров;
- 4) сотрудничество администрации и работников.

Руководство Ф. Тейлор понимал одновременно как точную науку и как сложнейшее искусство. Он разработал концепцию «достигающего рабочего» и концепцию «достигающего руководителя».

Согласно концепции «достигающего рабочего» человеку надо поручить такое задание, которое требовало бы максимума усилий, но не вредило здоровью. После того как он освоил простой урок, ему следует поручать более сложное задание. Таким способом человек постепенно достигает потолка своих творческих возможностей. Трудолюбивых и инициативных переводят на более интересную работу. Тейлор классифицировал все виды работ по содержанию, сложности и характеру труда, установив для каждой группы премиальную вилку. Прежде чем принять на работу и дать трудное задание, людей необходимо тщательно протестировать, изучить их физические и психологические характеристики. Так появилась идея про-

фотбора. Ее дополнила концепция профессионального обучения [4, с. 10].

Она состояла из системы педагогических приемов: обучение навыкам, расширение знаний, тренировка и самостоятельное изучение своей работы. В обучении людей требовалась постепенность. Мастер должен быть настолько квалифицированным, чтобы сам мог встать к станку и продемонстрировать наилучшие приемы труда. Если многочисленные уроки не помогали, то начинала действовать штрафная система санкций. Она тоже применялась постепенно — от самых легких наказаний (выговор) до самых сильных (штраф, а затем — увольнение). Такова дисциплинарная, или штрафная, система, которая дополнила дифференциальную систему оплаты труда Тейлора. Она основана на принципе индивидуального вклада: больше выработал — выше заработная плата [4, с. 10].

Согласно концепции «достигающего руководителя» одного мастера, отвечавшего в цехе за все, заменяла «функциональная администрация», состоявшая из восьми узкоспециализированных (выполнявших какую-то одну функцию) инструкторов. Если раньше рабочий обо всем заботился сам, то теперь администрация заранее обязывалась обеспечить его документацией, сырьем, инструментами. Рабочему оставалось только хорошо трудиться. При Тейлоре руководить стало сложнее. Менеджер должен был стать не только техническим специалистом, но и социальным инженером: знать личные качества подчиненных, решать конфликты, заботиться о своем лидерском стиле. Тейлор считал: прежде чем администрация потребует от подчиненных хорошей работы, она сама должна трудиться в два раза лучше [4, с. 10].

Модель управления Ф. Тейлора оказала революционное влияние на развитие науки управления и изменила культуру труда в промышленности США.

Анри Файоль (1841–1925) — французский инженер и предприниматель является создателем административной теории управления. Он считал, что управлять означает вести предприятие к определенной цели, извлекая при этом максимальный результат из имеющихся в наличии ресурсов. А. Файоль был первым, кто отметил, что менеджмент нассквозь пропитан психологией, и выделил психологические факторы повышения производительности труда, например такие, как власть, единство руководства, подчинение личных интересов общим, инициатива, корпоративный дух предприятия и др. [9, с. 13].

Огромный вклад А. Файоля в развитие теории управления связан с тем, что он рассматривал управление как процесс, который состоит из взаимосвязанных функций. Он выделил функции управления, которые давали ответ на вопрос о том, что делает руководитель, и принципы управления, которые отвечали на вопрос, как руководитель это делает.

К функциям управления А. Файоль относил предвидение, планирование, организацию, координирование и контроль.

К принципам управления А. Файоль относил разделение труда, власть, дисциплину, единство командования, единство руководства, подчинение индивидуальных интересов общей цели, вознаграждение, централизацию, иерархию, порядок, равенство, стабильность персонала, инициативу и корпоративный дух.

Если функции — обязательные элементы, выпадение которых (хотя бы одного) разрушало всю технологию управления, то принципы — это постоянно пополняющийся перечень положений, обобщающих живую практику руководителя. Они конкретны и зависят от ситуации. Функции составляют «науку администрирования», а принципы — «искусство администрирования» [4, с. 15].

Благодаря усилиям Ф. Тейлора, М. Вебера, А. Файоля была заложена основа для «классической теории организаций» середины XX века, к авторам которой можно отнести Л. Гьюлика, Д. Муни, Л. Урвика, А. Рейли и других.

Исходная идея «классической» теории звучит так: эффективная организация — это система, построенная на строго формальных принципах. Представители этой теории стремились конструировать организацию так же тщательно, как конструирует сложную машину инженер, — на логически последовательных и непротиворечивых законах.

Большим успехом в области управленческой мысли стало то, что на смену «человеку экономическому» пришел «человек социальный». Произошло это благодаря Элтону Мэйю (1880–1949) — австралийско-американскому ученому, который считается основателем «школы человеческих отношений».

Исследования Э. Мэйю, известные как «Хотторнские эксперименты» (они проводились в компании Уэстерн Электрик в Хотторне в 1927–1932 гг.), открыли новое направление в теории управления. Первоначальной задачей эксперимента, проводившегося в русле работ по научной организации труда, было определение влияния освещенности на производительность труда. Рабочих разделили на две группы. Для одной группы — экспериментальной — освещение увеличили, а для другой — контрольной — оставили прежним. К большому удивлению исследователей производительность труда возросла в обеих группах. То же самое произошло, когда освещение было уменьшено. Таким образом, само освещение не оказывало значительного влияния на производительность труда. На втором этапе эксперимента группе рабочих повысили заработную плату, ввели дополнительные перерывы, создали условия для общения. Производительность труда в результате возросла. По мере улучшения условий труда, даже при сокращении чистого рабочего времени, выработка возросла. Ученые объяснили это снижением утомления. Но когда вернули первоначальные условия труда, то выработка осталась на прежнем высоком уровне. Для выяснения причины этого факта был проведен опрос участников эксперимента, в результате чего было установлено, что на производительность повлияли не физические условия труда, а какой-то «человеческий эле-

мент». Сформировалась небольшая структура группы, положение (статус) работника в которой зависит от его личностных качеств и поведения, между работниками сложились личные отношения, улучшились отношения с руководством, возросла удовлетворенность трудом [1, с. 23].

Э. Мэйо сделал вывод о том, что главной причиной изменения производительности труда явилась незапланированная и неконтролируемая руководством перестройка социальных отношений. Важной причиной повышения производительности труда послужило и изменение формы контроля. Во время проведения эксперимента мастера контролировали рабочих менее жестко, чем обычно. Отсутствие жесткого контроля способствовало более осознанному выполнению работы. Этот вывод положил начало исследованиям стилей руководства на производстве [1, с. 23].

Вклад школы человеческих отношений в развитие управленческой мысли очевиден, его нельзя переоценить. И все-таки оптимизация взаимоотношений в организации не является основным способом повышения эффективности деятельности предприятия.

К мотивационной школе развития менеджмента относятся А. Маслоу и Ф. Херцберг. Идеи А. Маслоу получили свое развитие в 1950 году в двухфакторной теории мотивации Фредерика Херцберга. Своему названию теория обязана эмпирическим исследованиям, которые проводил Ф. Херцберг, в результате которых ему удалось выделить две группы факторов, которые были независимы друг от друга, но и в тоже время сильно влияли на поведение людей в организации.

К этим факторам относятся:

— содержание работы — достижение успеха, признание заслуг, служебное продвижение, интерес к работе, возможности для профессионального роста, ответственность;

— условия работы — политика компании, технический надзор, отношения с руководителем, межличностные отношения по горизонтали, заработок, безопасность труда, гарантия занятости, условия труда, статус, семейная жизнь.

Между двумя теориями — Маслоу и Херцберга — существует тесная связь. Так, высшие потребности Маслоу — престижные и духовные — совпадают с шестью мотиваторами Херцберга, а низшие — физиологические, экзистенциальные и социальные — соответствуют десяти гигиеническим факторам Херцберга [4, с. 31].

Обе системы являются разнонаправленными плоскостями человеческого поведения. Если менеджер заботится о стабилизации персонала, он должен воздействовать на гигиенические факторы (увеличение оклада или получение квартиры), так как они способствуют закреплению кадров. Однако они не могут привести к повышению производительности труда. На увеличение выработки, на достижение наивысших успехов в работе влияют другие факторы — мотиваторы [4, с. 31].

Оказалось, что деньги нельзя рассматривать в качестве постоянно действующего побуждающего фактора, поскольку люди работают за деньги лишь до определенного предела, границами которого является удовлетворение личного представления о том, что такое «хорошая жизнь». Деньги и премиальные Херцберг называл «негативными побуждающими стимулами». При их отсутствии люди чувствуют себя неудовлетворенными, но при их наличии они не обязательно почувствуют себя счастливыми и повысят производительность. Повышение заработной платы лишь побуждает людей оставаться там, где они работают [4, с. 31].

Рекомендации Ф. Херцберга применяют сотни американских компаний, в том числе и самые крупные. Его идеи используются в новейших системах повышения производительности труда и улучшения поведения людей в организации. Научная достоверность его теории подтверждена данными 12 специальных исследований, проведенных в США, Японии, Финляндии, Венгрии, Индии, ЮАР, Замбии. В СССР она использовалась в известном исследовании «Человек и его работа», проведенном в 1964 г. В. А. Ядовым и А. Г. Здравомысловым [4, с. 34].

Начиная с 60-х гг. психологический подход полностью охватил всю область управления организации. Главная цель психологической школы заключалась в увеличении эффективности деятельности организации за счет активизации человеческого фактора. Проблемы менеджмента получили серьезное развитие в работах известных американских, английских, немецких исследователей: Г. Минцберга, Ч. Барнарда, П. Друкера, Г. Саймона, С. Арджириса, Т. Питерса, Р. Уотермена, В. Зигерта, Л. Ланг, Дж. Грейсона мл., К. О'Делл, М. Вудкока, Д. Фрэнсиса и др.

В дальнейшем при исследовании проблем управления стали все больше учитывать индивидуально-психологические особенности личности каждого работника. Многие психологи, занимающиеся изучением вопросов управления, стали больше внимания уделять изучению налаживания межличностных отношений, различных аспектов социального взаимодействия, власти, авторитета, лидерства, мотивации и культуры. С этого времени промышленная психология управления начала бурно развиваться и в нашей стране.

Модель управленческих отношений разработали новосибирские социологи под руководством Р. В. Рывкиной. Она описывает реальное поведение управленческих кадров в соответствии с занимаемой должностью, интересами и мотивами. Социально-экономическое положение управленческих («вертикальных») групп измерялось с помощью таких показателей, как объем реальных распорядительных прав и ответственности, размер и источники получаемых доходов, уровень и структура материального потребления [4, с. 56].

Р. Рывкина при изучении агропромышленного комплекса описывала социальный механизм, который регулирует деятельность управленческих групп в производственном коллективе. Она выделила два вида

взаимодействий. Это прямые взаимодействия, которые проявляются в виде контактов в системе отношений «руководитель—подчиненный». И косвенные взаимодействия, которые проявляются в том, что результаты деятельности одних групп влияют на условия и результаты труда других групп.

Результат деятельности руководителей имеет две стороны. С одной стороны, он отражает деятельность самих руководителей, то есть стиль руководства, количество времени. Необходимое для различных видов работ. С другой, результат определяет эффективность деятельности подчиненных и выполнение плана организации, повышение доходов предприятия, а также учет трудовой дисциплины и травматизма среди сотрудников.

Успехи данной организации зависят от деятельности вышестоящих руководителей (министерства), которые, к примеру, могут предложить необоснованный «портфель» кадровых, правовых и хозяйственных решений администрации самого предприятия. Кроме того, результативность деятельности управленцев зависит от того, как ее стимулируют. Стимулами могут служить высокие оклады, доступ к дефицитным товарам и услугам, дополнительные премии. Подобные условия в решающей степени влияют на поведение управленческих групп, определяют их должностное и экономическое положение. Обобщенно оно называется социально-экономическим положением. Оно выражается через объем прав и ответственности, через роль в общественной организации труда, значимость выполняемой управленческой функции, а также через объем благ, получаемых группой от общества. Именно социально-экономическое положение группы формирует систему интересов, а те в свою очередь влияют на характер деятельности и поведение людей, на то, с какой отдачей станут трудиться индивиды [4, с. 60].

Существуют также и другие подходы к изучению процесса управления, которые сосредоточены не столько на управленческих группах, сколько на самом процессе принятия решений. Управленческое решение предстает одним из элементов отношений руководства — подчинения, фактором власти в организации. Один из таких подходов предложен А.И. Пригожиным — современным российским социологом, известным специалистом, занимавшимся проблемами организаций и управления.

В его основе лежит принцип, согласно которому управляющая система (администрация) предстает менее сложным объектом, чем управляемая (подчиненные). Последняя, получив управленческий стимул (решение, приказ), преломляет его в соответствии со своей спецификой. Обладая собственной логикой функционирования, объект управления приобретает не только значительный запас инерционности, но и способность задерживать и искажать исполнение решений, принятых наверху [4, с. 78].

Управляющие органы не в состоянии полностью контролировать действия управляемой системы, поэтому подчиненные получают некоторую свободу (автономию) поведения. Степень свободы выражена понятием

«управляемость». Мера управляемости зависит от размеров предприятия, численности персонала, территориального размещения, технологического профиля производства, наконец, сложившихся в коллективе традиции и норм соблюдения дисциплины, отношения к труду, стилю и методам руководства. Степень управляемости зависит от гибкости самой системы управления. Если аппарат управления слишком громоздкий, то согласно закону Паркинсона он начинает обслуживать самого себя вместо того, чтобы выполнять прямое назначение — обеспечивать эффективность производства. Границы управляемости зависят от сложности той ролевой структуры, в которую включен руководитель. Как правило, он участвует в нескольких структурах — в должностной, групповой, семейной, профессиональной и т.д. Например, как должностное лицо он обязан следить за выполнением производственного плана, но как член малого коллектива (отдела, цеха) он призван заботиться об удовлетворении интересов своих подчиненных [4, с. 78].

Между различными ролями возникает противоречие. Несовпадение ролей и ориентации сказывается на качестве принимаемых решений. В свою очередь подчиненные, обладая иными интересами, оказывают возмущающее воздействие на реализацию решений руководителя. В результате приказы администрации в такой степени искажаются, что, будучи реализованными, приносят организации вред, а не пользу [4, с. 79].

Психологическая защита руководителя срабатывает таким образом, что всю вину он перекладывает на подчиненных, полагая, что все беды на производстве — от их низкой дисциплины. Возникает стереотип «ложного сознания», который серьезно ухудшает качество управления. Компенсируя «сбой» в производстве, руководитель ужесточает санкции и увеличивает число приказов (которые опять же не исполняются). Порочный круг, создаваемый усилением «властной мотивации», расшатывает управленческие отношения [4, с. 79].

Советский психолог Б.Ф. Ломов большое внимание уделял проблемам психологии управления, рассмотрению психологических особенностей деятельности руководителя, специфике взаимодействия в системе «руководитель-подчиненный»

Российский психолог А.Л. Журавлев в 1976 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, ставшую первым конкретным теоретико-эмпирическим исследованием в области психологии руководства. Его главными наставниками при работе над темой были научный руководитель В.Ф. Рубахин и Б.Ф. Ломов, с именами которых связано становление этой области знания в нашей стране. В диссертации были обоснованы понимание индивидуального стиля руководства и типология стилей; предложена структура психологии управления как отрасли психологической науки; рассмотрена связь стиля руководства и уровня развития коллектива и др. Многими исследователями используется разработанная им методика для определения индивидуального стиля руководства. Ре-

зультаты этого цикла исследований были представлены в книгах «Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом» (1976), «Психология и управление» (1978).

Таким образом, эволюция взглядов на развитие управленческой науки прошла ряд периодов. Современное управление продолжает свое развитие и использование лучших идей и достижений различных подходов.

Литература:

1. Бандурика А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. Психология управления. Харьков: Фортуна-пресс, 1998. 260 с.
2. Веснин В. Р. Основы менеджмента. М.: Проспект, 2011. 320 с.
3. Кнорринг В. И. Теория, практика и искусство управления. М., 1999. 258 с.
4. Кравченко А. И. Социология менеджмента. М.: ЮНИТИ, 1999. 356 с.
5. Менеджмент: учеб. пособие / Г. Б. Казначевская, И. Н. Чуев, О. В. Матросова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 378 с.
6. Основы современного социального управления (теория и методология): учеб. пособие / Г. В. Атаманчук, В. Н. Иванов и др.; под ред. В. Н. Иванова М.: Экономика, 2000. 230 с.
7. Пугачев В. П. Руководство персоналом организации. М.: Аспект пресс, 2000. 356 с.
8. Пугачев В. П. Руководство персоналом. М.: Аспект пресс, 2008. 416 с.
9. Розанова В. А. Психология управления. М: Бизнес-школа, 2000. 322 с.
10. Смирнов Э. А. Теория организации. М.: ИНФРА-М, 2002. 410 с.
11. Теория управления / Под ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина. М.: РАГС, 2010. 560 с.

Гендерные аспекты социального интеллекта военнослужащих

Талаев Сергей Александрович, соискатель

Псковский государственный педагогический университет имени С. М. Кирова

Научный анализ гендерных отношений в армии диктуется не только теоретическими, но и практическими потребностями. Проведение в Российской Федерации преобразований, включающих реформирование Вооруженных сил, осуществляется в сложных социально-экономических и политико-правовых условиях. В 2010 году штатная численность личного состава Вооруженных сил России составила около одного миллиона человек. Поставленные перед Минобороны задачи по выходу на перспективный боевой состав Вооруженных сил в целом решены, об это заявил Президент Российской Федерации Д. А. Медведев [6]. По оценке Госдумы, в 2012 году реальная численность Вооруженных сил РФ составляла приблизительно 800 тысяч человек [20]. Так же в ходе реформирования произошло сокращение численности военнослужащих-женщин почти в три раза. В 2007 году женщин, которые проходили службу по контракту, было более 30 тысяч, на сегодняшний день осталось чуть более 11 тысяч, из них около 4,3 тысяч — это офицеры различных степеней, младших и старших» [21].

Представленные выше данные свидетельствуют о необходимости оптимизации профессионализма военнослужащих, в связи с сокращением численности и решением поставленных перед Вооруженными силами задач, связанными с перевооружением новой техникой. Одним из аспектов повышения профессионализма личного со-

става выступает развитие социального интеллекта. В современных исследованиях отмечается что, уровень социального интеллекта оказывает существенное влияние на эффективность трудовой деятельности [2]. Исходя из вышесказанного, изучение социального интеллекта военнослужащих является актуальным.

Исследование социального интеллекта началось с 1920 года, когда в журнале «Harper's Magazine» появилась публикация Эдварда Ли Торндайка «Intelligence and its use» [19]. Термин «социальный интеллект» был определен Э.Л. Торндайком как «способность добиваться успеха в межличностных ситуациях, способность управлять мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками — поступать мудро в человеческих отношениях». В статье ученым была предложена трехкомпонентная структура интеллекта, включающая способности понимать и оперировать: идеями (абстрактный интеллект), конкретными предметами (механический интеллект), людьми (социальный интеллект) [9].

В зарубежной психологии исследованием социального интеллекта занимались Г. Оллпорт, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк и другие. Вместе с тем, ученые изучавшие феномен не пришли к единому мнению по содержанию понятия. Социальный интеллект, по мнению Г. Оллпорта, особый «социальный дар», обеспечивающий гладкость в отношениях с людьми, продуктом, которого является социальное приспособление, а не глубина понимания [18].

Другой известный специалист в области интеллекта Дж. Гилфорд рассматривал социальный интеллект как систему интеллектуальных способностей, не зависящих от фактора общего интеллекта и связанных с познанием поведенческой информации, интегральная интеллектуальная способность, определяющая успешность общения и социальной адаптации [11].

В концепции Г. Ю. Айзенка социальный интеллект — результат развития общего интеллекта под влиянием внешних социокультурных условий. По его словам социальный интеллект гораздо шире, чем биологический и психометрические интеллекты. «...Социальный интеллект — это тип интеллекта, на формирование которого существенное влияние оказывает социальная среда...» [1].

В России проблема социального интеллекта стала рассматриваться сравнительно недавно — с 90-х гг. XX века. В отечественной психологии понятие «социальный интеллект» было введено Ю.Н. Емельяновым. Он писал, что «сферу возможностей субъект-субъектного познания индивида можно назвать его социальным интеллектом, понимая под этим устойчивую, основанную на специфике мыслительных процессов, аффективного реагирования и социального опыта способность понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события» [5].

Круг научных работ, предметом которых является именно социальный интеллект, в отечественной психологической науке невелик. Теоретический и эмпирический анализ этого феномена в рамках разработанных концепций предприняли В. Н. Куницына, В. А. Савенков, Д. В. Ушаков и другие.

В. Н. Куницына определила социальный интеллект как глобальную способность, возникающую на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих черт, включающую уровень энергетической обеспеченности процессов саморегуляции; эти черты обуславливают прогнозирование развития межличностных ситуаций, интерпретацию информации и поведения, готовность к социальному взаимодействию и принятию решения [7]. По мнению Д. В. Ушакова, социальный интеллект — способность к познанию социальных явлений, которая составляет лишь один из компонентов социальных умений и компетенции, но не исчерпывает их [15]. А. И. Савенков считает, что социальный интеллект — это кристаллизованные социальные знания и социально-когнитивная гибкость [13].

Согласно подходу О. В. Луновой — социальный интеллект является субъектно-личностным конструктом, обеспечивающим взаимодействие человека с другими людьми и группами. В его структуру входят три подструктуры:

1) способности к социальному познанию и конструированию картины взаимодействия человека с другими людьми;

2) социально-психологические характеристики человека;

3) способности саморегуляции социального поведения и управления ситуациями межличностного взаимодействия [10].

В отечественной психологии исследование социального интеллекта так же происходит в аспекте коммуникативной компетентности, описываются функции и структура социального интеллекта (М. И. Бобнева [4], Ю. И. Емельянов [5], О. Б. Чеснокова [16] и др.).

Также в работах российских исследователей изучалось соотношение общего уровня развития социального интеллекта и отдельных его способностей с личностными или профессиональными особенностями. Например, исследование особенностей социального интеллекта студентов позволило сделать В. Н. Куницыной следующие выводы: чем выше уровень социального интеллекта, тем более развиты саморегуляция, уверенность в себе, способность влиять на других людей; чем ниже уровень социального интеллекта, тем больше в нем представлены застенчивость, рефлексивность, агрессивность и т. п., тем более вероятно, по мнению автора, что человек страдает от одиночества, имеет низкое самоуважение, конфликтен, невротизирован, психически и физически истощаем. Таким образом, по мнению В.Н. Куницыной, сильно выраженная рефлексивность не способствует развитию социального интеллекта, а энергетический потенциал оказывается его необходимым условием [8].

Другой исследователь социального интеллекта Е. И. Пашенко обнаружила отрицательную связь показателей социального интеллекта студентов торгово-экономического профиля с возрастом и курсом, что, с точки зрения автора, свидетельствует о тенденции к понижению уровня социального интеллекта к пятому курсу в связи с узкой специализацией обучения в области «человек-знаковая система» [12].

Гендерный аспект — один из важных аспектов социального интеллекта. Для освящения роли гендера в социальном интеллекте необходимо обратиться к гендерной психологии. Одним из авторов систематизировавших теоретико-экспериментальную базу по данной теме является Т. В. Бендас [3]. Гендер [от англ. gender — род, пол] — а) социальный пол, во многом обуславливающий особенности собственно личностного и группового поведения и задающий правовую и статусно-социальную позицию индивида в обществе; б) биологический пол, выступающий как комплекс морфологических и физиологических характеристик, определяющий индивидуальное половое поведение, связанное с направленностью и выраженностью эротических чувств и переживаний [17].

Различия в компонентах структуры социального интеллекта мужчин и женщин, в том числе связаны и с особенностями гендерной социализации. Выполнение гендерных ролей в обществе зачастую откладывает на конкретную личность такой сильный отпечаток, что проявление поведения противоположного пола, например демонстрация чувств у мужчин и проявление грубой физической силы у женщин, считается совершенно не приемлемым.

В одном из исследований посвященном современным молодежным стереотипам маскулинности-феминности, автор говорит о том, что типические различия в эмоционально-ценностного самоопределения мужчин и женщин во многом происходят от специфики половых ролей и устоявшихся в общественном сознании стереотипных эталонов, определяющих нормы поведения, стиль общения, сферы самореализации [14]. Хотя при этом наблюдается тенденция ослабления поляризации и, взаимопроникновения отдельных компонентов мужской и женской ролей. Последствием указанной тенденции является снижение различий в содержании стереотипов мужского и женского поведения.

В последние годы практика показывает, что профессиональное самоопределение все меньше зависит от половой принадлежности. Но, при этом все еще сильны механизмы, навязывающие половое распределение про-

фессий. Отход от этих механизмов приводит проявлению негативных реакции. Особенно сильно это проявляется по отношению к военнослужащим-женщинам.

Вывод. Гендерные аспекты проявляются и в социальном интеллекте военнослужащих. Рассмотрение этих аспектов в настоящее время актуально, в связи с тем, что повышается роль женщин в армейской среде. Женщины, работая в традиционно «мужской сфере» — военной, проявляют отличные от мужских способы поведения и решения возникающих трудностей. Это может способствовать нахождению новых эффективных путей решения стоящих перед вооруженными силами задач.

Представленная статья является лишь предварительной работой в данном направлении. Проведенный теоретический анализ будет продолжен эмпирическим исследованием гендерных аспектов социального интеллекта военнослужащих.

Литература:

1. Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд «Вопросы психологии» 1995 г. № 1 с. 160.
2. Баширов И.Ф. Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности военного психолога: дис. ... канд. психол. наук. М.: Военный университет Министерства обороны, 2006. 210 с.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006.
4. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. — М.: Прогресс, 1978. 292 с.
5. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: ЛГУ, 1985. 265 с.
6. Индекс безопасности. 2011. № 1. Том 17. С. 37.
7. Куницына В.Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение. // Сб. Теоритические и прикладные вопросы психологии. 1995. Вып. 1. ч. 1.
8. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В. М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001.
9. Лунева О.В. История исследования социального интеллекта (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 177–182.
10. Лунева О.В. Представления о социальном интеллекте людей разных возрастных групп // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2.
11. Михайлова (Алешина) Е.С. Методика исследования социального интеллекта. Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена. Руководство по использованию. СПб.: Иматон, 1996. 56 с.
12. Пашенко Е.И. Социальный интеллект как проблема трудоустройства // Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы создания и функционирования центров содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования». СПб., 2008.
13. Савенков А.И. Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 5. № 4. с. 94–101.
14. Сакулина Е.Л. «Современные стереотипы маскулинности и феминности у молодежи» // «Социокультурный анализ гендерных отношений», Саратов. 1998. 208 с.
15. Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М. Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. с. 264.
16. Чеснокова О.Б. Возрастной поход к исследованию социального интеллекта у детей // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 33–44.
17. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике http://psychology_pedagogy.academic.ru/4607/Гендер. Дата обращения 27.11.2013.
18. Allport G. W. Personality A Psychological Interpretation. NY, 1937, p. 313–516.
19. Thorndike E. L. Intelligence and its uses // Harper's Magazine 1920, № 140, p. 227–235.
20. <http://mil.ru>. Дата обращения 27.11.2013.
21. www.klerk.ru. Дата обращения 27.11.2013.

Развитие профессиональной мотивации методом социально-психологического тренинга

Трипутъ Ярослав Юрьевич, аспирант
Одинцовский гуманитарный институт (Московская обл.)

В современной отечественной психологии сложилась весьма интересная ситуация по вопросу профессиональной мотивации. В целом проблема мотивации и мотивов поведения в деятельности — одна из основных в психологии и вряд ли найдется такая область психологии, которая не затрагивала бы мотивационного процесса. Написано очень много работ и многие специалисты используют термин профессиональная мотивация, но никто не дает четкого и конкретного определения, что же такое профессиональная мотивация. Единственным отечественным источником, где приведено определение данному понятию — психологический словарь по профессиональной ориентации и психологической поддержки на интернет ресурсе <http://vocabulary.ru/>. Где сказано, что профессиональная мотивация — это действие конкретных побуждений, которые обуславливают выбор профессии и продолжительное выполнение обязанностей, связанных с этой профессией; профессиональная мотивация формируется под влиянием факторов окружающей действительности, работы по профориентации. Но все-таки основообразующим словом в данном термине является мотивация и здесь существует очень много вопросов и споров.

В настоящее время мотивация как психическое явление трактуется по-разному. В одном случае как совокупность факторов, поддерживающих и направляющих, т. е. определяющих поведение, в другом случае как совокупность мотивов, в третьем как побуждение, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность. Кроме того, мотивация рассматривается как процесс психической регуляции конкретной деятельности, как процесс действия мотива и как механизм, определяющий возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности, как совокупная система процессов, отвечающих за побуждение и деятельность.

Путь к эффективной профессиональной деятельности человека лежит через понимание его мотивации. Только зная то, что движет человеком, что, побуждает его к деятельности, какие мотивы лежат в основе его действий, можно попытаться разработать эффективную систему форм и методов управления им. Для этого нужно знать, как возникают или вызываются те или иные мотивы, как и какими способами, мотивы могут быть приведены в действие, как осуществляется мотивирование людей.

Сегодня имеется колоссальное количество способов воздействия на мотивацию конкретного человека, причем диапазон их постоянно растет.

Более того, тот фактор, который сегодня мотивирует конкретного человека к интенсивному труду, завтра может способствовать «отключению» того же самого че-

ловека. Никто точно не может сказать, как детально действует механизм мотивации, какой силы должен быть мотивирующий фактор и когда он сработает, не говоря уже о том, почему он срабатывает.

Мотивация — одна из важнейших проблем современной психологии, и одна из самых интригующих и загадочных ее областей.

В результате проведенных теоретических исследований, на основе анализа различных теорий по изучению мотивации, можно заключить, что мотивационная сфера человека очень сложна и неоднородна.

В современной психологии существует множество различных теорий, подходы которых к изучению проблемы мотивации настолько различны, что порой их можно назвать диаметрально противоположными.

При изучении различных теорий мотивации, при определении механизма и структуры мотивационной сферы профессиональной деятельности, мы пришли к заключению, что мотивация человека является сложной системой, имеющей в своей основе как биологические, так и социальные элементы, поэтому и к изучению профессиональной мотивации человека необходимо подходить, учитывая данное обстоятельство. А тем более к её развитию, или какого-либо рода преобразованию (изменению).

Мотивация человека, с одной стороны, имеет много общего с мотивацией животных, в части удовлетворения своих биологических потребностей. Но, с другой стороны, имеется ряд специфических особенностей, присущих только человеку, что так же необходимо учитывать при изучении именно человеческой мотивационной сферы. Структура мотивационной сферы человека в процессе жизнедеятельности проходит этапы формирования и становления. Это формирование представляет собой сложный процесс, происходящий как под влиянием своей внутренней работы, так и под влиянием внешних факторов окружающей его среды. Поэтому большое внимание в своей работе я уделила и индивидуальным различиям, так как сформировавшаяся система мотивации человека оказывает большое влияние не только на его поведенческие особенности, но и, как динамическая характеристика личности, на структуру личности человека в целом. Определяет общую направленность личности, стремления человека, его жизненный путь, и, конечно же, профессиональную деятельность.

Важно также отметить значимость знаний о мотивации в управленческой деятельности руководства организации, заинтересованной в повышении производительности труда своих сотрудников, их полной отдаче на предприятии. Понимание и применение на практике системы мотивации сотрудников приведет не только к общему повышению

эффективности организации, но и к удовлетворенности работой самих сотрудников, улучшению психологического климата, общей настройке сотрудников. И как следствие, опять же, увеличение производительности самой организации. Грамотный руководитель должен четко знать, что не все сотрудники мотивированы одинаково. Поэтому он должен точно распознавать актуальные мотивы каждого из своих сотрудников.

Но наше время выдвигает все новые и новые требования. Сейчас уже мало просто знать, что движет тем или иным сотрудником при выполнении своих служебных обязанностей. Надо не только определить, но и своевременно скорректировать в нужном направлении уровень профессиональной мотивации. И в этом вопросе оказать помощь грамотному руководителю и управленцу может социально-психологические тренинги развития профессиональной мотивации. Несмотря на относительно недавнее появление тренингов в России, они являются важным компонентом для решения многих социально — психологических проблем. В том числе и проблем развития профессиональной мотивации. Тренинги стремительно развиваются, дополняются новыми мыслями и сферами применения. В настоящее время, ряд крупных компаний и организаций уже активно используют тренинги для повышения производительности и развития необходимых качеств своих сотрудников.

Да и в целом любой вид и программа социально-психологического тренинга обладает рядом достоинств:

— групповое занятие противодействует отчуждению личности участника, помогает решению межличностных проблем, преодолению непродуктивного замыкания в самом себе;

— группа представляет общество в миниатюре, делая очевидным такие скрытые факторы, как давление партнеров, социальное влияние и конформизм;

— группа дает возможность получения обратной связи и поддержки всем участникам социально-психологического тренинга;

— в ходе социально-психологического тренинга участник может скорректировать свой негативный опыт, обучиться новым умениям, сформировать поисковый, эмоционально-творческий характер будущей деятельности;

— социально-психологический тренинг направлен на формирование оптимального стиля профессиональной деятельности и раскрытие личностного потенциала каждого из его участников;

— социально-психологический тренинг выполняет функции психотерапии, так как помогает формированию механизма «психологической защиты», участие предотвращает дезорганизацию психики в экстремальных условиях реальной профессиональной деятельности.

Тренинг развития профессиональной мотивации строится в соответствии с определенными принципами, под которыми следует понимать основные положения, особенности руководства и правила реализации тренинга как метода.

С.И. Макшанов разделяет принципы тренинга на несколько групп:

- организационные принципы;
- принципы создания среды тренинга;
- принципы поведения участников;
- этические принципы.

Организационные принципы определяют особенности подготовки и проведения тренинга и включает:

а) принцип комплектования группы тренинга учитывает такие характеристики, как возраст, пол, профессиональную принадлежность, уровень должностной иерархии, а также некоторые психические свойства личности.

б) принцип физической закрытости — тренинговая группа работает в одном и том же составе от начала до конца тренинга.

в) принцип пространственно-временной организации тренинга определяет временные и пространственные характеристики группы.

Специфическая среда тренинга во многом определяет направленность и эффективность работы. Тренинговая группа является обществом в миниатюре, отражающим внешний мир в искусственно создаваемом взаимодействии. Соответственно психологическая среда тренинга должна выступать фрагментом более широкого социального окружения и соответствовать по основным показателям особенностям значимой реальности. Иначе возникает проблема переноса полученных результатов в лабораторной тренинговой среде в реальную социальную действительность. Также среда тренинга должна иметь достаточную гибкость для ее подстройки в соответствии с используемыми методическими средствами и характером решаемых задач.

Итак, социально-психологический тренинг как метод направлен на то, чтобы помочь участникам как-либо откорректировать свою профессиональную мотивацию. Но какие условия обеспечивают усвоение новой деятельности? Очевидно, что человек должен: 1) хотеть это делать; 2) знать, как это делать и 3) уметь это делать. По отношению к психологическому социально-психологическому тренингу развития профессиональной мотивации это означает решение следующих задач:

1. Задача мотивирования и формирования позитивных отношений к новой деятельности. Но что же такое отношение? Субъективное отношение существует в разных формах. Отношение может возникать лишь к значимому объекту, в эмоциональной сфере оно переживается как чувство, желание, при понимании объекта проявляется как смысл, в аспекте направленности личности — как ценность, при регуляции поведения — как установка (на неосознаваемом уровне) или как аттитюд (на осознаваемом), а при самоопределении по отношению к социальному окружению — как диспозиция. Если говорить проще, то названная задача связана с необходимостью сформировать у участников тренинга желание освоить новую деятельность увидеть в ней смысл для себя, осознать ее ценность.

2. Задача формирования системы представлений клиента. Следует обратить внимание, что речь идет именно о формировании системы представлений, а не системы понятий. Тренинг — это не урок, здесь нет задачи глубокого усвоения знаний. Важно учесть разницу между знаниями и представлениями: представления — это только такая усвоенная информация о мире, которая используется человеком для понимания мира и на основе которой он выстраивает свое поведение в мире. Представления не являются точными и строго определяемыми, но они могут оказывать на человеческую жизнь куда более сильное влияние, чем усвоенные, но не пережитые, не ставшие убеждениями знания. Порой тренеру приходится приложить немало усилий, чтобы помочь участникам группы изменить прежние и усвоить новые представления. Возвращаясь к предыдущему примеру о тренинге профессионального педагогического самосознания: учителям бывает необходимо коренным образом

пересмотреть свои представления о сущности и смысле собственной педагогической деятельности.

3. Задача формирования умений. Это наиболее часто называемая и, может быть, наиболее важная задача тренинга. Под умениями мы будем понимать способность человека управлять применением имеющихся у него представлений, отношений и навыков в соответствии с условиями конкретной ситуации. Умения могут быть трех основных типов: технологические, стратегические и диспозиционные. Если технологические умения — это способность использовать знания и навыки в определенной ситуации, стратегические — использовать имеющихся в подструктуре представлений наиболее адекватную в данной ситуации стратегию деятельности, то диспозиционные — это способность занимать определенную диспозицию по отношению к ситуации на основе имеющейся системы субъективных отношений.

Литература:

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. — М.: Наука, 1980. — 334 с.
2. Айдамазян А. М. Установки личности в процессе выбора мотивов деятельности (на материалах деловых игр): Дис. канд. психол. наук. — М., 1983. — 211 с.
3. Айламадян А. М. Выбор мотивов деятельности: теоретические аспекты проблемы и экспериментальное изучение. // Вопросы психологии, 1990, № 4, с. 14–21
4. Бакли Р., Кэйпл Дж. Теория и практика тренинга — СПб: Питер, 2002.
5. Мерлин В. С. Лекции по психологии мотивов человека. — Пермь: ПГПИ, 1971. — 119 с.
6. Методы практической социальной психологии: Диагностика. Консультирование. Тренинг. Под ред. Ю. М. Жукова. — М.: Аспект Пресс, 2004.
7. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией / Под ред. Е. А. Климова. — М.: Юнити-Дана, 2004. С — 399.
8. Стаут С. Управленческий тренинг — СПб.: Питер, 2002.

Изучение мотивации профессиональной деятельности у менеджеров торговой сферы

Чернецова Анна Михайловна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматриваются особенности и факторы, влияющие на мотивацию персонала торговой сферы.

Ключевые слова: *мотивация персонала, удовлетворенность трудом, мотивационный профиль личности, содержание работы, гигиенические факторы, саморазвитие, мотивация достижения успехов и избегание неудачи, уровень притязаний.*

Профессиональная мотивация персонала — важный фактор, влияющий на деятельность компании. Работники могут активно способствовать росту эффективности организации, а могут ее тормозить, вступая в противоборство с нововведениями и порядками. Только заинтересованный в своей работе и удовлетворенный ею человек может по-настоящему приносить пользу организации.

В связи с этим представляется актуальной оценка профессиональной мотивации персонала и анализ составля-

ющих ее компонентов. В данной статье приводится отчет о проведенном констатирующем эксперименте по исследованию мотивации сотрудников коммерческой службы дистрибьюторской компании.

Эксперимент проводился в октябре-ноябре 2013 года и включал психодиагностическое тестирование персонала компании (менеджеров торговой сферы) в двух городах — Рязани и Туле. В эксперименте приняли участие 42 человека в возрасте от 20 до 35 лет, среди них

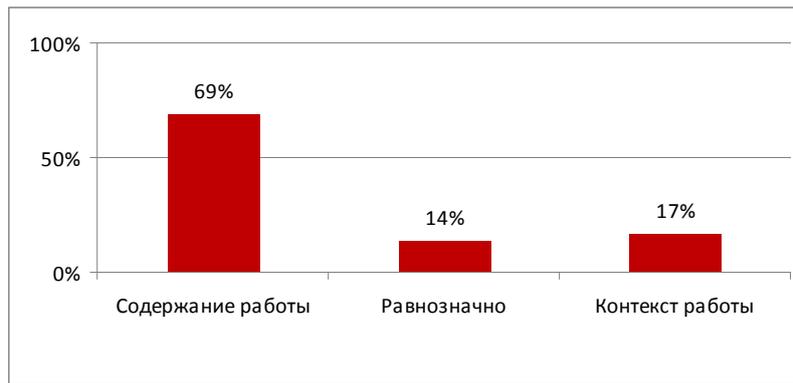

Рис. 1. Иерархия мотивирующих факторов персонала

15 мужчин и 27 женщин. Все испытуемые имеют высшее образование.

Для проведения констатирующего эксперимента использовались следующие методики: «Двухфакторный профиль» Ф. Герцберга [3]; методика изучения мотивационного профиля личности, предложенная Ш. Ричи и П. Мартином [2]; анкета для изучения удовлетворенности работников своим трудом; опросник изучения мотивации успеха и боязни неудачи А. А. Реана [5]; методика самооценки уровня притязаний Шварцландера [2]; методика диагностики реализации потребностей в саморазвитии [2].

Методика «Двухфакторный профиль» позволяет выявить, какие факторы у сотрудников являются ведущими: мотивирующие или гигиенические. К мотивирующим факторам (содержание работы) Ф. Герцберг относит такие, как признание успехов, возможность прогресса на работе, ответственность. А к гигиеническим (контекст работы) — условия труда, уровень зарплаты, безопасность, отношения с коллегами [3]. На рисунке 1 показана иерархия мотивирующих факторов персонала.

Результаты исследования показали, что фактор «содержание работы» доминирует у 69% сотрудников, у 17% — доминирует контекст, а в 14% случаев значение этих факторов для работника оказалось равнозначным. Таким образом, в целом у персонала можно констатировать преобладание в профессиональной мотивации содержательных факторов над гигиеническими.

Более подробную картину структуры профессиональной мотивации персонала можно увидеть на рисунке 2. На нем изображен мотивационный профиль сотрудников организации, полученный с помощью методики Ш. Ричи и П. Мартина. На первое место среди двенадцати выделенных Ричи и Мартином факторов сотрудники компании помещают оплату труда (процентный вес этого фактора 9,8%), на втором месте располагается структурирование работы (9,3%), третье место делят между собой такие факторы как признание и самосовершенствование (9,1%), на четвертом месте — достижение (8,9%), на пятом — интересная работа (8,8%). Последнее место занимает власть и влияние (6,6%). Интересно также, что условия работы, разнообразие и креативность

также располагаются в конце списка (7,8%, 7,4% и 7,2% соответственно).

Степень удовлетворенности трудом отражает рисунок 3. На этой гистограмме видно, что процент сотрудников, удовлетворенных своей работой в компании, большой: 40% сотрудников скорее удовлетворены трудом, чем нет; 39% сотрудников удовлетворены полностью, 5% — скорее неудовлетворены и 2% полностью не удовлетворены своей работой.

Среди факторов, из которых складывается удовлетворенность трудом, менеджеры, полностью удовлетворенные своей работой, назвали такие (факторы перечислены в порядке убывания): отношение с руководством (86%) и коллегами (81%), объективность оценки работы руководством (60%), степень обеспеченности всем необходимым для работы (50%), санитарно-гигиенические условия труда (48%), организация труда (38%). Для тех сотрудников, кто оказался совершенно неудовлетворен работой, наиболее актуальными оказались такие факторы, как решение социальных вопросов (10%), перспективы роста (7%), системы премирования и отношение администрации к вопросам работников (2%). Подробную иерархию факторов, влияющих на удовлетворенность трудом, иллюстрирует рисунок 4.

На рисунке 5 показаны результаты, полученные в ходе выполнения теста «Реализации потребностей в саморазвитии». Из рисунка 5 следует, что большая часть менеджеров компании активно реализует свои потребности в саморазвитии (67%), у 2% сотрудников — саморазвитие остановилось, у 31% отсутствует сложившаяся система саморазвития. На наш взгляд, эта группа испытуемых представляет особый интерес в плане оказания психологической помощи и сопровождения профессионального развития.

На рисунке 6 видно, что в целом большинство сотрудников мотивированы на достижения успеха (67% выборки), мотив избегания неудачи не был выявлен ни у одного испытуемого, у 33% испытуемых мотивационный полюс ярко не выражен.

Особенности уровня притязаний в исследуемой выборке отражает рисунок 7, из которого следует, что у большинства сотрудников уровень притязаний умеренный (48%), у 24% испытуемых диагностирован низкий уро-

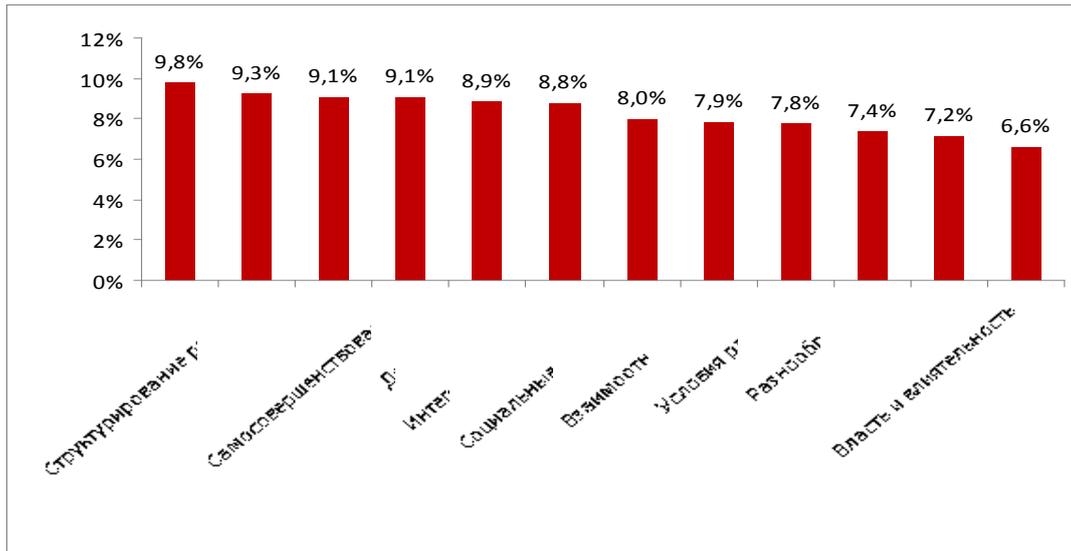

Рис. 2. Мотивационный профиль сотрудников

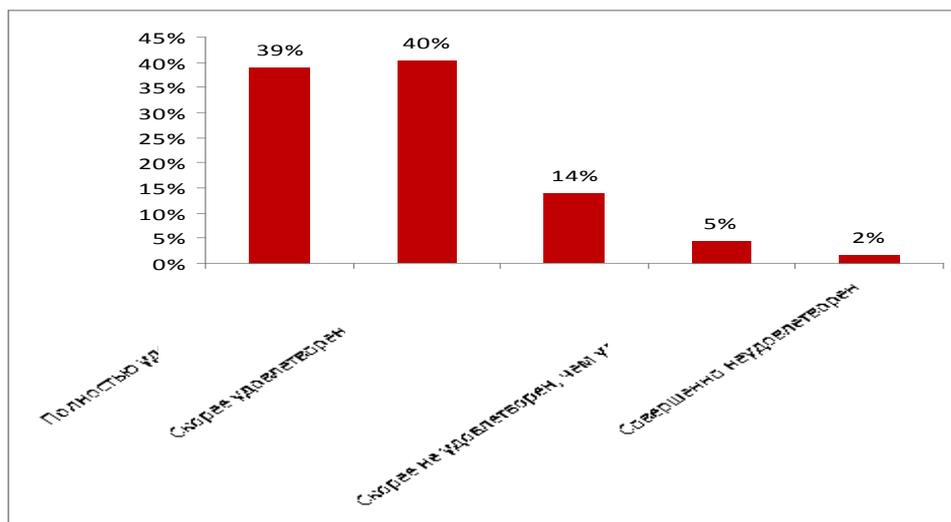

Рис. 3. Удовлетворенность сотрудников своим трудом

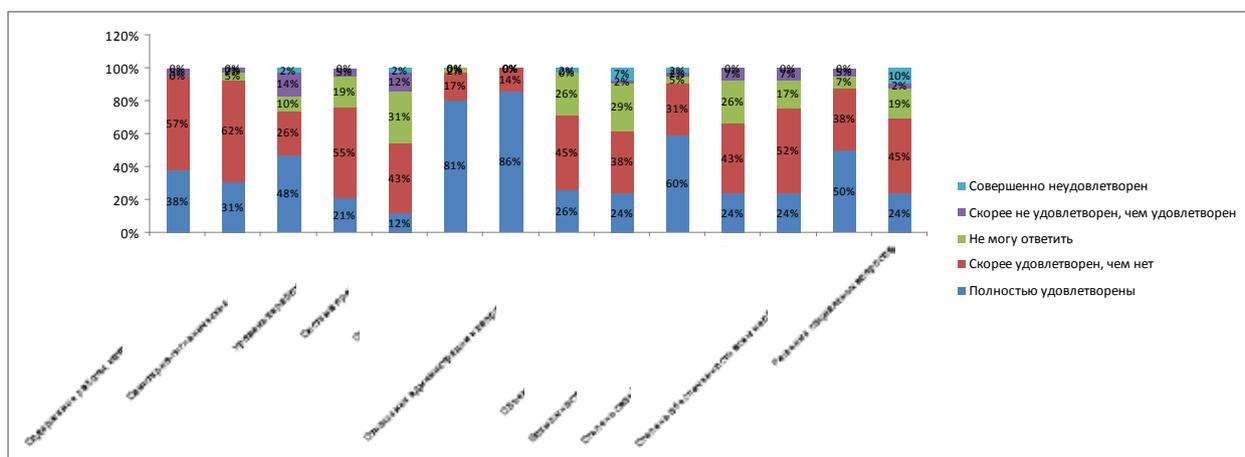

Рис. 4. Иерархия факторов, влияющих на удовлетворенность своим трудом сотрудников

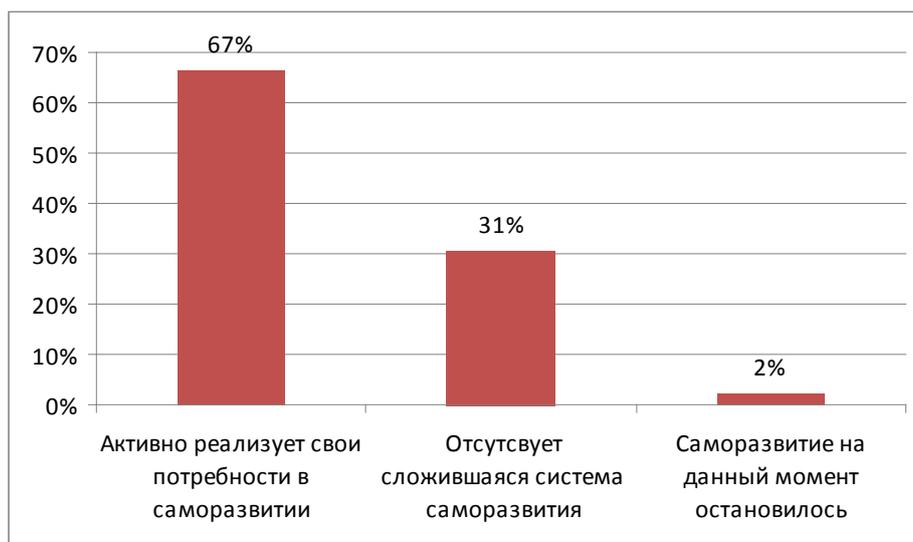

Рис. 5. Реализация потребности в саморазвитии у сотрудников

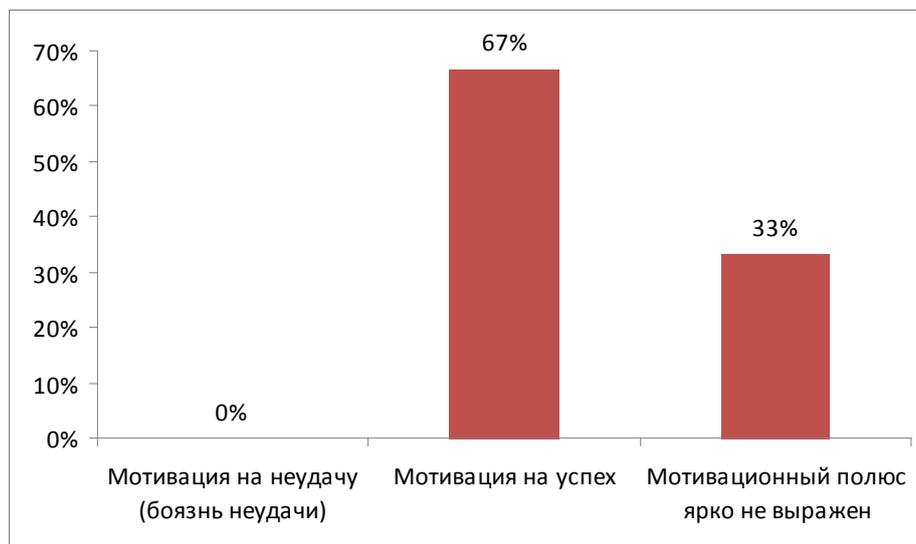

Рис. 6. Показатели уровня мотивации достижения успеха и избегания неудачи у сотрудников

вень притязаний, у 14 % — нереалистично низкий, а у 7 % нереалистично высокий и высокий.

Для того, чтобы выявить возможную связь между диагностированными показателями результаты констатирующего эксперимента были подвергнуты статистическому анализу по Спирмену (полученные коэффициенты корреляции помещены в таблицу 1), в результате которого была обнаружена статистически значимая связь между уровнем потребности в саморазвитии менеджеров и их мотивацией достижения успеха.

Выводы

Итак, профессиональная мотивация персонала — это процесс побуждения к труду. Любой руководитель заинтересован в повышении эффективности деятельности

своих сотрудников, а значит, в обеспечении условий для работы. Результаты констатирующего эксперимента свидетельствуют о том, что у менеджеров торговой сферы исследуемой компании ярко выражены потребности в ответственной, престижной работе, возможности прогресса и профессионального роста, а также признания их достижений. У испытуемых присутствует интерес к труду, они удовлетворены своими достижениями в работе, их устраивают взаимоотношения с коллегами и руководством, то, как руководство оценивает результаты их труда, организует условия труда и их труд. Однако небольшая часть сотрудников не удовлетворена системой планирования и премирования в компании, перспективой роста и решением социальных проблем. Большинство сотрудников мотивированы на достижение успеха и реализуют свои потребности в саморазвитии,

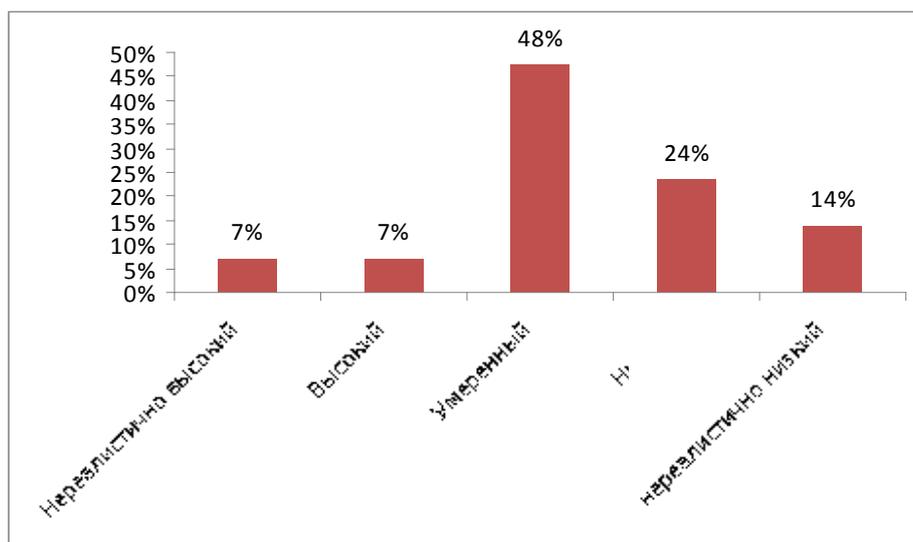

Рис. 7. Показатели уровня притязаний у сотрудников

Таблица 1. Значения коэффициентов корреляции по Спирмену

Критические значения для n=42 0,3 для уровня значимости 0,05 и 0,39 для уровня значимости 0,01	МДУ	УП	ПС	УР
МДУ		-0.041	0.314	-0.016
УП	-0.041		0.069	0.026
ПС	0.314	0.069		0.12
УР	-0.016	0.026	0.12	

Условные обозначения, принятые в таблице:

МДУ — уровень мотивации достижения успеха и избегания неудачи;

УП — уровень притязаний;

ПС — уровень потребности в саморазвитии;

УР — уровень удовлетворенности работой.

0.314 — корреляция статистически значима

мотив избегания неудачи у менеджеров компании отсутствует. У многих сотрудников высокий и умеренный уровень притязаний, в то время как низкий присутствует только у четвертой части менеджеров, принявших участие в эксперименте.

Отметим также, что в данной компании отношения в коллективе и отношения с руководством для большин-

ства сотрудников оказались значимее высокого заработка, в то время как в мотивационном профиле компании заработная плата занимает доминирующую позицию. На наш взгляд, в этом месте может находиться предпосылка для возникновения напряжения, внутреннего конфликта: теплые отношения с начальством могут вступить в противоречие с потребностью в высоком заработке.

Литература:

1. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы [Текст] / В.А. Бодров. — М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2006.
2. Бурлачук Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике [Текст] / С. М. Морозов. — СПб., 2000. — 528 с.
3. Бутенко Т. Современные методы диагностики трудовой мотивации / Т. Бутенко, Т. Саблина [Электронный ресурс] // Справочник по управлению персоналом 2010, № 4. <http://www.pro-personal.ru/journal/218/5565/>
4. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие [Текст] /. — Самара, 2001. — 672 с.
5. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности [Текст] / А.А. Реан. — СПб., 2001. — 224 с.
6. Степанский В.И. Влияние мотивации достижения успеха и избегания неудачи на регуляцию деятельности [Текст] / В.И. Степанский // Вопросы психологии. — 1981. — № 6. — С. 59–75.

ФИЛОЛОГИЯ

Review on Transliteration as a Medium for the Diffusion of Chinese Culture

Chen Qiang, магистр филологических наук, доцент
Чанчуньский университет (КНР)

Chen Qiang, master of language, associate professor
Changchun University (China, Changchun)

1 Introduction

With the unveiling of the mascots of the 2008 Beijing Olympics, «Fuwa», containing Chinese characteristics, reveals completely the diversity of Chinese traditional culture. However, the heated debate about naming question meets no end from then on. Besides, due to the misgiving about the negative effects brought by «dragon», the most likely candidate — «龙» (Loong) failed to be chosen. For that, the issue about transliteration of Chinese and how to introduce Chinese culture to the outside world was brought up again.

In the 20th century, Chinese translators majored in English-Chinese translation; but Chinese-English translation was seldom done. So the translating experience as well as translating theories could not be integrated. How to translate Chinese culturally-loaded words into English by Chinese native speakers will be an important issue of Chinese translation.

However, a lot of problems will be raised during the process: In what situation is transliteration called upon? For what reasons is it made possible? Should all cultural words be transliterated? How to standardize it with proper methods and principles?

The operation of transliteration is particularly a tough task. If it is properly handled, transliteration will be more possible, and the diffusion of Chinese culture along with the global cultures will be improved.

2 The Necessity and Feasibility of Transliteration

2.1 The Necessity of Transliteration

2.1.1 The Urgent Requirement of the Development of Our Age

Everything in the world is under the criteria of developing. We should look at language, culture, translation with an eye on the course of development. With the increasing exchange and communication between different countries, economic globalization and even cultural globalization become pos-

sible and inevitable. If China seeks to play a more important part in the international stage and make more contributions to the mankind, she ought to increase the exchange with other countries.

With the development of society and people's ability to understand alien culture, we need more vocabulary to correctly express new things and concepts, and also need more proper translations to introduce traditional items. For example, when we found «dragon» is improper for «龙», a new transliteration «Loong» was put forward.

2.1.2 Cultural Margins and Lexical Gaps Caused by Cultural Discrepancy

«Frequently, where there is cultural focus, there is a translation problem due to the cultural 'gap' or 'distance' between the source and target language.» [5, p.94] The sharp disparity of politics, economy, religion and belief, value, cultural tradition and customs etc. between Chinese nations and native English-speaking western nations when reflected in language, will arise gaps of lexical expression.

(1) Lexical gaps: The result of analyzing the semantic fields between Chinese and English shows that 'lexical gaps' will happen in different lexical levels. Difference of living experience, difference of life value and difference of language and culture will usually be the three reasons for «lexical gaps» [9, p.51].

The lexical gap means cultural information carried by SL words cannot find their equivalence or counterparts in the TL (target language).

(2) Confliction of cultural connotation. The so-called confliction of cultural connotation actually has two aspects: different with each other and contrary to each other. Cultural connotation refers to the meaning attached to the words' conceptual meaning, including: associative meaning, intensive meaning, emotional meaning and social meaning etc.

For the disparities of social system, natural environment, religion belief, folk customs, thinking and expression habits within every country and each nation, the lexical meaning must bear cultural brands and cultural connotations.

2.1.3 Under-translation and Over-translation & Misunderstanding and Wrongly Translating

«Since corresponding SL and TL words do not usually have precisely the same semantic rang (though many do in cognate languages), you may over- or under-translating most of the time, usually the latter.» [5, p.34] So-called over-translation means that the semantic and cultural connotation in SL is smaller than that in TL. As for under-translation, it is a phenomenon that the semantic and cultural connotation in SL is bigger than that in TL. In Chinese-English translation, under-translation is a common case.

If connotations of words, varying from culture to culture, are ignored, serious misunderstanding and wrongly translation may occur in cross-cultural communication and translation. China has some geographical, historical and other cultural features that do not exist in western culture. Thus many Chinese words either as for the conceptual meaning or the associative meaning cannot find translation equivalents in English. Some translations sometimes even mislead the receivers.

2.2 The Feasibility of Transliteration

2.2.1 Particular Pragmatic Functions and Advantages of Transliteration

(1) Particular Pragmatic Functions: «Pragmatics is concerned with the way language is used to communicate rather than with the way language is structured.» [13, p.20] The following is a pragmatic analysis of the transliteration of the Chinese culturally-bounded words by the native speakers:

(a) Preserving the semantic characteristics of Chinese culture.

(b) Show freshness to Chinese culture.

(c) Attract readers' attention.

(2) Advantages: Though always avoided by most translators, transliteration has its own advantages over other translating methods.

(a) Concise word-formation and unique expression.

(b) This special ideographic form, on one hand, would arise little attached meaning or transferred meaning; on the other hand, could properly preserve and transfer the concepts and cultural connotation of the original without leaving ambiguity to the TL readers.

(c) «English in its development has managed to widen her vocabulary by borrowing words from other languages. Greek, Latin, French, Spanish, Arabic and other languages have all played an active role in this process.» [13, p.101] As an effective channel of importing words, transliteration hold a lower elimination.

(d) Just as the transliteration of many foreign languages enriches Chinese vocabulary, transliteration in English of peculiar Chinese items will certainly enrich English vocabulary.

2.2.2 Theoretical Bases for Transliteration

(1) Borrowing is a concept of linguistics. In the lexical level, borrowing is one of the important parts of the creating process.

Newmark called it «transference» as a translation procedure for transferring a SL word to a TL through «the con-

version of different alphabets» [5, P.81–82]. The transferred word was also named «loan word». The advantages or functions of cultural words, especially when transferred (or borrowed, or transliterated), were listed out by Newmark such as: to sent «local color», to attract the readers' attention, to give a sense of «intimacy» between the SL and the readership for sometimes «the sound or the evoked image» of the original appears attractive.

(2) From the point of literal and liberal translation, transliteration certainly belongs to literal one, while in the view of dissimilation and assimilation (foreignization), transliteration is to the former one. Transliteration is an alienative translation on the pronunciation of SL, so that it will always carry a strong foreign flavor.

(3) The concept of «zero translation» put forward by Prof. Qiu Maoru, was introduced to overcome the «unbridgeable differences» between languages, and to safeguard «the general validity of translatability» [17, p.65].

And the «zero translation» is the very means to translate the words of SL without using the existing ones in the TL. It contains two meanings: (a) Do not translate the original words on purpose, (b) Do not use existing TL words to translate the original ones. The second category is to reflect transliteration and transference. Prof. Qiu pointed out that to a deep point, the transliterating or transferring words contain all of the meanings of the SL, and will be most precise translation.

(4) Transliteration is a kind of China English but not Chinglish. In daily communication and writing with English, directly copying of Chinese syntax and lexicon is a common phenomenon. The westerners call this deformed English as «Chinglish» which is out of the formal English standard. However, «China English» as a Standard English, expresses Chinese unique items, contains Chinese characteristics, and its conformational and usage range is far more rich than Chinglish [14, p.300].

3 The Operation of Transliteration

3.1 The Definition of Transliteration's Range

In the colorful Chinese culture, how to express those peculiar Chinese definitions, particularly peculiar Chinese nouns that as the transliterating form exported into English is an important issue.

(1) Proper Names: proper name is a kind of noun including the names of persons, places, nations, institutions, organizations, conferences, presses, works, trademarks, companies, titles for government officials etc. e.g. Mao Tse-Dong (Mao Zedong, 毛泽东), Guangming Daily (《光明日报》).

(2) Unique Chinese Items: Some nouns, based on Chinese history, geography, politics, religion and other cultural features, no matter translated literarily or liberally, usually cannot display their points to the native English speakers who have little knowledge about Chinese culture. Thus many Chinese words referring to these culture-specific features

convey conceptual meaning and (or) associative meaning that does not exist in English culture.

(a) Unique Chinese abstract ideas: Yue Feng mentioned in his thesis (*A Tentative Cultural Research on Transliteration as a Medium for Chinese Traditional Culture*) that «Chinese traditional culture come down in one continuous line». The practical (applicant) range of transliteration is radiated from yin and yang (yin and *yang* represent two opposite but non-antagonistic and mutually transformable sides in human society nature.) as well as from *wuxing* (the five elements: metal, wood, water, fire and earth). They are including terms that «absence in nature» in the western culture, such as: traditional Chinese medical science, traditional Chinese medicine, massage, *wushu* (martial arts), *qigong* (气功), *tian-gang* (天干) and *dizhi* (地支), solar terms of Chinese lunar calendar, early philosophy, folk music and *xiqu* (戏曲) etc.

However, ecology, literature, arts, religion, language, customs, politics should not be ignored when Chinese peculiar items were concerned.

(b) Peculiar national objects: Peculiar national objects may include the material cultural and social cultural things that Chinese people use in daily life. Here list some examples:

Foods: wonton (馄饨) etc.

Clothes and dressing: *qipao* (mandarin gown, 旗袍) etc

Houses: *siheyuan* (四合院)

Daily necessities: *pingfeng* (Chinese folding screens, 屏风)

(c) Newly sprout things: Newly sprout things are always called as neologisms that are newly coined lexical units or existing lexical units that acquire a new sense.

Nowadays, the main new coinages are brand or trade names, and these are usually transferred unless the product is marked in the TL culture under another name; or the proper name may be replaced by a functional or generic term, if the trade name has no cultural or identifying significance.

3.2 Different Categories of Transliteration

Different kinds of transliteration should be used with different purposes.

(1) Pure transliteration: This is a method of transliteration uttered or spelt out according to its original pronunciation. Neither the meaning of the original word nor the meaning of the target word is taken into consideration. This method gives priority to conciseness.

(2) Transliteration plus annotation: This method always adds notes to a transliterating word, either with sentence or word or phrase. Annotation actually is the literary translation of that word. The form of annotation may be a foot note or an endnote, or may be explanatory words in brackets or directly following. E.g. Mountain *Lianhuashan* (Lotus-Flower Mountain).

(3) Transliteration following with category word or modifier: We can also classify this method as a part of transliteration plus annotation, because in certain extent category word implies the semantic meaning of the original word. Category word, usually a generic word or an explanatory word, is

used to denote which class or group that transliterated word belongs to. This kind of transliteration can not only retain the styles and features of the original words, but also render a certain semantic meaning of them.

(4) Semantic transliteration and semantic half-transliteration: Semantic transliteration, based on transliteration, takes the meanings of the TL words into account and their meanings reflect the original meanings to a certain degree. Semantic half-transliteration means the transliterated word keeps the similar sound to the meaning of the TL words. This method is very much to the former one. The former changes the sounds or syllables of the original a lot, while for this method the sounds are largely the same. The advantage of these two transliterations is to evoke TL receivers' association with the meaning without a long explaining.

3.3 Some Principles for Standardizing Transliteration

Chinese is a member of the Sino-Tibetan family, while English belongs to the Indo-European family. Besides, different phonetic systems used by Chinese in different parts of China can lead to the contradiction of orthographical system.

How to deal with this situation, here list some principles to standardize transliteration.

(1) Unity principle

The Chinese phonetic (*pinyin*) system and the Wade phonetic system are two major orthographic systems to transliterate Chinese characters.

Here I try to list some principles for further standardizing transliteration: (a) Adopt Chinese phonetic system instead of Wade phonetic system. (b) Use the pronunciation of Putonghua instead of dialects. (c) according to Modern Chinese: the syllables of one word should be written together, different words should be written apart; the first letter of nouns and phrases should be capitalized; the first letter or every letter of a title should be capitalized; the tonic marks could be omitted.

(2) Effectiveness principle

The communicative value of the SL should be given priority in translation practice. How to make transliteration readable and acceptable, in other words, to guarantee the effectiveness of this transmission, here requires some principles: (a) follow the target language standards and cultural habits; (b) be faithful to the original, avoid using words with false associative meaning. (c) give consideration to aesthetic feeling and acceptable ability of the TL readers.

(3) Convention

We need to follow this principle of convention: old translation that had been approved and accepted should continue to be used, while the new translations according to current standards are unnecessary. This basically includes the national name of China, people-names, place-names in the regions of Hong Kong, Macaw, Taiwan where Chinese phonetic system is not carried out, and some internationally approved proper names.

(4) Natural selection

In general, new words including transliterating ones, should always cross a transition period from birth to the day been accepted by the mass. This phenomenon was summed

up to «self-clean-up» (自洁作用) [15, p.104]. Language has a great vitality and an awareness of self-protection, therefore it could adjust itself automatically. The principle, naming «natural selection and survival of the fittest» in the biosphere circle, also suits for translation (including transliteration) in communication.

4 Interplay between Chinese Culture and Transliteration

4.1 The Impact of Transliteration upon Chinese Culture

The improvement of transliteration rightly answers the call of fulfilling the «cultural margins». Transliteration has nationality. It directly translates and introduces all the treasures of ancient Chinese culture as well as the newly inventions of modern China. Transliterating words are the accommodation of cultural information with national specifics, the representation of our nation's special psychological experience and thinking way, and the carrier of our colorful connotation.

As an exportation of Chinese humanism, history and politics to foreign countries, transliteration could enhance our national evidence and pride. To be distinguished from its normal use in transferring meanings and conveying messages, transliteration is not merely a transmitter of different cultures, but also of the truth — a force for progress.

Comparing with the west, Chinese culture is still at a lower position not because of the internal power of itself but of the social, historical situation it embedded in.

In a word, transliteration, on one hand enriches the expression of Chinese and English and opens the traditional and modern Chinese culture to the world; on the other hand improves the diffusion of both languages, enriches the connotation of both cultures, broads something in common, enhances their bilingual translatability and then promotes the unity of cultures.

4.2 The Impact of Chinese Culture upon Transliteration

Since culture changes more quickly than language, language will inevitably undertake new changes under the influ-

ence of cultural changing. As an indispensable medium for human communication, every language is a part of culture. China, with an old civilization, has more than five-thousand-year's splendid culture which is universally acknowledged as the oldest continuous culture in the world.

The time-honored and colorful Chinese culture attracts more and more foreigners to get to know china, which makes transliteration even more possible. The influence of culture, to a great extent, depends on the degree of material civilization. However, Chinese culture goes back to the ancient time, and has a strong vitality, so that a great impact of it on the western culture is inevitable.

Transliteration is a reflection of the unity of the Chinese culture with the world cultures. Meanwhile, the unity of cultures would improve the language diffusion between the east and the west, and then make transliteration more acceptable.

5 Conclusion

It is generally believed that transliteration could be used only when other alternatives at the translator's disposal have been exhausted due to the lack of lexical equivalence in the target language, and that it is an unexpected choice. However, through analyzing the situation, operation of the transliteration and its interaction with Chinese culture, we can see that transliteration, as an outcome of intercultural exchange, is not only the necessary tool to overcome the language barriers and bridge the cultural, lexical margins, but also an effective method to perfect the interlingua translation for its particular advantages and pragmatic functions. Either «borrowing» in linguistics or «zero translation», many translating theories provide evidence for the feasibility of transliteration.

The given criteria in this paper try to make transliteration more accurate and scientific, but they are inevitably a one-sided approach in translating practice. The coming research should take great attention to the operation of transliteration for it is the essence of all problems.

References:

1. Bassnett-Mcguire, Susan. 1980. *Translation Studies*. London: Methuen.
2. Cartford, J.C. 1965. *A Linguistic Theory of Translation*. Oxford: Oxford University Press.
3. Edward W. Said. 1978. *Orientalism*. London and Henley: Routledge & Kegan Paul.
4. Jakobson, R. 1967. «On Linguistic Aspects of Translation», in *On Translation*, ed. R. A. Brower. Cambridge, Mass.: Harvard University Press
5. Newmark, Peter. 2001. *A Textbook of Translation*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
6. Nida, E.A. 1993. *Language, Culture, and Translation*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
7. Schleiermacher, F.D. 1977. «On the Different Methods of Translating», in *Translating Literature: The German Tradition from Luther to Rosenzweig*, ed.&trans. André Lefebvre 1977. Assen & Amsterdam: Van Gorcum.
8. 包惠南, 文化语境与语言翻译, 北京: 中国对外翻译出版公司, 2003.
9. 郭著章、李庆生, 英汉互译实用教程, 武汉: 武汉大学出版社, 2005年.
10. 成昭伟, 简明翻译教程 (英文版), 北京: 国际工业出版社, 2006.
11. 邓炎昌、刘润清, 语言与文化, 北京: 外语教学与研究出版社, 1997.
12. 何三宁、唐国跃、范勇, 实用英汉翻译教程, 南京: 东南大学出版社, 2006.

13. 胡壮麟, 语言学教程, 北京: 北京大学出版社, 2001.
14. 金惠康, 跨文化交际翻译, 北京: 中国对外翻译出版公司, 2003.
15. 刘宓庆, 当代翻译理论, 北京: 中国对外翻译出版公司, 1999.
16. 秦秀白, 文体学概论, 长沙: 湖南教育出版社, 1991.
17. 邱懋如, 可译性及零翻译 [J]. 北京: 中国翻译, 2001 (1), 65页.

Особенности драматической техники в пьесе «Юлий Цезарь» Шекспира

Борискина Ксения Владимировна, научный сотрудник
Классический приватный университет (г. Запорожье, Украина)

В статье предлагается анализ пьесы «Юлий Цезарь» Шекспира с точки зрения драматического мастерства. В комплексной системе драматургических приемов, направленных на максимально полную реализацию авторского замысла, предлагается выделять следующие группы: визуальные (реквизит и оформление сцены), аудиальные (музыка, звуки, реплики в сторону, шепот), вербально-когнитивные (риторические приемы, анахронизмы, тропы) и сакрально-провиденциальные (ритуалы, сны, знамения).

Ключевые слова: Шекспир, Юлий Цезарь, драматургия, пьеса, литература, прием.

Одной из причин того, что пьеса «Юлий Цезарь» английского драматурга У. Шекспира уже на протяжении более четырех веков не сходит с театральных подмостков и является обязательным элементом школьных программ стран Запада, состоит в том, что вся структура произведения ориентирована на максимально полное раскрытие центральной проблемы. Поэтому целью этой статьи является выявление механизмов структурирования технологии драмы, в основу которой положена острая политическая коллизия.

Поэтика пьесы неоднократно попадала в фокус внимания литературоведов. В частности, обстоятельные исследования представлены на страницах трудов М. МакКаллума [6], Р. Миолы [7], К. Кан [5]. Впрочем, ни по образный анализ [8], ни анализ отдельных аспектов проблематики [4; 2; 1], ни анализ пьесы с точки зрения риторики [3; 9] не дает общего представления о приемах, благодаря применению которых потенциал произведения обретает все более полное раскрытие. Отсутствие комплексного обзора механизмов взаимодействия композиции литературного произведения с ее направленностью на театральную визуализацию обуславливают актуальность данного исследования.

Великий Бард применяет в произведении продуманную до мелочей систему приемов, входящих в арсенал неповторимой и по сей день непревзойденной драматической техники. Предлагается классифицировать эти приемы на следующие типы: визуальные, аудиальные, вербально-когнитивные и сакрально-провиденциальные. Детальный анализ их совокупности с применением популярной методологии «close reading» призван раскрыть нюансы проблематики пьесы, заложенное в ней идейно-философское значение.

Визуальное воздействие на зрителей спектакля производит, прежде всего, игра актеров, а также декорации

и предметы, которые находятся на сцене. Среди этих предметов — статуи, с которых трибуны Марулл и Флавий срывают украшения, и ораторская трибуна, с которой Брут и Антоний поочередно произносят свои речи перед толпой римских граждан. Сюда же относятся и разного рода документы: поддельные письма, которые по приказу Кассия подбрасывают Бруту, чтобы настроить его на убийство римского диктатора; завещание Цезаря, которое Антоний демонстрирует толпе плебеев; проскрипционные списки, в которых члены триумvirата (Антоний, Октавий и Лепид) отмечают своих врагов и даже родственников, вынося им смертный приговор. Особую роль среди визуальных элементов пьес У. Шекспира играет оружие. В «Юлии Цезаре» это кинжалы, которыми заговорщики наносят смертельные раны диктатору. Тело мертвого Цезаря также становится впечатляющим визуальным приемом. Оно остается на подмостках течение двух довольно длительных сцен, будучи убедительным вещественным доказательством жестокого преступления.

Аудиальный ряд представлен фанфарами и трубами (I.ii), громом и молниями (I.iii), криками толпы (III.ii), криками во сне (II.ii.2, IV.iii.303), музыкальными инструментами, в частности, барабанами (IV.ii, V.ii, V.iii) и лютей (IV.iii), а также боевыми сигналами (V.ii, V.iii, V.iv, V.v). Все они являются средствами создания соответствующей атмосферы древнего Рима, убыстряют темп действия.

Среди аудиальных приемов стоит отдельно рассмотреть чисто театральные средства, такие как реплики в сторону и шепот. Первые дают зрителю почувствовать сопричастность к тому, что происходит на сцене. К примеру, Порция пытается при муже сохранить стойкость духа, а в сторону бросает полные беспокойства реплики. Слова, произносимые шепотом, позволяют создать атмосферу приватности, таинственности. Так Брут шепотом поочередно обращается к слугам с просьбой убить его.

Наибольшее разнообразие представляют вербально-когнитивные приемы. Пьесу «Юлий Цезарь» нередко считают самым политически насыщенным произведением Шекспира, а политика, как известно, активно использует многочисленные ораторские стратегии. Именно арсенал словесных приемов монологов и диалогов, заслуживает особого внимания. Образцом ораторского соревнования являются публичные выступления Брута и Антония перед римскими гражданами. Речь Брута построена в прозе. Характерно, что прозой у Шекспира общаются в основном простолюдины и шуты. Возможно, переход на прозу обусловлен стремлением героя быть ближе к простому народу.

Несмотря на показную простоту, монолог включает в себя достаточно большое количество стилистических приемов, среди которых ведущее место занимают симплока, анафора и параллелизм. Примером симплоки является следующее высказывание: «Romans, countrymen, and lovers! Hear me for my cause, and be silent that you may hear. Believe me for mine honor, and have respect to mine honor that you may believe» (III.ii.13–16). Анафора представлена в реплике Брута: «As Caesar loved me, I weep for him. As he was fortunate, I rejoice at it. As he was valiant, I honor him. But, as he was ambitious, I slew him» (III.ii.24–27). Одним из ключевых ораторских приемов в речи Брута является параллелизм, например: «There is tears for his love, joy for his fortune, honor for his valor, and death for his ambition» (III.ii.27–29). Следует отдельно отметить и анафорический повтор, который сочетается в выступлении Брута с еще одной стилистической фигурой — риторическим вопросом: «If any, speak — for him have I offended. Who is here so rude that would not be a Roman? If any, speak — for him have I offended. Who is here so vile that will not love his country? If any, speak — for him have I offended» (III.ii.29–34).

В свою очередь, кульминационной точкой речи Антония становится фраза:

But Brutus says he was ambitious,

And Brutus is an honorable man. (III.ii.87–88, 95–96, 100–101)

Она звучит из уст героя несколько раз в таком контексте, что эпитет «honorable», в конце концов, окрашивается негативными коннотациями. Вследствие удачного применения этой фразы наряду с аргументами, нацеленными на прагматический эффект, Антонию удается настроить толпу против тех же «достойных» заговорщиков.

Еще одним интересным элементом речи Антония является метафора, которая касается его слушателей:

You are not wood, you are not stones, but men.

And, being men, bearing the will of Caesar,

It will inflame you, it will make you mad. (III.ii.144–146)

Сравнение простых людей с бездушными камнями звучит из уст трибуна Маруллы (противника цезаризма) еще в начале пьесы: «You blocks, you stones, you worse than senseless things» (I.i.38). Поэтому очевидна принципиальная разница в отношении к плебсу сторонников разных политических взглядов. Если республиканцы не

осознают потребности и роли народа в жизни государства, то верный соратник Цезаря — Антоний благодаря удачному манипулированию массами одерживает победу.

Другим вербально-когнитивным приемом техники У. Шекспира является подчеркнутая ориентация на публику. Каска, описывая «коронацию» Цезаря, сравнивает римскую толпу с театральной публикой времен шекспировской Англии: «If the tag-rag people did not clap him and hiss him, according as he pleased and displeased them, as they use to do the players in the theatre, I am no true man» (I.ii.257–261).

Следующим средством в системе вербально-когнитивных приемов является использование анахронизмов. Они являются своеобразным виртуальным мостом, цепью, связывающей римскую действительность с ренессансной. Например, в тексте есть множество реалий елизаветинской Британии (воловий ремень (I.i.29), дымоходы (I.i.43), колпаки (I.ii), камзол (I.ii), ночная рубашка (II.ii), шляпы (II.i.73), которых, естественно, не могло быть во времена Цезаря. Характерно, что в XVIII в. редакторы произведений Шекспира исправляли подобные «ошибки» при подготовке переизданий произведений [4, с. 57].

Интересно, что в тексте пьесы звучит бой часов («The clock hath stricken three» (II.i.200)). Именно эту ремарку традиционно считают одним из самых известных анахронизмов в творчестве У. Шекспира. Если для елизаветинской публики часы были довольно распространенным предметом быта, то во времена Римской империи механических часов не существовало вовсе. Встречались водяные часы (и только в единичных экземплярах), а часы с боем были изобретены в Средние века.

Анималистические метафоры являются очень удачным вербальным приемом для достижения сценической цели. К примеру, сам Цезарь позиционирует себя как льва, то есть правителя (II.iii.44–48). Намекая на авторитарность Цезаря, Кассий сравнивает его с птицей, взлетающей выше других (I.i.75–78). В следующей сцене Цезарь ассоциируется уже со львом, который получает власть над смиренными овцами и оленями, покорными и беззащитными (I.iii.103–106). В отличие от Кассия, Брут представляет себя Цезаря в несколько ином свете. Он убеждает себя, что Цезарь представляет гипотетическую угрозу для римского общества, как «змеиное яйцо», из которого появится ядовитая змея (II.i.30–34). Антоний сравнивает Лепида с ослом, которого они с Октавием планируют использовать для выполнения грязной работы (IV.i.19–27). В тексте произведения анималистическая палитра содержит даже упоминания насекомых, в частности, пчел (V.i.33–34).

Ключевыми концептами метафоры пьесы являются «кровь», «смерть», «огонь», «война/раздор». Проиллюстрируем этот тезис примерами из произведения. Концепт «blood» встречается в тексте 41 раз. Характерно, что произведение открывается триумфом Цезаря над сыновьями Помпея («in triumph over Pompey's blood» (I.i.55)), а завершается гибелью Кассия и Брута:

O setting sun,
As in thy red rays thou dost sink tonight,
So in his red blood Cassius' day is set. (V.iii.60–63)

Таким образом, демонстрируется цикличность истории. Вечный круг кровавой вражды делает в произведении полный оборот, служа своеобразным предостережением будущим поколениям.

Частью концепта «кровь» являются разнообразие телесные повреждения (например, «wound»): Антоний, демонстрируя римлянам раны на теле Цезаря, сравнивает их с немymi устами. Здесь сочетаются визуальные и вербально-когнитивные приемы технологии драмы:

Over thy wounds now do I prophesy —
Which, like dumb mouths, do ope their ruby lips
To beg the voice and utterance of my tongue —
A curse shall light upon the limbs of men. (III.i.259–262)

«Огонь» — еще один весьма убедительный вербальный концепт. В тексте встречается 32 прямые упоминания огня («fire» — 22, «burn» — 7, «flame» — 3). К примеру, Кассий радуется, что ему удастся зажечь огонь в душе Брута и натолкнуть его на размышления об угрозе единовластия в лице Юлия Цезаря: «I am glad / That my weak words have struck but thus must show / Of fire from Brutus (I.ii.175–177). Огненные молнии сопровождают бурю накануне дня убийства (I.iii). Кроме того, во время непогоды Каска встречает людей, охваченных огнем: «Men all in fire walk up and down the streets (I.iii.25).

Характерно, что жена Брута Порция выбирает огонь для своего самоубийства: известно, что она проглотила уголек (swallowed fire (IV.iii.155)). Аналогичный мотив связи концептов «смерть» и «огонь» встречаем в реплике слуги Брута, который комментирует смерть своего хозяина: «The conquerors can but make a fire of him» (V.v.55).

Концепт «смерть» («death» с частотностью 32 раза, «die» — 44) является одним из самых распространенных вербально-когнитивных конститuentов метафорики произведения. Так, Цезарь, выставляя напоказ отсутствие страха перед смертью, говорит:

When beggars die there are no comets seen.
The heavens themselves blaze forth the death of princes.
Cowards die many times before their deaths.
The valiant never taste of death but once (II.iii.32–33).

Следующим является концепт «битва / раздор» («battle» — 11, «sword» — 19, «war» — 6). При этом, бой может быть как внутренний, духовный («... роог Brutus, with himself at war (I.ii.46)), так и внешний («Cry» Navos, and let slip the dogs of war» (III. i.273)).

Реплики героев, в которых они упоминают себя в третьем лице, нередки в произведении У. Шекспира. Такой прием производит впечатление определенного дистанцирования человека от того, что он говорит, определенного раздвоения личности. Наиболее часто этот прием встречается в речи римского диктатора:

Caesar should be a beast without a heart,
If he should stay at home to — day for fear.

No, Caesar shall not: danger knows full well
That Caesar is more dangerous than he (II.ii.42–45).

Характерно, что и другие герои римской пьесы говорят о себе, как о ком-то другом: «Cassius from bondage will deliver Cassius» (I.iii.90), «You speak to Casca, and to such a man» (I.iii.116), «To see thy thy Anthony making his peace, / Shaking the bloody fingers of thy foes (III.i.197), «...think not, thou noble Roman, / That ever Brutus will go bound to Rome; / He bears too great a mind» (Vi.110–112).

Другим доказательством незаурядной значимости имен в произведении Шекспира является сцена убийства поэта Цинны. Разъяренные плебеи наталкиваются на него и, узнав его имя и приняв за тезку-заговорщика, оказывают над ним жестокую расправу: «It is no matter. His name's Cinna. Pluck but his name out of his heart and turn him going» (III.iv.33–35). Вместе с несчастным поэтом жертвами становится множество сенаторов, чьи имена отмечены в перечне осужденных на смерть: «These many, then, shall die; their names are prick'd» (IV.i.1).

Подсчитав количество упоминаний имен в пьесе Шекспира (Цезарь — 211, Брут — 130, Кассий — 69, Антоний — 68), правомерно утверждать, что антропонимы имеют центральное значение для вербального дискурса произведения. Герои сознают собственное величие, Брут, в частности, гордится своим происхождением от легендарного Брута, который изгнал Тарквиния из Рима, Порция замечает, что она дочь Катона, ее брат умирает на поле боя с именем отца на устах. Наряду с принадлежностью к благородному роду герои «римской» пьесы постоянно подчеркивают, что они являются римлянами — представителями уважаемого и благородного народа. Слово «Roman» встречается на страницах пьесы 35 раз.

Не менее значимым и весомым элементом театральности произведения «Юлий Цезарь» являются сакрально-провиденциальные приемы — сцены древних ритуалов, пророчеств, толкование снов, которые должны влиять на зрителей не только на вербальном или визуальном уровнях, но в большей мере — на уровне подсознательном.

Пьеса открывается праздником Луперкалий — ритуалом плодородия, во время которого жрецы вырезали полосы кожи в священных животных и бегали с ними вокруг Палатинского холма, похлестывая стоящих рядом женщин. Считалось, что этот обряд избавляет от бесплодия. Цезарь приказывает Антонию, который тоже участвует в обряде, коснуться Кальпурнии (I.ii.3–4). Из этого эпизода читатель узнает о том, что жена Цезаря бесплодна. На самом деле этот эпизод вымышленный У. Шекспиром, а не заимствованный им из исторических источников, а, следовательно, имеет большую ценность для конструирования сюжета произведения.

Следующий ритуал — жертвоприношения, во время которого жрецы-авгуры вынимали внутренности убитого животного и делали предсказания относительно благоприятности или неблагоприятности будущего для конкретного человека, который заказал жертвоприношения.

К примеру, в пьесе Цезарю сообщили, что в теле жертвенного животного внутренности вообще отсутствовали (II.ii.38–40), что послужило крайне плохим божественным знаменем.

Ритуальным значением окрашено и убийство диктатора. Брут выступает инициатором того, чтобы участники заговора омыли руки в крови своей жертвы (III.i.105–107), которой они нанесли множество ран. Известно, что этот эпизод отсутствует в исторических источниках и является плодом фантазии драматурга. Есть все основания утверждать, что эта сцена является ключевым элементом технологии драмы и имеет решающее значение для постановки аксиологических акцентов. Кстати, этот зрелищный эпизод нередко вырезался постановщиками, которые считали его слишком кровавым проявлением жестокости, чтобы выставлять его напоказ перед уважаемыми зрителями.

Сакральный компонент драматургической техники полностью реализуется в текстовом пространстве произведения. Герои постоянно наталкиваются на знамения и предсказания, игнорируя которые, они подвергаются смертельной опасности. Например, фраза «Beware the ides of March» (I.ii.18), обращенная прорицателем к Цезарю, стала общеизвестной даже среди тех, кто не знаком с историческими или литературными источниками.

Онирический дискурс представлен в пьесе эпизодом, в котором жена Цезаря рассказывает ему о своем сне, являющегося предвидением упомянутого ритуала омовения рук в крови диктатора (II.iii.75–82). Поэт Цинна, увидев во сне кошмар, пренебрегает полученным подсознанием предупреждением и отправляется на улицу, где его раздирают на куски разъяренные плебеи (III.iii). Характерно, что с момента зарождения заговора, его участники (осо-

бенно Брут) не могут спать по ночам, а, следовательно, знамения из сферы подсознательного выходят в другую плоскость — в плоскость потустороннего. Призрак Цезаря приходит к своему убийцы несколько раз: перед решающим боем и во время него.

Драматургическая стратегия, направленная на оживление интереса зрителей спектакля, реализуется также благодаря анималистическим знаменам-предостережениям. Например, Кассий описывает, как накануне боя на смену мощным орлам зловещие вороны и коршуны стали кружить над их войском (V.i.79–88). Ценность этих эпизодов для развертывания сюжета пьесы подтверждается тем фактом, что и Цезарь, и Кассий, которые ранее считали, что человек сам управляет своей судьбой, в финале жизненного пути становятся суеверными.

Итак, благодаря непревзойденному сочетанию различных аудиальных, визуальных, вербально-когнитивных и провиденциально-сакральных средств Великому Барду удалось создать произведение, которое уже длительное время не исчезает из репертуаров театров благодаря своей уникальной театральности. Все упомянутые приемы способствуют формированию целостного впечатления и более полной реализации политической проблематики пьесы «Юлий Цезарь». Магия этого литературного произведения заключается в том, что она апеллирует к сознанию реципиентов, воздействуя на различные органы чувств. Особенно это заметно в постановках и киноэкранизациях, где режиссеры отдают предпочтение тем или иным приемам в зависимости от собственного творческого видения шекспировского произведения. Возможность более детального анализа театральных и киноверсий открывает перспективы для дальнейших исследований в этом направлении.

Литература:

1. Комарова В. «Змеиный зародыш» честолюбия: политика и этика в трагедии «Юлий Цезарь» / Метафоры и аллегории в произведениях Шекспира / В. Комарова. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. — С. 83–89.
2. Пинский Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии / Л. Е. Пинский. — М.: Художественная литература, 1971. — 606 с.
3. Baines B. J. «That every like is not the same». The Vicissitudes of Language in «Julius Caesar» / B. J. Baines // *Julius Caesar. New Critical Essays* / [ed. by. H. Zander]. — N.Y.: Routledge, 2005. — P. 139–153.
4. Harstock M. E. The Complexity of «Julius Caesar» / M. E. Harstock // *Papers of Modern Language Association*. — Vol. 81. — No. 1 (March 1966). — P. 56–62.
5. Kahn C. Roman Shakespeare. Warriors, Wounds and Women / C. Kahn. — N.Y.: Routledge, 1997. — 190 p.
6. MacCallum M. W. Shakespeare's Roman Plays and Their Background / M. W. MacCallum. — L.: MacMillan & Co. Ltd., 1925. — 665 p.
7. Miola R. S. Shakespeare's Rome / R. S. Miola. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 260 p.
8. Palmer J. Marcus Brutus / Political and Comic Characters of Shakespeare / J. Palmer. — L.: Macmillan & Co Ltd., 1962. — P. 1–65.
9. Serpieri A. Body and History in the Political Rhetoric of Julius Caesar / A. Serpieri // *Questioning Bodies in Shakespeare's Rome* / [ed. by M. Garbero, N. Isenberg, M. Pennachia]. — Goettingen: Hubert & Co., 2010. — P. 223–235.
10. Shakespeare W. Julius Caesar / The Complete Works of Shakespeare / W. Shakespeare; [ed. by D. Bevington]. — N.Y.: Longman, 1997. — P. 1025–1059.

Пространственное моделирование рассказа И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» через употребление локонимов

Волкова Елена Викторовна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Категория пространства играет немаловажную роль в организации всего текста и его частей. «Рама картины, рампа в театре, начало и конец литературного или музыкального произведения, поверхности, ограничивающие скульптуру или архитектурное сооружение от художественно выключенного из него пространства, — все это различные формы общей закономерности искусства: произведение искусства представляет собой конечную модель бесконечного мира» [4, 204]. Пространство, представляя собой некоторые константы групп слов, образуют нескончаемый поток пространственных отношений в художественном мире. Оно может быть бесконечным, включая в себя весь мир и даже выходить за его рамки, а может быть ограниченным в зависимости от идеи, заложенной автором.

Многие учёные затрагивают в своих работах тему пространства и его значение, как одну из наиболее фундаментальных областей в познании мира. Реконструкция понимания пространства показана в трудах Г. Гачев, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанов, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян и др. В данной статье рассмотрим, как категория пространства влияет на языковую картину художественного мира в рассказе И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч».

Для описания данной категории использован подход, основанный на постулатах структурно-семантического направления. И для начала её разделим на статическую и динамическую группы, выбор языковых средств которых определяется типами текста. Выбранный текст (рассказ «Хорь и Калиныч») относится к типу повествования с элементами описания, поэтому в языковой художественной картине мира рассказа И. С. Тургенева статика пространства преобладает над динамикой, именно этим обусловлен выбор нашего текста.

Статичное пространство в произведении формируют имена существительные, обозначающие конкретное место и служащие для разграничения предметов в пространстве (*Орловская деревня обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд...*). Помимо существительных немаловажную роль играют глаголы, которые определяют путь перемещения (*...зайдемте сперва к Хорю...*), последовательность действий (*Он поставил все эти припасы на стол, прислонился к двери и начал с улыбкой на нас поглядывать...*) и их разграничение по фазам (*Федя пожелал мне доброй ночи, дверь заскрипела и захлопнулась...*).

Также необходимо определить место слова, т. е. дать его значение, определить функционально-семантическую перспективу в данном тексте.

«Характерной особенностью языковой художественной картины мира в рассказе писателя является использование форм единственного и множественного числа локонимов в типичных для русского языка грамматических значениях» [2, 60].

Значение единственного числа в них встречаются в таких сочетаниях как-то: антропонимы и топонимы (*...одинокая усадьба Хоря, ... Волховского уезда...*), локоним с качественным прилагательным (*обитает в просторных сосновых избах*), локоним с относительным прилагательным (*живет в дрянных осиновых избах*), локоним с притяжательным местоимением (*...серые произведения своего сада...*).

Помимо участия локонимов в перечисленных сочетаниях, они используются в отграничительно-выделительной функции, т. е. выделяют объект в конкретном пространстве из множества однотипных мест (*В качестве охотника посещая Жиздринский уезд, сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным...*). Важным является и то, что в рассказе присутствуют локонимы с обобщенно собирательным значением, которые помогают создать автору «из отдельных объектов пространства цельный природный и деревенский пейзажи — мир, окружающий героев произведения [1, 49] (*...на расчищенной и разработанной поляне, возвышалась одинокая усадьба...*). А за счёт плюральных форм локонимов масштаб изображаемого мира увеличивается (*...засеки тянутся на сотни, болота на десятки верст...*).

При описании категории пространства необходимо учитывать системность естественного языка и не забывать о языковых средствах разных уровней. Ведь благодаря сочетаниям локонимов с другими частями речи образуются устойчивые выражения, пословицы, поговорки, словосочетания со связью управление и примыкание и др.

Основу художественного мира рассказа составляют имена существительные со значением места, которые можно определить по центробежному принципу: от самых частотных частных номинаций группы «здание и помещение» (самые частотные слова: *изба* — 15 раз, *дом* — 4), через номинации с высоким рангом частотности из группы «природные и искусственно созданные объекты открытого пространства» (*лес* — 7 раз, *болото* — 5, *двор* — 2), к менее частотным словам, называющим «объекты административно-политического членения территории» (*деревня* — 7 раз, *город* — 6, *губерния* — 5, *уезд* — 3).

Чтобы убедиться, что категория пространства является многоаспектным явлением, составим характе-

ристику имени существительного организованную по принципам, представленных в «Словаре языка Достоевского» [5]. Иллюстративный материал, снабженный указанием в круглых скобках на номер страницы, приводится из ПСС И. Т. Тургенева в 30-ти томах [6]. При этом в Комментариях использованы следующие стандартные обозначения (аббревиатуры): **АССЦ** — ближайшее ассоциативное окружение описываемого слова. **СЧТ1** — подчинительные связи слова. **СЧТ2** — связи слов, отличные от подчинительных. **ТПП** тропетическое употребление описываемого слова.

Приведем пример характеристики слова пространственной группы «природные и искусственно созданные объекты открытого пространства»:

НЕБО <2>

Всё видимое над Землёй пространство.

Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо. (9) «Славная погода завтра будет», — заметил я, глядя на светлое **небо**. (17)

Словоуказатель небо 9, 17 [2]

Комментарий

АССЦ погода, облака, тучи, солнце, гроза.

СЧТ1 — глядя на **небо**, вечернее **небо**.

Литература:

1. Аюпова С. Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира // Филологические науки. — 2011 — № 1. — С. 43–53
2. Аюпова С. Б. Роль грамматической категории числа существительного с пространственным значением в формировании языковой художественной картины мира прозы И. С. Тургенева // Вестник ВЭГУ. 2011. № 3. — С. 58–64
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. — М.: Языки русской культуры. 1996. — 464 с.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. — СПб.: Искусство. 1998. — С. 14–285
5. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А — В / Российская академия наук Институт русского языка им. В. В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. — М.: Азбуковник, 2008. — 962 с.
6. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти Т. Сочинения в 12-ти Т. Т. 3. — М.: Наука, 1979. — 703 с.

Отражение наивной картины мира в калмыцких и якутских пословицах

Голубева Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

Реальная действительность фиксируется в языке различными способами. Каждый представитель определенного народа оперирует языковыми элементами в соответствии со своей индивидуальной картиной мира, расставляя доминантные маркеры. Язык как знаковая си-

ТПП В сравнении D ...любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее **небо** (9)

Из вышеизложенной характеристики видно, что категория пространства не только характеризует конкретную сторону того или иного слова, но и включает в себя разные стороны бытия, что способствует образованию внутри категории целого мира.

Согласимся с мнением Лотмана, который говорил: «Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой здравый смысл» [3, 296]

Таким образом, основополагающей единицей языковой картины мира являются локонимы, используемые автором в рассказе «Хорь и Калиныч». Они принимают непосредственное участие в создании пространства в языковой художественной картине мира в произведении И. С. Тургенева. Категории пространства позволяют выявить пространственное моделирование действительности в рассказе, раскрывая текст, как с лексической, так и синтаксической, и морфологической сторон. В языковой художественной картине мира пространство имеет исключительно важное значение в описаниях действительности и фантазийных умозаключений.

стема консервирует архаичные культурные данные, дает возможность последующим поколениям анализировать мировоззрение предков, выделяя наиболее важные черты коллективного опыта и знаний, формирует языковую картину мира народа.

Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Именно наивная картина мира отражена в языке. Она складывается как ответ на практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. Наивная картина мира обыденного сознания, в котором преобладает предметный способ восприятия, имеет интерпретирующий характер. Язык, фиксируя коллективные, стереотипные и эталонные представления, объективирует интерпретирующую деятельность человеческого сознания и делает ее доступной для изучения. Наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные» [1, с. 187].

С точки зрения эффективности изучения ментальности и языкового сознания народа лингвистические исследования фольклора представляются наиболее информативными и результативными; устное народное творчество, зафиксированное в письменной форме, является результатом творчества отдельного человека, отражающим, однако, массовое мировоззрение определенной общности людей.

А.Т. Хроленко подчеркивает, что для фольклорного текста характерна коннотативность, в которую включается, помимо индивидуально-эмоционального комплекса, сопровождающего для человека почти каждое используемое слово и отмечаемого и за пределами народного творчества, так называемый ассоциативный тезаурус, обусловленный всей системой фольклорного мира и его языка [3, с. 107].

При лингвокогнитивном исследовании языка устного народного творчества можно говорить о фольклорной картине мира, под которой подразумевается «особая фольклорная реальность, выраженная с помощью языка традиционного народного творчества» [2].

Основная *проблема* данной статьи — соотношение языков и культур калмыков (монголоязычного народа) и якутов (тюркоязычного этноса), которое рассматривается на материале фольклора.

Целью стал анализ семантической общности элементов фольклорной картины мира калмыков и якутов. В связи с этим *актуальность* рассматриваемой проблематики характеризуется особым интересом лингвистов к междисциплинарным исследованиям, объединяющим усилия ученых различных научных направлений (психология, антропология, этика, философия, социология и т.д.). Следует особо подчеркнуть, что в современном языкознании отсутствуют работы, посвященные сопоставительному изучению базовых концептов картины мира, репрезентирующих специфические и универсальные когнитивные черты калмыцкой и якутской лингвокультур.

В последнее время активно разрабатываются вопросы, связанные со структуризацией языковой картины мира калмыков (см. работы Г.Ц. Пюрбеева, Т.С. Есеновой, В.О. Имеева, Э.У. Омакаевой, О.К. Мушаевой, Ж.Н. Цереновой и др.).

Материальная и духовная культура якутов детально рассматривается во многих работах (см. исследовательские труды Е.А. Кулаковского, Г.В. Ксенофонтова, И.С. Гурвича, И.В. Константинова, Н.А. Алексеева, А.Н. Гоголева, Е.Н. Романовой, Р.И. Бравиной, К. Колодезникова, З.С. Семеновой, Л.Л. Габышевой и др.). Смежные лингвистические работы по данным языкам, рассматривающие межкультурную коммуникацию, отсутствуют.

В научной литературе имеются достоверные сведения об этнической общности калмыков и якутов. Известно, что ойраты, предки калмыков, боролись за главенство над всей Монголией и громили китайские армии. В кочевое объединение, возглавляемое ими, тогда входили как саяно-алтайские народы, так и хоринцы и среднеазиатские кыргызы. Не исключено, что среди них могли быть и предки саха. Наиболее ранние исследователи саха утверждали, что они отделились либо от калмыков-джунгар, либо от монголов [4].

Якуты — самый северный скотоводческий народ с особым хозяйственным укладом, материальной и духовной культурой. По сравнению с другими тюркоязычными народами Сибири, они характеризуются наиболее сильным проявлением монголоидных черт, окончательное оформление которых происходило в середине 2-го тысячелетия нашей эры на реке Лене.

В состав калмыков входил род *соха/сохад*, который связывают с якутами-саха [5]. Имя этого племени керейтов можно увидеть в имени рода *саху* — каракалпакского племени ашамайлы, которые считаются частью кереев [6]. Что касается керейтов — могущественное объединение кочевых племен на территории Монголии в XII в., то одни ученые видят в них тюркоязычных, другие считают их монголоязычными [7]. Поэтому не исключено, что в этногенезе саха могли принимать участие издавна тюркоязычные группы, которые долгое время находились под монгольским господством.

В результате ретроспективного анализа исторических преданий народов Якутии можно сделать вывод о том, что были также небольшие группы из представителей монгольских племен угулээтов, сортолов, хатыгынов, бекри (меркитов), когда-то бежавших от своих феодалов в свободный край. Все они, за исключением хоро, приняли участие в этногенезе тунгусов, и лишь затем были ассимилированы саха. Следовательно, освоение тунгусами территории Якутии, в ходе которой происходил этногенез эвенков и эвенов — результат проникновения южных групп, в котором активное участие принимали выходцы из монгольских племен.

Якутский язык сложился на основе тюркского с некоторым элементом монгольского. Частично в нем имеются и корни лексики местных народов Якутии; современный якутский язык имеет много слов, проникших из русского языка или через него. Это обусловлено тем, что с первых же лет общения с русскими в якутский обычай входило множество предметов и понятий, терминов куль-

туры, ранее неизвестных якутам. Названия их осваивались якутами в своем фонетическом оформлении, и они постепенно входили в словарный состав их языка как «свои слова» [8].

Якутский ребенок с малых лет знал, что нельзя плевать в огонь, играть охотничьими трофеями (*булдунаан оонньоомо*), проливать молоко, указывать пальцем в могилу, свистеть в лесу, мыться перед огнем... Все эти запреты сопровождались словом «*аньыы*» (грех). «Шаркать ногами о землю — грех, — читаем, например, в книге И. Худякова: «Стоять, упираясь протянутой рукою в стену или в дверь, — грех. Потягиваться перед человеком — худо (как собака). Сидеть, схватившись руками за затылок, — грех» [9].

В калмыцкой лингвокультуре прослеживается сходное табуирование некоторых действий, которые определялись лексемой «*нюл*» (грех) или «*му йор*» (плохая примета): нельзя было скрещивать руки на груди; обхватывать колени сидя; плевать на землю; заливать огонь водой; петь или плакать ночью в постели и т. д.

Якутская речь, как и калмыцкая, изобиловала пословицами и поговорками, изречениями, посредством которых формировалось этническое сознание юношей и девушек, закладывались именно те национально-специфические черты, которые так интересуют ученых-лингвистов сегодня.

«Якутские пословицы и поговорки служили устным кодексом правовых, моральных и религиозных взглядов бесписьменного якутского народа, — писал в своей книге фольклорист Н. Емельянов, — то есть выступали в роли регуляторов социальных норм поведения» [10].

В калмыцком паремиологическом фонде немало тематических групп, классифицирующих представления народа о том или ином понятии реальной действительности.

Хотелось бы особо отметить важность родоплеменных отношений и преемственности поколений в калмыцкой лингвокультуре, что подтверждается такими пословицами, как: *Садта күн жирһдг, салата модн бучрлдг* — Человек с многочисленной родней благоденствует, дерево с развилинами густо ветвится; *Садта күүнэс савжд хардг уга* — У человека, который имеет родню, не возникают непреодолимые препятствия; *Садта күн — санамр* — У кого есть родня, тот спокоен; *Садта күн — салата модн* — Человек с многочисленной родней, что ветвистое дерево [11].

Литература:

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2-х т. М., 1995. Т. 1.
2. Петренко О. А. Народнo-пoэтичeская лексика в этническом аспекте (на материале русского и английского фольклора): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1996. 18 с.
3. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: ВГУ, 1992. 137 с.
4. Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1974. 286 с. С. 20–21.
5. Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1980. 284 с. С. 24.
6. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. 172 с. С. 122.

С другой стороны родственные связи крепки при определенном отдалении, свидетельством могут служить следующие единицы — в якутском фольклоре существует такая пословица: *Пусть поближе вода, пусть подалее родня*, сходная по смыслу с русской поговоркой, которая касается родственников: «*Чем дальше, тем ближе*». Находим параллель и в калмыцком фольклоре: *Төрл-садна холнь сэн, түлэн усна өөрхнь сэн* — Родственники хороши, когда находятся подалее, а топливо и вода — когда находятся поблизости [11].

Традиционный способ хозяйствования указанных народов нашел отражение в пословицах. Особое значение скотоводческих реалий для народов-кочевников прослеживается в следующих фольклорных единицах: *Если есть у скота загон — хорошо, если есть у людей закон — хорошо* (якутск.); *Неправда правду вряд ли подомнет, вода над маслом вряд ли поплывет* (якутск.) [10]; *Мал тежэхлэ амн тоста* — Если ухаживать за скотом, так и рот будет в масле (калм.); *Өвсн уга мал уга, мал уга хот уга* — Без сена нет скота, без скота нет пищи (калм.) [11].

Существование за счет взращивания нескольких видов домашнего скота при практически полном отсутствии возделывания земли объединяют хозяйственные культуры калмыцкого и якутского народа, которые с этой точки зрения противопоставляются культуре русской.

Фольклорная картина мира имеет свой собственный пространственно-временной континуум, характеризующийся чертами, которые свойственны только фольклорной реальности.

Следует особо отметить философское отношение ко времени, как к цикличному процессу присутствует у обоих народов, приведем примеры: *Кто сейчас смеется, тот заплачет потом* (якутск.); *Что с ветром пришло, на ветер же уйдет* (якутск.) [10]; *Цаг негэр йовдг уга, цэкрм цаһанар бээдг уга* — Время течет, изменяется, ирис белым не остается (калм.); *Цэклһн негэр болдг уга, цаг негэр бээдг уга* — Молния никогда не бывает одинаковой, время не остается неизменным (калм.) [11].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что традиционные культуры калмыков и якутов, языки которых ныне считаются разносистемными, бесспорно, имеют сходные когнитивные черты, может быть, обусловленные историко-этнической общностью в далеком прошлом, а также длительным контактированием с русским народом на территории Российской Федерации.

7. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 240 с. С. 37.
8. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с. С. 102–106.
9. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа / Под ред. В. Г. Базанова. Л.: Наука, 1969. 438 с.
10. Сборник якутских пословиц и поговорок / Сост. Н. В. Емельянов. Якутск: Кн. изд-во, 1965. 246 с.
11. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Сост. Б. Х. Тодаева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с. С. 205, 569, 67.

Метафорическое моделирование политической ситуации в США и в Испании на момент экономического кризиса (на примере публичных выступлений американских и испанских политиков)

Долматова Елена Александровна, студент
Челябинский государственный университет

В настоящее время большой интерес представляет изучение метафорического моделирования как прием, постоянно используемых в выступлениях политическими деятелями (Хилари Клинтон, Барак Обама, Карме Чакон, Мариано Рахой) для создания у общественности образа экономического кризиса.

Политическая деятельность играет особую роль в жизни общества и от определенной политической позиции зависит место страны на международной арене, ее взаимоотношения с другими государствами, ее роль в деятельности мирового сообщества. Особое внимание в изучении формирования образа политика отводится использованию метафор, призванных создать яркий, запоминающийся образ в политическом дискурсе на момент экономического кризиса 2008–2012 гг. Так как экономический кризис 2008–2012 гг. является самым крупным по своим масштабам и, по мнению некоторых экспертов, не уступает Великой депрессии. Согласно мнению ряда экспертов причинами данного кризиса, являются непродуманная инвестиционная деятельность, неэффективная и безответственная кредитная политика многих коммерческих банков, перепроизводство доллара, общим его проявлением стали ситуации, характеризующиеся негативными изменениями в состоянии общества [3, с. 237].

Метафорические модели постоянно функционируют в политическом дискурсе. Под политическим дискурсом мы понимаем совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, как класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно, политикой. Итак, можно утверждать, что «политический дискурс — это правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков, это те жанры, которые принадлежат сфере политики» [1, с. 150].

Используя в рамках настоящего исследования термины «метафорическая модель» и «метафорическое моделирование», мы опираемся на понимание метафорической модели как существующая или складывающаяся в сознании носителей языка ментальная схема связи между понятий-

ными сферами и на наш взгляд отражает взаимодействие концептуальных метафор внутри метафорической модели.

Согласно методике исследования метафоры, предложенной А. П. Чудиновым, отправной точкой анализа является описание понятий фрейм, составляющих каждый фрейм слоты. Фрейм понимается как способ представления знаний в искусственном интеллекте, представляющий собой схему действий в реальной ситуации, изначально структурируют исходную концептуальную сферу. Фрейм организует наше понимание мира в целом. Составляющие фрейма — слоты — «содержат некоторый тип информации, релевантный для описываемого объекта действительности. Слоты представляют собой пустые узлы, заполняемые переменными» [2, с. 36].

В нашем исследовании мы анализируем политическую речь, включающую в себя такие жанры, как обращения, заявления политических лидеров США и Испании, их развернутые ответы на вопросы во время пресс-конференций и телевизионных интервью. Речи политических лидеров ныне считаются образцами ораторского искусства, а фразы из них являются «крылатыми» выражениями не только в Соединенных Штатах и в Испании, но и во всем мире.

Для политического дискурса США основной концептуальной метафорой является военная метафора. В своих речах политические лидеры реализуют следующую метафорическую модель «ВЫБОРЫ — это БОРЬБА». Данную модель, используемую в речи Х. Клинтон, можно проиллюстрировать следующими примерами: I will keep fighting (Я буду продолжать борьбу); stand in a united front against the Iranians (выступить единым фронтом против Иранцев).

В политическом дискурсе Испании одной из основных концептуальных метафор являются метафоры, обобщающие национально-специфическое видение мира, ассоциация общества, его политических институтов с домом, который строит человек. В испаноязычном политическом дискурсе уподобляют не столь давно появившуюся

новую политическую реалию — Европейский Союз: *la construccióneuropea* (европейское строительство); *construir la gran casa común* (построить общий большой дом); *sentar las bases del a casa comunitaria* (заложить фундамент дома); *el cobijo comunitario* (общественный приют); *las murallas del a fortaleza del a Unión Europea* (стены крепости Европейского Союза).

В нашем исследовании за основу взята классификация моделей, предложенная А. П. Чудиновым, так как она позволяет выделить общие свойства в структурном и лексическом составе сопоставляемых моделей и на основании этих свойств выявить имеющиеся отличия. Основными критериями для данной классификации моделей являются: систематизация моделей по сфере-источнику метафорической экспансии, отдельные фреймы сферы-источника, сфера-мишень. В составе понятийных сфер или сфер-мишеней метафорической экспансии выявлены четыре разряда метафоры кризиса, функционирующей в политическом дискурсе: антропоморфная, социоморфная, природоморфная, артефактная [4, с. 42].

В процессе сопоставительного анализа американского и испанского политических дискурсов нами были дифференцированы четыре основных разряда метафоры кризиса: антропоморфная, социоморфная, природоморфная, артефактная. В каждом из этих разрядов рассматриваются выявленные модели: антропоморфная метафора реализуется в метафорических моделях «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ»; социоморфная метафора находит свое выражение в метафорических моделях «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это ВОЙНА», «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это ИГРА»; природоморфная метафора репрезентирована в метафорической модели: «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это СТИХИЙНОЕ БЕДСТВО», где базовыми концептами являются «стихии-первоэлементы» (земля, воздух, огонь, вода), а также животные и растения; артефактная метафора представлена моделью «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это АРТЕФАКТ», состоящей из трех моделей: «Быт», «Техника», «Архитектура». В нашем исследовании за основу взята классификация метафорических моделей, предложенная А. П. Чудиновым [4: с. 42–45], так как данная специфика характеризует ведущие метафорические модели и ее структурные части политической реальности.

Выделенные модели отражают общие закономерности и национальную специфику метафорического образа экономического кризиса 2008–2012 гг. Метафорическая модель «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это СТИХИЙНОЕ БЕДСТВО» является одной из продуктивных и доминантных моделей в американском и испанском политическом дискурсе. Метафорический образ кризиса, создаваемый метафорами неживой природы в американском политическом дискурсе изображается в виде океана, болота, цунами, шторма, в которых тонут страны, рынки, беззащитные, растерянные люди. Что касается испан-

ского политического дискурса, то для него характерны метафоры в виде проливных дождей, наводнений, шторма, торнадо, смерч, влияющие опасно на жизнь общества.

Метафорическая модель «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это ВОЙНА», посвященная ситуации мирового финансового кризиса, входит в число частотных метафор. Метафоры данного слота концептуализируют экономический кризис как угрозу извне, представляют его в качестве всеобщего врага мирового масштаба, с которым должны бороться США и Испания. Кроме того, метафора войны является наиболее распространенным способом восприятия, осмысления и оценки политических реалий. Ярко выраженный метафорический образ в терминах войны отражает особенности внутренней и внешней политики государств.

Метафорическая модель «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ» является одной из частотных, доминантных и продуктивных моделей, так как довольно традиционна для американского и испанского национального сознания. Экономический кризис сравнивается с человеком, имеющим жизненный период, способным совершать негативные действия, поступки, чреватые разрушающими последствиями.

Модель «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это АРТЕФАКТ» является среднечастотной. Обобщенная концептуальная сфера-источник «Артефакт» является в свою очередь неоднородным и сложным по структуре феноменом. В нашем исследовании к ней отнесены три субмодели: «Быт», «Техника», «Архитектура», характерные для американского и испанского политических дискурсов.

Метафорическая модель «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — это ИГРА» демонстрирует невысокую частотность в политических дискурсах США и Испании. Это обусловлено тем, что образ кризиса как соревнования или игры не закреплен в сознании носителей обеих национальных культур. Несмотря на низкочастотность данной модели, рассматриваемые метафорические единицы отражают специфику протекания кризиса, поэтому включены в наше исследование.

Проанализированный материал дает расширенное представление о роли метафоры политического деятеля в американском и испанском политическом дискурсе, позволяет проследить зависимость базисных метафор от общественной ситуации и связь концептуальной метафоры с гендерной принадлежностью политиков, отметить национальную специфику использования метафор, построить структурное поле метафорических средств США и Испании.

В заключении я хочу сказать, что метафора выступает одним из мощных стилистических средств, не может остаться незамеченной для реципиента, а потому для отправителя политических сообщений, является ведущим приёмом для реализации основной функции политического дискурса — завоевание и удержание власти.

Литература:

1. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — Москва: Свет, 1989. — 150 с.
2. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан — Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995. — 36 с.
3. Салатова Л. М. Метафорическая картина экономического кризиса: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.11 / Салатова Людмила Маратовна. — Е.: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. — 237 с.
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва: Флинта: Наука, 2007. — 42 с.

Образ падшей женщины в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова»

Зими́на Наталья Юрьевна, аспирант
Псковский государственный университет

В статье рассматривается специфическое воплощение типа падшей женщины в незаконченном романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова», а именно образ Александры Михайловны, благодетельницы главной героини. Выдвигается предположение о том, что и сама Неточка в дальнейшем должна была стать падшей женщиной. Это произведение становится апофеозом романтического, идеализированного осмысления феномена платонической любви и женской неверности в раннем творчестве писателя.

Ключевые слова: Достоевский, «Неточка Незванова», падшие женщины, платоническая любовь.

В своем творчестве Ф. М. Достоевский многократно обращался к изображению падшей женщины, т. е. такой, которая утратила «репутацию порядочной вследствие порочного поведения» [1, с. 486], как указывается в Словаре устаревших слов русского языка под ред. Р. П. Рогожниковой, Т. С. Карской. Теоретическое обоснование в отечественном литературоведении этот образ получил в работах Н. Н. Мельниковой [2–5]. Исследовательница выделила четыре типа таких женщин, фактически Достоевский изображает их все. Так, согласно этой классификации, к «**соблазненным**», т. е. *девушкам, вступившим в сексуальный контакт с женщиной до брака*, можно отнести Вареньку Доброселову («Бедные люди»), Катерину («Хозяйка»), Лизу Долгорукую («Подросток»), Лизавету Смердящую («Братья Карамазовы»), к «**содержанкам**», т. е. *женщинам, получающим материальное обеспечение от любовника / сожителя*, — Настасью Филипповну («Идиот») и Грушеньку («Братья Карамазовы»), к «**любовницам**», *женщинам, состоящим во внебрачных отношениях с мужчиной, будучи замужем*, — Софью Андреевну Долгорукую («Подросток»), наконец, к «**проституткам**», *женщинам, получающих денежное или иное вознаграждение за сексуальные услуги от многих партнеров (клиентов) без учета критерия избирательности*, — Лизу («Записки из подполья») и Сонечку Мармеладову («Преступление и наказание») [5]. Однако существуют героини, не вполне подпадающие под эти жесткие определения и тем не менее заслуживающие рассмотрения в рамках указанной темы, — такие

как Наташа Ихменева («Униженные и оскорбленные»), которую трудно назвать «соблазненной» и которая тем не менее формально относится к данному типу или Смитиха из того же романа, скрывшая законность своих отношений с отцом Нелли и добровольно принявшая судьбу «падшей». Это говорит о том, что вопрос об определении данного понятия и типологизации женских образов, относимых к нему, нуждается в дальнейшем рассмотрении. В частности, таким «сложным случаем» является и героиня романа «Неточка Незванова» Александра Михайловна.

Тема девиантной, социально неприемлемой женской сексуальности получила в этом произведении весьма специфическое воплощение. Роман, над которым Достоевский работал в 1846–1849 гг., из-за ареста и последующей ссылки остался незаконченным, а впоследствии, в 1860 г., был переработан в повесть. Это произведение представляется важным этапом эволюции образа падшей женщины в творчестве писателя, несмотря на то, что тема женского бесчестия звучит в нем не так явно, как в других произведениях.

Первоначально «Неточка Незванова» публиковалась в «Отечественных записках» частями, которых, по замыслу автора, должно было быть более шести. В письме А. А. Краевскому от 1 февраля 1849 г. он сообщает, что «первые шесть частей» хочет напечатать до июля 1849 г. (по одной части в каждом номере журнала) [6, с. 150]. Однако Достоевский не успел осуществить свое намерение, опубликовав только три части, имевшие следующие названия: «Детство», «Новая жизнь», «Тайна».

В редакции 1860 г. названия были сняты, а нумерация глав стала сплошной.

«Тайна», которой была посвящена третья часть, это тайна Александры Михайловны, благодетельницы Неточки, главной героини произведения. Александра Михайловна впервые появлялась в конце второй части, где брала к себе на воспитание из дома князей X-их сироту Неточку. О ней известно, что она дочь княгини от первого брака, отцом ее был откупщик, а значит, «на блестящую партию она надеяться не могла» [7, с. 224]. Четыре года назад ее наконец «сумели выдать за человека богатого и в значительных чинах» [7, с. 224].

Достоевский дважды дает портрет этой героини. Первый раз Неточка видит ее как молодую и бездетную женщину: «Александра Михайловна была женщина лет двадцати двух, тихая, нежная, любящая; словно какая-то затаенная грусть, какая-то скрытая сердечная боль сурово оттеняли прекрасные черты ее. Серьезность и суровость как-то не шли к ее ангельски ясным чертам, словно траур к ребенку. Нельзя было взглянуть на нее, не почувствовав к ней глубокой симпатии. Она была бледна и, говорили, склонна к чахотке, когда я ее первый раз видела. Жила она очень уединенно и не любила ни съездов у себя, ни выездов в люди, — словно монастырка» [7, с. 224]. Можно заметить, что такой же затворнический, «монастырский» образ жизни ведет и Настасья Филипповна.

Второй раз Неточка рисует портрет уже тридцатилетней женщины, матери двоих детей: «Черты лица ее никогда не изглаждаются из моей памяти. Они были правильны, а худоба и бледность, казалось, еще более возвышали строгую прелесть ее красоты. Густейшие черные волосы, зачесанные гладко книзу, бросали суровую, резкую тень на окраины щек; но, казалось, тем любовнее поражал вас контраст ее нежного взгляда, больших детски ясных голубых глаз, робкой улыбки и всего этого кроткого, бледного лица...» [7, с. 229]. В этом описании также много типичного для падших героинь автора «Бедных людей». Это худоба, бледность, густые темные волосы (большинство падших героинь Достоевского брюнетки). Худоба, бледность, болезненность в описании падшей женщины, очевидно, призваны подчеркивать общее неблагополучие ее судьбы, усиливать трагизм этого образа. Что касается цвета волос, видимо, он имеет связь с глубинными мифологическими представлениями о Свете и Тьме. Любопытно отметить, что «кроткие» героини Достоевского, как правило, блондинки, в то время как «мучительницы», «инфернальницы» темноволосы. Черными или темно-русыми волосами писатель наделяет тех падших женщин, для которых столкновение со злом не прошло бесследно, тех, кто пустил грех в свою душу... «Инфернальницы» Достоевского обычно имеют густые, пышные волосы, что, видимо, восходит к архаическим представлениям о связи волос и жизненной силы, а также связи волос и Эроса. В этом отношении можно вспомнить библейского Самсона, чьи длинные волосы служили источником его необычайного могущества, распущенные волосы женщин

при (трудных) родах и девушек во время гаданий о суженом, а также во время других действий, имеющих магическое значение [8, с. 616–618]. С житейской же точки зрения можно говорить и о том, что, очевидно, пышность и густота волос казались весьма привлекательными автору «Бедных людей», что и отразилось в его творчестве.

Возвращаясь к портрету Александры Михайловны, имеет смысл заметить, что символическое значение цвета ее волос вступает в противоречие с символическим же значением цвета глаз (голубых), о чем прямо говорится в тексте (они создают «контраст»). Уже это, видимо, указывает на некоторую противоречивость данного образа.

Александра Михайловна — одна из самых образованных героинь Достоевского. Она воспитывает Неточку в соответствии с педагогическими воззрениями Ж.-Ж. Руссо, хорошо разбирается в музыке и сама музицирует, очень начитана. В журнальном издании романа говорилось о том, что она «почти наизусть» знала Плутарха во французском переводе [7, с. 450]. Плутарха же она читает и с Неточкой (в этом, как полагает комментатор академического собрания сочинений, так же проявляется следование Руссо, который считал Плутарха близким себе автором). Они «по-своему» учат историю и географию, засиживаясь за книгами до поздней ночи, одушевляясь так, «как будто сами были героями» [7, с. 231], а потом жарко обсуждая прочитанное. По отношению к Неточке Александра Михайловна выступает в трех ипостасях: как мать, как учитель и как подруга. В конце незаконченного романа добавится и четвертая — соперница.

Однако их близкие, доверительные отношения омрачаются пресловутой «тайной», о которой шла речь выше. Это тайна отношений Александры Михайловны с мужем, Петром Александровичем. С первой встречи Неточка чувствует к нему неприязнь, он внушает ей страх. Неточка замечает, что Александра Михайловна «вся как будто трепещет перед ним, как будто обдумывает каждое свое движение, бледнеет, если замечает, что муж становится особенно суров и угрюм, или вся покраснеет, как будто услышав или угадав какой-нибудь намек в слове мужа» [7, с. 226]. В сущности, муж страшно третирует ее, изощренно отравляя ей жизнь. Иногда между супругами происходят странные, непонятные девочке сцены, когда в Александре Михайловне вдруг просыпается какое-то негодование, и она начинает с ним разговор, «полный каких-то намеков и горьких недомолвок» [7, с. 228]. Но ей никогда не удается одержать моральную победу: муж плачет над ней, целует ей руки, и она на коленях вымаливает у него прощения. «...и еще робче, еще трепетнее становилась она перед ним на целые месяцы» [7, с. 228].

Наконец, девушке открывается тайна ее благодетельницы. Это открытие имеет смысл некой инициации (примечательно, что происходит оно, когда героиня находится в знаковом, пороговом возрасте — шестнадцать лет), приобщая девушку к миру отношений взрослых людей. Сама Неточка говорит, что с этого открытия начался для нее «новый возраст» [7, с. 238].

Героиня находит в книге любовное письмо к своей благодетельнице. Здесь следует сделать два важных замечания.

Во-первых, книга, в которой лежит письмо, это «Сен-Ронанские воды» Вальтера Скотта. Как отмечается в комментарии в академическом собрании сочинений, «роман «Сен-Ронанские воды» (1823) уже в 1824 г. появился во французском переводе в книжных лавках Москвы и Петербурга. Достоевский упоминает о нем и в статье 1861 г. «Петербургские сновидения в стихах и прозе»: «Мы прочли <...> историю Клары Мовбрай и... расчувствовались так, что я теперь еще не могу вспомнить тех вечеров без нервного потрясения». История трагической любви Клары к Фрэнсису Тиреллу, описанная в этом романе, должна была быть близка Александре Михайловне» [7, с. 505]. Как известно, писатель всю жизнь оставался поклонником творчества В. Скотта, свои литературные пристрастия он даровал и некоторым героям. Так, благодетельница Неточки предлагает ей другой роман этого автора, «Айвенго» (в старом русском переводе «Иванго»), не зная о том, что та, утаив ключ от библиотеки, его уже прочитала «по крайней мере, раза три» [7, с. 236]. В журнальной же редакции этот роман прочитан главной героиней «раз восемь или десять» [7, с. 451]! Вполне вероятно, Достоевский наделил героиню собственной пылкой увлеченностью. При этом в тексте отмечается, что «Сен-Ронанские воды» — единственная книга этого писателя, непрочитанная девочкой [7, с. 239]. Это же и уникальный в творчестве В. Скотта роман, действие которого разворачивается не в прошлом, а в эпоху жизни автора. Возможно, временной близостью отчасти был обусловлен выбор Александры Михайловны. Так или иначе роль тайника старого любовного письма эта книга играет неслучайно.

Во-вторых, значимы обстоятельства обнаружения письма. Роман Вальтера Скотта Неточка также открывает не просто так, а «как гадают, раскрывая книгу на удачу» [7, с. 239]. Далее она скажет: «Я верно загадала о будущем» [7, с. 230].

Это замечание позволяет высказать предположение о том, что в дальнейшем Неточке Незвановой была уготована судьба падшей женщины. Данная гипотеза подтверждается также словами петрашевца Ипполита Дебу: «живо помню его (т.е. Достоевского — Н. З.), рассказывающего свою «Неточку Незванову» гораздо полнее, чем она была напечатана. Помню, с каким живым, человеческим чувством относился он и тогда к тому общественному продукту, олицетворением которого явилась у него впоследствии Сонечка Мармеладова (не без влияния, конечно, учения Фурье» [9, с. 91]. Упоминание проститутки Сонечки Мармеладовой в данном контексте, как представляется, ясно указывает на дальнейшее развитие событий незаконченного романа.

Автором письма, обнаруженного Неточкой и подписанного С. О., является, очевидно, типичный для творчества раннего Достоевского мечтатель, сродни Ордынову из по-

вести «Хозяйка» или главному герою «Белых ночей». Это письмо — своего рода центр притяжения третьей части, разгадка прошедших и объяснение последующих событий. Оно написано в сентиментальном, восторженном стиле, богатым на риторические вопросы и восклицания, и полно представлений об идеальной любви, воспетой в творениях романтиков. Из него читатель узнает историю отношений Александры Михайловны и С. О., длившихся два года. Они были «неровня», он «был груб и прост», «не знал ничего важнее... обыденной срочной работы», и вот она его полюбила «*сострадательной любовью*» (выделено Достоевским) [7, с. 240–241]. Эта любовь преобразила жизнь героя. Однако вначале он не понял характера этого чувства.

«Знаешь ли, как я сначала понял тебя? Страсть, как огонь, охватила меня, как яд, пролилась в мою кровь; она смутила все мои мысли и чувства, я был опьянен, я был как в чаду и отвечал на чистую, *сострадательную* любовь твою не как равный ровне, не как достойный чистой любви твоей, а без сознания, без сердца. Я не узнал тебя. Я отвечал тебе как той, которая, в глазах моих, *забылась до меня*, а не как той, которая хотела возвысить меня до себя. Знаешь ли, в чем я подозревал тебя, что значило это: *забылась до меня*? Но нет, я не оскорблю тебя своим признанием; одно скажу тебе: ты горько во мне ошиблась! Никогда, никогда я не мог до тебя возвыситься» [7, с. 241].

Из этих слов очевиден платонический характер отношений автора письма и Александры Михайловны. С. О. вспоминает об одном единственном поцелуе, который она ему подарила [7, с. 242]. Таким образом в романе «Неточка Незванова» возникает **феномен платонической измены**, впоследствии получивший развитие в «Униженных и оскорбленных» (имеются в виду отношения «Смитихи» и «Феферкухена» из рассказа Маслобоева).

В связи с этим, естественно, встает вопрос — следует ли рассматривать образ Александры Михайловны в ряду падших героинь Достоевского? Ведь физически она не изменяла мужу. Тем не менее, формально она подпадает под определение падшей женщины, т.к. «падшая женщина — это женщина, утратившая репутацию порядочной вследствие порочного поведения» [1, с. 486]. Именно это и произошло с Александрой Михайловной, о чем далее говорится в письме. Кроме того, в тексте незаконченного романа рассыпано множество аллюзий на евангельскую притчу о Христе и блуднице, а в черновике имелось прямое на нее указание, о чем еще пойдет речь. Пафосом оправдания грешницы проникнуто произведение. Именно это делает необходимым рассмотрение данного персонажа как этапного для эволюции образа падшей женщины в творчестве Достоевского, хотя и с понятными оговорками.

Александра Михайловна, как это видно из письма, понесла суровое наказание за свою сострадательную любовь к другому мужчине. Единственный человек, якобы понимающий ее, это, как полагает С. О., ее супруг. «Боже, какой они подняли крик! Как мне страшно теперь

за тебя! Я только что встретил твоего мужа: мы оба недостойны его, хотя оба безгрешны пред ним. Ему всё известно; он нас видит; он понимает всё, и прежде всё ему было ясно как день. Он героически стал за тебя; он спасет тебя; он защитит тебя от этих пересудов и криков; он любит и уважает тебя беспредельно; он твой спаситель, тогда как я бегу!.. Я бросился к нему, я хотел целовать его руку!» [7, с. 243] Эта великолепная сцена раскрывает все лицемерие Петра Александровича, изводящего жену намеками и вздохами об ее «грехе». Входя к ней, он даже «переделывает лицо», меняя жизнерадостное и вполне счастливое выражение на мрачное и скорбное [7, с. 251]. Также становится ясна причина монастырского образа жизни Александры Михайловны: общество просто отвернулось от нее. Даже ее сводную сестру княжну Катю не желают пускать к ней, и князь возит ее «потихоньку» [7, с. 224].

Сама Александра Михайловна так тяжело переживает случившееся, что оно вызывает у нее, выражаясь современным языком, настоящий комплекс вины. Бедная женщина чувствует себя всегда и перед всеми виноватой. Так она просит прощения даже у Неточки без всякой видимой причины, чем приводит ту в полнейшее недоумение [7, с. 248].

Наконец, следует сказать об аллюзиях на евангельский текст, о которых уже шла речь выше. В письме С. О. говорит: «Какой же камень поднимут они на тебя? чья первая рука поднимет его? О, они не смутятся, они поднимут тысячи камней!» [7, с. 243], явно вспоминая об эпизоде из Нового завета, когда к Христу фарисеи и книжники привели женщину, застигнутую в момент прелюбодеяния и которая была отпущена им без осуждения (см.: Евангелие от Иоанна. Гл. 8. Ст. 1–7). В дошедшем до нас отрывке ранней редакции эта связь была еще очевиднее. Там Александре Михайловне на память о пережитом остается гравюра с картины широко известного в 1840-х годах французского художника Эмилия Синьоля «Блудница» («La femme adultère», 1840) с надписью — евангельской цитатой (словами Христа) на латинском языке «Qui sine peccato est vestrum, primus in illam lapidem mittat», т. е. «Кто из вас без греха, первым брось на нее камень». «Бедная, бедная моя! Ты ли та грешница!» — восклицает автор письма [7, с. 411]. В чистовом варианте эти слова отданы Неточке, которая собирается сказать их своей благодетельнице, но не осуществляет своего намерения [7, с. 250].

Следует сказать, что в тексте черновика гравюра называется «Христос и та женщина». Это эвфемистическое наименование весьма характерно. Разумеется, со стороны С. О. было бы неэтикетно оставить своей возлюбленной гравюру, прямо названную «Блудница». Однако и с таким названием этот подарок вкупе с фразой на латинском выглядит достаточно неестественным и любовным по своему художественному смыслу, почему, возможно, Достоевский и отказался от него в окончательной редакции.

Как уже было сказано, с обнаружения письма начинается нравственный переворот в развитии Неточки. Ее тонкая, чувствительная душа возмущена открывшейся подоплекой отношений хозяев дома, где она живет. «Мне представлялось долгое, безвыходное страдание, мученичество, жертва, приносимая покорно, безропотно и напрасно. Мне казалось, что тот, кому принесена эта жертва, презирает ее и смеется над ней. Мне казалось, что я видела преступника, который прощает грехи праведнику, и мое сердце разрывалось на части!» [7, с. 245] Вопрос о том, кто является грешником, а кто праведником, чрезвычайно важен в тексте незаконченного романа. Симпатии автора и рассказчицы при этом явно на стороне супруги Петра Александровича. Сердце ее прямо названо «праведным» [7, с. 225], в нем много «праведно-спокойного» [7, с. 229]. Можно сказать, что «Неточка Незванова» является апофеозом темы падшей женщины в раннем творчестве Достоевского. Парадокс заключается в том, что именно эта падшая женщина не вполне является таковой, потому что собственно «греха» (физической измены мужу) она не совершала.

Думается, причина такого странного освещения темы в увлеченности автора образом страдающей, отринутой обществом женщины. В данном случае он доходит до утрирования и идеализации, далекой от житейского правдоподобия. Этические оценки в третьей части романа однозначны. Роли мучители и жертвы жестко закреплены за персонажами. В образе Александры Михайловны много книжного, идеального. Героиня так чиста, так целомудренна, что не вполне ясно, нуждается ли она в оправдании. В поведении же Петра Александровича есть нечто демоническое, противоестественное. Этот образ тесно связан с другими «плохими мужьями» — m-г М («Маленький герой») и князем Валковским («Униженные и оскорбленные»).

Следует сказать, что любовное письмо, найденное Неточкой, играет роковую роль и в ее жизни. За его перечитыванием однажды застаёт ее Петр Александрович. Видимо, он испытывает к Неточке влечение, далекое от отеческого. Это замечает ее попечительница, а сама Неточка отвергает. Однако все же данное предположение выглядит весьма правдоподобным, учитывая страшный гнев Петра Александровича, объяснимый не столько заботой о приличиях, сколько ревностью. Он думает, что видит перед собой письмо к Неточке от ее любовника, и решает выгнать ее из дома. Упрек Неточке является одновременно и упреком его супруге, как верно понимает сама девушка [7, с. 260]. Спор о проступке и судьбе Неточки превращается в спор о «грехе» и судьбе Александры Михайловны и вообще падшей женщины. Хозяин дома продолжает свою игру в намеки, которые теперь ясны рассказчице: «поверьте мне, сударыня, я знаю свои обязанности, и, как бы великодушно вы ни извиняли меня, я буду говорить прежде, чем преступление всегда останется преступлением, что грех всегда будет грехом, постыдным, гнусным, неблагородным,

на какую бы степень величия вы ни вознесли порочное чувство» [7, с. 262–263].

Александру Михайловну эти слова повергают в слезы, но все же она находит в себе силы храбро бросится на защиту воспитанницы. «Вы хотели выгнать ее из дома! Но знаете ли, с кем это делают? Вы знаете, что если ее выгоните, то выгоните нас вместе, нас обеих, — и меня тоже» [7, с. 265]. Она почти прямо говорит воспитаннице о своем прошлом: «я не достойнее, не лучше тебя; ты не можешь оскорблять меня своим присутствием, потому что я тоже, *тоже грешница*» [7, с. 264].

Разумеется, Петр Александрович не принимает такого поведения жены: « — Так довольно же я слушал, сударыня! — закричал наконец Петр Александрович, — довольно этого! Я знаю, что есть страсти платонические, — и на мою пагубу знаю это, сударыня, слышите? на мою пагубу. Но не ужиться мне, сударыня, с озолоченным пороком! Я не понимаю его. Прочь мишуру!» [7, с. 265–266].

Однако закончить свою тираду Петру Александровичу не удается, его супруга падает в обморок. Неточка объявляет о том, что ей известна их история. На этом роман обрывается.

Арест по делу петрашевцев, заключение в Петропавловскую крепость и последующая ссылка помешали Достоевскому закончить свое произведение. Отчасти идеи, воплощенные в третьей части романа, нашли отражение в написанном в крепости рассказе «Маленький герой».

«Неточку Незванову» можно считать апофеозом не только темы падения женщины в раннем творчестве пи-

сателя, но и апофеозом романтического, идеализированного осмысления феномена платонической любви и женской неверности. В написанном после ссылки романе «Униженные и оскорбленные» платоническая любовь Смитихи и Феферкухена будет подана в ироническом ключе. Неверные жены («любовницы» по классификации Н.Н. Мельниковой) в более позднем творчестве также не найдут более в Достоевском столь страстного заступника.

Очевидно, причиной такой метаморфозы является взросление писателя и, разумеется, вступление в брак. Вполне логично, что в молодости, в пору холостой жизни, его симпатии были на стороне страдалиц жен и их возлюбленных, а консервативно настроенные мужья вызывали отторжение. Можно вспомнить и такой эпизод начала его биографии как влюбленность в замужнюю А. Я. Панаеву. Повествование о другой неверной жене («Маленький герой») будет вестись от лица влюбленного мальчика. Видимо, Достоевский этой поры ощущал себя скорее возлюбленным, нежели мужем.

Разумеется, после испытаний, пережитых на каторге и во время солдатчины, а также брака с М.Д. Исаевой, взгляды писателя не могли не измениться, в том числе и на столь интимный вопрос как супружеская измена. Неверные жены в зрелом творчестве Достоевского (Наталья Васильевна Трусюцкая в «Вечном муже», Арина Виргинская в «Бесах», Аделаида Ивановна Карамазова в «Братьях Карамазовых») изменяют мужьям уже «по-настоящему» и изображаются автором с большой долей иронии.

Литература:

1. Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. М.: Дрофа, 2005.
2. Мельникова Н.Н. Архетип грешницы в русской литературе конца XIX-начала XX века. Диссертация ... к.ф.н. М., 2011.
3. Мельникова Н.Н. «Вечная Сонечка» и методологические аспекты изучения архетипа грешницы в литературе // Русская литература XVIII–XXI вв.: В диалоге с литературным и культурным наследием: Материалы Междунар. науч. конф. «Русская литература XVIII–XXI вв.: Диалог идей и эстетических концепций» (Лодзь, 21–23 сентября 2010 года) / Под ред. О. Гловко, Е. Садзиньской. Лодзь: PRIMUM VERBUM, 2010. С. 69–78.
4. Мельникова Н.Н. Метаморфозы образа падшей женщины в русской и латиноамериканской литературах // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Литературоведение. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. № 6. С. 113–122.
5. Мельникова Н.Н. Феномен «падшей женщины» как проблема сравнительного литературоведения (к постановке вопроса) // Литературная учеба. М., 2010. № 6. С. 114–123.
6. Достоевский Ф.М. ПСС в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28,1.
7. Там же. Т. 2.
8. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2.
9. Биография, письма и заметки из записной книжки. С портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883. (Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1.)

Суффикс *-ly*, формообразующий или словообразующий?

Кадулина Анастасия Алексеевна, учащийся

МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 13 имени А. А. Завитухина» (г. Вологда)

В английском языке, так же как и в русском языке существуют различные части слова: приставки, корни, суффиксы и окончания. Все эти части слова называются морфемами.

Морфема — это наименьшая, значимая часть слова, выполняющая функции словообразования и формообразования [1, с. 9]. Понятие «морфема» было введено Иваном Александровичем Бодуэном дэ Куртене русским и польским лингвистом.

Морфема несет в себе некоторое значение, не смотря на свою минимальность. Она может иметь значение, будучи «вырванной» из лексемы вообще.

Так, английские приставки: *un-*, *dis-*, *im-* и некоторые другие несут в себе значение отрицания или значение противоположности. Например, *'polite'* — *'impolite'* («вежливый» — «невежливый»).

Суффиксы могут принимать, например, выражение значения какой-либо профессии, рода деятельности или человеческого увлечения. Так, при присоединении суффикса *-er* к глаголу *'build'* — «строить», мы получаем имя существительное *'builder'* — «строитель», или же при присоединении к лексеме *'read'* — «читать», суффикса *-er*, образуется слово, которое обозначает род увлечений: *'reader'* — «читатель».

Таким образом, мы видим, что морфемы несут в себе значение.

Корень слова так же является морфемой. Он является основным носителем лексического значения слова. К корню слова присоединяются другие аффиксы, наполняя его более полным и точным лексическим и грамматическим значением. Например, *'unremarkable'* — «невывдающийся», «обыкновенный». При помощи суффикса *-able* от глагола *'to remark'* образовалось имя прилагательное, которое приобрело отличные от глагола лексико-грамматические значения. Приставка *-un* привнесла в слово отрицательный смысл.

Окончание слова также является морфемой, но в английском языке более часто служит для образования видоизмененных и неличных форм глагола, то есть образует определенные формы слова, за некоторым исключением. Так, глагольное окончание *-ing* иногда формирует новые части речи: *'an amazing travel'* — «потрясающее путешествие». В английском языке хорошо известно и широко используется окончание *-ed*. Оно добавляется к правильным глаголам в прошедшем времени, в перфектных временах, во всех временах страдательного залога, в неличных формах глагола для образования герундия, инфинитива, причастия. Например: *'They are happy to be called for help'*.

Однако хотелось бы отметить некоторый нюанс. Так, как мы полагаем, окончание *ed* может быть и суф-

фиксом, что наглядно показывает пример лексемы *'provided'*, которая может быть союзом — «при условии что» и именем прилагательным — «обеспеченный», «снабженный». Суффикс *-ed* образует и прилагательное от имени существительного. В этом случае данный суффикс имеет грамматическое значение «обладающий чем-то».

Например:

'He was elegant, bowler-hatted and umbrellaed'.
(Willcock)

Наличие небольшого количества окончаний в английском языке объясняется тем, что данный язык принадлежит к языкам аналитическим, а не флективным, как, например, русский язык, в котором флексия имеет большое значение при связи слов в предложении.

Кроме того, флексия в таких языках как русский язык, может одновременно обозначать число и падеж имени существительного. Так, в слове «столы» окончание *-ы* указывает на множественное число имени существительного и именительный падеж.

Итак, мы кратко рассмотрели все морфемы. Нам более интересуют суффиксы, а именно, суффикс *-ly* английского языка. Прежде чем перейти к его рассмотрению, обратимся к другим суффиксам.

Суффикс, как и любая другая морфема минимален по своей структуре, но может привносить в слово различные смысловые оттенки. Так, употребительны суффиксы глаголов: *-ize* (*'summarize'* — «суммировать»), *-fy* (*'electrify'* — «электризовать»). Довольно употребительны суффиксы существительных: *-ness* (*'whiteness'* — «белизна»), *-ion* (*'revision'* — «повторение»), *-an* (*'American'* — «американец»). Суффиксы так же употребительны и в других частях речи. Данные примеры указывают на значимость суффикса как части слова.

Все суффиксы подразделяются на формообразующие и словообразующие.

Как видно из вышеприведенных примеров, большинство суффиксов английского языка являются словообразующими. При помощи словообразующих суффиксов появляется слово другой части речи, которое приобретает новые лексико-грамматические значения.

В английском языке существуют также формообразующие суффиксы. Их количество значительно меньше, но, тем не менее, они существуют. Так, мы можем увидеть формообразующие суффиксы в степенях сравнения имен прилагательных. Например, *'cool — cooler — the coolest'*. В данном примере мы наблюдаем суффиксы формообразования (*-er*, *-est*) сравнительной и превосходной степеней сравнения английского языка.

В нашей статье мы бы хотели более подробно остановиться на суффиксе *-ly*, который, как известно, является суффиксом наречий.

Наречия обозначают признак действия и являются очень важной частью речи, поскольку характеризуют глагол, который, как известно, представляет одну из основных частей речи английского языка. Приведем примеры: *'He has done it easily'* — «Он сделал это легко». Здесь наречие характеризует глагол.

В других примерах наречия могут характеризовать имена прилагательные и сами наречия. Как правило, это наречие *'very'*. Например, *'Ann takes a very good care of her mother'* — «Аня отлично ухаживает за мамой». Наречия могут характеризовать причастия: *'I am very much surprised that he is out'* — «Я очень удивлен, что его нет дома».

Наречия подразделяются на производные и непроизводные.

К непроизводным наречиям относят наречия, образованные без суффикса *-ly*: *'well'* — «хорошо», *'soon'* — «быстро», *'very'* — «очень», *'now'* — «сейчас», *'often'* — «часто», *'inside'* — «внутри», *'too'* — «тоже».

К производным наречиям относят наречия, образованные при помощи суффикса *-ly*: *'kindly'* — «по-доброму», *'badly'* — «плохо», *'usually'* — «обычно», *'easily'* — «легко», *'quickly'* — «быстро».

Таким образом, вышеприведенные примеры указывают на словообразующий характер суффикса *-ly*. Многие наречия образованы от имен прилагательных путем прибавления суффикса *-ly*. Так, меняется слово, которое переходит из одной части речи в другую, приобретая новые

лексико-грамматические значения.

Рассматривая примеры лексем с суффиксом *-ly*, мы пришли к выводу, что данный суффикс может иметь ещё одну функцию: функцию полного изменения значения слова. Например, *'hard'* — «усердный» (имя прилагательное); *'hard'* — «усердно» (наречие); *'hardly'* — «едва», «с трудом» (наречие). В этом примере оба наречия *'hard'*, *'hardly'* имеют противоположное значение. В своем устаревшем значении лексема *'hardly'* имела значение «твердо», «уверенно».

Это неединственный пример в своем роде. Так, *'late'* — «поздний» (имя прилагательное); *'late'* — «поздно» (наречие); *'lately'* — «в последнее время» (наречие). Здесь последние два примера имеют разное лексическое значение слова.

Далее, мы можем встретить: *'near'* — «близкий» (имя прилагательное); *'near'* — «близко», (наречие) *'nearly'* — «почти» (наречие); *'high'* — «высокий» (имя прилагательное); *'high'* — «высоко» (наречие); *'highly'* — «очень, чрезвычайно» (наречие).

Кроме того, что суффикс *-ly* несколько меняет значение слова, в английском языке существуют имена прилагательные с данным суффиксом: *'friendly'* — дружелюбный, *'lovely'* — приятный и другие имена прилагательные, которые нельзя относить к наречиям, только по наличию суффикса *-ly*.

Итак, мы пришли к выводу, что основная функция суффикса *-ly* — словообразовательная, но встречаются лексемы с данным суффиксом, которые являются наречиями, но имеют совершенно иной смысл.

Литература:

1. Бодуэн Де Куртене И. А. Избранные труды по языкознанию. — М.: Наука, 1963. — 273 с.

Методы обучения произношению корейского языка для начинающих

Кан Сон Кю, преподаватель
Томский политехнический университет

Для студентов, которые только начинают изучать корейский язык, усвоение корейского алфавита может вызвать трудности. Еще сложнее будет усвоить звуки корейского языка, которых нет в русском языке. В данной работе мы предлагаем методы обучения произношению корейского языка на начальном уровне. Прежде всего, мы рассмотрим обучение произношению как процесс, затем остановимся на методах обучения произношению, приведем примеры фонетических изменений, произношений в предложениях и примеры из практики преподавания.

1. Обучение произношению как процесс

Процесс обучения произношению состоит из демонстрации, осознания и понимания, подражания, проверки

и корректировки, выполнения комплекса фонетических упражнений. На первом этапе, этапе демонстрации, необходимо продемонстрировать обучаемым примеры четкого произношения. Преподаватель сам должен владеть хорошим произношением. Если преподаватель не владеет хорошим произношением, он может использовать аудиозаписи. Предлагать необходимо сначала гласные звуки, а затем согласные. Гласные звуки могут звучать самостоятельно, согласные же не могут. Среди гласных звуков корейского и русского языков есть идентичные, с них и можно начать знакомство с гласными звуками корейского языка. [1, с.18] На втором этапе, этапе осознания, обучаемые пробуют произносить звуки, предложенные

им на первом этапе, и учатся различать гласные и согласные звуки. На третьем этапе, этапе подражания, обучаемые подражают ранее услышанному и осознанному произношению. На этом этапе обучаемые должны научиться воспроизводить гласные и согласные звуки корейского языка и различать их. На четвертом этапе, этапе проверки и корректировки, необходимо проверить, насколько верно воспроизводятся звуки и при необходимости провести корректировку произношения обучаемых. На этом этапе анализируются сходства и различия звуков русского и корейского языков, отрабатывается произношение звуков, в произношении которых обучаемые часто допускают ошибки. [2] На последнем этапе, этапе выполнения комплекса упражнений, обучаемые учатся в комплексе использовать гласные и согласные звуки. На данном этапе необходим комплекс упражнений, который можно применять во время обучения аудированию, письму, работе с текстом и говорению с целью довести произношение обучаемых до уровня идентичности с оригинальным произношением.

2. Методы обучения произношению гласных звуков

Обучение произношению на начальном этапе заключается в том, чтобы в достаточной степени отработать произношение 21 гласного звука корейского языка, добиться четкого произношения гласных звуков и умения правильно их использовать. Русскоязычные студенты часто допускают ошибки в произношении гласных 'ㅏ' и 'ㅑ'. Так как в русском произношении отсутствует звук 'ㅑ', этот звук часто произносят как 'ㅏ'. Таким образом, обучаемых необходимо научить произносить звук 'ㅑ'. При произношении звуков 'ㅏ' и 'ㅑ' положение губ и артикуляционная позиция одинаковы, они отличаются лишь по позиции языка, именно поэтому обучаемые испытывают трудности при произношении данных звуков. Для предотвращения подобных ошибок при произношении существует ряд упражнений по отработке звуков, произношение которых можно спутать. Например, можно предлагать обучаемым звуковые пары типа «어/오, 으/우, 이/위, 예/외», сравнивать и противопоставлять произношение звуков в паре. Цель другого метода заключается в том, чтобы обучаемые осознали и научились произносить гласные, правильно регулируя раскрытие рта. Для этого можно использовать фонетическое упражнение, когда по очереди произносятся гласные звуки типа «아/어/으, 어/으, 예/예/이». Далее для обучения различению гласных звуков можно вводить слова и предложения, в которых есть звуки, которые предстоит сравнить. Здесь можно использовать такой языковой материал, как «나무/너무, 죄/죄, 체법 재미있게 이야기 할 줄 아는군». У русскоязычных обучаемых наблюдаются случаи неразличения 'ㅡ' и 'ㅣ'. При произношении данных звуков высота языка и положение губ практически одинаковы, поэтому верно определить звук только по положению губ сложно. Необходим комплекс фонетических упражнений, чтобы обучаемый сам почувствовал разницу при произношении данных звуков. Здесь также хорошо предлагать

слова и предложения, в которых есть эти звуки, например, «글/길, 음식/[임식] (오류), 흐르는 물은 막을 수 없다», чтобы обучаемые научились их различать. Итак, попробуем систематизировать методы обучения произношению гласных звуков. Во-первых, необходимо подвести обучаемых к пониманию принципов произношения гласных звуков, для наглядности можно воспользоваться схемой или рисунком. Во-вторых, рекомендуется использовать зеркало, чтобы обучаемые могли во время выполнения фонетических упражнений видеть свои губы. Здесь зеркало позволит обучаемым сравнивать положение губ преподавателя либо человека, который демонстрирует произношение по видеозаписи, находить и корректировать свои ошибки при произношении. В-третьих, на начальном этапе обучения необходимо сосредоточенно работать над произношением, добиваясь четкости произношения у обучаемых. [3]

3. Методы обучения произношению согласных звуков

Среди согласных звуков больше встречается звуков, которых нет в русском языке. Прежде чем работать над произношением 19 согласных звуков и умением их различать, необходимо рассмотреть принципы их произношения. Произношение согласных звуков различается по трем параметрам. Во-первых, по артикуляционной позиции различают губные, альвеолярные, небные и гортанные согласные. Во-вторых, по способу артикуляции различают взрывные, аффрикаты, щелевые, носовые и плавные согласные. В-третьих, по силе образования звука, то есть по силе посылаемого воздуха при произношении согласные делятся на простые, придыхательные и геминаты. Общее явление среди русскоязычных обучаемых — ошибки при произношении [ㅍ, ㅌ, ㅇ]. Особенно при произношении [ㅇ], так как в русском языке нет соответствующего звука, учащиеся произносят данный звук как [ㅍ] или [ㅌ]. Для корректировки данного произношения необходимо объяснить обучаемым, что произношение [ㅇ] схоже с произношением английского ng и поработать над произношением данного звука. Звуки [ㅍ, ㅌ, ㅇ] по способу артикуляции одинаковы и по силе образования звука практически не отличаются. Однако артикуляционная позиция этих звуков разная. Здесь наблюдается то же явление, что и при обучении произношению гласных звуков: велика вероятность плохого различения звуков, у которых два параметра произношения совпадают и лишь по третьему параметру есть различия. Причем, если данные звуки являются анлаутом (первым звуком) в слоге, их реже путают, но когда данные звуки конечные в слоге, часто возникают ошибки при произношении. Приведем практические примеры отработки произношения согласных звуков. Предлагается группа слов для отработки произношения согласного в начале и в конце слога: «바/다/사/자/가, 파/타/차/카/하», «밥/밭/박, 전수/점수/정수». Затем предлагаются пары согласных звуков и пары слов, где встречаются разные по силе образования звуки: «ㄱ/ㄱ/ㅋ, ㄷ/ㄷ/ㅌ, ㅈ/ㅈ/ㅉ».

ㅈ/ㅉ/ㅊ, ㅅ/ㅆ», «달/딸/탈, 자다/짜다/차다, 자동차». Русскоязычные обучаемые часто испытывают трудности при различении ㅈ/ㅉ, поэтому необходимо поработать именно над этой парой звуков. Для того чтобы обучаемые сами смогли убедиться, что сила образования звуков разная, можно во время произношения приложить ко рту тонкий лист бумаги либо ладонь для демонстрации разной силы выдыхаемого воздуха при произношении тех или иных согласных звуков. Итак, попробуем систематизировать методы обучения произношению согласных звуков. Во-первых, дать понять обучаемым, как согласные различаются по артикуляционной позиции, способу артикуляции и силе посылаемого воздуха при произношении. Во-вторых, отработать произношение пар и групп согласных звуков, различающихся только по одному из трех параметров. В-третьих, отработать произношение согласных звуков с использованием зеркала, где можно будет видеть положение органов артикуляции. В-четвертых, сосредоточенная работа над четким произношением согласных звуков на начальном этапе обучения. [4, с.60]

4. Изменения фонемы

Фонема — это минимальная смысловозначительная единица языка, это гласные и согласные звуки. Изменения — это явление, когда фонема меняет свою форму, то есть звук звучит не так, как он должен звучать, а претерпевает изменения. Изменения фонемы наблюдаются при различных грамматических явлениях, и это может представлять одну из самых больших трудностей для обучаемых, изучающих корейский язык как иностранный. Следовательно, на начальном этапе обучения необходимо уделить этому особое внимание. Фонемы могут претерпевать различные изменения, такие как чередование, ассимиляция, сокращение, выпадение фонем. На начальном этапе познакомим обучаемых с произношением согласного в конце слога, слитным чтением слогов и ассимиляцией. Сначала рассмотрим правило конечного звука слога. Звуков, которые могут произноситься в конце слога, только 7, такие как «ㄱ, ㄴ, ㄷ, ㄹ, ㅁ, ㅂ, ㅇ». Даже если другие согласные будут стоять в конце слога, они превратятся в один из этих семи звуков. Звуки ‘ㄱ, ㅋ’ превратятся в ‘ㄱ’, ‘ㅅ, ㅆ, ㅈ, ㅊ, ㅌ, ㅍ’ в ‘ㄷ’, ‘ㅍ’ в ‘ㅂ’. Например, слова ‘낫, 낫, 낫, 낫’ — все будут читаться как [낫]. Существует 11 комбинаций двойных конечных согласных в слоге, такие как ‘ㄱ, ㄴ, ㄷ, ㄹ, ㅁ, ㅂ, ㅅ, ㅆ, ㅈ, ㅊ, ㅌ, ㅍ’. Нелегко произнести одновременно оба согласных звука в конце слога. Принцип произношения конца слога в данном случае в том, что произносится согласный, стоящий первым в алфавитном порядке. Например, в фразе «자기 몫도 못 찾는다» в подчеркнутом слове в конце слога стоит два согласных ‘ㄴ’, в конце слога произносится ‘ㄱ’, так как он ранее стоит по алфавиту, чем ‘ㅅ’, согласный ‘ㅅ’ не произносится и слово звучит как [목또]. Однако есть и исключения из правила, такие как ‘쫘다 [점따], 읊다 [읍따]’. При сочетании согласных ‘ㄹ’ в конце слога происходит выпадение ‘ㅂ’ и произносится только ‘ㄹ’. Например, ‘여덟 [여덜], 쫘다 [잘따], 읊다 [널따]’. Од-

нако в словах ‘뺏다’, ‘넓둥글하다 [넙뚱글다], 넓죽하다 [넙쭈카다]’ наоборот происходит выпадение ‘ㄹ’ и произносится только ‘ㅂ’. Также требует особого внимания «ㅎ» в конце слога. Если после «ㅎ» идет «ㄱ, ㄷ, ㅈ», происходит столкновение согласных, звук ‘ㅎ’ оказывает влияние на последующий согласный и последующий согласный произносится [ㅋ, ㅌ, ㅊ] соответственно. Например, «놓고 [노코], 가도 좋지만 [조치만], 가지고 가도 괜찮다 [괜찬타]». Если же после «ㅎ» следует «ㄴ» «[ㄴ]» сохраняет свое звучание, если после ‘ㅎ’ следует морфема, начинающаяся на гласный звук, ‘ㅎ’ не произносится. Например, «소고기를 먹지 않는 [안는] 사람도 있다/ 놓으니 [노으니], 낱아 [나아]». Во-вторых, расскажем о применении правила слитного чтения корейского языка. Если слог заканчивается на согласный, а следующий слог начинается с гласного, при чтении конечный согласный предыдущего слога читается как начальный согласный следующего слога. Например, «웃이 [오시], 꽃을 [꼬출], 앞으로 [아프로], 국어 [구거]». В-третьих, остановимся на распространенных типах ассимиляции между звуками в корейском языке — ассимиляции согласных и палатализации. Ассимиляция согласных — это полное или частичное уподобление одного согласного звука другому для удобства произношения. Так, согласные звуки ‘ㄱ, ㄷ, ㅂ’ в конце слога перед носовыми звуками ‘ㄴ, ㅁ’ произносятся как ‘[ㅇ, ㄴ, ㅁ]’. Например, «한국말 [한궁말], 먹는다 [멍는다], 입문 [임문]». Согласные звуки ‘ㅁ, ㅇ’ перед ‘ㄹ’ произносятся как [ㄴ]. Например, «음료수 [음뇨수], 침략 [침낙]». Палатализацией называют явление, когда согласные звуки ‘ㄷ’ и ‘ㅌ’ в конце слога перед гласным ‘ㅣ’ произносятся как палатальные звуки ‘ㅈ’ и ‘ㅊ’. Например, «해돋이 [해도지], 밭이 [바치], 달히다 [다티다→다치다]». Однако перед остальными гласными кроме ‘ㅣ’ согласные звуки ‘ㄷ’ и ‘ㅌ’ не меняют своего звучания. Например, «돈을 [도들], 밭을 [바들], 밥솥을 [밥소들]». [5, с.67]

5. Произношение в предложении (интонация)

Говоря о произношении, следует упомянуть и интонацию в предложениях корейского языка. В вопросительных предложениях интонационная мелодия предложения в конце предложения повышается, а в повествовательных — понижается. Например, в вопросительном предложении «어머니께서 오셨어요?» повышение мелодии приходится на «오셨어요», а в повествовательном предложении «어머니께서 오셨어요.» в конце предложения происходит понижение интонационной мелодии.

6. Использование методических материалов и учебных пособий по фонетике корейского языка

Использование методических материалов и учебных пособий по фонетике корейского языка в работе над произношением обучаемых на начальном уровне позволит достичь еще более хороших результатов. Для отработки слов и предложений можно использовать как карточки с изображениями, так и видеоресурсы. Использование нами учебного пособия по фонетике корейского языка на начальном уровне подготовки (занятия со студен-

тами 1 курса ТПУ) показало, что систематическая работа над произношением действительно дает результаты, и произношение становится более точным. При работе с учебным пособием необходимо определить виды работ, такие как повторение, подражание, запись на слух, чтение, работа над ошибками и методично в течение определенного промежутка времени работать в этом направлении с обучаемыми. Выводы: Скорость усвоения корейского алфавита у разных обучаемых различна. Кто-то может выучить алфавит за несколько часов, кому-то может потребоваться несколько дней. Однако чтобы научиться правильно произносить слова, записанные буквами корейского алфавита, понадобится немало времени. Каждый язык имеет свои только ему присущие особенности, и корейский язык не исключение, фонетика корейского языка также имеет присущие только ей особенности.

Русскоязычные студенты, начинающие изучать корейский язык, должны научиться точно произносить как идентичные либо похожие на звуки родного языка гласные звуки корейского языка, так и совершенно другие, не имеющие аналогов в родном языке сложные для произношения согласные звуки. Для этого необходимо инвестировать свое время, самостоятельно работать в этом направлении. Таким образом, необходимо приложить много усилий, чтобы зная принципы произношения и фонетические явления, встречающиеся в языке, научиться точно произносить звуки изучаемого языка. Желаю, чтобы каждый обучаемый смог свободно общаться на корейском языке с носителями языка и иностранцами, владеющими корейским языком.

Примечания и литература:

1. При произношении 'ㅈ' позиция языка ниже, чем при произношении 'ㅊ'. При произношении 'ㅈ' задняя часть языка ниже, чем при произношении 'ㅊ', но выше, чем при произношении 'ㅊ', губы не напряжены. 국립국어연구원 (Государственный институт корейского языка) 한국어연수교재 (Учебное пособие по корейскому языку), 1998.
2. Например, произношение гласных [아, 오, 우, 이] идентично с гласными русского языка [а, о, у, и].
3. Русскоязычные обучаемые часто допускают ошибки в произношении [오] и [어], путают произношение [ㅈ] и [ㅊ], [ㅊ], [ㅋ], [ㅌ].
4. Квак Джиён и еще 7 соавторов Практическая методика обучения корейскому языку, издательство университета Енсе, Сеул, 2007
5. Там же.
6. Институт преподавания корейского языка Университета Сеул, Фонетика корейского языка как иностранного 47, часть 1, издательство Ленгизплос (랭기지플러스), 2000.
7. Цой Кильси Практика преподавания корейского языка как иностранного, издательство Тенакса (태학사), Сеул, 2000.

О научных школах русской лингвокультурологии

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор
Чанчуньский университет (КНР)

В настоящее время интенсивно развивается новое направление лингвистики — лингвокультурология, которая исследует воплощённую в национальный язык культуру и менталитет [7, с. 217]. Но до сих пор существуют расхождения в отношении научного позиционирования, предметов и методов исследования русской лингвокультурологии. Можно сказать, что теория и методология этой дисциплины ещё находятся на этапе формирования.

Существует несколько определений лингвокультурологии, которые рассматриваются более представительными и авторитетными. К примеру, 1) Лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц

в единстве их языкового и внеязыкового культурного содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей [1, с. 36–37]; 2) Лингвокультурология — это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [5, с. 28]; 3) Лингвокультурология — сравнительно молодая филологическая дисциплина синтезирующего типа, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и рассматривающая язык как воплощение культуры [5, с. 5]; 4) Лингвокультурология — дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира языкового сознания,

особенностей ментально-лингвального комплекса [4, с. 12]. Общими чертами вышеперечисленных определений являются следующие: 1) подчеркнута характеристика лингвокультурологии как всеобъемлющей дисциплины; 2) исследование языка и культуры через посредник языка; 3) объектом изучения лингвокультурологии является культурная семантика языковых символов, и культурная семантика формируется под воздействием языка и культуры.

К настоящему времени лингвокультурология представлена в России и в мире несколькими мощными школами, каждая из которых отличается своими установками, областью и особыми процедурами анализа. Представителями Московской лингвокультурологической школы являются Н.А. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.В. Красных, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др. Ю.С. Степановым была издана книга «Константы. Словарь русской культуры». Он занимается, на наш взгляд, типичным лингвокультурным моделированием языка. Автор рассматривает константы русской народной культуры в диахроническом аспекте. «Язык и мир человека» Н.А. Арутюновой ориентированы на рассмотрение универсальных терминов культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Внимание В.Н. Телии уделено лингвокультурологическому анализу фразеологизмов. Целью исследования В.Н. Телии и учеников является описание культурной и этнической коннотативной семантики фразеологизмов и выявление личностных характеристик сознания. В.В. Воробьев расширяет концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Под его пером лингвокультурология ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутую современной жизнью общества, на объективную информацию о культурной жизни страны [1, с. 32]. Он выдвинул основную единицу лингвокультурологического анализа — лингвокультурема, определяя ее как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [1, с. 44–45]. И лингвокультурема обладает коннотативным смыслом и «живет до тех пор, пока живет идеологический контекст, ее породивший» [1, с. 52].

В России продуктивно работает лингвокультурологическая школа в Волгограде (В.И. Карасик, Е.И. Шайгал, Н.А. Красавский и др.) и Краснодаре (С.Г. Воркачев.). В.И. Карасик рассматривает лингвокультурологию как комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры [3, с. 103]. В качестве единиц изучения фигурируют реалии, т.е. те факты действительности, которые объективно присущи только данной этнокультурной общности, лакуны, т.е. минус-факты действительности, значимые отсутствия определенных обозначений, и фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа [3, с. 127]. Волгоградская школа ориентирована на изучение и ин-

терпретацию культурных доминант, зафиксированных в языковом сознании и речевом поведении. Основными понятиями, разрабатываемыми в данной школе, являются культурный концепт и лингвокультурный типаж. Под культурным концептом они понимают как сложное ментальное образование, свойственное представителям тех или иных социальных групп, в состав которых включаются понятийный, образный и ценностный компоненты. Ценностная сторона концепта — важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. По мнению В.И. Карасика противопоставляются следующие ценности: индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (например, в семье между близкими), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие. Именно наличие ценностного компонента отличает от других ментальных единиц. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценности, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [2, с. 5]. Иначе говоря, среди концептов есть культурные ключи, которые очень важны для той или иной культуры. Е.И. Шейгал, исходя из широкого понимания политической коммуникации, включает в политический дискурс любые речевые образования, субъект, адресат, содержание которых относится к сфере политики. В качестве основных единиц лингвокультурологии она рассматривает этнонимы — названия национальных меньшинств — становится идеологемами, приобретая идеологическую коннотацию «чужой, не наш враг» [8, с. 125].

В Воронеже продуктивно работает лингвокультурологическая школа во главе с известными лингвистами З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, В.Б. Кашкиным и др. Для данной школы характерно исследование национального коммуникативного поведения. «Под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. групп, а также отдельной личности. В настоящее время многочисленные исследования в сфере антропоцентрической лингвистики, речевых жанров, контрастивной и этнической культурологии, прагмалингвистики ставят на повестку дня проблему системного описания коммуникативного поведения как народов в целом, так и отдельных социальных, возрастных, гендерных групп и индивидов» [6, с. 3]. Национальное коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности предполагает коммуникативную культуру, т.е. коммуникативное поведение народа как компонент его национальной культуры, фрагмент национальной культуры, отвечающий за коммуникативное поведение нации. Коммуникативные нормы — коммуникативные правила, обязательные для выполнения в данной лингво-

культурной общности (знакомого надо приветствовать, за услугу благодарить и т. д.). Коммуникативные традиции — правила, не обязательные для выполнения, но соблюдаемые большинством народа к рассматриваемым в обществе как желательные для выполнения и т. п. (там же).

Кемеровская лингвокультурологическая школа направлена на теорию концептуальной метафоры, на анализ концептов внутреннего мира человека (*жизнь, идея* и пр.). Под их пером выделяются три группы концептов: парные концепты, бинарные концепты и эквивалентные концепты, противопоставляются наивная и научная картины мира. Теория концептуальной метафоры лежит в основе лингвокультурологических исследований, выполняемых в Иркутске (А. В. Кравченко, В. А. Степаненко), Екатеринбурге (А. П. Чудинов) и др.

Таким образом, очевидно, лингвокультурологическое исследование российских лингвистов сосредоточено внимание на культурной функции языка и нацио-культурной специфике языкового применения. Лингвокультурология представляет собой смежную дисциплину, касающуюся

семантики, культуры и коммуникации. Исследование культурной информации в языке является неизбежным результатом развития лингвистики 19–20 веков. Теоретически-методологические основы российской лингвокультурологии находятся еще в стадии формирования. В области концептуального исследования российские ученые добились удивительных успехов, что заслуживает внимания китайских исследователей.

Традиционная лингвистика рассматривает язык как объективную символическую систему, не понимая смысл языка как модель видения мира народа. Лингвокультурология приобретает научный анализ и понимание в отношении формы, значения и функции языка. «Лингвисты-исследователи должны рассмотреть использование языка в широком диапазоне культуры, выходя за пределы языка, и приобрести культурные ценности говорящего из использования языка. Такой путь исследования имеет широкие перспективы» [9, с. 7].

注：本文系吉林省教育厅《十二五》社会科学研究项目，吉教科文合字 [2013]第245号阶段性成果。

Литература:

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. — М.: Изд-во РУДН, 1997, — 331 с.
2. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии. // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2001. — с. 3–16.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. — Волгоград: Перемена, 2002, — 477 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002, — 284 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студентов высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001, — 208 с.
6. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. // Коммуникативное поведение. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000. 27 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
9. 顾嘉祖..语言与文化—永恒的跨学科研究课题 [J]. 外语研究, 1998, (4), 6–8页.

Паломничество к Шекспиру: зарождение бардомании в США

Москвитина Дарья Анатольевна, старший преподаватель
Классический частный университет (г. Запорожье, Украина)

В статье анализируются культурологические факторы формирования своеобразного культа В. Шекспира в американском обществе первой половины XIX века, при этом литературные паломничества в Стретфорд-на-Эйвоне рассматриваются как основная культурная практика, которая дала предпосылки для зарождения бардомании в США.

Ключевые слова: литературное паломничество, В. Шекспир, Стретфорд-на-Эйвоне, бардомания.

В интеллектуально-духовном пространстве США 1-й половины XIX века, когда стихло ликование первых постреволюционных лет и снизился накал антиметро-

польного пафоса, отчетливо встал вопрос о развитии национальной литературы и искусства, а также об их «конкурентоспособности» в мировом культурном континууме.

Историко-литературная эпоха романтизма, начало которой в Америке хронологически совпадает с Войной за независимость, выдвинула ряд самобытных и ярких личностей (В. Ирвинг, Р. У. Эмерсон, Г. Д. Торо, Г. Мелвилл, Н. Готорн, У. Уитмен), роль которых в развитии американской культуры можно сравнить с ролью «отцов-основателей» для Америки в целом. В то же время, тотальное господство воинствующих антиметропольных настроений в американском идеариуме конца XVIII — начала XIX века, а также непрекращающиеся дискуссии о необходимости создания максимально абстрагированной от британского культурного наследия национальной американской литературы,¹ могли привести к культурной изоляции и интеллектуальному провинциализму Америки, если бы в центр литературного канона американской нации не была поставлена фигура Вильяма Шекспира, в абсолютном авторитете которого не сомневались даже самые ярые националисты.

В период интенсивных поисков национальной идентичности и формирования независимого культурного канона процесс «деанглизации», которая реализовалась на всех уровнях американского общества — от отказа воспевать в стихотворениях английскую птицу жаворонка² до бойкота английских товаров, — никоим образом не коснулся восприятия американцами одного из главных топосов «феодалной» метропольной культуры — Вильяма Шекспира. «Великий американский писатель» — так называл гениального англичанина один из наиболее выдающихся деятелей американского романтизма Дж. Ф. Купер. Такое «присвоение» свидетельствует о культе Великого Барда, глубоко укоренившемся в сознании американцев середины XIX века. Кроме того, помещая Шекспира в центр культурного канона, Америка стремилась легитимизировать в глобальной парадигме собственные культурные достижения.

Под влиянием романтиков — Р. У. Эмерсона, Г. Д. Торо, Н. Готорна, Г. Мелвилла, Дж. Ф. Купера и др. — к середине XIX века в кругах элиты американского общества сформировался культ Вильяма Шекспира как поэта и философа. Духовное наполнение этого культа обеспечивалось многочисленными американскими изданиями пьес и сонетов Великого Барда, попытками критически и философски осмыслить его творчество, литературными посвящениями и пр. Материальная же сторона культа в силу объективных причин была для американцев — больших любителей монументальной символики — недоступна. Поэтому неудивительно, что, в первых десятилетиях XIX века, как только утихли голоса наиболее рьяных сторонников культурной изоляции от Англии и Европа перестала восприниматься как олицетворение феодального метропольного духа, на родину Шекспира, в город

Стретфорд-на-Эйвоне (графство Уорикшир) потянулись паломники-американцы, единственной целью которых было поклониться праху Великого Барда и прикоснуться к истории.

Одним из первых такое путешествие к могиле Шекспира совершил Вашингтон Ирвинг в 1815 году (и повторил его в 1821 и 1831 гг.). В книге очерков «Книга набросков Джеффри Крейона, джентльмена» (1820) он отозвался о своей первой поездке как о «поэтическом паломничестве» [1, с. 209]. Вслед за Ирвингом поездку в Стретфорд совершили еще несколько тысяч американцев, среди которых были такие известные личности как Генри Клей, сенатор и конгрессмен (июль, 1815), Кальвин Стоу, будущий муж Гарриет Бичер-Стоу (август, 1836), Чарльз Самнер, сенатор и политик (январь, 1839).

Следует отметить, что поездки американцев на родину Великого Барда имели оттенок именно паломничества, а не праздной туристической прогулки: до 1860 г. у Стретфорда не было доступа к железной дороге, поэтому путешествие из Лондона в Уорикшир представляло собой крайне неудобное и утомительное предприятие. Кроме того, как указывает американский шекспировед Ким Стерджесс, Стретфорд начала и середины XIX века не входил в число крупнейших туристических центров Европы и не мог предложить ничего, кроме достопримечательностей, связанных с Великим Бардом (дом, могила, церковь Святой Троицы) [2, с. 129]. Тем не менее, тысячи американцев ежегодно посещали Стретфорд и оставляли записи в книге посетителей церкви Святой Троицы. Некоторые записи свидетельствуют об искреннем и глубоко преклонении перед английским гением. Некий Т. Клиффорд из Филадельфии оставил в книге двустихие: “Shakespeare thy name across the Atlantic clime / Shall be rever'd until ever endless time” [Цит. по 2, с. 130]. («Шекспир, твое имя пересекло Атлантику и будет почитаться до конца времен»). Другой визитер, Джордж Джонс, добавил в книгу отзывов короткое стихотворение-экспромт: «A pilgrim from a foreign to his nature land, Kneels in devotion Shakspeare as thy works command, Calls forth homage where're thine names unfurl'd, And the proud England's isle may boast thy lore Yet lives thine spirit upon Columbia's shore. In states unborn and accents yet unknown, Again shall thy prophetic lance be thrown.» [Цит. по 2, с. 130]

«Паломник из чужой страны на его родной земле,
Преклоняет колени в восторге, Шекспир, поскольку
твои произведения господствуют,
Призывает к благоговению тех, кто еще не знает твоего имени,

¹ Здесь имеются в виду, в первую очередь, дискуссии «младоамериканцев» с «вигами-универсалистами» на страницах журнала «Арктур» (сер. XVIII века), а также декларации У. Г. Симмса («Американизм в литературе» (1844)) и К. Метьюса («Отечественные писатели, отечественные книги, отечественная критика» (1845)) про необходимость создания национальной американской литературы.

² Американский критик У. Брайент писал своему брату, который, живя в Иллинойсе, написал стихи про жаворонка: «Видел ли ты когда-нибудь эту птицу? Позволь мне посоветовать тебе черпать свои образы, когда ты описываешь природу, из того мира, который окружает тебя. Жаворонок — английская птица, и американец, не бывавший в Европе, не имеет права приходить в восторг от него». [Цит. по 1, с. 32].

И, хотя гордый остров Англии может похваляться
тобой,
Твой дух живет на берегах Колумбии.
В еще неоткрытых странах и на еще неизвестных
языках

Снова твое провидческое копье будет брошено».

Также своими визитами почтили Стретфорд-на-Эйвоне и те, кто, собственно, и являлся инициатором культа Великого Барда в Америке — деятели американского романтизма. В разные годы паломничество к могиле Шекспира совершали Маргарет Фуллер, Гарриет Бичер-Стоу, Натаниэль Готорн, Герман Мелвилл. По мнению исследователя Кима Стерджесса, два последних литератора посетили места, связанные со своим кумиром, скорее для проформы, чем руководствуясь искренними чувствами [2, с. 129]. Вряд ли с этим утверждением можно согласиться безоговорочно. Н. Готорн писал: «...я только что сделал то, что каждый американец считает необходимым и важным делом по приезду в Англию...» [3, 134]. Думается, что в этих словах американского романтика отражается не столько общепринятость данной культурной практики для представителей американского социума, сколько значимость фигуры английского гения для культурного самосознания нации.

Думается, что Н. Готорн и Г. Мелвилл не были единственными американцами, которые ездили в Стретфорд исключительно в рамках определенной культурной программы — места, имеющие отношение к Великому Барду, стали определенного рода культурно-топографическими штампами, и в восприятии большинства американцев из объектов высокого поклонения постепенно превращались в нечто сродни ярмарочным аттракционам. Неслучайно один из основоположников американской индустрии развлечений, владелец цирков и паноптикумов П. Т. Барнум в 1844 г., во время гастролей в Англии всерьез вел переговоры о покупке коттеджа Энн Хетеуэй — главной достопримечательности Стретфорда-на-Эйвоне. По плану Барнума, коттедж следовало демонтировать и перевезти в США, с тем, чтобы возить его на специальной платформе по ярмаркам и выставкам, тем самым приближая объект идолопоклонничества к собственно поклонникам — американским любителям Шекспира [4, с. 137–138]. Проект по поглощению дома Шекспира цирковой империей Бар-

нума не удался, но интерес, который американский бизнесмен проявил к этому архитектурному строению, привлек внимание британского правительства, результатом чего стало образование в 1857 году попечительского совета «Shakespeare Birthplace Trust». В итоге — достопримечательности Стретфорда, имеющие отношение к Великому Барду, были объявлены национальным достоянием [4, с. 138].

Тем не менее, такое тотальное увлечение материальной стороной шекспировского культа, фактическое обожевание личности Великого Барда обернулось практически десакрализацией и ниспровержением Шекспира-идола с пьедестала. На волне популярности шекспировских паломничеств возникла и одна из первых антишекспировских теорий — гипотеза мисс Делии Бэкон о том, что настоящим автором шекспировского канона является не сын стретфордского перчаточника, а один из самых выдающихся мыслителей, политиков и писателей эпохи Возрождения Френсис Бэкон. Поездка в Стретфорд в 1853 году окончательно убедила мисс Бэкон, учительницу по профессии, что под маской актера-простолюдина скрывается один из самых блестящих умов своего времени. Выпущенная на деньги Натаниэля Готорна в 1857 году работа «Философия шекспировских пьес» произвела поистине скандальный эффект на современников, заставив всех американских почитателей Шекспира расколоться на два лагеря — противников и сторонников теории мисс Бэкон. Сама же «исследовательница» в своем радикализме все-таки обговаривала возможность эксгумации тела английского драматурга, которая, как она полагала, станет последним неоспоримым аргументом в пользу ее теории [5, с. 111].

Итак, Стретфорд-на-Эйвоне на карте среднестатистического американского туриста имел такую же сакральную маркировку, как собор св.Петра в Ватикане или Сантьяго-де-Компостела в Испании. Очевидно, эти паломничества осуществлялись американцами не только и не столько с целью культурного развития, как с целью поиска собственной культурной идентичности и собственного культурного пути. Для американцев бардомания стала той необходимой культурной практикой, которая обусловила дальнейший характер рецепции творчества В. Шекспира в США.

Литература:

1. Irving W. The Sketch book of Geoffrey Crayon, Gent. — N.Y.: Penguin Classics, 1988. — 304 p.
2. Sturgess, K. C. Shakespeare and the American nation. — Cambridge University Press, 2004. — 234 p.
3. Hawthorne, N. The English Notebooks. Ed. by Randall Stewart. — N.Y.: Modern Language Association of America, 1941. — 254 p.
4. Webb N., Webb J.F. Will Shakespeare and his America. — N.Y.:The Viking Press, 1964. — 318 p.
5. Falk R. Shakespeare in America. A survey to 1900 // Shakespeare Survey. An annual survey of Shakespearean studies and production. Ed. by A. Nicoll. — 1965. — Iss. 18. — P. 102–118.

Диахронический анализ метрики лирических стихотворений А. И. Гусева

Остапенко Марина Владимировна, учитель математики
Многопрофильный правовой лицей № 8 (г. Псков)

Настоящее исследование продолжает опыт литературоведческого анализа метрики лирических стихотворений А.И. Гусева. Метрическое разнообразие поэзии А.И. Гусева отражено во временном срезе. Результаты работы предоставляют возможность включить в будущее исследования по гусевистике эмпирически выверенные данные.

Ключевые слова: форма стиха, метр стихотворения, стихотворный размер, статистический метод, диахрония, Гусев.

Данная статья продолжает исследование вопроса, поднятого нами ранее в работе «Метрика лирических стихотворений А.И. Гусева: синхронический анализ» [15].

В настоящей публикации мы руководствуемся диахроническим подходом и проводим сравнительный анализ метрики поэтических произведений на разных этапах творчества писателя. Доказательная и методологическая база: поэтические тексты А.И. Гусева [2; 4; 5], стиховедческие исследования [1; 3; 13; 14], примеры методологических научных построений [6; 7; 9; 12; 17] и описательных компаративистских моделей [8; 10; 11], инструкция к составлению метрико-строфических справочников [16, с. 11–63].

Продолжая решать задачу выявления на строгом математическом материале картины метрического разноо-

бразия поэзии А.И. Гусева, мы выявили динамику метрических характеристик 601 поэтического текста из корпуса лирических стихотворений интересующего нас автора.

Результаты данной работы представлены в Таблицах 1, 2 и 3, отражающих количественный и процентный показатели, а также сложность каждого размера (под коротким размером понимается 1–2-сложник, под средним — 3–4-сложник, под длинным — 5-сложник и более крупная стихотворная строка).

В процессе анализа данных Таблицы 1, Таблицы 2 и Таблицы 3, мы сделали следующие наблюдения:

1. Наиболее интенсивный период творчества приходится на 1980-е годы (273 стихотворения). Таким образом, наиболее плодотворный период творчества А.И. Гусева совпадает со временем его «зрелости» как худож-

Таблица 1. Основные группы размеров

	Размеры	Кол-во	%
1	X	44	7,32
2	Я	291	48,42
3	3-сл	178	29,62
4	НКл	88	14,64
5	Всего	601	100,00

Таблица 2. Основные группы размеров в разные периоды творчества

1960-е гг.				1970-е гг.					
	Размеры	Кол-во	%		Размеры	Кол-во	%	Прирост	
1	X	2	5,88	1	X	16	7,44	1,56	
2	Я	13	38,24	2	Я	78	36,28	-1,96	
3	3-сл	11	32,35	3	3-сл	69	32,09	-0,26	
4	НКл	8	23,53	4	НКл	52	24,19	0,66	
5	Всего	34	100,00	5	Всего	215	100,00		
1980-е гг.				1990-е гг.					
	Размеры	Кол-во	%	Прирост		Размеры	Кол-во	%	Прирост
1	X	21	7,69	0,25	1	X	5	6,41	-1,28
2	Я	160	58,61	22,33	2	Я	40	50	-8,61
3	3-сл	73	26,74	-5,35	3	3-сл	25	32,05	5,31
4	НКл	19	6,96	-17,23	4	НКл	9	11,54	4,58
5	Всего	273	100,00		5	Всего	79	100,00	

Таблица 3. Сложность размеров в разные периоды творчества

	Размеры	Короткие		Средние		Длинные		Всего	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
60-е гг.									
1	Х	0	0,00	2	7,50	0	0,00	2	7,50
2	Я	1	3,57	5	17,86	7	25,00	13	46,33
3	Д	0	0,00	2	7,50	0	0,00	2	7,50
4	Ам	0	0,00	1	3,57	0	0,00	1	3,57
5	Ан	0	0,00	7	25,00	1	3,57	8	28,57
6	Всего Кл	1	3,57	17	60,71	8	28,57	26	92,86
7	Дк	0	0,00	1	3,57	1	3,57	2	7,50
8	Всего	1	3,57	18	64,29	9	32,14	28	100,00
70-е гг.									
1	Х	1	0,53	9	4,74	6	3,26	16	8,42
2	Я	0	0,00	33	17,37	45	23,68	78	41,05
3	Д	0	0,00	10	5,26	1	0,53	11	5,79
4	Ам	1	0,53	24	12,63	3	1,58	28	14,74
5	Ан	4	2,10	26	13,68	0	0,00	30	15,79
6	Всего Кл	6	3,26	102	63,16	55	28,95	163	85,79
7	Дк	0	0,00	26	13,68	1	0,53	27	14,21
8	Всего	6	3,26	128	67,37	56	29,47	190	100,00
80-е гг.									
1	Х	2	0,74	14	5,15	5	1,84	21	7,72
2	Я	2	0,74	74	27,21	84	30,88	160	58,82
3	Д	0	0,00	18	6,62	1	0,37	19	6,99
4	Ам	0	0,00	3	1,10	1	0,37	4	1,47
5	Ан	3	1,10	48	17,65	2	0,74	53	19,49
6	Всего Кл	7	2,57	157	57,72	93	34,19	257	94,49
7	Дк	0	0,00	13	4,78	2	0,74	15	5,51
8	Всего	7	2,57	170	62,5	95	34,93	272	100,00
90-е гг.									
1	Х	0	0,00	5	6,41	0	0,00	5	6,41
2	Я	0	0,00	15	19,23	25	32,05	40	51,28
3	Д	0	0,00	9	11,54	0	0,00	9	11,54
4	Ам	0	0,00	8	10,26	1	1,28	9	11,54
5	Ан	0	0,00	7	8,97	0	0,00	7	8,97
6	Всего Кл	0	0,00	44	56,41	26	33,33	70	89,74
7	Дк	1	1,28	7	8,97	0	0,00	8	10,26
8	Всего	1	1,28	51	65,38	26	33,33	78	100,00

ника. Данный факт должен быть особенно отмечен биографами, так как в ряде случаев поэты создают большую часть своих произведений в ранние периоды творчества (например, М. И. Цветаева и А. Рембо).

2. Наименее интенсивный период творчества приходится на 1960-е годы (34 стихотворения). Данный факт особенно примечателен и не может объясняться одной лишь молодостью автора, так как общеизвестно, что шестидесятые годы XX века — время наивысшего интереса широких слоев общественности к поэзии как таковой (достаточно вспомнить «ахматовских сирот», например, И. А. Бродского и Е. Б. Рейна, и поэтов-«шестидесятников», например, Б. А. Ахмадулину

и Е. А. Евтушенко). Думается, что объяснение этого обстоятельства заключено в индивидуальных качествах писателя: прежде всего — в чрезвычайной требовательности к себе и немногословию на фоне всеобщего «поэтического бума».

3. Последовательное уменьшение прироста количества хореических стихотворений чрезвычайно показательно. Веселая плясовая тональность хорея как метра, восходящая еще к фольклорной традиции, совершенно не свойственна лирике А. И. Гусева. Ямбический характер поэзии А. И. Гусева, наличие трехсложных размеров и вольных стихов заставляют говорить о писателе как о философски настроенном лирике.

4. Непостоянство показателей прироста по другим меркам позволяет говорить о А. И. Гусеве как о поэте, находящемся в состоянии постоянного поиска средств выражения своих художественных замыслов.

5. Интерес А. И. Гусева к неклассическим размерам в поздний период творчества закономерен и может быть объяснен отходом поэтов конца XX века от классицистических оснований метрики. В то же время лирике А. И. Гусева чужд верлибр, основная стихотворная форма конца XX — начала XXI веков.

6. Относительный показатель динамики (ОПД), характеризующий отношение уровня исследуемого явления (количество стихотворений, выполненных тем или иным размером) за определенный период времени и уровня этого же явления в прошлом, рассчитан на основании данных Таблицы 2 с точностью до двух знаков после запятой и составляет:

- ОПД_х (70/60)=16/2=8,00
- ОПД_х (80/70)=21/16=1,31
- ОПД_х (90/80)=0,24
- ОПД_я (70/60)=78/13=6,00
- ОПД_я (80/70)=160/78=2,05
- ОПД_я (90/80)=40/160=0,25
- ОПД_{3-сл.} (70/60)=69/11=6,27
- ОПД_{3-сл.} (80/70)=73/69=1,06
- ОПД_{3-сл.} (90/80)=25/73=0,34
- ОПД_{НКл} (70/60)=52/8=6,50
- ОПД_{НКл} (80/70)=19/52=0,37
- ОПД_{НКл} (90/80)=9/19=0,47

Показатели динамики рассчитаны с переменной базой сравнения и показывают, во сколько раз текущий уровень превышает предшествующий (базисный) или какую долю от последнего он составляет. Данный показатель выражен кратным отношением.

Показатели динамики в каждом отдельном случае (Х, Я, 3-сл., НКл) последовательно уменьшаются. Данный факт мы считаем существенным и объясняем следующим образом: на каждом последующем этапе своего творчества писатель все более и более перемещает свое авторское внимание с плана выражения (поисков формы) на план содержания (глубина замысла).

Сравнение метрических показателей лирики А. И. Гусева может быть обобщено и в фокусе разнообразия размеров.

В разные периоды творчества поэта количество отличных друг от друга размеров непостоянно. Данные по разнообразию размеров представлены в Таблице 4.

Результатом визуализации Таблицы 4 является Рисунок 1.

Линейный график, отражающий зависимость количества применяемых поэтом размеров от времени, мы называем «кривой разнообразия». Пик кривой разнообразия приходится на 1980-е годы, которые мы определяем как «зрелый» период творчества поэта. Интересно отметить, что в истории литературного процесса поэтическое экспериментаторство приходится на 60-е годы XX века. Данный факт говорит о регрессивном (историческом) типе художественного мышления писателя.

Таблица 4. Количественные показатели разнообразия размеров в разные периоды творчества

	60-е гг.	70-е гг.	80-е гг.	90-е гг.
Кол-во	17	32	35	19
%	35,42	66,67	72,92	39,58

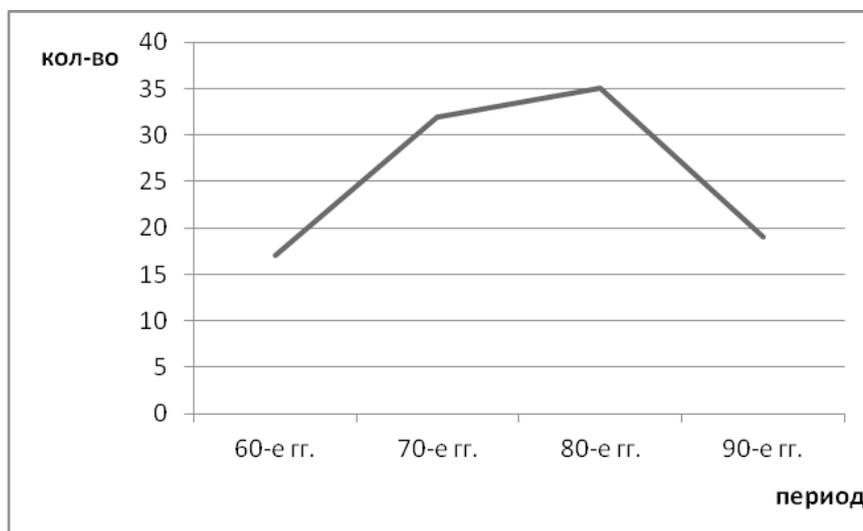

Рис. 1. График, отражающий количественные показатели разнообразия размеров в разные периоды творчества

«Падение» кривой разнообразия приходится на 1990-е годы и, видимо, связано с усилением акцента на содержание поэтических произведений, а не на форму.

Итак, произведя исследование метрического разнообразия поэзии А. И. Гусева, мы проанализировали данные по поэтической размерности 601 стихотворения. Нами были применены два подхода: синхронический (вневременной) и диахронический (временной, поэтапный). Следует отметить, что анализ метрики лирических стихотворений А. И. Гусева ранее ни одним исследователем не производился. Наша работа впервые вводит в гусевистику и статистические методы.

Решая задачи исследования, мы выстроили математическую модель, отражающую данные по поэтической размерности 601 стихотворения. Представленная в наглядной табличной форме, модель выполнена с применением синхронического и диахронического подходов.

Объясняя собранные нами данные, мы произвели сравнительный анализ размерности поэтических произведений А. И. Гусева на разных этапах творчества писателя. В результате сопоставления метрики нами были выявлены и разрешены следующие парадоксы: одновременное влияние на творчество поэта традиций Золотого и Серебряного веков; стремление к краткости и отсутствие коротких размеров; установка на эксперимент в области стихотворной формы и отказ от верлибра и белого стиха.

Мы последовательно предпринимали попытки истолковать изменения в метрической системе поэта. Основной вывод в ходе реализации данной задачи — постепенное перемещение художественной установки писателя от акцента в области плана выражения (формы стиха) к акценту в области плана содержания (глубины замысла).

Считаем необходимым дальнейшее применение простейших формальных методов к исследованию таких показателей стиха, как строфики, рифмы, заголовочного корпуса, темы.

Приведем систему принятых в нашей работе условных обозначений:

Ам — амфибрахий; Ам2 — амфибрахий двустопный; Ам3 — амфибрахий трехстопный; Ам4 — амфибрахий четырехстопный; Ам4/Ам3 — чередование амфибрахия четырехстопного с амфибрахией трехстопным; Ам5 — амфибрахий пятистопный;

Ан — анапест; Ан2 — анапест двустопный; Ан2/Ан3 — чередование анапеста двустопного с анапестом трехстопным; Ан3 — анапест трехстопный; Ан3/Ан2 — чередование анапеста трехстопного с анапестом двустопным; Ан3/Ан4 — чередование анапеста трехстопного с анапестом четырехстопным; Ан4 — анапест четырехстопный; Ан4/Ан2 — чередование анапеста четырехстопного с анапестом двустопным; Ан4/Ан3 — чередование анапеста четырехстопного с анапестом трехстопным; Ан5/Ан2 — чередование анапеста пятистопного с анапестом двустопным; Ан5/Ан6 — чередование анапеста пятистопного с анапестом шестистопным; Ан6 — анапест шестистопный;

В.с. — вольный стих;

Д — дактиль; Д3 — дактиль трехстопный; Д4 — дактиль четырехстопный; Д4/Д2 — чередование дактиля четырехстопного с дактилем двустопным; Д5 — дактиль пятистопный;

Дк — дольник; Дк2 — дольник двуиктный; Дк3 — дольник трехиктный; Дк4 — дольник четырехиктный; Дк5 — дольник пятииктный;

Кл. — классический размер; НКл. — неклассический размер;

ОПД — относительный показатель динамики;

ОПИ — относительный показатель интенсивности;

Св.с. — свободный стих;

Х — хорей; Х2/Х3 — чередование хорей трехстопного с хореем двустопным; Х3 — хорей трехстопный; Х3/Х4 — чередование хорей трехстопного с хореем четырехстопным; Х4 — хорей четырехстопный; Х4/Х3 — чередование хорей четырехстопного с хореем трехстопным; Х5 — хорей пятистопный; Х6 — хорей шестистопный; Х8 — хорей восьмистопный;

Я — ямб; Я2 — ямб двустопный; Я3 — ямб трехстопный; Я3/Я2 — чередование ямба трехстопного с ямбом двустопным; Я4 — ямб четырехстопный; Я4/Я1 — чередование хорей трехстопного с хореем двустопным; Я4/Я2 — чередование ямба четырехстопного с ямбом двустопным; Я4/Я3 — чередование ямба трехстопного с хореем двустопным; Я5 — ямб пятистопный; Я5/Я2 — чередование ямба пятистопного с ямбом двустопным; Я5/Я3 — чередование ямба пятистопного с ямбом трехстопным; Я6 — ямб шестистопный; Я6/Я3 — чередование ямба шестистопного с ямбом трехстопным; Я6/Я5 — чередование ямба шестистопного с ямбом пятистопным.

Литература:

1. Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 344 с.
2. «Боль, переплавленная в мудрость...»: биобиблиографический указатель литературы. Псков: АНО «ЛОГОС», 2009. 27 с.
3. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. 2-е изд. М.: «Фортуна Лимитед», 2001. 288 с.
4. Гусев А. И. «Боль, переплавленная в мудрость»: Стихотворения и поэмы: в 2 т. Псков: ГППО «Псковская областная типография», 2007. Т. 1. 400 с.
5. Гусев А. И. «Боль, переплавленная в мудрость»: Стихотворения и поэмы: в 2 т. Псков: ГППО «Псковская областная типография», 2007. Т. 2. 440 с.

6. Егоров А. А. Библиография статей В. Н. Голицыной // Мир — Время — Художник: Сборник статей по проблемам русской литературы XX века. Псков: Издательство АНО «ЛОГОС», 2008. С. 135–137.
7. Егоров А. А. Деятельностный подход к применению электронных образовательных ресурсов в педагогической практике // Применение информационно-коммуникационных технологий в повышении квалификации: Методические рекомендации / ред. О. Д. Лапицкая. Псков: ПОИПКРО, 2013. С. 34–42.
8. Егоров А. А. К вопросу о мотививно-образных репрезентациях темы творчества в поэзии И. А. Бродского и М. И. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 68–72.
9. Егоров А. А. Литературно-философский эпиграф как элемент урока информатики // Информатика и образование. 2012. № 9. С. 58–59.
10. Егоров А. А. Мотивы пения и образ певца-стихотворца как метафорическое отражение творческих установок И. А. Бродского и М. И. Цветаевой // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛЮМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2013. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
11. Егоров А. А. Поэтологический образ «магического кристалла» как квинтэссенция творческого метода М. И. Цветаевой и И. А. Бродского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. Ч. 2. С. 89–93.
12. Егоров А. А. Сравнительное изучение творчества И. А. Бродского и М. И. Цветаевой: тенденции и перспективы (методологический аспект) // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 августа 2013 г.: в 3 ч. М.: «АР-Консалт», 2013. Ч. I. С. 38–43.
13. Искусствометрия: Методы точных наук и семиотики / Сост. и ред. Ю. М. Лотмана, В. М. Петрова. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 368 с.
14. Москвин В. П. Теоретические основы стиховедения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
15. Остапенко М. В. Метрика лирических стихотворений А. И. Гусева: синхронический анализ // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 826–829.
16. Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб.: Нестор-История, 2008. 662 с.
17. Успенский В. А. Труды по нематематике. 2-е изд.: В 5 тт. М.: ОГИ, 2012. Т. 4. Филология. 591 с.

Мифологема и архетип в поэзии украинского постмодерна: семантическое и функциональное измерение (на примере поэзии Оксаны Забужко)

Павлова Ирина Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент;
Бондаренко Юлия Вячеславовна, студент
Полтавский национальный педагогический университет имени В. Г. Короленко (Украина)

В данной статье рассмотрена специфика функционирования мифологем разных типов в поэзии украинского постмодерна на примере поэзии Оксаны Забужко. Проанализированы характерные особенности употребления мифологем и изменения их значений в зависимости от языковой ситуации.

Ключевые слова: миф, мифологема, архетип, символ, дискурс.

Долгое время миф был и остается предметом изучения разных отраслей гуманитарных знаний: философии, культурологии, этнографии, психологии, истории, литературоведения, лингвистики. Развитие искусства и литературы XX — начала XXI столетия характеризуется использованием и переосмыслением мифологических сюжетов. Это явление получило название ремифологизации и определило новое, перспективное, направление лингвистических исследований. Языковые единицы, которые передают культурно значимую информацию, являются важными составляющими любого художественного текста.

Они не только способствуют национально-культурной самоидентификации, но и аккумулируют важные элементы мировоззрения народа. Давние представления носителей языка, зафиксированные в мифологемах, со временем теряют мировоззренческое значение, однако продолжают активно использоваться в художественных текстах как элемент системы образных средств.

Проблемным вопросом остается определение термина «мифологема» — основного конституэнта современной теории мифа, в частности авторского мифологизирующего сознания. Под мифологемой подразумевают

широкий спектр понятий: от частей сюжета мифа до ситуативного использования имени мифического персонажа. Часто термин «мифологема» заменяют термином «мифема» или даже «архетип», что свидетельствует о недостаточном понимании этих явлений и об отсутствии единого современного подхода к изучению структуры мифа и использования его элементов в современном литературном дискурсе. Существование мифологии как лингвистического факта сегодня является конечным этапом культурной символизации. Мифологема — единица мифологической картины мира, она реализует концепты мифологического мышления; имеет стабильное содержание (этим приближается к аллегории); проявляет свои семантические возможности и внутри заданной происхождением традиции содержания (этим устремляясь к символу), в сочетании с другими мифологемами способна формировать новые понятийно-образные композиции; мифологема — ценностная форма культурной памяти, общественной совести, цель национального диалога. Перечень мифологем ограничен: основные архетипы мышления и фантазии, лексикон социального символизма, универсалии культуры, центральной оппозиции картины мира, хронотопы, модели Вселенной, риторические формулы. Миф (а мифологема — это его единичное воплощение) выступает процессом и результатом органичного становления, соединения и взаимодействия разнокачественных духовно-культурных (философско-религиозных, эстетично-эмоциональных) основ бытия, закрепленных в человеческом сознании. Миф находит свое главное выражение в слове через способность последнего сохранять перспективную плюральность смыслов и в то же время выступать ретранслятором неизменных во времени архетипных понятий. Благодаря процессу имманентной мифологизации создается подходящая среда для отображения экзистенции личности, что есть той древней черепахой, на которой держится мир.

Трактовку мифологемы, предложенную Ю. Вишницкой, считаем такой, что точнее всего раскрывает суть феномена: «Мифологема — самостоятельный авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм, структура которых формируется на давних мифологических основах». [1, с. 12]. В исследовании будем использовать более узкую и конкретную трактовку известного лингвиста В. Масловой: «Мифологема — это важный для мифа персонаж или ситуация, это будто главный герой мифа, который может переходить из мифа в миф. В основе мифа, как правило, лежит архетип» [5, с. 38]. Мифологема — неотъемлемые элементы поэтического текста, они тесно взаимодействуют с другими образными средствами. На основе мифологем нередко формируются компаративные тропы, в частности метафоры. Исследовательница Т. Кис отмечает важность анализа метафор «на основе лексических единиц с культурно-обусловленными компонентами значения», поскольку они отображают «культурный контекст, связанный с национальной самобытностью тра-

диционно-обрядной культуры народа» [2, с. 11]. Национальные культуры выражаются не только в аутентичном мировоззрении, обычаях и традициях, но и в процессе развития они усваивают общечеловеческие ценности. Поэтому соглашаемся с мнением В. Телия, что объектом лингвокультурологии является культурная ин-формация не только сугубо национальная, но и общечеловеческая, т.е. универсалии, присущие разным культурам [5, с. 12]. Именно «международные» компоненты, а также их сочетание, взаимодействие с национальными лингвокультурными единицами вписывают языковую личность в контекст мировой культуры.

В украинской постмодернистской литературе, несомненно, прослеживаются характерные для мирового постмодерна мифологема, но, кроме того, национальный характер литературы нового типа приводит к переосмыслению и «перелицовке» первичных и заимствованных мифологем, вобравших в себя значение и оттенки разных эпох. Ярким примером авторского использования мифологем в современной поэзии является творчество Оксаны Забужко. Названную проблему интересно рассмотреть на примере художественных произведений, в которых отражена специфика сознания современного украинского народа. Формально-содержательная сущность исследуемой поэзии заключается в идеях, а точнее мировоззренческих намеках, чаще воспринимается на интуитивном, а не на интеллектуальном уровне. Язык поэтических произведений наполнен единицами с универсальными, тотемными значениями. В поэзиях Оксаны Забужко обнаружены как национально маркированные культурологические единицы, так и заимствованные, что создает у читателя ощущение причастности к общечеловеческой культуре. Среди заимствованных мифологем чрезвычайно распространены античные и библейские образы, знакомые большинству европейских народов. Особенности функционирования и метафоризации мифологем на материале поэтических произведений Оксаны Забужко и стали предметом нашего исследования.

Рассматривая неразрывную связь между архетипом (как универсальным компонентом общественного сознания) и мифом (как субстанцией, содержащей и выращающей архетипы) необходимо обратиться к пониманию архетипа как психологического феномена. В концепции К. Юнга архетипы выступают праосновой художественного творчества вообще. Значимость и универсальность способствуют тому, что архетипы остаются неизменными для сознания и становятся более выразительными только на фоне мифично-символических значений. Ученый предостерегает от уподобления архетипов целым мифам, указывая, что речь идет об их обломках или составных частях, например: архетип «отец», «мать», «младенец» и т.п. Как видим, чтобы быть узнаваемым, архетип должен вербализироваться, получить черты определенного образа. Соотношение этих психических и художественных начал в архетипе К. Юнг предлагает устанавливать через феноменальное взаимодей-

ствие сознания и подсознания в психике индивида. Это взаимодействие имеется в субъективном переживании архетипных структур путем предоставления им символического оформления. Творческий процесс здесь выступает способом трансляции универсального онтологического через конкретно-предметное, предоставление выразительности определенным смыслам архетипа. При этом актуализируются именно те смыслы, которые соответствуют «проблемности» своего времени, поэтому и литература оперирует именно теми формами образности, которые оказываются его отличительными признаками.

В основе поэтических метафор лежат мифологемы, связанные с космогоническими представлениями, названиями хтонических созданий, именами богов, героев и других мифических существ. Функции мифологем варьируются в зависимости от их значения и структуры метафорических конструкций. По нашему мнению, условность античных мифологем в сознании украинцев значительно больше, чем славянских языческих или христианских мифологических образов, что позволяет использовать их как символы тех или иных абстрактных понятий. Эта способность связана с активным функционированием таких мифологем, что обусловило образование на их основе фразеологизмов. Одним из таких образов является Сизиф, с которым связано представление о чрезвычайно тяжелой работе: *«Опять камень сорвался. Я стою на вершине горы. [...] Пора тоже отправляться в путь»*. Названная мифологема лежит в основе метафоры-стихотворения «Сизиф» [3, с. 180]. Она, как и другие метафоры-стихи, имеет два смысловых плана: прямой (изображение будней Сизифа с субъективной стороны) и образной, переносной, более ценной с точки зрения и литературы, и дискурса, и лингвистики, план-спор мифического героя Сизифа и Альбера Камю, который переосмыслил образ, добавив абсурдности его ежедневной работе. Образ Сизифа в этом контексте можно интерпретировать как образ человека, который, получив свой «камень» и свою «гору», не проклял богов, а, наоборот, сумел противостоять им в любви к собственной работе, в уважении к ней: *«Но то, что я делаю, я делаю лучше всех — / из мертвых, живых, и в потомные века рожденных»*, *«Он [камень] принадлежит — мне: так же, как вся эта гора. / И вот этого у меня не отнимут боги»*. В основе такого толкования лежит не только миф о Сизифе, но и эстетика абсурдистской философии Альбера Камю, в дискуссию с которой и вступает первоначальный архетип. Если же рассматривать традиционное крылатое выражение *«сизифов труд»*, то и здесь мы будем наблюдать новый вектор трактовки символа, который воплощает мифологема. Крылатое выражение *«сизифов труд»* функционирует в языке, имея негативную окраску значения, — бесплодный, тяжелый, бесконечный труд. Но Сизиф Оксаны Забужко — другой, он адаптируется к условиям, но не повинуется, он борется против камня, против

горы, против себя и побеждает, полюбив собственный труд. Мифологема в этом случае выполняет и символическую, и визуализирующую, и оценочно-характеристическую функцию.

Не каждая мифологема подлежит переосмыслению. Так, два мифических города Содом и Гоморра, уничтоженные Богом за грехи жителей, функционируют как единая мифологема. Сейчас фразеологизм «Содом и Гоморра» и производные от него вариации (содом, содомия, содомский) имеют общее значение *«место разврата, где пренебрегают моральными устоями общества»*, реже — в значении *«ужасный беспорядок»*. Оксана Забужко используя указанную мифологема, расширяет ее значение от локального к буквальному, имея в виду весь мир: *«Если завтра наш мир упадет, как Содом и Гоморра, / То лишь потому, что так много уничтожил кругов»*. Так, морально-оценочная функция лежит в основе использования упоминаемого фрагмента библейского мифа.

Мифологема *«Кассандра»* имеет традиционное значение — *«человек, который предсказывает будущее несчастье, но не может уберечь от него»*. Вместе с тем символичность этого архетипа в поэзии рассматривается под другим углом зрения. Здесь *«Кассандра»* изображена как разлучница, виновная в смерти царя Агамемнона. Такое изменение смыслового вектора может быть обусловлено постмодернистской склонностью к переосмыслению старых архетипов, перемещением мифологических элементов значения в новую среду действия и даже разрушением основного традиционного значения мифологемы.

Мифологема *«Троя»* выступает комплексом архетипов, воплощается в значении *«город, который был любимым для богов, а стал чужим, враждебным из-за грехов его жителей»*, является элементом создания пейзажа, что отражает не только внешние характеристики, но и широкий эстетико-культурный пласт: с одной стороны, город — это совокупность жителей и зданий, а с другой, — место, где создавалась культура, зарождалось и развивалось искусство, одна из античных колыбелей человечества. Этическая функция мифологемы раскрывается через общую для всех реципиентов причину падения Трои — непослушание богов и соответствующие последствия человеческих поступков. Функции мифологем представляются в тексте, как правило, в совокупности, однако одна из них может доминировать. И все же мифологема реализуется как носитель нескольких функций, охватывающих различные сферы человеческого бытия.

А вот семантическое поле обычного слова «яблоко» чрезвычайно широкое: кроме всех известных значений (яблоко раздора — причина ссоры, конь в яблоках — пятнистый окрас и другие), в поэзии создан образ, в семантической структуре которого одной из доминантных является сема «грех». Лучше всего это иллюстрируют строки *«Автопортрета без ревности»* Оксаны Забужко:

«Ее вымытая кожа отдает холодом, как распятое утреннее яблоко». Кстати, значение греховности в предлагаемом фрагменте выразительнее еще и благодаря применению определения «распятое». Возникают очень сложные ассоциации. Автор делает удачную попытку перенести читателя в библейскую реальность. И самое важное то, что в воображении возникает не только дьявол-искуситель в образе змея, но и распятый за грехи Спаситель.

Традиционно мифологизированные понятия типа «рай» или «ад» являются неотъемлемыми составляющими современной поэзии. Реципиенты даже могут не задумываться над процессом, который молниеносно происходит в сознании. Ведь хорошо знакомое понятие укоренилось в сознание и время на его понимание прямо пропорционально частоте употребления в повседневной речи, литературе, художественном искусстве. Например, в строках «Можно даже встретиться с тобой. Скажем в аду» (О. Забужко, «Постскриптум. Поэма-лист») фиксируем традиционному мифологему со значением «место, где происходит горячий бой, горячие споры, суета». При контекстуальном анализе следует говорить о приравнивании эстетической локации к архетипу «ад», что в свою очередь является основой образного компонента данного фрагмента текста. Или мифологема «рай», что так же выступает элементом универсальной морально-этической структуры (О. Забужко, «Закрытые ворота в рай») — текст поэзии не содержит ни одного варианта слова «рай», ни синонимического, ни метафорического. Но образы стиха логически приводят к осознанию рая как недосягнутого более явления — «*расседланные летят нам в глаза кони, белые кони с этикеток*».

Используя ритуально-мифологический или мифологически-архетипический подход, можем выделить ряд универсальных мифологем согласно различными подходами к их классификации. Среди таких, например, мифо-

логемные блоки «национальность», «этика и мораль», «эстетическое», «теософское». Трактую мифологему как «универсальный, культурный код бытия, который экзистенциально конституирует наше сознание и гармонизирует противоречие между пустотой и смыслом бытия», целесообразным и результативным является и более общий подход к изучению этого речевого феномена. Например, нужно анализировать не только конкретные смысловые актуализации того или иного архетипа или мифа в определенном речевом случае использования, а рассматривать их в контексте культуры, истории, актуального момента времени. Так, концепт «женщина» в поэтическом творчестве многих писателей является одним из самых многогранных. «*Благословляю женщину, что на рассвете отворит / Окна в твоём доме*», «*Благословляю женщину, которую я тебе дарю*» — в этих фрагментах обычное понятие воспринимается совокупно с многовековыми архетипами «женщина-берегиня», «женщина-подарок Бога», «женщина-Ева» (возможно, даже и «женщина-Лилит»), «женщина-мать» и этот ряд можно продолжать, учитывая контексты конкретных ситуаций речи, максимум мифемных значений украинской и мировой мифологии разных времен. Стоит отметить, что актуализация названных образов, причем с позитивной окраской их общего значения, становится возможной прежде всего благодаря использованию поэтессой глаголов «*благословляю*» в препозиции, семный спектр семемы которого чрезвычайно обширный.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что мифологемы различных видов в поэзии Оксаны Забужко использованы в символической, оценочно-характеристической функциях и функции создания визуальных образов. Основная цель применения мифологем — акцентирование ценностных ориентиров, важных в любом обществе во все времена.

Литература:

1. Белевцова С. О. Мифологема в украинской поэтической модели мира первой трети XX столетия (на материале творчества В. Свидзинского и Н. Драй-Хмары: автореф. дис. на соиск. науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Украинский язык». — Харьков, 2010. — 24 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: [учебное пособие для вузов]. — М.: Академия, 2001. — 202 с.
3. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — 736 с.
4. Токар М. Функционирование мифологем в поэзии Н. Винграновского // Вісник Харківського університету. — 1999. — № 448. — С. 288–291.
5. Шестопалова Т. Кореляция понятий «архетипный образ — мифологема — символ — миф» (на примере поэзии П. Тычины) // Наукові записки НаУКМА. — Т. 17: Філологія. — 1999. — с. 37–41.

Родовидовое взаимодействие лексических единиц в структуре конфессионального текста (на примере украинских православных проповедей и молитв)

Павлова Ирина Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент
Полтавский национальный педагогический университет имени В. Г. Короленко (Украина)

В предлагаемом исследовании выявлены особенности родо-видовых отношений лексических единиц в молитве и проповеди, которые являются одними из основных составляющих ядра жанров конфессионального стиля современного украинского языка; проанализирована специфика структуры и лексическое наполнение рядов, образованных на основе названных отношений; дана характеристика природы семантического взаимодействия между гипонимами и гиперонимами.

Ключевые слова: родовидовые отношения, гиперонимия, гипонимия, согипонимы, открытая/закрытая структура ряда, сема, семема, семантический конкретизатор, денотат, текст.

В системе жанров конфессионального стиля современного украинского языка особое место занимают проповедь и молитва, что обусловлено не только исключительной значимостью их в религиозной сфере, но и разнообразием языковых средств текстов этих жанров, которые способствуют реализации одной из главных задач религии изменять взгляды и поступки человека в соответствии с догматами путем влияния на чувства, действия на разум, склонения воли. Важным лексико-семантическим элементом конфессионального текста являются лексические единицы, объединенные родо-видовыми (видо-родовыми) отношениями — гипонимией (гиперонимией). Для них характерны привативные оппозиции, включенная дистрибуция, совместимые подчиненные понятия, логико-семантическая субординация или суперординация, а также односторонняя импликация. Их значения не нейтрализуются в большинстве контекстов, поэтому такие единицы принципиально отличаются от тех синонимов, которые, сочетаясь родовидовыми отношениями и вступая в привативные оппозиции, могут активно нейтрализоваться. Использование синонимов, связь между которыми основывается на родовидовых и видородовых отношениях, продиктовано функциями религии в человеческом обществе — объяснять преимущества праведной жизни путем раскрытия и конкретизации общих понятий или обобщения отдельных, которые стали, станут или должны стать неотъемлемыми составляющими человеческого бытия.

Гипо- и гиперонимия представлена во всех возможных формах, тематика репрезентантов этих явлений многоплановая, что является одним из свидетельств многоплановости возбуждаемых в анализируемых текстах проблем. Наибольшей активностью характеризуются многокомпонентные ряды гипонимов (согипонимов) закрытой и открытой структуры с пре- и постпозицией гиперонимов: *У каждого народа в его живом языке прячется самое святое: его Вера, его сердце, его душа, его культура, его философия* (проповедь митрополита Иллариона); *Величие и слава — суета, потому что вот так, как*

гром, который бьет в самые высокие предметы, так и судьба часто смеется над человеческим величием (проповедь Теодора о. Форостия).

Закрытость или открытость гипонимического ряда зависит от сигнификативного объема гиперонима, важности для определенной языковой ситуации называния конкретных проявлений общего понятия, а также определяется сходством или отличием отношения к тому или иному денотату в светской и религиозной среде. Первые позиции развернутых гипонимических рядов занимают преимущественно значимые названия денотатов, которые имеют как позитивную, так и негативную эмоционально-оценочную окраску. Они обычно узуальные, однако в плане оценки часто имеют толкование, которое отличается от светского. Гипонимы и гиперонимы могут быть однословными названиями, названиями с обязательными относительно содержания или важными, например, по мнению проповедника, распространителями. Использование последних определяется, как правило, неконкретностью обозначаемого слова, они выражаются согласованными и несогласованными определениями, иногда ценнее по своему значению, чем обозначаемое, и целыми придаточными предложениями. Согипонимы связываются между собой при помощи интонации или сочинительных союзов (чаще **и**). Сочинительная связь как формально единственная используется в конструкциях с двумя гипонимами, объединяется с интонацией в многокомпонентных рядах. Союз **и** объединяет гипонимические пары, элементы которых соотносятся по смыслу, или же присоединяет последний компонент, указывающий на неисчерпаемое формальное раскрытие общего понятия — гиперонима, хотя нередко это наблюдается и без союза **и**: *Плоды покаяния — это смирение, которое является противоположностью гордыне и самоуверенности, плач о грехах, доброе сердце, которое сопереживает людскому горю и любит правду, мир душевный и терпение в скорби* (проповедь о. Николая); *Святой апостол Павел учит: «Плод Духа — любовь, радость, мир, долготерпение, доброта, милосердие, вера, кротость, воздержание»*

(Гал 5, 22–23) (проповедь о. Федора); *Искушения бывают внешние — скорби, унижения, тяжелые обстоятельства жизни; и внутренние — страстные помыслы, гнев, зависть, злость, мстительность и другие душевные пороки. Испытание открывает наше сердце и скрытое в нем делает явным* (проповедь Митрополита Иллариона). В последнем фрагменте наблюдаем более сложные синонимические связи и относительно структурно-синтаксической репрезентации, и относительно семантического проявления. Препозитивный гипероним актуализирует в значениях гипонимов сему «грех» как потенциальную возможность стать неотъемлемой частью характеристики денотата, однако неконкретную относительно закреплённости за объектом. Семема каждого гипонима через значение слова *искушения* отглагольного происхождения имеет сему «разнонаправленное действие», а его семантический распространитель указывает на локализацию формирования явления. Гипероним *душевные пороки* находится в постпозиции и четко указывает на пространственную локализацию анализированных явлений. В структуре его значения есть оценочная сема «негативное». Сема «грех» — неотъемлемый элемент значений согипонимов, она становится более выразительной на фоне таких сем, как «негативная черта», «всеобщее осуждение». Постпозитивный гипероним в фразе имеет логическую нагрузку: исполняет роль своеобразного итога — результата влияния на человека искушений, которые показывают слабость его перед испытаниями души. Позиция гиперонима всегда стилистически мотивирована. Местоположение его перед согипонимами связано с дополнительной информацией, конкретизацией общего понятия с целью достичь максимального понимания неоспоримых истин. Размещение же гиперонима в позиции после согипонимов (гипонима) не только механическое «подведение вида под род» [3, с. 242], а и удачный психологический прием влияния на чувства, разум, волю реципиентов. Он делает речь более выразительной, структурирует фразу, мобилизует мышление, заставляет думать не только о содержании гипонимов, которые эксплицитировались в тексте, но и актуализировать в воображении всевозможные составляющие общего понятия (если такие по тем или иным причинам не были названы в тексте). Слово-гипероним, как правило, служит сигналом-предупреждением от духовно вредных действий, поскольку чаще всего они представлены словами *грех, преступление, порок*. Важно отметить, что практически все гипонимы в текстах проповедей и молитв являются потенциальными гиперонимами, поскольку обозначают хотя и более конкретные понятия по отношению к использованному гиперониму, объединяющему их, но в каком-нибудь другом контексте они вполне могут сами выступать уже в роли гиперонимов и подчинять себе понятия, выражающие частную сущность по отношению к ним, как к более общим понятиям (*любовь* (гипоним) как важная составляющая *плода Духа* и *любовь: любовь к Богу, любовь к Божьей Матери, любовь ко всему живому, любовь*

к людям, любовь к родителям, любовь к мужу, любовь к детям и т. д.)

Фиксируются случаи опущения гиперонима в тексте, если он сам или значение его без особых усилий устанавливается из соседней конструкции или детерминируется содержанием текста: *Безграничное утешение для нас всех — эта спасенная Божьим Воскрешением наша любимая Родина. А еще лучше, что спасена и наша Небесная родина, поскольку уничтожены наши небесные поработители — грех, смерть, ад, а завоеваны ласка Божья, мир, справедливость и вечная жизнь в Царстве Небесном* (проповедь Теодора о. Форостия). Из-за отсутствия обобщающего слова логически выделяется каждый гипоним, а дифференцирующая сема значения гиперонима входит в семный состав семем согипонимов.

В роли гиперонима часто выступают определительные местоимения и сложноподчиненные предложения с притяжочными местоименно-определятельными. Семантические границы таких гиперонимов «размыты». Это обеспечивает им заметные преимущества по сравнению с названиями, значения которых более четкие. Они создают впечатление масштабности действий, признаков, явлений. А находясь в препозиции, мысленно будто расширяют гипонимический ряд. Постпозиция ограничивает такие возможности, поскольку зрительно и на слух воспринимается как последний элемент ряда: *Учитесь все: все отцы, все матери, а за ними легко пойдут и наши дети* (проповедь Митрополита Иллариона); *Осуждая внешнее благочестие фарисеев, Господь наш Иисус Христос с особенной силой подчеркивал важность внутренней жизни — жизни сердца. Он говорил: «От сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, злодеяния, лжесвидетельство, хула. Это то, что оскверняет человека» (Мв. 15, 19)* (проповедь о. Федора). При гиперонимах с нечеткой семантикой появляются гипонимы наиболее значимые, с точки зрения служителя культа, как, например в проповедях, те, на значении денотатов которых возникает необходимость сосредоточить особое внимание.

Спорадически представлены в анализируемых текстах и синонимические ряды гипонимов, по значению похожих на гиперонимы. Нагромождению таких согипонимов в тексте свойственны несколько важных функций: не конкретизируя обобщенные названия, а представляя их целостно, в роли семантических репрезентантов на более общего понятия, автор текста делает высказывание четким и максимально влиятельным, стимулирует умственную деятельность своих слушателей или читателей: *Дьявол внушает отвратительные помыслы тем, кто заботится о спасении своей души, кто кается в своих грехах, кто любит Бога, рассуждает о вечности, о смысле земной жизни, о вечных ценностях. И это естественно. Апостол Павел говорит: «Те, кто хочет жить благочестиво во Христе, — го-*

нимы будут» (проповедь О. Федора); *И дай мне, Милосердный, выносливость, чтобы я уже никогда не обидел тебя ни делом, ни словом, ни мыслью* (молитва перед исповедью). Зафиксированы в конфессиональных текстах и примеры использования в одном ряду родовых и видовых названий, которые не воспринимаются, как нарушение нормы, поскольку и видовые названия могут восприниматься как родовые: *Ты, что через Твое воплощение принял животворящие и спасительные страдания, крест, гвозди, копьё, смерть, умертви мои губительные страсти телесные* (молитва Иоанна Златоустого).

Имеют место случаи, когда значение родового названия максимально сужено за счет использования в функции семантического конкретизатора определения, выраженного прилагательным в форме единственного числа или реже — в форме множественного числа наивысшей степени сравнения иногда в сочетании с другими конкретизаторами. Подобные родовые названия предусматривают соответственно одну или несколько (количество ограничено) видовых единиц. Сохраняя основные свойства общего понятия, родовое семантически сближается с видовым. Это позволяет им нейтрализоваться в контексте и выполнять функцию взаимозамещения: *Проповедь разврата разрушает не только основание семьи — это и тяжчайшее преступление против детей. Не потому ли самые ужасные преступления стали нормой повседневной жизни? Известно, что там, где поощряется обнажение человеческого тела, где процветает порнография, где существует вседозволенность, там растет преступность. Общество уже не обращает внимание на утонченные по своей жестокости убийства. В атмосфере обесценивания человеческой жизни все чаще обычными становятся убийства на заказ.* (проповедь о. Федора). В предлага-

емом фрагменте общее значение синонимов градационно структурируется от конкретных названий (*обнажение человеческого тела, порнография, вседозволенность*), которые уточняют и объясняют общее название *проповедь разврата*, к более обобщенной в этом фрагменте и конкретной по отношению к другим названиям — *тяжчайшее преступление против детей*. Что же касается видовых понятий, связанных родовым *самые ужасные преступления*, то автор использовал наиболее весомое, такое, которое точнее всего раскрывает значение «тяжчайшее», — *убийство*.

Синонимы, вступающие в родовидовые (видородовые) отношения, в контексте взаимодействуют контактно и дистантно. Родовые и видовые названия могут выступать в роли любого члена предложения, что свидетельствует об их семантической неоднородности, обусловленной неоднородностью анализированных денотатов, и многоплановости грамматических потенциалов.

Единицы с родовидовой зависимостью, которые за пределами контекста характеризуются односторонней импликацией (гипоним → гипероним), в пределах той самой проповеди или отдельной речевой сферы (хотя и очень избирательно) наделены способностью без ограничений и потерь для понимания сказанного вступать в отношения двусторонней замены.

Подводя итог, отметим, что синонимы, вступающие в отношения родовидового взаимодействия, характеризуют тематическое разнообразие репрезентированных в конфессиональном тексте проблем, отличаются неоднородностью семантической структуры, морфологического выражения, эксплицируются формой одного слова, лексикализованного словосочетания, как правило, с обязательным семантическим конкретизатором или даже целым предложением, по содержанию соотносящимся с одним денотатом.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: (синонимические средства языка). — М.: Наука, 1974. — 367 с.
2. Кочерган М.П. Слово і контекст. — Львів, 1980. — 183 с.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка. — М.: Высш. школа, 1982. — 272 с.
4. Украинский православный молитвенник. — К., 2008. — 164 с.
5. Проповеди православных священнослужителей. — Полтава, 2005. — 315 с.

Языки аналитические и синтетические

Решетникова Наталья Дмитриевна, студент;

Савинова Анастасия Олеговна, студент

Научный руководитель Тетерлева Елена Валерьевна кандидат филологических наук, доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Вопрос об аналитических и синтетических языках рассматривается лингвистами еще с XIX века. В наши дни он освещается в большом количестве учебных пособий, откуда известно, что синтетический способ заключается в выражении грамматики в рамках слова, а аналитический — за его пределами. Отнесение языка к аналитическому или синтетическому строю означает преобладание в нем способов выражения грамматических значений, соответствующих данному строю.

В целях освещения проблемы аналитического и синтетического строя языков необходимо рассмотреть научный метод определения языкового строя языка, для чего следует обратиться к типологическому языковедению; узнать, чем же обусловлено разделение языков на аналитические и синтетические; познакомиться с грамматическими способами и разобраться, какие из них относятся к аналитической тенденции, а какие к синтетической; найти и рассмотреть как можно больше примеров из разных языков мира для достижения большей наглядности

Актуальность данного аспекта лингвистики объясняется тем, что вопрос об аналитическом и синтетическом строе языков является грамматическим. Грамматика изучаемого языка, особенно неродного, всегда вызывает затруднения, но обойти ее стороной никак нельзя так как без грамматики нет и языка. Более детальное изучение грамматических способов объяснит происхождение данных трудностей, ведь иногда в неродном языке встречаются явления, отсутствующие в родном. Знание теоретических различий грамматики родного языка и неродного поможет в освоении последнего.

О различии аналитических и синтетических языков

Задачей типологического языковедения является исследование черт структурного сходства языков независимо от их территориального распространения. Лингвистическая типология может строиться на основе самых разных структурных признаков — фонологических, морфологических, синтаксических и др.

Морфологическая типология, наиболее разработанная, учитывает ряд признаков, самыми важными из которых являются: 1) общая степень сложности морфологической структуры слова и 2) типы грамматических морфем, используемые в данном языке. Оба признака известны с XIX в. В современной лингвистике их выражают количественными показателями — типологическими индексами. Американский лингвист Дж. Гринберг ввел метод индексов.

Общая степень сложности морфологической структуры слова выражается количеством морфем, входя-

щимся в среднем на одну словоформу. Это называется индексом синтетичности, который вычисляется по формуле M/W , где M — количество морфем в отрезке текста, а W (от англ. *word*) — количество речевых слов в этом же тексте. Для подсчета берутся типичные тексты на соответствующем языке, длиной не менее 100 словоупотреблений. Наименьшую величину Гринберг получил для вьетнамского: 1,6 (на 100 слов 106 морфем). Для английского он получил цифру 1,68, для санскрита — 2,59, для одного из эскимосских языков — 3,72. Для русского языка, по подсчетам разных авторов, получены цифры от 2,33 до 2,45.

Аналитическими называют языки с величиной индекса ниже 2 (помимо вышеперечисленных, китайский, новогреческий, болгарский, персидский, итальянский, испанский, португальский, французский, датский и др.)

Синтетическими являются языки с величиной индекса от 2 до 3 (кроме русского и санскрита, древнегреческий, латынь, готский, литовский, старославянский, немецкий, чешский, польский, якутский, суахили и др.)

Выделяют также *полисинтетические* языки с величиной индекса выше 3 (помимо эскимосских, некоторые другие палеоазиатские, америндейские, некоторые кавказские языки). [3, с. 233]

Помимо этого выделяют *изолирующие* (предельно аналитические) языки, для которых характерно музыкальное ударение, семантически значимое слоговоеделение, максимальная свобода построения синтагм, недостаточная самостоятельность слова. Простое слово иногда неотличимо от морфемы, сложное слово — от синтагмы. [4, с. 75]

Неоспорим тот факт, что синтетический и аналитический строй языков — вопрос грамматический, но некоторые лингвисты в определении этого важного вопроса идут от морфологии, другие — от синтаксиса. Есть и третий путь, соблюдающий интересы и морфологии, и синтаксиса: идти от классификации грамматических способов и их употребления в том или ином языке.

Все грамматические способы делятся на два принципиально различных типа: 1) синтетические способы, выражающие грамматику внутри слова, — это внутренняя флексия, аффиксация, повторы, сложения, ударения и супплетивизм, 2) аналитические способы, выражающие грамматику вне слова, — это способы служебных слов, порядка слов и интонации. [5, с. 313]

При синтетической тенденции грамматическое значение соединяется с лексическим в пределах слова. При аналитической тенденции — грамматическое значение

выражается отдельно от лексического — лексическое значение сосредоточено в слове, а грамматическое выражается с помощью порядка слов, служебных слов и интонации, которая сопровождает предложение, а не слово. Языки, использующие в большей степени синтетические способы, называются языками *синтетического строя*, а языки, использующие преимущественно аналитические способы, — *языками аналитического строя*. [1, с. 157–158]

Нет абсолютно «чистых» типов языков. Так, в русском синтетизм и аналитизм совмещаются (использование предлогов, сложных форм будущего времени, сложных форм степеней сравнения и др.) Синтетические и аналитические формы могут существовать и в пределах одной парадигмы: немецкий *anfängen* — *ich fange an* (*я начинаю*); *nikto* — *ni u kogo*. [2, с. 117–118]

В языках синтетического строя слово, будучи изъятым из контекста, сохраняет свои грамматические свойства: *сын, полный, происходит*.

В языках аналитических слово сохраняет только свою номинативную функцию, грамматическую характеристику оно приобретает только в синтаксическом контексте. *Back-Back the card back to the back yard*.

В синтетических языках грамматическое значение повторяется во всех словах: *маленькие ягодки* (мн.ч.). В аналитических языках — один раз (*the small houses*) [1, с. 158]

В истории языка синтетические конструкции могут уступать место аналитическим, и наоборот. *Ходил есмь* — *ходил*. [2, с. 118]

Рассмотрим грамматические способы синтетического строя языков.

Внутренняя флексия и чередования

Внутренняя флексия — грамматически значимое изменение фонемного состава корня. Я. Гримм выделил две разновидности внутренней флексии: аблаут (нем. Ablaut — чередование) и умлаут (нем. Umlaut — пересогласовка). Аблаут — исторические чередования гласных в корнях, которые выражают словоизменительные и словообразовательные значения. [2, с. 115]

Этот наиболее древний вид внутренней флексии был обнаружен в так называемых «сильных глаголах», что свойственно всем германским языкам. Термин этот употребляется во всех языках, в том числе и в русском, для обозначения чередования гласных в системе глагола и отглагольных образований. [5, с. 281]

Умлаут — изменение гласных (сдвиг их вперед) корня под влиянием гласных суффикса или окончания, выполняющее грамматическую функцию: немецкое *Vater* — *Väter* (отец — отцы); *Mutter* — *Mütter* (мать — матери). [2, с. 115]

В современном английском языке сохраняется только признак подъема, а меняется задняя локализация на переднюю и лабиализация на делабиализацию, так чередуются [v] — [i:], дифтонги [a v] и [a,]; *foot* [fʊt] — «нога» — *feet* [fi:t] — «ноги», *tooth* [tu:θ] —

«зуб» — *teeth* [ti:θ] — «зубы», *mouse* [maʊs] — «мышь» — *mice* [maɪs] — «мыши». [5, с. 282]

В современном русском языке эти чередования перестали играть прежнюю роль из-за возникновения редукции безударных гласных [э] — [и] и [а] — [о] и благодаря действию унифицирующей аналогии; однако в таких случаях, как *затоп* — *тер* [т'ор] — *тереть* — *тру* — *вытирать* унифицировать написания с *-е-* и с *-и-* нельзя. Здесь, как и в случаях внутренней флексии *собрать* — *собирать*, *назвать* — *называть* и т.д., старый индоевропейский аблаут еще структурно действует. [5, с. 248]

Способ аффиксации

Способ аффиксации состоит в присоединении к корням аффиксов. Аффиксы — это морфемы с грамматическим значением. Аффиксы не существуют в языках вне слов, они сопровождают корень, служа для словообразования и словоизменения.

Есть языки, не употребляющие префиксов (тюркские, угро-финские), всю грамматику они выражают постфиксами; другие языки предпочитают префиксацию и не употребляют (за редкими исключениями) постфиксов; например, язык суахили (группа банту, Восточная Африка). Индоевропейские языки, к которым принадлежит и русский язык, употребляют и префиксы, и постфиксы, но с явным перевесом в сторону последних; ср. *пред-став-и-тель-н-ый*, где один префикс и четыре постфикса. [5, с. 264]

Грамматические значения выражаются при помощи разных типов аффиксов:

а) при помощи флексий (в том числе и нулевых): *дом* — *дома*, *лес* — *леса*, *добр* — *добры*, *шёл* — *шла*; [2, с. 114]

Во многих языках большую роль играют нулевые аффиксы. Нулевой аффикс — это отсутствие аффикса в одной форме парадигмы при наличии аффиксов в других формах той же парадигмы. [5, с. 270]

б) при помощи суффиксов, выражающих грамматические значения, например, в русском языке форма прошедшего времени образуется с помощью формообразующего суффикса *-л-*: *чита-л*, *преподава-л-а*;

в) при помощи префиксов, например, в языке суахили именно приставки служат показателями грамматических отношений. Так, в предложении *Watu wanakisoma* (Люди читают) *wa-* показатель субъекта действия, *na-* временной показатель, *ki-* указывает на прямой объект действия *kitabu* (книга);

г) при помощи конфиксов (циркумфиксов) — комбинаций из двух аффиксов: префикса и постфикса, которые представляют собой 2 морфемы, но действуют совместно; например, в немецких глагольных формах: *ge-fund-en* — (найденный), употребляемых при образовании сложного прошедшего времени. [5, с. 267]

д) при помощи инфиксов: латинский — *vici* — *vinco*, *rupi* — *rumpo*

е) при помощи трансфиксов — использования аффиксов, которые, разрывая консонантный корень, служат

«прослойкой» гласных среди согласных: так, в арабском языке консонантная основа *ktb*, а форма прошедшего времени действительного залога образуется при помощи трансфикса *a-a-a* — *kataba* (написал).

ж) при помощи интерфиксов — служебные морфемы, не имеющие собственного значения, но служащие для связи корней в сложных словах. Н. С. Трубецкой называл их «морфемами связи». Употребляются только в словообразовательной функции. Таковы в русском языке соединительные гласные: *зубр-о-бизон*, *лоб-о-тряс*, или немецкая «соединительная согласная» **-S-** в таких случаях, как: *Ort-s-kunde* — (краеведение), *Alter-s-heim* — (дом престарелых). [5, с. 266]

Редупликации (повторы)

Редупликации (повторы), или удвоения, как их еще называют, заключается в полном или частичном повторении корня. Наибольшее распространение явление получило в австронезийских языках, где удвоение используется как для словообразования, так и для словоизменения. Пример полной редупликации из индонезийского: *api* — *api* (спички) — *api* (огонь); самоан. *solosolo* (носовой платок) — *solo* (полотенце). [6, с. 89]

Богат повторами английский язык, где они могут быть и полные (преимущественно звукоподражательные): *quack-quack* (кря-кря), *jug-jug* (шелканье соловья или звук мотора), *plod-plod* (стук копыт лошади), *tick-tick* (ход часов) и т.п.; неполные (с изменением гласной): *wig-wag* (флаговый сигнал), *zig-zag* (зигзаг), *flick-flock* (шарканье сапог) или *riff-raff* (сброд, шпана), *wish-wash* (бурда, болтовня). [5, с.288]

Способ сложения

Сложение — соединение корневой морфемы с другой корневой морфемой. В результате возникают новые слова: нем. *Kopf+schmerz= Kopfschmerz* (головная боль), англ. *type+writer= typewriter* (пишущая машинка). [1, с. 157]

Соединяться при сложении могут и полные корни, и усеченные, а также основы и целые слова в какой-нибудь грамматической форме.

Звуковые изменения и сращения частей сложения могут с течением времени превращать механическое сцепление морфем и даже слов в тесный сплав; например, в русском языке *спаси бог* превратилось в неразложимое *спасиб; пожалуй, староста* — в *пожалуйста*. Древнегерманские *nachti gall* — «ночи певича», или *bruti gomo* — «невесты муж» в немецком превратились в *Nachtigall* — «соловей», *Brautigam* — «жених», где хотя и можно выделить *Nacht* — «ночь» и *Braut* — «невеста», но вышедшие из употребления *-gall, -gam* превращают все слово в неразложимое. [5, с. 290]

К словосложению относится так же образование сложносокращённых слов, или аббревиатур. Этот способ словообразования распространился в европейских языках в XX веке. Существует два крайних типа аббревиатур: 1) инициальные, например, англ. *A.D.* (нашей эры) *anno domini*, *B.C.* (до нашей эры) *before Christ* и 2) усечённые: англ. *doc=doctor*, *Jim=James*. [6, с. 97]

Способ ударения

Ударение может быть выразительным средством в грамматике, если оно изменчиво. Поэтому тоновое ударение всегда может быть грамматическим способом вследствие своей политоничности — изменчивости тона на том же слоге; в литовском языке *dvi'em* (с нисходящим тоном) — «двум», *adviem* (с восходящим тоном) — «двумя». Использовать так динамическое ударение нельзя вследствие его монотоничности т. е. однородности.

В языках с постоянным местом ударения (классический арабский, латынь, итальянский, испанский, португальский) оно падает на слог слова, который установлен: безотносительно либо относительно. В языках со свободным и подвижным ударением оно падает не на отдельные слоги слова, а прежде всего на отдельные морфемы в пределах слова.

В английском языке может быть различие по месту ударения глаголов (ударение на последнем слоге) и однокорневых имен (на первом слоге): *to extract* — «извлекать», *the extract* — «извлечение» и т. п. [5, с. 305]

Супплетивизм

Формы одной и той же парадигмы образуются разными грамматическими средствами от одного корня. Но иногда на фоне этого общего правила бывают исключения: грамматические формы образуются от разных корней, что называется супплетивностью. [6, с. 93]

В индоевропейских языках типично использование супплетивизма в употреблении личных местоимений (я — *меня*, нем. *ich* — *mich*, сканд. *ik* — *mik*, англ. *I* — *me*, франц. *je* — *moi*, лат. *ego* — *me*), а также корней для образования степеней сравнения прилагательных и наречий со значением «хороший» и «плохой», что является одним из доказательств родства этих языков. [5, с. 311]

Супплетивные пары могут возникать разным путем. Иногда это происходит на базе звуковых чередований. Современные формы настоящего времени английского глагола *be* (быть) представляют три корня — *am, is, are*. В далеком прошлом эти формы обладали одинаковой основой *es-*, но в результате действия фонетических законов они сильно изменились.

Другой путь, когда из двух однокорневых пар, в которых теряются противоположные члены, получается новая пара из оставшихся членов, например: *продавец* — *продавица* и *продащик* — *продащица*, где слово *продавица* утратилось, а слово *продащик* «ушло» в просторечие; откуда новая пара с супплетивизмом основ: *продавец* — *продащица*.

Супплетивизм свойствен далеко не всем языкам. [6, с. 94]

Конверсия

Конверсия — приём словообразования, при котором производное слово сохраняет основу исходного слова, но отличается от него грамматическим классом.

Постепенная конверсия называется *субстантивацией, адъективацией и адвербиализацией*, в зависимости от того, что образуется. Субстантивация при-

лагательных и причастий — распространённый вид конверсии. В русском языке его продуктивности способствует возможность использовать грамматический род для различения смысла слов. Субстантивированные прилагательные мужского рода обозначают человека по его должности, роду занятий, состоянию здоровья и т. п.: *заведующий, часовой, больной*; женского рода — место деятельности: *столовая, гостиная*; среднего рода — разные кушанья: *мороженое, пирожное, заливное*.

Совсем по-другому происходит конверсия глаголов в существительные и существительных в глаголы. Синтаксические функции глагола и существительного настолько несходны, что никаких промежуточных случаев здесь быть не может. Этот вид конверсии всегда словообразовательный приём. В русском языке такие примеры редки (ср.: *строить* и *строй*, *кроить* и *крой*, и т. п.). Широко распространён этот вид конверсии в германских языках: нем. *Pfeffer* (перец) и *pfeffern* (перчить). В английском языке путём конверсии можно образовать существительное от любого простого глагола и, наоборот, от любого простого существительного можно образовать глагол: *look* (смотреть) и *look* (взгляд), *stone* (камень) и *stone* (побить камнями) и т. д. [6, с. 99]

Обратимся теперь к грамматическим способам аналитического строя языков.

Способ служебных слов

Служебные слова лишены номинативной функции, так как ничего не называют и лишь показывают отношения между членами предложения (предлоги, союзы) или между предложениями (союзы), а также указывают некоторые грамматические значения, не зависящие от сочетания слов в предложении (артиклы, частицы, вспомогательные глаголы, слова степени). Это квалификативные отношения. [5, с. 293]

Классификация служебных слов выделяет:

1. Предлоги, выражающие подчинительные отношения между членами предложения (*сиджу на лавочке, жду у подъезда, гляжу на тебя*) или уточняют падежные значения (*у него, на нем*).

2. Союзы, выражающие сочинительные отношения как в простом, так и в сложном предложении.

3. Частицы, выражающие модальные и немодальные значения.

4. Артиклы — наиболее типичные «грамматические сопроводители» знаменательных слов. Артиклы свойственны далеко не всем языкам. Они необходимы в арабском, романских и германских языках. [5, с. 296]

Артиклы выполняют в языке ряд функций. Они: 1) служат для субстантивации других частей речи: англ. *play* (играть) — *a play* (пьеса); 2) выражают грамматическое значение определенности — неопределенности; 3) способствуют различению рода и числа: португальский *um menino* (мальчик) — *uma menina* (девочка); 4) могут участвовать в выражении синтаксических отношений, например, склоняющийся артикль в немецком языке. [2, с. 116]

Вспомогательные глаголы, являющиеся частью аналитической (описательной) формы, в то время как другой ее частью является знаменательный глагол. Обычно в языках в качестве вспомогательных употребляются глаголы со значением «быть» и «иметь». Например, в немецком языке: *Ich habe gelesen* (я читал); английский *I am smoking* (я курю в данный момент), где знаменательная часть — причастие. [6, с. 100]

Слова степени — бывшие «наречия степени», которые сопровождают качественные прилагательные и наречия при образовании степеней сравнения: во французском языке употребляющиеся для этой цели слова *plus, moins*; в английском *more, most*.

Пустые слова — слова, сопровождающие знаменательные слова и выражают такие грамматические оттенки, которые в других языках выражаются аффиксами. В турецком и английском языках, где нет категории грамматического рода, различают пол животных при помощи «пустых слов»; например: *he-cat, erkek kedi* (кот). [5, с. 302]

Способ порядка слов

Аналитическим грамматическим средством является порядок слов, характерный не для всех языков. Есть много языков с относительно свободным порядком слов, например, латинский, русский.

Отклонение от привычного расположения слов не имеет в русском языке грамматического значения, хотя и может передавать некоторые оттенки смысла. Сочетание *два часа* указывает точное время, сочетание *часа два* — приблизительное указание времени. В русском языке роль порядка слов важна при различении нового (ремы) и известного (темы) в сообщении.

В языках с твёрдым порядком слов расположение слов имеет грамматическое значение. Очень распространён такой порядок слов в предложении: подлежащее — сказуемое (глагол) — дополнение. Эта схема господствует в германских и романских языках: англ. *I see a ship* (Я вижу корабль), нем. *Ich sehe ein Schiff*.

В тех языках, где слабо развито склонение, твёрдый порядок слов становится единственным способом определения роли имени в предложении. Англ. *The lion killed the hunter*, фр. *Le lion a tue le chasseur* означает только одно (Лев убил охотника). [6, с. 102]

Способ интонации

Интонация играет важную роль в формировании высказывания и выявлении его смысла, разграничивая разные коммуникативные типы предложений: вопрос — побуждение — повествование, выделяет части высказывания по их смысловой важности, оформляет синтаксическую конструкцию как единое целое и одновременно расчленяет ее на отдельные отрезки. [2, с. 116]

Не в каждом языке интонация легко используется как грамматический способ. Так, например, французская, с точки зрения русских «напевная», интонация очень безразлична к выражению грамматики (поэтому по-французски можно спрашивать и отвечать с той же интона-

ционной волной, но при вопросе употреблять служебную вопросительную частицу *est ce que*).

Чем более «плоская», менее «выразительная» интонация, тем легче она может быть использована в грамматике как выразительный способ; именно такова русская интонация. [5, с. 310]

Рассмотрев аналитический и синтетический строй языков в изложении разных лингвистов, стало ясно, что не бывает полностью аналитических или синтетических языков. Причисляя язык к тому или иному строю, подразумеваются, что в нем преобладает использование тех или иных грамматических способов.

Метод индексов, введенный Гринбергом, показывает, что есть языки не только аналитические и синтетические, но и полисинтетические (инкорпорирующие) и изолирующие, выступающие как две крайности.

Такие грамматические способы, как внутренняя флексия, аффиксация, повторы, сложение, ударение, супплетивизм и конверсия, свойственны синтетическому строю языков, тогда как способы служебных слов, по-

рядка слов и интонация характерны для аналитической тенденции. Обилие грамматических способов и нередкая трудность в их разграничении еще раз доказывает, что язык — целостный организм и изучая одну проблему неизбежно затрагиваешь другие.

Множество примеров, представленных в рамках работы, помогают понять некоторые сложные явления грамматики.

Более пристальное рассмотрение проблемы различия аналитических и синтетических языков способствует снятию трудностей при изучении иностранного языка так как некоторые грамматические способы свойственны второму языку, но отсутствуют в родном, например, артикли, являющиеся неотъемлемой частью грамматики английского языка.

Язык — это живая материя, которая не может остановиться в развитии. Именно так можно объяснить известную историю смену аналитических грамматических способов синтаксическими и наоборот.

Литература:

1. Боронникова Н. В. Введение в языкознание: Курс лекций. / Н. В. Боронникова, Ю. А. Левицкий. Пермь: ПГУ, 2006. — 344 с.
2. Камчатнов А. М. Введение в языкознание: Учеб. пособие / А. М. Камчатнов, Н. А. Николина. — 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2000. — 232 с.
3. Маслов Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. — 3-е изд., М; «Высшая школа», 1997. — 272 с.
4. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: Учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. — М.: Флинта: Наука 2001.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Реформатский. — 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2005. — 536 с.
6. Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику: Учеб. пособие / А. Я. Шайкевич. — М.: «Академия», 2005. — 400с.

Окказионализмы Андрея Вознесенского: опыт создания онлайн-словаря

Самохин Иван Сергеевич, кандидат филологических наук
Международная академия бизнеса и управления (г. Москва)

Данная статья представляет собой дополненную версию предисловия к «Словарю окказионализмов Андрея Вознесенского», размещённому в сети Интернет в августе 2013 года. В текст добавлены примеры оформления словарных статей.

Ключевые слова: словарь, окказионализм, Вознесенский.

Честно говоря, мне не очень хотелось использовать термин «окказионализм» в названии своего словаря (далее станет ясно, почему). Я мог бы выбрать проверенное временем существительное «неологизм», однако этот простой шаг сделал бы мою работу гораздо более трудной. Возможно, даже невыполнимой... По-моему, назвать слово, использованное поэтом или писателем, его авторским неологизмом (то есть *новым словом*) — значит, пойти на огромный риск. Для этого нужно быть уверенным в том, что оно не употреблялось нигде и ни-

когда — по крайней мере, в письменной речи. Кроме того, термин «неологизм» ассоциируется прежде всего с лексикой: таково уж его происхождение. А ведь хочется охватить и фонетические отступления, и грамматические диковины.

Следует признать, что термин «окказионализм» гораздо удобнее. «Occasional» — это всего лишь «случающийся время от времени, иногда, редко; редкий, случайный» [8]. Речь может идти о чём угодно: фонемах, морфемах, словах, словосочетаниях... Таким образом, если слово, использу-

емое автором, не существует на уровне языковой нормы (то есть не встречается ни в одном из основных толковых словарей), можно говорить об авторском окказионализме. То же касается и словоформ. При этом один и тот же окказионализм может употребляться разными личностями; в данном случае «авторский» — это не придуманный, а всего лишь использованный автором. В моём словаре есть слово «совмещане», ранее применённое Владимиром Маяковским, слово «Погорельщина», которым назвал свою поэму 20-х годов Николай Клюев, и ряд других...

Мне, кажется, перестаёт хватать существительного «окказионализм»; возникает потребность в надёжном синониме. Я, пожалуй, попробую ввести в лингвистический обиход недлинное слово «спорадизм» (от «спорадический» — «не постоянный, случайный, появляющийся иногда, от случая к случаю» [3, с. 784]).

Первым современным русскоязычным словарём авторских окказионализмов является «Словарь неологизмов В. В. Маяковского» (составитель — Н. П. Колесников, редактор — Н. М. Шанский; Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1991). К сожалению, мне не удалось раздобыть этот раритетный труд; его не оказалось даже в главной библиотеке нашей страны... Через несколько лет вышел «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н. Н. Перцовой [6]. Издание отличается высоким уровнем академизма. Каждая или почти каждая словарная статья состоит из 9 рубрик. В частности, упоминаются адреса описаний или упоминаний слова в двух авторитетных монографиях и связанные с ним ассоциации. Сложность структуры характерна и для более поздних изданий подобного рода: «Словаря окказиональной лексики футуризма» Д. Б. Масленникова [4] и «Словаря неологизмов Игоря Северянина» В. В. Никульцевой [5].

Как можно заметить из названий, академичность — не единственное, что объединяет данные словари. Все они посвящены поэзии Серебряного века; и это вполне логично, учитывая её небывалую «словотворность». Теперь, благодаря составителям упомянутых словарей, наука имеет чёткое представление об окказионализмах, созданных самими яркими «игрословами» 1900-х — 1920-х годов. На мой взгляд, это позволяет уделить больше внимания тому, как проявили себя на данном поприще литераторы более позднего времени.

Первой ласточкой стал труд В. П. Изотова «Окказионализмы В. С. Высоцкого. Опыт словаря» [2]. По сложности словарных статей автор почти не уступает своим коллегам, исследовавшим спорадизмы Хлебникова и Игоря-Северянина. И я не считаю возможным осуждать подобный подход. Он достаточно разумен, если главной (или единственной) целевой аудиторией являются профессиональные филологи, имеющие учёную степень или претендующие на неё. Однако мой словарь предназначен, прежде всего, для простых любителей поэзии, далёких от тягот и отрад исследовательской деятельности. Он также предназначен для тех, кто пока не прочувствовал магию стихотворного слова, но всё-таки верит в её существо-

вание. Хотелось бы, чтобы, вдохновившись моим произведением, люди читали Вознесенского и перечитывали его; использовали почерпнутые спорадизмы и изобретали собственные. Однако не скрою: мне будет приятно, если результаты моего неоднородного труда окажутся полезными и в научном отношении.

Обратимся к структуре словарных статей в «Словаре окказионализмов Андрея Вознесенского» [7]. Первый компонент неизбежно неоригинален: это сам окказионализм. Гласная буква в ударном слоге пишется крупно и курсивом; в словах, где позиция ударения не вызывает сомнений (или, напротив, заставляет сильно сомневаться), оно просто не ставится. Затем следует помета (или не следует). В ней, например, может объясняться, что окказионализм «жаме» происходит от французского наречия «jamais» («никогда»). Однако я не считаю нужным указывать, что спорадизм «урагангел» отсылает к существительным «ураган» и «ангел», а спорадизм «полтергейстик» — к слову «полтергейст» и уменьшительно-ласкательному суффиксу «-ик». Люди, не способные к подобной расшифровке, как минимум не стали бы интересоваться творчеством Вознесенского... В то же время я понимаю, что даже очень тонкие ценители поэзии могут не владеть специфической терминологией. Поэтому я не использую названий способов словообразования: «контаминация», «конверсия» и т. д. Полагаю, для моего словаря вполне хватит термина «окказионализм» (вместе со «спорадизмом»).

Несколько сложнее было определиться с просветительскими пометами. С тем, нужны ли они. Например, в одном из стихотворений фамилия «Bollenback» превратилась не в «Болленбек» (стандартное написание), а в «Боллинбэк». То есть налицо окказионализм. Вопрос: нужно ли поведать о том, что имеется в виду американский джазовый гитарист Пол Боллинбэк? Буду честен: до работы над словарём я никогда не слышал об этом человеке, хотя несколько лет вплотную занимался популярной музыкой. Наверное, большинство людей также о нём не слышало и не читало... Однако тот факт, что Пол Боллинбэк является гитаристом, напрямую вытекает из поэтических строк (и, видимо, не таким уж безызвестным: иначе о нём вряд ли упомянул бы в своём творчестве представитель иной культуры). Это, в сущности, всё, что необходимо знать читателю. Если возникнет желание, можно осведомиться о господине Болленбеке в англоязычной «Википедии» или в энциклопедическом справочнике «Джаз. XX век». Поэтому я ограничился орфографическим примечанием — как и в большинстве подобных случаев.

По-моему, при некоторых окказионализмах просветительская помета могла бы удивить, обидеть или даже оскорбить («Ассольвейг», «прустрица», «Симф-9», «оскаруайльдовский»), а лингвистическая — оказать медвежью услугу. Читатель не получил бы должного интеллектуально-эстетического удовольствия от поэтической цитаты (см. в словаре: «Вобюлиманс», «женоров», «СИ-

ЗИРК»). Здесь я хочу упомянуть ещё об одной черте, свойственной всем известным мне словарям авторских окказионализмов: строки стихотворного отрывка, содержащего спорадизм, приводятся на одной и той же строчке и разделяются косой линией. Получается, что сердце словарной статьи, — поэтическая цитата, — выступает на равных с другими компонентами. И на чисто визуальном, и на более глубоком уровне. Слово музыку стиха заменили нотными знаками... Мне могут возразить: мол, сердцем статьи является сам окказионализм. Однако следует помнить, что интерес к *словотворчеству* поэтов обусловлен, прежде всего, интересом к их *словесному творчеству* в целом. Иными словами, поэтический спорадизм сияет всеми гранями лишь в оправе контекста. Окказионализмы, существующие внутри бездарных или посредственных стихотворений, едва ли могут стать объектом научного исследования. О них, скорее всего, просто не вспомнят... Впрочем, использование косой линии можно понять: при классическом оформлении фрагментов (включая обрамляющие отступы сверху и снизу) объём словаря увеличился бы в несколько раз. Понадобилось бы гораздо больше бумаги... К счастью, электронный формат снимает эту проблему.

В конце словарной статьи указываются название произведения, год написания и наименование поэтического сборника (есть мысль добавить электронные ссылки на полные тексты).

Соблюдём принцип наглядности:

ЗимАрь

Стоял Январь, не то Февраль,
какой-то чёртовый Зимарь.

(«Антимиры», 1963 // «Треугольная груша»; «Песенка травести из спектакля «Антимиры», 1963 // «Малый зал»)

Боллинбэк (Пол Боллинбэк)

(вместо «Болленбек»)

«Почему, почему!»

Ща те рожу починю!

С гитарой обжимается Пол Боллинбэк.

А бас, что же, не человек?..

(«Беременный бас», 2001 // «Время пошло»)

жамЕ

(от «*jamaïs*» (франц.) — никогда)

Белые с беж

полюхают дублёнки ампиром.

Жарим милашку,

влюблённые в Настю Филиппову...

В слове Манеж

проступает «жаме» —

НИКОГДА!

(«Жарим мираж», 2004 // «Вдвоём»)

совмещАне

(окказионализм ранее использовался Владимиром Маяковским в стихотворении «Нашему юношеству»)

Ура, студенческая шарага!

А ну, шарахни

по совмещанам свои затрешины!

Как нам мешане мешали встретиться!

(«Прощание с Политехническим», 1962 // «Треугольная груша»)

наоборотный

Париж,

как ты наоборотен

(«Париж без рифм», 1963 // «Антимиры»)

И под этим подвешенным миром внизу расположился второй, наоборотный, со своим поэтом со своим тамадой Ъ.

<...>

Что за наоборотная страна?!

(«Оза», 1964 // «Колокола»)

Прилетал я каждую субботу.

В итальянском литографском камне

я врезал шрифтом наоборотным

«Аз» и «Твердь», как принято веками,

верность контролируя в зеркало.

(«Автолитография», 1977 // «Такое же — и всё другое»)

На любви односторонней,

на любви наоборотной,

и на голубом пороке,

и на ненависти белой,

и на золотой разлуке

лишь — не высказать без виски! —

аксиома самоиска».

<...>

Мухой полз Буонарроти,

крася на плафоне Сикста

Рай и Ад наоборотный —

аксиому самоиска.

(«Аксиома стрекозы», 1988 // «Малый зал»)

Есть Оптина кустовая.

Есть Оптина пустынь.

Пусть нет ещё Пушкина —

есть бутон.

Есть ирис с бородкой

наоборотный.

Цветы — это оборотни,

но без погон.

(«Возвратитесь в цветы!», 2003 // «Вдвоём»)

Теперь отвечу на главный вопрос моих друзей и знакомых: почему именно Вознесенский? Ведь во второй половине XX столетия было немало одарённых поэтов — взять хотя бы остальных «шестидесятников». Конечно, мой выбор во многом субъективен. Когда я ещё не умел ходить, мама читала мне наизусть стихи Андрея Андреевича, чередуя их с народными песнями. Евтушенко её не грел, а Ахмадулина с Рождественским не обжигали. В общем, типичный пример навязывания собственных ценностей... Однако есть и объективные причины. Во-первых, никто из названных поэтов не может сравниться с Вознесенским по количеству и разнообразию авторских

окказионализмов. Мой словарь содержит более 2000 единиц, но я почти не сомневаюсь, что при повторной работе с текстами обнаружу ещё около пятисот (и, разумеется, сразу же включу их в свой интернетный однотомник). Во-вторых, недавно увидело свет полное собрание сочи-

нений Андрея Андреевича — единый источник материала (и стихотворного, и прозаического)[1]... И, наконец, в-третьих: в этом году прекрасному поэту исполнилось бы 80 лет. Пусть мой словарь станет чем-то вроде юбилейного подарка...

Литература:

1. Вознесенский А.А. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 1223 с. : ил.
2. Изотов В.П. Окказионализмы В.С. Высоцкого. Опыт словаря. — Орёл: ОГПУ, 1998. — 85 с.
3. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. — М.: «Ридерз Дайджест», 2004. — 960 с.
4. Масленников Д.Б. Словарь окказиональной лексики футуризма. — Уфа: БГПУ, 2000. — 140 с.
5. Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина (под ред. В.В. Лопатина). Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. — М.: «Азбуковник», 2008. — 380 с.
6. Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. — М.; Vien; Hansen — Liove, 1995. — 560 с.
7. Самохин И.С. Словарь окказионализмов Андрея Вознесенского. — 2013. — URL: http://samlib.ru/editors/s/samohin_iwan_sergeewich/slovar_okkazionalizmov_andreya_voznesenskogo.shtml
8. АBBYU Lingvo x5. Английский язык: Профессиональная версия. — АBBYU, 2011.

Моё восприятие романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова

Тан Ихун, профессор

Ляонинский педагогический университет (г. Далянь КНР)

М. А. Булгаков — талантливый русский писатель, творивший в начале XX века. Кульминация творчества М.А. Булгакова — это произведение «Мастер и Маргарита». «Мастер и Маргарита» — роман сложный и многослойный. По-моему, М.А. Булгаков вложил в него всё своё творческое мастерство, сделал достоянием читателей свои убеждения, всё то, во что он верил, всё то, о чём размышлял.

К изучению романа М.А. Булгакова в КНР обратились в конце восьмидесятых годов. Главные произведения М.А. Булгакова к этому времени уже были переведены на китайский язык, в газетах и журналах появились критические статьи о творчестве М.А. Булгакова. В 1991 году, по случаю столетия со дня рождения, пятый номер журнала «Мировая литература» (КНР, Пекин) был полностью отдан авторам, занимающимся исследованием проблем булгаковского творчества и вопросов биографии писателя, печатались его ранние фельетоны и повести, в том числе «Записки на мантажах», «Морфий», «Красная корона», «Дьяволиада» и т. д [1, с. 3]. В журнале «Литература и искусство России» (КНР, Пекин) печатался перевод повести «Роковые яйца» [2, с. 23]. С тех пор многие аспиранты и докторанты КНР избрали изучение различных аспектов творчества М.А. Булгакова в качестве темы своих диссертаций.

Как китайский читатель и исследователь-булгаковец, я уделяю большое внимание рассмотрению соотношения мистического и реалистического начал в его прозе. И моё

особое внимание привлёк в этой связи роман «Мастер и Маргарита», по праву считающийся лучшим итоговым произведением М.А. Булгакова. В нём автор соединяет несоединимое на первый взгляд: фельетон и историю, лирику и миф, бытописание и фантастику. Оригинал М.А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» и в области жанра, композиции и образной системы. Но об этом уже много написано, я хочу остановиться на следующих вопросах:

Первый — это музыкальность в романе. Мы знаем, что в основе «Мастера и Маргариты» лежат три сюжетные линии (философская — Иешуа и Понтий Пилат, любовная — Мастер и Маргарита, мистическая и сатирическая — Воланд, его свита и москвичи), они облечены в яркую и живую форму повествования от первого лица (автора, лирических героев), и в то время тесно связаны между собой образом Воланда [3, с. 24]. Это совершенно правильно, но я считаю, что этот роман создавался М. Булгаковым также с учетом будущей его постановки на сцене театра. Читая роман, рисуешь в воображении всех героев на сцене (театра жизни — только ли?) в костюмах эпохи (вечности!), среди соответствующих декораций, под выступающие звуки то бравурных, то траурных маршей, а то — под аккомпанемент тишины (редкий дар!). Отзвуки этих мелодий долго сопровождают нас, от них нельзя убежать. Создание тесной взаимосвязи слуховых и зрительных образов — одна из важнейших задач романа «Мастер и Маргарита». Синтез слухового и зрительного

восприятия — это предпосылка для расшифровки подтекстовой информации, для глубинного понимания тем «проблем произведения», поэтому музыка в романе «Мастер и Маргарита» для читателей не столько предмет наблюдения, сколько объект осмысления.

Музыка предстает в романе «Мастер и Маргарита» как еще одна сюжетная линия, звучит как единая симфония¹, со своей завязкой, кульминацией, развязкой. И читатель легко узнает их в звукописи романа.

Роман начинается символической картиной вечерней Москвы (одновременно — современной и вневременной) на Патриарших прудах. Странно, что ни у будочки, ни во всей аллее, не оказалось ни одного человека, аллея была пуста. Раз нет людей, значит, должно быть тихо. Такая тишина как будто молчание в зале, ожидающем начала симфонического концерта. И заметно, что в такой абсолютной тишине нарастает не просто волнение, а напряжение, это преддверие каскада мелодий — оркестровых проб и, наконец — самого музыкального действия.

Дальше, по мере развития сюжета, начинают зарождаться и нарастать звуки, соответствующие изменению и становлению событий и состояний души героев. Когда все сбылось так, как предсказал Воланд, и началась «погоня» Ивана Бездомного за Воландом, то на всем их пути героев мучает вездесущий оркестр, под аккомпанемент которого тяжелый бас поет о своей любви к Татьяне (глава 4). Музыка здесь хорошо помогает передать состояние души Ивана Бездомного — досаду, тревогу и какое-то могущееся и пока не обретшее имени, новое чувство (предчувствие развязки!). Если это начало симфонии, то звуки очень яркие и сильные, хотя звуки еще хаотичны, не оформлены в оперу.

Ровно в полночь, когда члены Массолита не дождались Берлиоза и спустились в ресторан, то там тоненький мужской голос отчаянно закричал под музыку «Аллилуйя». Это ударил знаменитый грибоедовский джаз. «Аллилуйя» в богослужениях иудейской и христианской религий обозначает молитвенный хвалебный возглас и обычно повторяется три раза. В романе «Мастер и Маргарита» «Аллилуйя» тоже повторяется трижды. Второй раз — на балу у Воланда, третий раз — в кабинете Кузьмина. Но «Аллилуйя» здесь несет знак пародии, потому что обращен не к богу, а к толпе бездарных писателей, обывателей и гостей страшного пира «справедливости», пира (с учетом эпохи культа личности) во время чумы. Поэтому «Аллилуйя» играет роль пространственного знака, превращая греческую Олимпийскую гору в христианский Ад. Если это второй этап развития сюжета, то звуки громче, опера превратилась в джаз.

Сюжет развивается. Воланд и его свита оказываются в варьете. Под взрывы хохота, звуки безумной пляски, улюлюканье, аплодисменты возбужденных зрителей про-

исходят ужасающие вещи, совершается ряд чудовищных экспериментов над человеческой сущностью, испытаний на бессердечие, жадность, бесчестность, непорядочность, немилосердие и заканчивается все это невероятными маршами. Звук нарастает. Здесь Булгаков звукописью подчеркивает напряженность развития сюжета. А бравурные марши заглушают беззаконие и трагизм эпохи. Оперетта? Фарс!

Музыка в двадцать третьей главе играет ведущую роль. Именно эта глава — кульминация сюжетной линии романа, поэтому музыка, как звуки в исполнении Симфонии, тоже достигла кульминации. Например, когда Великий бал у сатаны начался, звучит танцевальная музыка (бал), в первом зале — рев трубы, взрыв скрипок — оркестр играет полонез, дирижер — Иоганн Штраус, во втором зале гремит нестерпимо громко джаз. Соответствуя моменту кульминации, звуки нестерпимы, предельно выразительны.

После этой главы развитие сюжета становится ровней, действие подходит к концу, музыка тоже затихает, она время от времени раздается, как бы издали, и совсем замирает в эпилоге. Как в романе написано, каждый год, когда наступает весеннее праздничное полнолуние, Иван приходит на Патриаршие пруды. Он не говорит ни с кем, размышляет, дома он видит сны о прошлом. Симфония закончилась. Еще хочу подчеркнуть, что в конце концов подаренный Мастеру покой — предел музыкальности. Потому для Ивана Бездомного возможен этот уход — возвращение к истоку (Патриаршие пруды!). Гармония тишины, когда все прозвучало и будет звучать теперь вне героев, помимо них вечно, гармония решенной дилеммы покоя знания.

Таким образом, с помощью музыки мы не просто узнаем, каково состояние души героя, угадываем, как будет в дальнейшем развиваться сюжет. Можно сказать, что музыка в романе играет определяющую роль, она стала составляющей частью конструкции романа, и в то же время образует некое органичное единство.

Второй заинтересовавший меня вопрос — образ Воланда в романе «Мастер и Маргарита».

Воланд — это центральный образ, соединяющий всех персонажей и всех сюжетные линии романа, свободно «чувствующий» себя и в библейском и в современном писателю времени. Воланд присутствовал на допросе Ишуа Понтием Пилатом, он же, внезапно появившись в Москве, успел за четыре дня натворить не мало дел, потрясших воображение москвичей, и этот сатана возвращает Мастеру его роман о Понтии Пилате и соединяет Мастера с Маргаритой. Благодаря этому образу, смех и печаль, радость и боль в романе перемешаны, как в жизни, если не в ещё большей степени.

Разумеется, исследователи много внимания уделяли образу Воланда. Одни искали его прототип (мистический

¹ Мы можем говорить еще и о ряде мотивов, каждый из которых (с вариациями или без оных) сопровождает «своего» героя — Маргариту, Мастера, Бегемота, Фагота.../В том числе на основе цветописи — цвет и звук в желтых цветах в руках гуляющей по Арбату Маргариты, цвет и звук на «адском» балу Воланда — рыжий багрец крови, желтизна шампанского...

и реальный), другие сравнивали его с Мефистофелем. Я также хочу высказать своё мнение, не считая окончательным, ибо изучение романа — «факт становящийся», как само произведение.

В романе «Мастер и Маргарита» Булгаков сознательно «переодевает» Воланда в «плащ» Мефистофеля, чтобы в их сходстве искать различие, открывая лежащие в основе их сущностей противоречия. Сатана по христианской традиции — воплощение зла. Воланд же — часть той силы, что «вечно хочет зло и вечно совершает благо». Он появился в Москве, чтобы наказать алчных латунских, бесталанных, возмивших себя гениями рюхиных, навести порядок и справедливость, утешить и наградить талантливых и обездоленных, таких, как Мастер и Маргарита [4, с. 32].

Воланд, с одной стороны, противопоставлен москвичам, но с другой — Булгаков диалектично сводит их (москвичей) в некое единство. Автор подчёркивает функцию Воланда — проверить, «изменились ли москвичи внутренне», «есть ли в них нравственная опора», «способны ли они противостоять соблазну, искушению грехом». В этой связи в романе важную роль играет издевательский, гротескный, карнавалыный смех.

Литература:

1. «Мировая литература» (КНР, Пекин) 1991 № 5. с. 1—30
2. «Литература и искусство России» (КНР, Пекин) 1991 № 3. с. 20—30
3. Б. В. Соколов: Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Очерки творчества истории, М. Наука, 1991.
4. Тан Ихун. «Литература и искусство России» (КНР, Пекин) 1997 № 3. с. 32
5. Е. А. Яблоков: Художественный мир Михаила Булгакова. М. Языки славянской культуры, Москва, 2001.

Образы Воланда, и Мастера, и Маргариты тоже контрастны, но с другой стороны — сближаются. Их единство подчёркивает функцию Воланда — пробудить творческие способности и любовь в природе человека, воздать должное Мастеру и Маргарите, сохранившим верность друг другу и любовь. В этом эстетически проявляется романтическая мечта и лирическое начало романа.

Образы Воланда и Потия Пилата также противопоставлены друг другу, но в то же время также образуют единство. Тем самым писатель подчёркивает глубину вечных коллизий между добром и злом, совестью и подлостью в Ершалаимской трагедии, демонстрирует, что «трусость — это один из самых главных человеческих пороков». В этом проявляется эстетическое слияние трагедийности и поэтичности, истории и философии.

Можно сказать, дьяволиада — один из любимых авторских мотивов — в романе «Мастер и Маргарита» получает у Булгакова новую трактовку и выступает как глубоко новаторский приём.

Вообще, роман «Мастер и Маргарита», как и его автор, до сих пор остаётся во многом для читателей загадкой, нужно дальнейшее исследование.

Обучение и исследование лингвострановедения

Чжу Лицунь, профессор
Чанчуньский институт Гуан Хуа (Китай)

Данная статья посвящена исследованию теории лингвострановедения русского языка и обучению русскому языку в китайской аудитории в соответствии с этой теорией. Выясняются в сопоставлении лексика вербального языка, не имеющего эквивалентных слов в китайском языке, и как общие черты, так и национально-культурное своеобразие восприятия и использования лексики страноведческого значения. Анализируется разница между русским и китайским языками в выражении этнических менталитетов, делается упор на анализ слов, которые не имеют эквивалентов.

Ключевые слова: лингвострановедение эквивалентная лексика безэквивалентная лексика культуроведческая информация невербальные средства общения.

В 60–70 годах XX века советские лингвисты разработали теорию и методику учебного предмета «лингвострановедение», который вошёл важной составной частью в преподавания русского языка для иностранцев.

При изучении любого иностранного языка необходимо одновременно изучать и историю, политику, экономику, и культуру народа — носителя данного языка, Цель обучения заключается не только в овладении учащимися

новым способом выражения, и передачи существующего в сознании понятия, но и в получении необходимой культуроведческой информации и новых лингвистических знаний — потому что в процессе обучения иностранному языку вместе с упражнением в совершенствовании языковых и речевых навыков и умений надо обучать фоновым знаниям о стране и её культуре, воплощённым в языке, потому что язык и культура неразрывно связаны, а пере-

дача знаний по страноведению способствует пониманию языка и владению им.

В любом языке лексическая семантика более всего воплощает информацию о культуре носителя языка. Как соотносится такая лексика в разных языках? Существует эквивалентная лексика, то есть слова двух языков совпадают, например: солнце 太阳 (источник света), весна 春天 (символ жизни), роза 玫瑰 (представляет любовь), золото 金子 (символ богатства), радуга 彩虹 (обозначает радость и прекрасное) вода (水), земля (土地), небо (天空), воздух (空气). Ср. ещё обиходные поговорки и пословицы, например: Век живи, век учись 活到老., 学到老. Много знаешь, скоро состаришься. 知道得多, 老得早. Их легко понять и перевести.

В переносном значении слова этого типа слов тоже проявляются общие черты: ножка стула 椅子腿, ручка дверь 门把手, язык пламени 火舌, хребет гор 山脊, подошва гор 山麓 и т. т. п.

Кроме лексики эквивалентного типа в двух языках существуют слова, которые выражают специфический концепт, свойственный только русской культуре, они называют предметы и явления, которые в других культурах отсутствуют. Мы называем их безэквивалентными. Например: октябрьская революция, большевик, субботник, комсомольская свадьба, ваучер и т. д. Эти слова возникли в определённый исторический период и в особых социокультурных условиях. Они содержат в себе богатое страноведческое содержание, отражают исторические факты и особенности современной жизни русского народа. При работе над этими словами мы знакомим студентов с фоновыми значениями, связанными с этой лексикой, а также соотносящимися с ней обычаями русского народа. В китайской аудитории наибольшую трудность представляют следующие случаи:

Во-первых, это фразеологизмы, пословицы, поговорки, изречения, родившись в гуще народной жизни, они отражают всю многогранную жизнь народа, все сферы деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями и являются ценными в лексике языка. Объяснение значений таких устойчивых единиц нередко сопровождается страноведческими комментариями, например:

Болезнь (беда) приходит пудами, а уходит золотниками.

Без дополнительного предварительного толкования мер веса иностранцу трудно понять пословицу (золотник — самая маленькая русская единица веса, равная 4,266 граммов, употреблявшаяся в основном при взвешивании золота и серебра; пуд — русская мера веса, равная 16,38 кг, применявшаяся до введения метрической мер).

И ещё. В Тулу со своим самоваром не ездят. (На китайский язык русская пословица переводится дословно и дополнительно толкуется при переводе примечание: Тура — это древнейший центр металлургического производства. Здесь содержит значение: лишний труд).

Такой проект — просто «Потемкинская деревня» (с объяснением Потемкинская деревня)

Во-вторых, это слова, иллюстрирующие традиции русских, например: фоновое слово «раздеваться» не совпадает с традицией закреплённой за этим понятием в китайской культуре. Все знают, что в большинстве регионов России зимой холодно, но в комнатах тепло. Войдя в комнату, гости снимают пальто. Это означает и уважение к хозяину. В России на дверях часто написано: «Просьба в верхней одежде не входить».

Еще, например: самовар — это предмет быта, символизирующий Россию. При объяснении этого слова, кроме описания внутреннего и внешнего вида самовара, мы дополнительно рассказываем и об обычае русского чаепития. Во время чаепития русские угощают гостей, не просто чаем, как китайцы, а чаем с сахаром или с вареньем, с мёдом и непременно с печеньем или с какой-либо другой выпечкой.

Журавль в русском языке — это символ преданности Родине, а в китайском языке журавль — символ долголетия. На свадьбе китайцы дарят новобрачным посуду с изображением пары журавлей.

В-третьих, это слова, связанные с историческими событиями и явлениями, и слова, отражающие исторические периоды СССР и нынешнюю Россию. Например: декабристы, гимназия, уезд, губерния, город-герой, военный коммунизм, мать-героиня, ваучер, шоковая терапия и так далее. Например, при объяснении значения словосочетания «студенческие строительные отряды» мы подробно описываем все детали данного явления: В летние каникулы студенты добровольно едут в разные места, где нужны рабочие руки. Они знакомятся со своей страной, в труде закаляют свою волю, воспитывают в себе самостоятельность и, что немаловажно, зарабатывают деньги.

Ещё пример: Вот те, бабушка, и Юрьев день, — подумал я. Было уже поздно, но жандармы достали фазитон и повели меня на Нахимовский проспект, в жандармское управление. (Ляшко)

Не имея представления о словосочетании «Юрьев день», трудно понять это предложение. Оно пришло из времени средневековой России, когда крестьяне имели право перейти к новому помещику, рассчитавшись с предыдущим. Этот переход мог происходить после окончания сельскохозяйственных работ, за неделю до Юрьева дня (25 ноября). После смерти Ивана Грозного такой переход был запрещён и произошло закрепление крестьян к земле. Тогда и родилась пословица «Вот те, бабушка, и Юрьев день» как выражение неприятной неожиданности, разочарования, огорчения из-за изменившихся обстоятельств.

Невербальными средствами общения являются соматические речения — жесты, мимика, телодвижения. Разные нации употребляют невербальные средства общения неодинаково. Например, в знак удивления, недоразумения и непонимания русские привычно пожимают плечами, а китайцы покачают головой; Русские обычно проводят рукой по шее, выражая, обозначая тем самым, что сыты по горло. У китайцев этот означает самоубийство или обезглавливание. И ещё о мимике, посред-

ством улыбки в Китае дополнительно выражается уважение к собеседнику. Например, принято обслуживать с улыбкой, а в России другая ситуация. Обычно русские служащие на работе серьёзны. Улыбка не используется как знак вежливости. Только при общении со знакомыми русские улыбаются или громко смеются.

В процессе обучения, исходя из содержания текста, объясняем студентам ситуации конкретного употребления мимики, телодвижений и привычных действий. Например, выражая сожаление, извинение, благодарность и просьбу, русские прижимают руку к груди: китаец одной кистью руки обнимает другую кисть, вытягивает руки вперёд и кланяется. Глубина поклона зависит от степени уважения. Русские постукивают пальцами себя по голове (по лбу), выражая колебание, затруднение, в Китае пальцы рук собираются в замок и покачивают вертикально расположенными кистями рук.

Страноведческое значение воплощено в формах речевого поведения. Например, не совпадает внутренняя форма приветствия в русском и китайском языках. При встрече китайцы спрашивают «Куда ты собираешься?» «Ты кушал?», высказывают интерес к делам собеседника, а русские выражают пожелание «Доброе утро!» «Здравствуйте!». Китайские приветствия выражены вопросительным предложением. А русские — восклицательным. Услышав звонок и сняв трубку, русские не говорят, как китайцы «Я здесь. Говори, пожалуйста», а обычно «Да. Слушает N» и т. п. В китайской реплике содержится информацию о местонахождении «Я здесь», в русской реплике компонент «Да» выражает готовность продолжать диалог, начатый позвонившим, формулы речевого об-

щения как языковые штампы, речевые привычки, осваиваются в коммуникативной ситуации.

Яркие национальные особенности соматического языка обуславливают разницу и сходство речевого поведения в разных культурах. Правильному пониманию и уместному употреблению невербальных средств — мы обучаем с опорой на текст, в конкретной ситуации общения.

Страноведение обеспечивает культурологические знания о коммуникации. Без этих знаний возникали бы недоразумение или непонимание, как в следующем случае. В пятидесятые годы китаец — студент учился в СССР. Он отличался своими успехами, по окончании учёбы ему подарили значок с рисунком совы в знак поощрения. Но подаривший не знал, что сова в Китае — это символ коварства и хитрости и считается зловещим предзнаменованием, грядущего несчастья. Это пример говорит о том. Что отсутствие страноведческого понятия неизбежно вызывает недоразумение и доказывает важность страноведческих знаний.

В связи с быстрым развитием науки и техники наша страна нуждается в большем количестве специалистов, хорошо владевших русским языком и речью, знающих русскую культуру и менталитет нации. Лингвострановедение поставлено перед преподавателями русского языка как новая проблема. Итак, наша задача заключается в следующем:

Осознать роль и место лингвострановедения в курсе обучения русскому языку;

Теоретически доработать его, с учётом диалога русской и китайской культур;

Внедрить курс в практику.

Литература:

1. Шанский Н. М. и другие Фразеологические обороты русского языка. М., 1988
2. Звегицев В. А. Язык и лингвистическая теория. М. 2001
3. 谭林 俄语语言国情学 // Под редакцией Ю. Б. Смирнова. 长春: 吉林大学出版社 1992
4. 赵爱国 姜雅明 应用语言文化概论 上海: 上海外语教育出版社, 2003
5. 吴国华 文化词汇 哈尔滨: 黑龙江人民出版社 1996

Структурно-функциональные особенности украинских заговоров

Швыдкий Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент
Донбасский государственный педагогический университет» (г. Славянск, Украина)

Заговор — один из наиболее архаических фольклорных жанров. Их функции были и остаются совершенно утилитарны и прагматичны. Основанные на вере в силу слова, они проговаривались с целью достичь определенного результата — излечить больного, вызвать дождь, добиться взаимности в любви и т. п. Эти слова воспринимались как вещи, пророческие, которые имеют таинственную силу.

Тексты заговоров всегда привлекали внимание многих исследователей. Только за последнее десятилетие они были объектом исследований украинских, российских, белорусских ученых [11].

Магические формулы заговоров, по определению некоторых исследователей [6, с. 3], находятся в тесной связи с бывшими коллективными действиями и обрядами, сопровождающимися песнями, например, весенними кол-

лективными актами, колядованием, купальскими действиями, хороводами. Назначение этих действий при помощи увеличенной энергии и воли взбудоражить естественные силы, разбудить их жизненную силу. М. С. Грушевский относит такие действия к сфере «магически-мимических актов» [6, с. 132].

На наш взгляд, украинские заговоры можно классифицировать на заговоры в песенной и прозаической форме.

Заговоры в песенной форме

Первоначальные магически-мимические операции ярко прослеживаются в веснянках: «Вийся, горошку, в три стручки, В три стручки! А роди, Боже, в чотири, чотири, Щоб тебе черви не точили, Не точили! Щоб ся парубки женили, Женили!»¹ [5, с. 221].

К коллективным действиям, которые сопровождаются песенными формами заговоров, можно отнести также заклятия мороза, зимы и смерти, которые провозглашались во время очищения земли огнем от всякой нечисти, в рождественских и пасхальных обрядах: «Морозе, морозе! Иди до нас вечеряти, та не морозь ні ягнятка, ні телятка, жита і пшениці, і всякої пашниці» [9, с. 174]. «Смерте, смерте, іди на ліси, Йди на безвість, йди на море, І ти, морозе, великий і лисий, Не приходи до нас із своєї комори! Смерть з морозом танцювала, Танцювала і співала, А за море почвалала» [6, с. 135].

А. А. Потєбня объяснил процесс воплощения магических формул в колядковом материале. Описания богатства, красоты, мудрости хозяина, содержащиеся в колядках — не простые поэтические украшения, а магические заговоры на счастье, основанные на вере в чудодейственную способность слова приводить то, к чему или к кому обращаются в заговоре. Роскошными образами колядовщики призывают богатство, счастье, здоровье, почет и славу к хозяину, — так, как веснянщики зовут весну с ее дарами.

Существует также вид заговоров, бытующий в форме детских спевков. Например, заговор на дождь: «Иди, иди, дощику, зварю тобі борщику! Чи на дощ, чи на сонечко, Одчини, Боже, віконечко! Дай, Боже, дощик цебром, Відром, дійницею!» [9, с. 174].

Таким образом, определенная группа заговоров имеет форму народной песни, использует те же образы, имеет ту же песенную структуру, имеет структурное сходство с ее образцами.

Прозаические заговоры

Тексты многих заговоров имеют прозаическую форму. В зависимости от сюжетного материала заговоров, их можно объединить в следующие группы: заговоры, основанные на легендах; заговоры-молитвы; диалогические заговоры; короткие формулы; нумералы; клятвы.

Заговоры, основанные на библейских легендах

Украинцы, как и другие народы, в устном поэтическом творчестве использовали библейские сюжеты с магиче-

ской окраской. Среди украинских заговоров есть целый ряд текстов, в которых речь идет о разных формах и видах магии — вредной, лечебной, промышленной, военной, любовной и т. д.

В книге «Выход» [2], например, есть рассказ о вредной магии — история о т. н. наказаниях египетских. Библейские пророки Моисей и Аарон создавали чудо с помощью «волшебного жезла». Аарон вместе с Моисеем превратили в кровь речную воду, и погибла вся рыба [1, 1, с. 63]. Дальше они насылали жаб на египетскую землю [2, 1, с. 63], вшей, мух [3, 1, с. 64], моровую язву [4, 1, с. 64], дождь, град и гром [5, 1, с. 65], саранчу [6, 1, с. 67], тьму египетскую [7, 1, с. 67], и, наконец, смерть всех египетских перворожденных грудных детей [8, 1, с. 67].

Кроме описаний вредной магии, есть также рассказы о лечебной и любовной магии.

В священных книгах Нового Завета много легенд о том, как Иисус Христос и его ученики лечили больных волшебными средствами, разнообразными заговорами. Они выгоняли бесов из больных, возвращали зрение, способность ходить и т. п.

Часть заговоров, в основу которых положены легенды, знахари перенимали у духовенства, особенно у странствующих дьяков, часть же народные целители создавали сами, опираясь на общеизвестные библейские сюжеты. В текстах этих заговоров встречаются имена святых: Иисус Христос, Матерь Божья, Петр, Павел, Юрий, Николай, Пантелеймон, Антоний, Феодосий и др.: «Ишла Божія Мати золотим мостом, за нею Ісус Христос...» [3, с. 6]; «Ехал св. Юрей на сером коне...» [1, с. 140]; «Святий Петро землю пахає, а Цариця небесна розсіває, а Спаситель благословляє, а святий Пантелеймон ізціляє» [8, с. 419]; «Їхав Юрій на коні, за ним бігло три хорти...» [7, с. 37]; «Святий отче Нікола, великий помошник...» [7, с. 9]; «Господу богу помолюся і пречистій божій матері поклонюся і всім силам небесним і отцям печерським; стійте мені у поміч святі печерські — Антоній і Феодосій і всі святії печерські угодники божії...» [4, с. 187].

Канонические молитвы в функции заговоров

Существует целый ряд канонических молитв, но популярны лишь некоторые из них. По использованию универсальна молитва «Отче наш», которую применяли и применяют при лечении почти всех болезней, а также при общении с объектами природы и мифологическими существами, обеспечении хозяйственного благосостояния, в критических жизненных ситуациях и т. п.

Выход из употребления давних заговоров, послабление народной религии способствовали распространению именно этой молитвы, которая часто становилась единственным средством отвода зла. Более того, когда знахарь не знал нужных заговоров, то он лечил именно с помощью чтения хорошо известного текста «Отче наш».

¹ Все тексты заговоров находятся в редакции авторов трудов, на которые делаются ссылки.

Канонические молитвы, согласно обряду, читали и самостоятельно. Часто их присоединяли к началу или к концу заговоров — в этом случае они становились своеобразными формулами — закрепками, например, в заговоре при боли зубов. Прежде чем заговаривать, нужно трижды прочитать «Отче наш», далее — «Місяць у небі, а звір у полі, а щука у морі, когда три брати зійдуться, когда девять хлібів поїдять, тогда у раба Божого (имя) і зуби заболять» [8, с. 419].

Диалогические заговоры

Диалогические заговоры, в сравнении с другими формами заговоров — редко применяемые.

Эти заговоры четко выделяются общим влиянием магического действия и сопроводительной словесной частью. К ним относят также заговоры, базирующиеся на легендах, текст которых построен на диалоге (например, между Христом или Божьей Матерью и демонами болезни: «Ішла Божія Мати золотим мостом, за нею Ісус Христос, да питає єї: «Куди ти йдеш?» А вона каже: «Іду до народженнаго, молитвованнаго, кращеннаго, — пристріту одмовляти»...» [3, с. 6].

Структура диалогических заговоров стабильна и проста: словами изображается картина предупредительных действий, сопроводительных манипуляций и смысл этого. Выделяют два вида структуры диалогических заговоров:

1) вопрос — ответ. Вопрос отвечает действию, а ответ описывает действие или его содержание. Вопрос — это своеобразный индикатор, который особенно ясно представляет смысл действия: «Місяцю, Володимиру, в мертвих зуби болять? Ні. Хай і в мене не болять» [7, с. 41].

2) вопрос — ответ — закрепка. Закрепка включает в себя категорическое обращение или приказ непременно довести дело до конца, отвести болезнь или существо: «Питається молодий у старого: чи болять у його зуби? — Ні, не болять і не щимлять. Щоб і у мене, раба Божого, молитвенного, хрещеного, ніколи не боліли зуби» [10, с. 130].

Короткие формулы

Заговор в виде коротких формул — это один из архаических видов магических текстов, мобильный и быстро реагирующий на изменения в социально-экономических отношениях и верованиях. Вместо исчезнувших формул появляются новые, приспособляющиеся к обряду.

Часть формул тесно связана с обычаем и настолько не самостоятельна, что вне конкретной ситуации теряет свое значение: «Боже з високості, дай тіло на ції кості!» [9, с. 106].

Короткие формулы подводят итоги, обобщают содержание магического действия. Они могут иметь разные значения:

1) поддерживать действие: «...рожа не зійшла, кров червона не пішла» [9, с. 66];

2) определять происхождение болезни или существа: «З вітру прийшло, за вітром хай і піде!» [9, с. 77];

3) императивное руководство: «Ластівко, ластівко! На тобі веснянки, дай мені білянки!» [9, с. 130];

4) апелляцию к высшей помощи: «Господи, благослови»..., «Роди, Боже, на всякого долю!» [9, с. 179];

5) сравнение: «Як голубу без очей, так би тобі, раба Божа Марія, за мною без ночей» [9, с. 46];

6) пожелание: «Щоб тебе щастя ся тримало», «На щастя, на здоров'я, на щасливу долю» [9, с. 50].

Заговоры — нумералы

Заговорный текст может основываться на числах и связанных с ними верованиях. Такие заговоры и разновидности магических текстов называются числовыми (нумералами).

Магия чисел и числовых отношений присуща и другим видам фольклора, тем не менее, с заговорами она связана теснее, чем с другой традицией.

В устном народном поэтическом творчестве числа могут выполнять несколько функций: их используют при счете, обозначении количества или величин, они могут быть поэтическими строками. Почти во всех фольклорных жанрах встречается информация, основанная на магии чисел или связанная с ней, в сказках, например, используются повторение и троекратность. Для заговоров характерно произношение одних и тех же слов несколько раз, чаще 3 или 9. Например, заговор от сглаза: обращаясь к сороке, повторить трижды и трижды сплюнуть через левое плечо: «Уроки на сороки! Пристріти — на сорочи діти! А рабу Божому (им'я) перетреться, перемнеться, да і все горе минеться» [7, с. 30].

В ряде верований и связанных с ними магических действиях основным есть стремления или избежание пары или единичного. В предсказаниях судьбы и замужество феномен пары занимает существенное место: «Во ім'я Отця і Сина одступися, нечиста сило, та вселися Дух святий і возлюби нас так, як нас Бог возлюбляв, як ми возлюблено під вінцем стояли, і як нас батюшка благословляв і на нас вінці надівав, щоб так ми й віку доживали у радості, веселості, благословенно, неосужденно» [9, с. 51]. Символика единичного и пары используется и в современной традиции (например, при дарении цветов).

В заговорах встречается также противопоставление единичного и множественного. В таком случае превалирует сила того, кто помогает, кто может один противостоять страшным и опасным существам. В заговоре указывается на силу того, кто помогает, а это автоматически отпугивает болезнь или опасные существа, выступая предупредительным средством: «Ішов святий Аврам путем, зустрічає він сімдесят сім трясовиць. «Куди ви йдете, сімдесят сім трясовиць? — «Ідемо ж ми на Білу Русь людей мордувати, і тілом труждати, і кості ламати, і кров морити»... [9, с. 86].

В некоторых вербальных текстах формулой-оберегом выступает последовательный ряд числительных. Например:

1. Ряд числительных основанный на возрастающем счете, как правило, от 1 до 3. Большей частью он сопровождается выполнением магических действий соответствующее количество раз. Операция счета по одному в ма-

гической практике всегда предусматривает ситуацию выбора и ритуал избрания. Считать необходимо для того, чтобы в нужном (отмеченном) месте счет прервался. Поэтому счет может быть длинным, но не бесконечным: именно окончание, нахождение «избранного» существа или предмета является истинной целью нумерологического ряда. Например: «Йшло три соколи через кленимости. Перший сокіл кров хлябає, другий сокіл більмо зганяє, третій сокіл чорную галку чистить с раба божого (ім'я)» [7, с. 8]; «Дуб у полі, шука в морі, місяць на небі; коли будуть ці три брати у купі пити та гуляти, тоді у народженого, молитвеного зуби будуть боліти» [7, с. 1003].

2. Ряд числительных, основанный на уменьшении, как правило «от 9 до 1» имеет более конкретную цель счёта: уменьшение чисел предусматривает сужение места распространения болезни, существа или явления и их исчезновение. Например: «Був собі чоловік жовна, мав він дев'ять жінок: з дев'ятої — восьму, з восьмої — сьому, з сьомої — шосту, з шостої — п'яту, з п'ятої — четверту, з четвертої — третю, з третьої — другу, з другої — одну, з одної — жодну» [9, с. 118].

Встречаются и такие заговоры, в которых числа обозначают расстояние, невозможность возвращения и другие оттенки значения: «Була така жовна, мала дванадцятро дітей, ті діти мали всі по дванадцятро дітей — скільки всіх було? Всіх сто сімдесят сім. Як не знаю, де ся взяли, щоби не знала, де ся поділи» [10, с. 143].

Числовые заговоры — один из наиболее древних видов заговоров. Лечебные и другие заговоры-обереги, основанные на магии чисел, имели широкую сферу применения.

Клятвы

М. С. Грушевский в фундаментальном исследовании «История украинской литературы» обращает внимание

на еще один вид магических формул — клятвы. Ученый приводит тексты двух древнейших русских самозаклятий в трактатах Игора и Святослава с греками, 944 и 971 гг.: «Да не ймуть помощи оть Бога ни оть Перуна, да не ущитяся щиты своими, и да посъчени будут мечи своими, оть стрѣль и оть иного оружья своего, и да будутъ раби въ сий вѣкъ и въ будущий. Да имѣемъ клятву оть Бога, въ него же вѣруемъ, въ Перуна и Волоса, скотья Бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемъ да посъчени будемъ» 6, с. 145].

Ученый доказывает, что эти тексты — образцы заговоров военного характера, т.е. воины заклинают себя, если отступятся от клятвы, то желтеть им, как золото, вследствие Божьего проклятия, которое щиты им откажут в защите, и их собственные мечи и стрелы обернутся на них [6, с. 145].

Таким образом, украинские заговоры как фольклорный жанр имеют разнообразные формы, которые приближаются к формальным признакам произведений, относящиеся к другим жанрам устного народного поэтического творчества. Разнообразие форм свидетельствует о богатстве жанра заговоров и подчеркивает важное место заговоров в фольклорном наследии народа.

Кроме особенностей формы, заговоры имеют оригинальную композицию, которая доказывает древнейшее происхождение магических текстов и их связь с архаическим мышлением. Образная система заговоров и художественные средства словесных формул убеждают в том, что эти тексты не могут ограничиваться практическими функциями. Заговор, как устоявшийся фольклорный жанр, — это яркий образец устного народного поэтического творчества, заслуживающий внимание исследователей.

Литература:

1. Бабенко В. Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края / В. Бабенко. — Екатеринославль: Типография Губернского Земства, 1905. — 144 с.
2. Біблія. — United Bible Societies, 1990.
3. Ветухов А. В. Из этнографических материалов по Харьковской губернии / А. В. Ветухов. — Харьков: Тип. Печатное дело, 1905. — 7 с.
4. Вовк Хв. Студії з української етнології та антропології / Хв. Вовк. — К.: Мистецтво, 1995. — 336 с.
5. Воропай О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис / О. Воропай. — К.: Оберіг. — 1993. — 590 с.
6. Грушевський М. Історія української літератури: В 6т. 9 кн. / М. С. Грушевський. — К.: Либідь, 1993. — Т. I. — 392 с.
7. Иванов В. В. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края / В. В. Иванов. — Харьков: Издание Харьковского Губернского Статистического Комитета, 1898. — Т. 1. — 1012 с.
8. Маркович М. Знахарки нового типа / М. Маркович // Киевская старина. — 1891. — Т. XXXV. — С. 413–429.
9. Українські замовляння / Упоряд. Н. М. Москаленко. — К.: Дніпро, 1993. — 309 с.
10. Чубинський П. Мудрість віків: (Укр. Народознавство у творчій спадщині Павла Чубинського): У 2 кн. / П. Чубинський. — К.: Мистецтво, 1995. — Кн. 1. — 224 с.
11. Ви, зорі-зориці...: українська народна магична поезія: (замовляння) / упорядкув. М. Г. Василенка, Т. М. Шевчук; передм. М. Г. Василенка. — К.: Молодь, 1991.; Українські замовляння / Упор. М. Н. Москаленко, авт. передм. М. О. Новикова. — К.: Дніпро, 1993.; Шевчук Т. Магічна поезія замовляння. Еволюція ритуально-поетичних формул / Т. Шевчук // Родовід. — 1993. — № 5.; Українські чари / Упоряд. О. М. Таланчук. — К.: Либідь, 1994. — 96 с.; Бондаренко Г. Слово, яке було спочатку / Г. Бондаренко // Людина і світ. — 1994. —

№ 7.; Мойсіенко В. Поліські замовляння / В. Мойсіенко. — Житомир: Авжеж!, 1995.; Барташевiч Г. А. Магічнае слова / Г. А. Барташевич. — Мінск: Навука і тэхніка, 1990.; Магічнае слова: Вопыт даследавання светапогляднай і мастацкай асновы замоў / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; Навук. рэд. К. П. Кабашнікаў; Мінск, Навука і тэхніка, 1990.; Замовы / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і каммент. Г. А. Барташевiч; рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Навука і тэхніка, 1992.; Замовы / уклад.: У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей; уступ. арт.: Л. М. Салавей. — Мінск: Беларусь, 2009.; Замовы / укладальнік Н. С. Гілевіч; мастак Г. Грак. — Мн.: Беларускае таварыства «Кніга», 2000.; Вярзеенка С. Матывы беларускіх лекавых замоу: структурна-функцыянальны аспект (на матэрыялах фальклору Гомельшчыны). — Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2012; Толстой Н. И. Из наблюдений над полесскими заговорами // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне // АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. Н. И. Толстой. — М.: Наука, 1986.; Полесские заговоры (в записях 1970—1990 гг.) / Сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, Л. А. Топоркова. — М.: Издательство «Индрик», 2003.; Агапкина Т. А. Всегда и никогда (время в заговорном универсуме) / Т. А. Агапкина // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923—1996) / Отв. редактор С. М. Толстая. — М., 2004.; Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв.: история, символика, поэтика. — М., 2005.

Музыка как средство создания женских образов и композиционной системы в повестях И. С. Тургенева «Ася» и «Вешние воды»

Ширшова Наталья Сергеевна, студент

Тобольская государственная социально-педагогическая академия имени Д. И. Менделеева.

Жизнь героев тургеневских повестей наполнена музыкой: они поют, играют на музыкальных инструментах, говорят о музыке или просто наслаждаются ее звучанием. Их романтические встречи, признания и расставания наделены особой поэтической музыкальностью. С помощью музыки Тургенев показывает нам скрытые стороны души героев, передает сокровенные чувства и предвещает их дальнейшую судьбу. Музыкальный ряд у И. С. Тургенева приобретает самостоятельность, становится подобным герою произведения, влияет на характер героев, их поведение и настроение.

В повести И. С. Тургенева «Ася» и «Вешние воды» важную роль в характеристике женских образов и в создании композиционного ряда произведения играет музыка. Так, с точки зрения композиции в повести «Ася» интересно следующее: Впервые Н. Н. знакомится с Гагиным и Асей на коммерше — торжественном празднике для студентов, на который он пошел из любопытства: *«Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко»* [1, с. 9]. Именно музыка стала причиной встречи главных героев и связала их судьбы вместе.

Немало важно и то, что в двух эпизодах встречается упоминание *ланнеровского вальса*. Впервые слышит его Н. Н. после первой встречи с Асей на обратном пути от дома Гагина: *«Словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского вальса. Гагин был прав:*

я почувствовал, что все струны моего сердца задрожали в ответ на, те заискивающие напевы» [1, с. 15]. Но не только музыка затронула и взволновала его сердце, но и встреча с Асей. Именно с этого момента началось зарождение чего-то нового, но еще не понятного для героя: *«Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чем не думал... Я был счастлив»* [1, с. 15].

Ланнеровский вальс упоминается в повести еще раз: под него танцуют Ася и Н. Н. в конце девятой главы: *«Я побежал вслед за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера... Долго потом рука моя чувствовала прикосновение ее нежного стана, долго слышалось мне ее ускоренное, близкое дыхание...»* [1, с. 37].

В двух этих эпизодах главный герой взволнован, чувствителен, он в смятении и не понимает, что происходит в его душе. Проанализировав повторение этого мотива в повести, можно предположить, что вальс Ланнера символизирует собой некий переломный момент в судьбе Н. Н. и Аси, а также зарождения чувств героев, еще неосознанных, но уже существующих в их сердцах. Но не только встреча и свидания героев наполнены музыкальностью, но и их разлука. Когда Н. Н. навсегда прощается с Асей, музыка утихает и уходит из его жизни, оставляя его в полной тишине наедине с самим собой. Таким образом, мы видим, что с помощью музыкального ряда И. С. Тургенев выделяет значимые для героев события и кульминационные моменты в повести.

Значимую роль в плане композиции играет музыка и в повести *«Вешние воды»*. Неким предвестником судьбы Санин становится попури из оперы Мейербера *«Роберт-Дьявол»*, которую он услышал в парке перед встречей с Полозовой: *«...он постоял перед беседкой, в которой помещался оркестр, послушал попури из «Роберта-Дьявола «...» присел на лавочку — и задумался»* [2, с. 188]. Роберт — средневековый рыцарь, его жизнь с рождения была дарована дьяволу. Роль искуителя, дьявола в женской плоти играет Мария Полозова, роль Роберта принадлежит Санину. Полозова желает заполучить душу и тело Санина, и если Роберт из знаменитой оперы не подчиняется злой силе и искушению, то тургеневский герой оказывается полностью в ее власти.

Музыкальный ряд становится своеобразным обрамлением всего произведения: с него начинается и им же заканчивается повесть. Так, эпиграфом к повести И. С. Тургенев избирает строки из старинного романса: *«Веселые годы, Счастливые дни — Как вешние воды промчались они!»* [2, с. 7]. Данный эпиграф в поэтической, музыкальной форме выражает основную идею произведения и содержит некий итог событий, которые будут происходить в дальнейшем. Также основную функцию выполняет музыка в эпилоге повести, она становится ярким завершением повести и неким итогом всей жизни Санина. Вот так, И. С. Тургенев описывает чувства, которые испытал Санин, окупившись в воспоминание о потерянной любви: *«Подобным чувствам нет удовлетворительного выражения: они глубже и сильнее — и неопределеннее всякого слова. Музыка одна могла бы их передать»* [2, с. 156].

Кроме композиционного замысла произведения музыка отражает характер главных героинь повестей *«Ася»* и *«Вешние воды»*. Музыка играет важную роль в создании образов «тургеневских девушек», она сопровождает героинь в переломные для них моменты, в моменты душевных переживаний, которые вызваны сильным, искренним чувством любви к мужчине.

В повести *«Ася»* интересна сцена, в которой Ася при одной из встреч с Н. Н. напевает старинный классический романс: *«Она почти ничего не говорила, спокойно поглядывала на свою работу, и черты ее приняли такое незначительно, будничное настроение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Катя и Маши. Для довершения сходство она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку»* [1, с. 23].

Песня, исполненная Асей, передает следующие черты характера героини:

— переменчивость настроения, быстрая смена образа.

Еще вчера она «чудила», а сегодня поет простодушную русскую песню *«и шьет в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась»* [1, с. 23];

— социальную среду, в которой воспитывалась Ася, и душу простой «совершенно русской девушки» (в детстве Ася жила в крестьянской среде).

Последний куплет песни передает зарождающиеся чувства героини и становится неким пророчеством дальнейшей трагической судьбы:

«Что это, родимушка, сталося со мной?

Видно, приключился мне злой недуг какой?

Али нет, родимая, чем мне пособить?

Знать, приспело, дитятко, времечко любить!»

Вся повесть наполнена особой музыкальностью и мелодичностью, которая повсюду сопровождает образ Аси. Музыка наполняет взаимоотношения Аси и Н. Н. особой поэтичностью и усиливает эмоциональный фон их встреч и признаний. Когда Ася навсегда исчезает из жизни Н. Н., вместе с ней исчезает и особая поэтичность и музыкальность.

В повести *«Вешние воды»* музыкальный ряд выполняет две функции: создает характеристику главных героинь и становится средством их противопоставления.

Джемма любит искусство и в первую очередь музыку. В первый вечер знакомства они с Саниним много говорят о музыке и любимых композиторах. В этот же вечер Джемма исполняет для него итальянскую песню. Герой отмечает, что она не лишена музыкального таланта, и ее голос «несколько слаб, но приятен». Из диалога Санина с Джеммой мы узнаем, что любимым ее композитором является Карл Мария Вебер и ей очень нравится немецкая музыка, наполненная духом романтизма. Джемма говорит Санину о том, *«что хотя она сама итальянка, но такую музыку любит больше всего»* [2, с. 33]. Интерес героини к немецкой классической музыке говорит о ее романтической натуре, а итальянские песни, в ее исполнении — о приверженности к традициям. В целом же, музыкальный вкус Джеммы показывает нам, что она разносторонне развитая личность и не лишена музыкального слуха. Сочетание итальянской и немецкой классической музыки говорит о противоречивости характера героини: с одной стороны она импульсивная, энергичная итальянка, с другой — романтическая, чувственная девушка. «Сама тургеневская проза в посвященных Джемме главах отмечена музыкальностью, ритм фраз предельно приближен к музыкальному звучанию ... Не случайно так много реминисценций, отголосков и цитат из ранних «Стихотворений в прозе» ... Все это окружает образ Джеммы особой музыкальной атмосферой...» [3, с. 31]. Немало важным фактом становится и то, что кроме музыкального таланта главная героиня повести владеет актерским мастерством, она хорошо умеет перевоплощаться и быстро вживается в роль. И как на сцене, так и в жизни Джемма быстро умеет менять свой облик: изменять выражение лица, взгляд и свое настроение.

Совершенно другое отношение к музыке у Марии Полозовой. Из ее диалога с Саниним мы узнаем, что она совсем не любит музыку, нравятся ей только одни русские народные песни и то при определенных обстоятельствах — весной в деревне и с пляской. С одной стороны, это говорит о том, что героиня уважает и чтит русские традиции, с другой стороны о том, что ее не интересует искус-

ство как таковое. Важно и то, что у Полозовой нет никаких увлечений и дарований. Вот так говорит о себе героиня: «...я не учена, и никаких талантов у меня нет. Писать едва умею...право; читать громко не могу; ни на фортепьяно, ни рисовать, не шить — ничего!» [2, с. 132]. Единственный талант, которым обладала Полозова, — это умение со-блзнять.

В этом Мария Полозова явно уступает Джемме — человеку развитому, разностороннему и талантливому. И если с Джеммой ассоциируется романтическая, спокойная музыка (немецкая классическая музыка), то с Полозовой напряженная, экспрессивная, дисгармоничная, почти трагическая мелодия (попурри из оперы Мейер-бера «Роберт-Дьявол»). С помощью музыкального ряда, окружающего главных героинь в повести, их собственных музыкальных предпочтений и талантов И.С. Тургенев создает яркий контраст между характером Полозовой и характером Джеммы. Противопоставление двух женских образов дало Тургеневу возможность и разграничить два типа любви. Первый тип — духовная, нравственная

и возвышенная любовь та, которую дарит Санину Джемма. Вторая — любовь плотская, страстная, та которую предлагает Полозова. Философия чувств у Тургенева противопоставляет иллюзорную любовь-страсть истинному чувству. Иррациональное начало в образе Полозовой одерживает верх над чистотой и непорочностью Джеммы.

Исходя из нашего исследования, можно сделать вывод, что музыкальный ряд в повестях Тургенева «Ася» и «Вешние воды» как средство создания образной характеристики и композиционной структуры произведения выполняет следующие функции:

- раскрывает характер героев, их чувства и настроения;
- отражает социальную среду, в которой воспитывались герои; их таланты и увлечения;
- наполняет особой эмоциональностью и поэтичностью отношения между влюбленными;
- становится средством противопоставления главных женских образов;
- играет роль предвестника событий.

Литература:

1. Тургенев И. С. Ася: [повесть]/И. С. Тургенев. — Алтай.: Алтайское книжное издательство, 1973. — 56 с.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах (30 книгах) / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1966. — Т. 11. — 544 с.
3. Полякова Л. И. Образ «лишнего человека» в творчестве позднего Тургенева: мон. / Л. И. Полякова. Повести И. С. Тургенева 70-х годов. — Киев, 1983. — 190 с.

ФИЛОСОФИЯ

Актуальные вопросы социальной стратегии

Джураев Аваз Ахмеджанович, кандидат философских наук, доцент, преподаватель
Ташкентский областной государственный педагогический институт (Узбекистан)

Джураев Анвар Мухамадиевич, кандидат философских наук, преподаватель
Ташкентский педиатрический медицинский институт (Узбекистан)

Обретение Республикой Узбекистан независимости и задачи социального переустройства общества вызвали серьезное отношение к данной теме в Узбекистане. Ныне она в поле зрения не только теоретиков исследователей, но и практиков. Это связано с коренным интересом общества — построения гражданского общества.

«Для нас гражданское общество — это социальное пространство, где верховенствует закон, который не только не противоречит, но и способствует саморазвитию человека, реализации интересов личности, максимальному функционированию её прав и свобод». С того краткого определения гражданского общества начинается осмысление данного социального феномена президентом И.Каримовым в статье «Формирование демократических институтов и основ гражданского общества».

Как видно из высказывания основополагающей чертой гражданского общества автором выделяется верховенство закона, перед которым равны все социальные слои и члены общества. Однако Президентом Республики Узбекистан отмечается мысль «однобокости» связи «человек-закон». Особо выделяется необходимость таких законов, которые способствовали бы самосовершенствованию личности, развитие в нем культуры гражданственности: активности и ответственности исходя из его интересов, прав и свобод. Здесь Президентом выделяется одна из самых актуальных и в то же время одна из самых сложных проблем взаимоотношения «человек-закон», «общество-государство». На наш взгляд, и это отмечается в вышеуказанной статье, противоречия гражданского общества не опосредуются государственными задачами, а напротив сами опосредуют эти задачи, непосредственно отражаясь на функционировании государства и его структур, порождая необходимость соответствующие его законодательства. Причинные связи, характерные для этого процесса, идут снизу вверх, это дает возможность более или менее точно очертить область законотворчества, то есть направление законодательной деятельности. Выработка новых законов или поправки к старым

осуществляется непосредственного процесса жизни гражданского общества, откуда государство черпает эталоны для своей деятельности. Целесообразность последней определяется объективным масштабом за данным интересами гражданского общества. Его политических структур политический строй дают возможность, выявить интересы эти и тем самым определить, в каком направлении должно действовать государство. Короче говоря, государство во всех этапах своего существования имеет механизм сличения своих решений и действий с действительностью, что выражается в определенной структуре представительной системы и прежде всего законодательной власти. Поэтому законодательный процесс здесь, с чем он и выступает как реальное средство разрешения конкретных противоречий гражданского общества, оставаясь на почве заранее заданных ему отношений. Он не может выйти за их границы, поскольку в гражданском обществе существуют механизмы, предотвращающие этот процесс: различные общественные организации с их интересами, свободная печать и т.д. Законодательный процесс, следовательно, обоснован как объективной, так и субъективной стороны, т.е. со стороны собственной деятельности государства. Поэтому законодательство, как правило, не впадает противоречие с гражданским обществом и с самим собой, оно даже с формальной стороны логически обосновано. Его всегда можно редуцировать к наличной действительности и к конкретным проблемам гражданского общества.

Поскольку общества выработали механизм контроля за деятельностью государства, то оно определяет, и принципы, на основе которых государство может и обязано действовать. Вот почему в основу законодательной деятельности всех высокоразвитых стран положен принцип прав. Человека. Он не мог быть её основанием, пока общество не создало механизмы контроля за деятельностью государства. Эти механизмы являются гарантией бытия данного принципа. Не государство навязывает его сверху, а само общество делегирует его государству не только по

содержанию, но и по форме. В плане решения этого вопроса в такой идеальной форме наша Республика делает первые шаги в этом направлении. «В Узбекистане законодательная основа для функционирования данного права сформирована. Однако надо ещё добиться того, чтобы общество и граждане начали осознавать и были в состоянии использовать свое право участия в государственной управленции, получения информации о том, как ими управляют.

Ввиду отмеченной выше зависимости деятельности государства от гражданского общества законы, принимаемые первым, имеют уже готовые механизмы своей реализации, что и составляет содержание деятельности исполнительной власти. И дело не только в том, что исполнительная власть обязана проводить законы в жизнь, а в том, что закон созрел и по этому его реализация соответствует насущным потребностям общества. Поэтому он может и должен быть проведен в жизнь. «Может» и «Должен» здесь не расходятся, поскольку необходимость закона обусловлена снизу, если имеет в виду общую тенденцию развития общества. Скажем, если провозглашается права человека свободно покидать свою страну и свободно возвращаться в неё, то это право должно быть обеспечено определенным законодательством, гарантирующим осуществление этого процесса исходя из свободного волеизлияния человека и т. д.

Значительность и первостепенность проблемы верховенства закона в гражданском обществе не ставится под сомнение и другими исследователями. Особое внимание этому уделяет Э. Халилов в работе «Правосознание в структуре общественной жизни» [2]. Д. Узакова же в статье «Гражданское общество и права человека» особо отмечает: «если дать более последовательное представление о гражданском обществе, то его можно определить категориями демократия, верховенство закона и права человека» [3]. В этой же статье предлагается более развернутое определение другого автора З.Исламова: «Гражданское общество-это демократическое, правовое, культурное общество, основанное на принципах справедливости, права, этике, человечности, противостоящее единоличному способу управления, волюнтаристскому способу управления, тоталитаризму, классовому разделению и насилию над людьми» [3].

Поддерживая справедливость мнения авторов по вопросу актуальности и особой значительности сферы права, выделим не менее важный блок проблем непосредственно взаимовлияющий и определяющий развитие общества по пути демократии и гражданского общества. Это блок экономических проблем. Так в выше отмеченной статье И.Каримова особо подчеркивается: «Ключевым моментом в демократизации общества в целом, и экономической жизни, в частности, стало изменение отношений к собственности (главным образом к частной собственности) как к самому фундаментальному социальному институту».

Эти же мысли находят отклики во взглядах З.Исламова, который считает смешанную, многоукладную экономику неотъемлемой чертой гражданского общества, это состо-

яние разумного равновесия интересов различных слоев, это деловое общество, основанное на предпринимательстве.

Действительно демократия включает в себя идею равенства и свободы, но в современном мире эти идеи могут реализоваться лишь на определенной основе, когда они обеспечены экономически. Так если в стране существует хронический дефицит товаров первой необходимости продуктов, то говорить о свободе равенстве людей не представляется возможным. Если нет рыночных отношений, то свобода выбора руководителя на предприятии — фикция.

Оценивая же современные исследования сферы гражданского общества, хотелось бы выделить определенный, на наш взгляд, теоретический узел. Он выражается в том, что большая часть исследователей справедливо делая акцент на вопросах сферы законотворчества во взаимосвязи человека с государством, не раскрывают опосредующие звенья этой взаимосвязи. В конечном итоге создается впечатление, что гражданское общество создается по воле государства, согласно справедливой законотворческой деятельности государственных чиновников. Некоторые исследователи, в частности Д. Узакова резюмируют: «таким образом развития гражданского общества, связано с развитием верховенства интереса личности над другими интересами. Такая ситуация невозможно вне права, без существования правового государства, которая выражала бы и защищала бы эти интересы в форме законов. то есть теоретически правовое и не логично.

По нашему мнению проблема строительства гражданского общества связана не только с конструктивной правовой деятельностью государства. Это в первую очередь сама активная деятельность элементов самого гражданского общества. Логично возникают вопросы тривиального характера. Правовое государство и гражданское общество одно и то же ли. Если суть разное, то в чём разница? Существование этих феноменов, признание их предполагает определенную взаимосвязь. Каков характер этой взаимосвязи?

Именно этот круг вопросов и в литературе ещё не нашел яркого освещения и более того он спорен.

Пытаясь осмыслить этот круг вопросов, в первую очередь, укажем на то, что в исследованиях по социальному развитию общества часто встречается правильная по содержанию и форме трактовка перспективной целевой установки. Так в частности, если обратится к работе президента Республики Узбекистан И.Каримова «Узбекистан по пути углубления экономических реформ», автор не смешивает социальные феномены: «Конечной целью является построение сильного демократического правового государства и гражданского общества с устойчивой социально ориентированной рыночной экономикой, открытой внешней политикой» [1].

Соответственно не правильно было бы поддерживать рассуждения встречающиеся в западной литературе, смазывающие различия между «политический» и «граждан-

ский» обществом и придающие понятию «гражданское общество» излишне религиозную окраску.

По нашему мнению гражданское общество это:

— совокупность негосударственных, неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, семейных, национальных, духовных, нравственных, религиозных и др. Это производственное и частное жизнь людей, их обычаи, традиции, нравы;

— сфера само проявления свободных индивидов и их организаций огражденная законами от прямо вмешатель-

ства и произвольной регламентации их деятельности со стороны государственной власти.

Гражданское общество существует и функционирует в диалектическом, противоречивом единстве с государством, с политической сферой жизни деятельности людей. При демократическом режиме оно тесно соприкасается и взаимодействует с государством, при авторитарном, тоталитарном режимом прибывает в пассивной или активной оппозиции к режиму и его политической сфере.

Литература:

1. Каримов И. А. «Узбекистан по пути углубления экономических реформ». Ташкент, 2005.
2. Халилов Э. «Правосознание в структуре общественной жизни». Ташкент, 1997.
3. Узаков Д. «Гражданское общество и права человека». Ташкент: Узбекистон. 2005.

Теория суждений среднеазиатского мыслителя Абу Али ибн Сины

Мажидова Ойсафар Умаровна, независимый исследователь, преподаватель
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Философское наследие Абу Али ибн Сины и в наши дни продолжает привлекать внимание многих исследователей, несмотря на множество исследовательских монографий как западных, так и восточных учёных философов. По нашему мнению, это определяется, во-первых, богатством философских идей учёного, соприкасающихся с современным развитием науки. Во-вторых, с индивидуальным подходом каждого исследователя его творчества. В данной статье мы, анализируя учения Ибн Сины о суждениях, по мере возможности постараемся определить те идеи его учения, которые способствовали развитию науки логики.

Для ибн Сины авторитет Аристотеля в области философии и, особенно, логики был очень сильным. Подобно Аристотелю ибн Сина при исследовании познавательной деятельности человека отталкивался от человеческой речи. Он уделял большое внимание тем трудностям, которые были связаны с передачей логических терминов словами, употребляемыми в повседневной речи. «Глава мудрейших» стремился к точной фиксации значений терминов, отделению их от значений, которые придает им обыденная речь массы.

Учёный исследует суждение и с точки зрения грамматики и логики. Он сначала определил понятие «имя», «глагол», «предлог» и «сказуемое». По определению ибн Сины, «именем называется всякое простое слово, выражающее какое-либо значение, а не содержание указания ни на одно из трёх времён, к которому относится данное значение» [1]. В отличии от имени, глагол указывает на происхождение действия во времени (в прошедшем, настоящем и будущем). Такие слова, как «вчера», «сегодня»,

«завтра» указывают на само время, не обозначают ни времени, ни ее действия. Предлоги лишь указывают на связи отношения между значениями, но не выражают идеи самостоятельно. Ибн Сина следуя за восточными перипатетиками определяет суждение как утвердительное отрицательное высказывание, истинность которого можно определить, сказав «это верно, правильно» или «это ложь» [2].

Среднеазиатский мыслитель разделяет суждения на три вида: категорический, условные суждения и условно разделительные категорические суждения по качеству и количеству. Данная классификация у ибн Сины совпадает с классификацией суждений Аристотеля.

Известно, что классификация суждений в логике Аристотеля охватывает лишь категорические суждения, которые по качеству делятся на утвердительные (А есть В) и отрицательные (А не есть В); по количеству — в «Первой Аналитике» на общие, частные и неопределенные, в «Об истолковании» на общие частные и единичные; по модальности — на суждения, говорящие о простом, необходимом и возможном бытии. «В этой классификации Аристотеля, — пишет А.О. Маковельский, — существует неясность. Если частные суждения понимать в смысле «некоторые, а может быть и все S суть P», то нет никакого различия между ними и неопределенными суждениями, так как в тех и других остается невыясненным, идет ли речь только о некоторых, или, может быть о всех S. Если же, исходя из определения частного суждения в «Первой Аналитике» как присущности или неприсущности того, что сказывается, некоторому или не всякому предмету, являющемуся подлежащим суждения,

понимать частные суждения Аристотеля в смысле «только некоторые S суть P», то получается еще большее затруднение. В таком случае окажутся неверными, установленные Аристотелем частные модусы категорического силлогизма» [4]. Что касается структуры категорических суждений, то Аристотель в этом вопросе, следуя Демокриту, принимает его учение о субъективно-предикатной форме суждения, в которой связка не выделяется в качестве особой части суждения, а включается в предикат.

Проанализировав сущность неопределенных и частных суждений, учёный востоковед Артур Сагадеев пришел к выводу: «Если же субъект суждения является общим, а объем суждения, т.е. его общность или частность не установлены так, дабы можно было указать, охватывает ли оно все то, что находится под субъектом или нет, то оно называется неопределенным суждением. Например, «человек терпит убытки». Если суждение относится к некоторым предметам и не высказывается противоположным образом, то оно называется определенным частным суждением, которое делится на частноутвердительное, например, «некоторые люди есть писцы» и частноотрицательное, как в нашем примере «некоторые люди не есть писцы» или «не все люди есть писцы» [5, 6]. Говоря же о соотношении неопределенных и частных суждений, мыслитель доказывал, что «неопределенное суждение является частным, если скажешь, «человек таков», то возможно, своим словом «человек» ты имеешь в виду всех людей, а возможно некоторых людей... Стало быть «некоторые люди» мыслятся здесь определенно, а «все» под сомнением» [2]. Все это означает, что Ибн Сина преодолел ту неясность, которая имела место у Аристотеля при трактовке соотношения неопределенных и частных суждений.

В своих произведениях «Указания и наставления» и «Даниш-намэ» Ибн Сина значительное внимание уделяет классификации сложных суждений по качеству, количеству и модальности. Исследуя структуру простых категорических суждений, Ибн Сина в отличие от Аристотеля выделил логические постоянные, в частности логическую связку и подготовил почву для дальнейшей формализации видов суждения.

У Стагирита в понимании модальности на первый план выдвигается онтологический аспект: деление по модальности есть деление по степеням бытия, ибо согласно Аристотелю, есть возможное бытие (то, что может быть, а может и не быть), действительное бытие (реальное существование отдельных вещей) и необходимое бытие. У Ибн Сины при анализе модальности на первый план выдвигается логический аспект модальности, означающий степень достоверности суждения, степень присущности субъекту суждения того или иного признака. Категорические суждения по модальности философ делит на суждения необходимости («Человек есть тело»), возможности («Человек есть писарь») и невозможности («Человек есть ангел»). «Каждое суждение, — писал Авиценна, — бывает либо абсолютно всеобщим, в котором

высказывание ясно без указания необходимости и продолжительности, либо таким, в котором выражено что-либо из перечисленного: или необходимость, или необходимая продолжительность, или непродолжительное, или необходимое существование. Отличали отношение необходимости от отношения продолжительности, хотя их разница очевидна. Логика ошибались и в том случае, когда предполагали, что в общих суждениях нет необходимой предикативности» [6].

Но главное отличие теории суждения Абу Али ибн Сины от теории суждения Аристотеля заключается в том, что оно есть не только учение о категорических, но и о гипотетических (условных) суждениях. В частности, Авиценна различает условно-соединительные и условно-разделительные суждения. «Это суждения, — пишет мыслитель, — образованные из двух высказываний, каждое из которых утратило свойство суждения и связь между ними... такова, что одно из них обусловлено другим и вытекает из него. Такие суждения называются условно-соединительными суждениями и суждениями состояния. Связь между высказываниями бывает и такова, что одно из них противоречит другому и отличается от него. Такие суждения называются условно-разделительными. Пример условно-соединительного высказывания: «Если к двум параллельным линиям провести другую линию, то внешние углы будут равны внутренним углам. Если бы в этом высказывании отсутствовали слова «если... (то)» и «будут», то каждое из этих изречений само по себе было бы суждением. Пример условно-разделительного суждения: «Этот угол является либо острым, либо тупым, либо прямым». Если опустить здесь союз «либо» («или»), то это высказывание выражало бы более чем одно суждение» [6]. Ибн Сина различал действительные и недействительные разделительные суждения, которые в современной логике, соответственно, называются слабой и строгой дизъюнкцией. Действительные разделительные суждения — это высказывания, в которых через «или» («либо») выражается то, что дело неминуемо обстоит двояко, но истинно только одно из них или оба вместе взятые («Этот человек — или писарь, или лекарь»). Недействительные разделительные суждения — суть высказывания, в которых через «или» («либо») хотят выразить значение непозволительности соединения частей суждения («Это тело есть или животное или дерево». «Зейд, бросившийся в море, или утонул, или плавает»).

Анализируя классификацию сложных суждений, предложенную Ибн Синой, следует сказать:

1) Он специально не рассматривает собственно сложные соединительные суждения, образованные из простых суждений при помощи логического союза «и».

2) Суждения, называемые Ибн Синой условно-соединительными и условно-разделительными, в современной формальной логике соответственно называются импликативными и дизъюнктивными, ибо в первом случае ярко выражена их конъюнктивность, а во втором — импликативность.

3) Ибн Сину занимали и другие вопросы теории суждения, к исследованию которых он также подходил творчески. Например, анализируя проблему противоречивости суждений, средневековый философ в отличие от прежних логиков, считавших, что абсолютному (общему) суждению противоречно абсолютное (общее) суждение, доказывал, что противоречивыми являются общеутвердительные и частноотрицательные («Все С суть В» и некоторые С не всегда суть В»), общеотрицательные и частноутвердительные («Не одно С не есть В» и «Некоторые С всегда есть В») суждения». При исследовании проблемы обращения суждений ибн Сина установил, что «обратимость есть такое явление, когда предикат суждения превращается в субъект, а субъект — в предикат, и при этом сохраняется их качество, остается неизменной их истинность и ложность» [6]. Ученый исследует обратимость абсолютных и необходимых суждений и устанавливает необратимость частноотрицательного возможного суждения [6].

Ибн Сина четко представлял себе структурные различия между категорическими и условными суждениями. В частности, философ утверждал, что категорические суждения состоят из субъекта и предиката, выраженных от-

дельными понятиями, а условные — из основания (антецедента) и следствия (консеквента), каждое из которых по своей природе является суждением.

Помимо этого, мыслитель исследовал и различия между условно-соединительными и условно-разделительными суждениями. В полном согласии с современной логикой он считал, что в отличие от условно-разделительных суждений, в условно-соединительных суждениях антецедент (основание) и консеквент (следствие) нельзя без ущерба для содержания менять местами.

Следует подчеркнуть, что учение о сложных условных суждениях в античности разрабатывалось логиками стоической школы. Но вряд ли ибн Сина был знаком с логическими трудами стоиков, так как, насколько нам известно, не существовало их арабского перевода. Непосредственно же он не мог их использовать, потому что, как известно, не знал греческого языка. В трудах же его предшественников, в частности, в сочинениях его великого соотечественника Абу Наср Фараби, мы находим только общую идею и общие формулировки условных суждений. Поэтому остается предположить, что Авиценна самостоятельно разрабатывал учение о сложных условных суждениях.

Литература:

1. Абу Али ибн Сина «Ал Хикма ал матрикия». Логика: избранное. Т.1. Ашгабат, 2003.
2. Абу Али ибн Сина. Даниш-намэ. Сталинабад, 1957.
3. Абу Али Ибн Сина. Указания и наставления. Логика.//Избранные произведения. М.,1980.
4. Маковельский А. О. История логики. М.: Наука,1967.
5. Согадеев А. Восточный перипатетизм. М.,2009.
6. Абу Али Ибн Сина. Указания и наставления. Логика.//Избранные произведения. Т.1.М.,1980.

Игра как основной принцип формирования имиджа представителя молодёжной неформальной организации

Муратова Ирина Анатольевна, ассистент

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

Актуальность исследования имиджа представителя молодёжной неформальной организации — «готов», «эмо», «растаманов», «толкиенистов», «ролевиков», «хиппи», «панков» и т.д. (далее именуемый как имидж «неформала») определяется сложившейся ситуацией в социокультурной реальности последних десятилетий, одним из результатов которой является массовая заинтересованность молодого поколения в нестандартных способах самопрезентации. По мнению С.И. Левиковой, конструирование феномена молодёжных неформальных организаций и радикальные изменения, коснувшиеся современного общества взаимосвязаны и взаимообусловлены [7, с. 199]. Как показывает исследователь можно

говорить о сходстве, родстве, едином происхождении данных феноменов: основные постулаты постсовременности — восприятия мира как хаоса, потеря метанарративами легитимирующей силы, поиск нового и ироничное отношение ко всему окружающему соответствуют «духу молодёжи», которая является основным представителем данных социальных движений. Это предопределяет возможность рассмотрение имиджа «неформала» в контексте постсовременной методологии.

По многим аспектам современная социокультурная реальность сегодня определяется игровыми принципами. М. Липовецкий писал, что «игра — это единственный способ если не преодоления хаоса, то погружения в него,

многого снятия трагического и напряженного накала состоявшегося диалога» [9, с. 224]. Утверждая отказ от какого-либо «центризма», от смысловой оси, современная эпоха определила новый ориентир, в качестве которого и выступила игра. Кроме того, игра распространилась на всё социокультурное пространство, выйдя за грани индивидуального самовыявления человека и определив тем самым принципы моделирования реальности.

И пространство неформальной молодёжной организации не стало исключением, более того, именно в нём игровой момент проявил себя наиболее полно и рельефно. Внешность, поведение, стиль общения готов, эмо, панков, реперов и т. п. выступают как эпатажные, яркие, демонстративные характеристики игровой практики. Поскольку отношение к ним у большинства населения носит ироничный характер, их не воспринимают всерьёз и считают их образ жизни подростковой забавой, досуговой деятельностью, «несерьёзным» занятием, то и на бытовом уровне, за пределами научного анализа, социальная практика «неформалов» воспринимается как игровая.

Игра по определению К. Б. Сигова — это «форма свободного самовыявления человека, которая предполагает реальную открытость миру возможного и развертывается либо в виде состязания, либо в виде представления (исполнения, репрезентации) какой-либо ситуации, смыслов, состояний» [11, с. 195]. Игра существует для передачи определенного смысла, его репрезентации, поэтому репрезентируемость — одно из наиболее существенных качеств игры.

Если же обращаться к анализу имиджа уже в контексте игры, то, как и любая игра разворачивается в виде репрезентации, представления чего-либо, точно также и имидж репрезентирует посредством кодов и сигналов. Например, в имидже представителя «эмо» цвет одежды является свидетельством разных эмоциональных состояний: чёрный — депрессия, несчастье, отверженность; яркий цвет отражает радостные моменты. Традиционная причёска эмо — косая, рваная чёлка до кончика носа, закрывающая один глаз говорит о нежелании показывать свои глаза посторонним людям, так как глаза «зеркало души». У девушек возможны детские, смешные причёски — два маленьких хвостика, яркие заколочки — сердечки по бокам, бантики. Это символизирует детскость, нежелание взрослеть, казаться наивными, непосредственными.

О воинствующем настрое «металлистов» говорят такие атрибуты их имиджа, как чёрный цвет в одежде, металлические предметы с остро заточенными шипами, выполненное на футболках или майках фосфоресцирующей краской слово «сатана», в комплекте с надписью перевернутый крест на груди. Функцию передачи определенной информации, настроения у «скинхедов» выполняет цвет шнурков в ботинках: белый цвет шнурков трактуется как принадлежность к скинам-расистам, коричневые характеризуют сторонника национал-социалистической идеологии, красные говорят о том, что их обладатель — скин-коммунист [4, с. 91].

Следующими аспектами игры являются свобода и творчество, так как игра, как отмечает исследователь современного общества Э. А. Усовская, всегда устанавливает акцент на активном аспекте бытия. Игра и свободное творчество неотъемлемы друг от друга, «они скрепляют, схватывают в некоторую относительную временную целостность разрозненную фрагментарную реальность, которая приобретает контуры так называемого полиединства» [12, с. 121], давая возможность человеку обрести некоторую свободу, которая собственно и проявляется в акте творения-игры. Любая игра больше направлена не на конечный результат, а на сам процесс творчества, который протекает в живой, азартной, наполненной острыми ощущениями атмосфере.

В равной степени сказанное можно отнести и к имиджу «неформала»: сам процесс формирования яркого, эпатажного, шокирующего образа доставляет человеку удовольствие, наслаждение, даёт ему побыть в роли творца. Так любого «неформала», по нашему мнению, можно интерпретировать как художника, творца своего «произведения» — имиджа. Творческий акт осуществляется в процессе создания причёски, макияжа, костюма, аксессуаров. Практически все имиджевые атрибуты «неформалы» делают самостоятельно либо изменяют и корректируют под свой стиль уже купленные вещи. Например, по мнению хиппи, фенечки нельзя покупать в магазинах, а так же нельзя их плести для себя, иначе они теряют своё сакральное значение. Поэтому фенечка — это всегда подарок, творческий процесс, весьма трудоёмкий, требующий внимания и сосредоточения, а так же эмоционального контекста, так как во время плетения необходимо думать о том кому плетёшь фенечку [3, с. 31]. Что касается костюма «неформала», то нам не известны неформальные организации, в оформлении одежды которых отсутствовал бы творческий момент. Даже, кажущееся на первый взгляд, неопрятность и простота в костюме «хиппи» — растянутый свитер и потертые джинсы, пронизана творческой интенцией. Так нарочитая неряшливость имеет смысловое значение: приобретая новую, серийную вещь, хиппи стремится, как можно быстрее лишить её стандартной, массовой обезличенности, привнести в неё свой неповторимый момент творчества — «оживить». По мнению хиппи, красивая вещь — это вещь, в создании которой участвовал тот, кто её носит. Такое «участие» может предполагать вклиненный в джинсы клеш, надпись на майке, перья, бубенчики, хайратники, ксивники и т. д. [3, с. 32].

Следует отметить, что творческий мотив в имидже «неформала» не ограничивается лишь рамками внешнего образа, он пронизывает всё личное пространство этого человека. То есть та среда, в которой живет «неформал» (квартира, комната, офис, рабочее место и т. д.), а так же предметы, необходимые для осуществления его имиджевой практики (музыкальные инструменты, средства передвижения, спортивные снаряжения и т. д.) являются своеобразными «произведениями», повествующими

ту же «историю», что и его внешний образ. Конечно создания данного имиджевого пространства предполагает наличие творческого момента, фантазии, нестандартного мышления, желание экспериментировать. Например, мотоцикл, как культовый знак «байкера», часто дополняется деталями, сделанными самими участниками данного движения. Работа по переделке мотоциклов длится на протяжении трёх-четырёх месяцев, при этом рабочим материалом являются детали старых мотоциклов, автомобилей, разного рода промышленные отходы. Происходит это обычно в переоборудованных комнатах, либо в гаражах, где посредством совместного участия в общей деятельности формируется дружеская, свободная атмосфера. В итоге, когда работа закончена, «байкеры» совершают совместные путешествия, смысл которых не в конечном результате, а в самом процессе свободного передвижения, что отражает игровой потенциал идеи их организации.

Важно понимать, что особенность данного вида творчества заключается в обязательном наличии свободы, как изначального условия этого творчества. Свобода же проявляется в создании альтернативной реальности, определяя новые ценности и смыслы, которые всегда релятивны, условны. Здесь царит иной порядок, не совпадающий с порядком «обыденной» жизни. Е. Финк обращает внимание на то, что игровая реальность «не только противостоит привычной реальности, но обладает возможностью воспроизвести внутри себя это противостояние и свой контраст с реальностью» [13, с. 380].

Игровой принцип имиджа «неформала» позволяет молодому человеку вырваться из одномерного пространства повседневности в мир, созданный по его законам и с учетом его интересов, где он может играть роль того, кем хочет быть. Таким образом, игра выступает определенным средством избавления человека от повседневной монотонности, наполняя его жизнь новыми впечатлениями и возможностью реализации творческих мотиваций.

Важно понимать, что игра не является однозначным явлением и представляет собой сложно устроенный феномен, включающий в себя разные смысловые образования. Например, игра, которую описывает Й.Хейзинга в работе «Homo Ludens. В тени завтрашнего дня» [14] в большей степени связана с аполлонистическим началом, с аристократическими и придворными субкультурами. В рамках данного направления игра рассматривается как средство обретения свободы и как один из важных способов освоения окружающего мира, благодаря чему становится возможным экспериментировать и с литературной формой, и с формами самой жизни, преодолевая всё косное и застывшее. Здесь игра не является повседневным занятием, бытовым действием, так как помещается в специально отведенные, специализированные сферы. Хотелось бы также подчеркнуть, что такая форма игры выступает в качестве основной в тех обществах, где происходит укрепление «дневного» мировосприятия, развитие аналитического мышления. Это характерно, например, для позднего средневековья или для России

конца XIX — начала XX века, когда игровая стихия замыкается в определенных кругах и происходит, — по словам Й. Хейзинга, — её «отверждение».

Иная ситуация складывается в современной культуре, для которой игра не только становится иной, но и исчезает само разграничение «игрового» как «иного бытия» и «обыденной жизни» [14]. Такое смещение игры и реальности является частым явлением в пространстве молодёжных неформальных организаций, когда их участники начинают полностью идентифицировать себя с придуманным образом. В современных СМИ, исследуемых А.В. Кармановой, всё чаще звучат рубрики с описанием подобных случаев в среде сообществ «толкиенистов», «ролевиков», «индеанистов», «кельтов», «викингов», которые основаны на исторической реставрации, либо на реставрации вымышленных фантастами миров. Они проводят «полёвки», конвенты, ролевые игры на которых по предвзвешенно разработанному сценарию проживают историю своих персонажей, а затем в быту воссоздают традиции, обряды и обычаи тех народов, к которым они были причислены [5]. Для некоторых участников мир таких игр становится более привлекательным, чем мир их действительности. В некоторых случаях ролевые браки становились позже реальными, а при переписи населения 2002 года многие участники таких движений указывали в качестве национальности «эльфы» или «хоббиты», причем самый большой процент «этнических эльфов» был выявлен в городе Пермь, где активно действовал местный клуб «толкиенистов» [2]. Некоторые участники таких исторических и фантастических игр считают, что мир, описанный в книгах Толкиена, Н. Перумова, М. Семёновой, А. Сапковского в самом деле существовал, и ищут тому подтверждение или живут соответственно данному утверждению, и зачастую «помнят» тот мир и верят, что имеют там воплощение; либо, наоборот — данное им воплощение лишь тень жившего там, и что они не люди, а эльфы.

Для описания имиджевой игры, затмевающей грань вымысла и реальности, на наш взгляд, наиболее подходящей является парадигма М. Бахтина, который обнаруживает тексты древней игровой традиции, берущую начало ещё в архаическом обществе. И здесь для нас важным является то, что данный тип игры становится основным в пространстве общностей с ярким игровым потенциалом, общностей, сформированных по принципу карнавализации, одной из которой и является молодёжная неформальная организация.

В истории человечества были эпохи, когда формы игрового выражения не замыкались в отдельные сферы, например, в виде театральных направлений и систем, а пронизывали практически все процессы бытия. Так, по мнению М. Бахтина, подобная ситуация характерна для исторических периодов, переживающих кризисное состояние, когда культура «переворачивается», ищет новые способы существования [1, с. 264]. Игра в данном случае выступает средством защиты в стадии разрушения, дает отвлечься от проблем реального мира. Поэтому игра

в имидже «неформала» — это катарсис «усталого» человека, психологическая нюансировка.

Имидж «неформала» как раз и выступает, на наш взгляд, ярким примером проявления игры, воплощающей древние архаические принципы. Свидетельством этому является склонность практически всех типов неформальных организаций к демонстрации ночной, оккультной, магической темы. Отличие состоит в том, что объектом их веры выступают разные сущности, разные идеи, разные истории, а также способы реализации и методы презентации своих убеждений. Отличаются они и степенью погружения в мифическое, магическое пространство: для одних мистика является основой их общности, для других — это лишь часть имиджа. Например, организация «готов», являясь в большей степени движением, основанным на стилевых особенностях внешнего вида, всё же, более других подобных общностей, склонна к демонстрации оккультизма, что проявляется в специфическом мрачном имидже, а также в интересе к готической музыке, литературе, фильмам ужасов и мистике. Основными элементами их образа выступает черный цвет в одежде; макияж, состоящий из белой пудры и темной подводки. неотъемлемыми атрибутами имиджа является черепа, кресты, прямые и перевернутые пентаграммы, летучие мыши, анх (древнеегипетский символ бессмертия).

Использования мистики и магии лишь на уровне демонстрации в своём внешнем виде или в форме игры — развлечения можно наблюдать и у некоторых представителей организации «толкиенистов» и «ролевиков». Как отмечают исследователи неформальных движений, ролевые игры приобретают всё более мистический оттенок, с чертами оккультизма и неоязычества. Так в одной из игр, под названием «Древняя Русь» необходимо принесение жертвы языческим богам [10, с. 86]. СМИ в других подобных играх констатируют случаи связи с сатанинским ритуалом: «черная месса» или на «животе обнаженной эльфийки», сопровождаемые употреблением крови животных и танцев в обнаженном виде.

В качестве примера неформальных организаций, для которых вера в сверхестественное является не только частью их имиджа, но и основой идеологии, можно привести движение «энергетов». Его участники делятся на тех, кто «играет» в магию, используют сленг, атрибутику и т. п., и тех, кто полностью погружен в магический, виртуальный мир и реализует его постулаты в собственной жизни. Их идеология базируется на мифологии, в основе которой лежит идея существования множественности миров и возможности их взаимодействия, а так же инкарнации в них. Существует убежденность в возможности человека управлять нематериальными сущностями и объектами. При этом часто происходит борьба адептов доброй, злой и нейтральной магии. С учетом данных верований, «энергеты» основательно продумывают детали своего имиджа, например, выбор драгоценных и полудрагоценных камней в кольцах, ожерельях, кулонах, браслетах, которые обладают магическими свойствами, так

как это, по их убеждению выступает важным «посланием» в иные миры [6, с. 41].

К неформальным организациям, базирующимся на магических, оккультных представлениях относится и движение «олмерятников». Оно имеет лидера интеллектуального типа и строится по принципу семьи, члены которой являются обитателями «измерения Замокв» и детьми владельца одного из них. Постулируя множественность миров, как и «энергеты», «олмерятники» считают, что через все измерения проходят дороги, на которые можно выйти. Поэтому в данной организации детально разработан имидж с учетом магических свойств определенных атрибутов и продуманы ритуалы, базирующиеся на использовании огня, связанные с открытием разнообразных врат и выходом на Дорогу.

Имидж «неформала» структурирован не только древними элементами оккультного, магического характера, но и содержит в себе игровые практики телесных экспериментов разных древних сообществ. Данные процессы телесных модификаций были проанализированы К. Леви-Стросом на основе племени кадубео [8, с. 232]. Согласно его наблюдениям представления о человеческом лице отличаются от европейского: «для них лист бумаги, предложенный этнологом, уже дан как лицо, этого белого фона достаточно для выявления лица, но само оно еще не лицо, то есть не опознается и не почитается как неотъемлемый знак социального существа» [там же]. Что цивилизованный человек называет лицом, которое легко прочитывается благодаря физиогномическим проявлениям, когда он следит за его вибрациями и изменениями, для человека архаической культуры все же остается чистым листом бумаги, на котором стерты, а точнее не нанесены лицевые знаки. «Лицо есть и как бы не есть, оно лишь место для будущей записи — не более того» [там же, с. 234]. Социально значимым, способным к коммуникации делает лицо только запись, а до этого момента — идеальная чистая поверхность, ожидающая записи знаков сообщества. «Лицо, которому мы придаем гуманистический смысл, к которому обращаемся и которое толкует всю нашу жизнь, исчезает в записи, и благодаря последней, архаический индивид обретает себя... Узор, — продолжает К. Леви-Строс, — действительно, сделан на лице, но в другом смысле само лицо предназначено для узора, поскольку только благодаря ему и только через его посредство оно приобретает свое социальное достоинство и мистическое значение. Узор задуман для лица, но само «лицо» существует только благодаря узору» [там же, с. 232]. Так в результате операции записи, лицо и появляется, и исчезает навсегда.

С точки зрения современного конформного человека, лицо проявляется в своей открытости другому человеку, как органически цельное с мимическими выражениями, подвижное в выражении чувств и мыслей, в нежном или суровом взгляде. И наоборот, лицо, покрытое искусным орнаментом и глубокими порезами — исчезает, теряет субъективный смысл и уникальность. Однако существуют и современные люди — представители неформальных мо-

лодѣжных организаций, для которых шрамы, татуировки, магические увечья являются коммуникативными и определяющими их идентичность знаками. Именно в данном явлении, ссылаясь на наблюдения Леви-Стросса, мы можем проследить связь современной неформальной организации с архаическим обществом, когда различные эксперименты с телом гарантировали необходимое поле мнемонических значений, когда древнее общество воспроизводило себя в каждом индивиде, оставляя в его теле напоминание о существующих нормах и правилах.

Подобные черты архаического общества — нанесения узоров на лице, различные шрамы, проколы мы можем наблюдать в практиках большинства молодѣжных неформальных организаций. Наиболее изощренными на телесные модификации считается организация «панков». Их имидж, включая одежду, причёску, поведение, речь шокирует общественность, проявляясь в диком, животном, агрессивном варианте. Их тело изобилует различными проколами и порезами. Булавки и гвоздики в ушах, в носу являются обязательным атрибутом. Наиболее авторитетные представители «панков» пронизывают мягкие ткани лица, хрящи, мочки ушных раковин лезвиями бритвы, булавок, различными размерами цепочек. Некоторое сходство общности «панков» с архаическим сообществом обнаруживается и в выборе кличек — (Свинья, Крыса, Гной, Свищ, Жаба — обращение к партнерше) — на подобии прозвищ в древности. Кинесика «панков» так же не является исключением, она напоминает некоторые движения древних людей во время свершения ритуала. Так, при встрече друг с другом или во время разговора они могут резко поворачивать торс, изгибаться, высовывать язык, показывать непристойные жесты, при этом, всё действие сопровождается громким рычанием и сменяющим его резким горловым звуком [4, с. 89].

Таким образом, телесные модификации, характерные для архаических обществ, оказываются актуальными и сейчас для современных неформальных движений. Однако важно понимать, что в контексте современного общества это может происходить только в игровой форме, в форме развлечения. Поэтому данные явления в имидже «неформалов» мы обозначим как архаические формы игры с телом.

Процесс социального «удвоения» в игровом контексте посредством практики татуировки лежит в основе имиджа многих видов неформальных молодѣжных орга-

низаций. Например, для представителей движения «скинхедов» татуировки обладают коммуникативным и статусным значением. Наносят их довольно часто и особенно много татуировок имеют ветераны движения, а у некоторых представителей ими покрыто почти всё тело. Тематика татуировок может быть самая разнообразная: расистская/нацистская, национал-патриотическая, языческие сюжеты, кельтские орнаменты и другие. Также нередки изображения распятого на кресте «скинхеда» (к христианству никакого отношения это не имеет, этот символ трактуется как «распят капитализмом»), просто «бритоголовых» в разных позах, бульдога, ботинок и так далее. Могут быть и надписи типа «Skinhead», «White Power», «Working class», «National Front» и им подобные, доходя до весьма специфичных (вроде «Ultima Thule», то есть «Место возвращения» — мистическая организация, породившая нацистскую партию Германии). Татуировки «скинхедов» способны рассказать многое про их владельца: историю его пути как «скина», о его статусе, о количестве и качестве его «побед», о личностной направленности. При этом, знания о расшифровке таких татуировок «скинхеды» тщательно скрывают от посторонних, не «посвященных» в их ряды, так как татуировка безошибочно указывает на принадлежность её обладателя к определённой группе людей, служит своеобразным пропуском в их организацию [7]. Нанесённые на кожу рисунки являются одним из «индикаторов» того, что данный человек — свой, в этом случае, разведка со стороны спецслужб исключена.

Как показало исследование, игровой принцип полно и рельефно проявляет себя в имидже «неформала»: репрезентируемость отражает суть его функционирования, где любой элемент несёт смысловую нагрузку, а творчество и свобода выступают обязательными условиями формирования. Итогом же данного «союза» выступает альтернативная реальность, где исчезает разграничение «игрового» как «иного бытия» и «обыденной жизни». Данное игровое выражение содержит черты архаического общества — демонстрацию ночной, оккультной, магической темы, а так же практику экспериментирования с телом — нанесения узоров на лице, шрамы, проколы, татуировки. Рассмотренные характеристики игрового выражения имиджа «неформала» являются отражением перемен, происшедших в современном обществе и результатом возникновения новой социокультурной реальности.

Литература:

1. Бахтин М. М. Эстетическое наследие и современность / М. М. Бахтин. — Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1992. Т.2. — 368 с.
2. Гапеенкова А. Феномен Толкиена. [Электронный ресурс] / А. Гапеенкова // Газета Школа — Режим доступа: gazeta-shkola.ru/marticles/560.htm
3. Гуринова А. В. Хиппи Краснодара: элементы костюма и их коммуникативные функции / А. В. Гуринова // Вестник Евразии. — 2004. — № 3 (26). С. 26–36.
4. Жилиев А. А. Неформальные молодѣжные объединения как детерминирующий фактор девиантного поведения учащихся / А. А. Жилиев // Инновации в образовании. — 2007. — № 3. — с. 87–96.

5. Карманова А. В. Отношение к образованию в современных молодёжных субкультурах / А. В. Карманова // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 302. — с. 65–68.
6. Лебедева А. Подростковые уличные формирования / А. Лебедева // ОБЖ. — № 4. — 2003. — С. 38–44.
7. Левикова С. И. Неформальная молодёжная субкультура: монография / С. И. Левикова. — М.: Вузовская книга, 2010. — 616 с.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — М.: Академический проект, 2008. — 554 с.
9. Липовецкий М. Апофеоз частиц, или диалоги с хаосом: Заметки о классике, Венедикте Ерофееве, поэме «Москва-Петушки» и русском постмодернизме / М. Липовецкий // Знамя. — 1992. — № 8. — С. 214–224.
10. Луков В. А. Особенности молодёжных субкультур в России / В. А. Луков // Социологические исследования. — 2002. — № 10. — с. 79–87.
11. Сигов К. Б. Игра / К. Б. Сигов // Философский словарь. — М.: Республика — 2001. — с. 195–196.
12. Усовская Э. А. Постмодернизм / Э. А. Усовская. — М.: Тетра Системс, 2006. — 256 с.
13. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия / Э. Финк // Проблема человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1988. — с. 357–403.
14. Хейзинга Й. Homo Ludens (Человек играющий) / Й. Хейзинга. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 352 с.

ПРОЧЕЕ

Методика преподавания экономических дисциплин в современных условиях модификации

Калашникова Екатерина Юрьевна, доцент;

Коновалова Ирина Александровна, доцент;

Ловяникова Валентина Викторовна, доцент

Северо-Кавказский федеральный университет, Институт экономики и управления (г. Ставрополь)

Многим известно, что эффективность образовательного процесса в большей степени определяется методикой преподавания дисциплины. Понятие «методика» переводится с древнегреческого как путь исследования, теория, учение. Следовательно, это способ обучения определенному учебному предмету. Роль и значение методики в области экономических наук в современных условиях постоянно возрастает.

Если образование в области естественных наук менее подвержено изменениям из-за динамики общественной жизни, то экономическое образование самым непосредственным образом реагирует на изменение общественного развития. Поэтому проблема совершенствования методики преподавания экономики становится весьма актуальной.

Методика в точном смысле слова есть учение о методах обучения и воспитания. Предметом методики преподавания является сам процесс обучения определенной учебной дисциплины. Ее задача заключается в изучении закономерностей этого обучения и установлении на их основе нормативных требований к деятельности преподавателей. Иначе говоря, методика есть совокупность определенных методов, через которые реализуются требования, предъявляемые к преподаванию [1].

Методика преподавания общественных наук призвана обеспечить высокий теоретический уровень преподавания, строгую научность, яркость и доходчивость изложения материала. Как совокупность определенных приемов, методика преподавания неразрывно связана с содержанием изучаемой науки и ее методологией.

На многих примерах можно наглядно проследить взаимосвязь методологии и методики преподавания. Так, например, не разработанность методики неизбежно и самым отрицательным образом сказывается на методологическом уровне лекций и семинаров, и наоборот.

Методика как учение о методах обучения и воспитания представляет собой часть общей теории образования и обучения — дидактики, разрабатывающей весь ком-

плекс вопросов содержания, методов и форм обучения. Последняя же выступает в качестве органической составной части педагогики, имеющей своим предметом образование, обучение и воспитание людей.

Частные методики преподавания отдельных дисциплин являются звеньями общей системы педагогических наук. Они включают в себя и используют основные принципы педагогики и дидактики применительно к особенностям преподавания конкретных дисциплин [2].

Методика имеет дело с закономерностями преподавания и изучением той или иной науки. Имея в виду ее служебную роль по отношению к последней, можно определить методику как форму, при помощи которой в процессе изучения и обучения раскрывается содержание данной науки, ее значение для практики, ее связь с другими науками, ее воспитательное значение.

Известно, что всякое особенное является в этом отношении также и общим. Поэтому и методика преподавания каждой из общественных наук, выступая как особенная по отношению к методике преподавания всех общественных наук, в то же время является общей применительно к частным методикам.

Методика призвана обеспечить реализацию принципов дидактики, а именно:

- связи теории с практикой;
- систематичности и последовательности в подготовке специалистов;
- сознательности, активности и самостоятельности студентов в учебе;
- соединения индивидуального поиска знаний с учебной работой в коллективе;
- сочетания абстрактности мышления с наглядностью в преподавании;
- прочности усвоения знаний;
- доступности научных знаний;
- единства обучения и воспитания во всех формах учебного процесса [1].

Научные основы методики пронизывают все звенья учебно-воспитательной работы.

В вузовской учебной практике сложились вполне оправдавшие себя следующие формы учебного процесса в преподавании общественных наук: лекции, самостоятельная работа студентов, семинарские занятия, консультации, зачеты, экзамены, различные формы внеаудиторной работы.

Эффективность обучения и уровень обучения любой дисциплине находится в прямой зависимости от взаимодействия звена «учитель-ученик». Экономика в этом плане не исключение. Ничем не заменить атмосферу творчества, возникающую при непосредственном общении преподавателя и учащихся. В учебной практике сложились вполне оправдавшие себя следующие формы учебного процесса в преподавании общественных наук: лекции, самостоятельная работа, семинарские занятия, консультации, зачеты, экзамены, различные формы внеклассной работы. Ни одна из этих форм не может быть признана универсальной, способной заменить другие. Формы учебного процесса находятся во взаимосвязи, взаимообусловленности и логической последовательности. Методика одной формы работы оказывает существенное влияние на другую. Таким образом, по-прежнему актуальной остается такая форма устного общения преподавателя с аудиторией с целью передачи научных знаний как урок-лекция. Помимо, того чтобы «транслировать» обучающимся факты и их взаимосвязь, можно предложить им проанализировать ситуацию (проблему) и осуществить поиск путей изменения данной ситуации к лучшему.

Современные учебные лекции принято делить на 4 вида:

1. Обзорная лекция, направленная на восстановление полученных знаний или знакомство с каким-то новым слабоизученным материалом для формирования целостного знания.

2. Проблемная лекция подает материал как проблему или комплекс проблем, комплекс различных точек зрения на ту или иную сторону. Конкретного решения ситуации нет, его надо искать вместе и преподавателю, и учащимся (метод конкретных ситуаций).

3. Предметная лекция является разделом или частью изучаемого теоретического курса. Она вполне может содержать в себе вопросы и какую-либо обзорную информацию.

4. Установочная лекция, главная задача которой систематизация имеющихся у учащихся знаний, акцентирование внимания на наиболее сложных проблемах, рекомендации по самостоятельной работе и информация об используемой литературе [2].

Основными функциями семинара (в порядке приоритетности) могут быть:

— учебно-познавательная функция — закрепление, расширение, углубление знаний, полученных на лекциях и в ходе самостоятельной работы.

— обучающая функция — школа публичного выступления, развитие навыков отбора и обобщения информации.

— стимулирующая функция означает стимул к дальнейшей пробе своих творческих сил и подготовку к более активной и целеустремленной работе.

— воспитывающая функция — формирование мировоззрения и убеждений, воспитание самостоятельности, смелости, научного поиска, состязательности.

— контролирующая функция состоит в проверке уровня знаний и качеством самостоятельной работы учащихся [3].

Кроме лекций и семинаров еще и самостоятельная работа учащихся.

Роль преподавателя в организации и руководстве самостоятельной работой включает в себя: обучение самостоятельной работе в ходе лекций, практических, семинарских занятий, на консультациях; управление самостоятельной работой: разработка и доведение заданий на самостоятельную работу, оказание помощи в повышении эффективности и качества; контроль за самостоятельной работой: как непосредственный, так и опосредованный через контрольно-проверочные мероприятия; коррекция самостоятельной работы: групповая и индивидуальная.

Сложность руководства и организации самостоятельной работы учащихся объясняется целым рядом факторов, главными из которых является:

— частая смена экономических приоритетов;

— неуплотненность фонда библиотек современными качественными учебниками и пособиями по экономическим наукам;

— специфик этой работы (вне расписания, вне стен учебного заведения);

— отсутствия единства в организационных и методических требованиях к самостоятельной работе [4].

Для улучшения процесса обучения в сегодняшнее время с целью изучения, закрепления и обобщения материала по определённой теме лучше всего проводить интегрированный урок. На уроках предусматривается смена видов деятельности учащихся, использование технических средств (показ слайдов, кинофильмов), выполнение заданий на закрепление изученного материала.

Межпредметные знания, умения, навыки, используемые в учебной деятельности, находят свое отражение и во внеучебной деятельности студентов, интеграция помогает сблизить предметы, найти общие точки соприкосновения, более глубоко и в большем объеме преподавать содержание дисциплин.

Интегрированный урок отличается от традиционного использования межпредметных связей, которые предусматривают лишь эпизодическое включение материала других предметов. Предметом анализа в интегрированном уроке выступают многоплановые объекты, информация о сущности которых содержится в различных учебных дисциплинах. Это ведет к появлению качественно нового

типа знаний, находящего выражение в общенаучных понятиях, категориях, подходах.

Структура интегрированных уроков отличается от обычных уроков следующими особенностями:

во-первых, предельной четкостью, компактностью учебного материала;

во-вторых, логической взаимообусловленностью, взаимосвязанностью материала интегрируемых предметов на каждом этапе урока;

и наконец, большой информативной емкостью учебного материала, используемого на уроке [2].

При планировании и организации таких уроков преподавателю важно учитывать следующие условия:

1. В интегрированном уроке объединяются блоки знаний двух-трех различных предметов, поэтому чрезвычайно важно правильно определить главную цель интегрированного урока. Если общая цель определена, то из содержания предметов берутся только те сведения, которые необходимы для ее реализации;

2. Интеграция способствует снятию напряжения, перегрузки, утомленности учащихся за счет переключения их на разнообразные виды деятельности в ходе урока. При планировании требуется тщательное определение оптимальной нагрузки различными видами деятельности учащихся на уроке;

3. При проведении интегрированного урока преподавателям, ведущим разные предметы, требуется тщательная координация действий [3].

Не секрет, что эффективность образовательного процесса во многом определяется методикой преподавания. Широкое использование унифицированных методов и переход на исключительно письменный контроль за усвоением студентами предметов изучения формально снижает роль преподавателя в непосредственном процессе обучения. Между тем уровень подготовки и эффективность обучения находятся в прямой зависимости от взаимодействия звена преподаватель — студент.

В учебном процессе обе стороны должны играть творческую роль. Важно избегать так называемого трафаретного обучения, когда студенты натаскиваются на решение определенного типа задач, а развитие их экономического мышления кладется в жертву числу рассмотренных задач. Студент должен научиться разбираться не только в смоделированных, но и реальных экономических процессах.

Существенную роль в подготовке студентов играет их самостоятельная работа, как приводилось ранее, осо-

бенно развитие навыков самостоятельного поиска при выполнении рефератов, курсовых и других исследовательских работ. Здесь важность деятельности кафедр трудно переоценить.

Использование учебной и вспомогательной литературы может иметь больший эффект, если при наличии определенных условий активно внедрять в учебный процесс Интернет. В этом случае границы общения студентов с преподавателем раздвигаются и в пространстве, и во времени [4].

Предложение курсов и спецкурсов по выбору не должно становиться самоцелью. Во-первых, любой выбор должен находиться в русле основного стержня подготовки. Во-вторых, дисциплины по выбору следует подбирать на одном уровне сложности и масштаба освоения, а также выступающие как альтернативные стороны одного общего предмета изучения.

Обучение достигает цели тогда, когда в аудитории учитываются национальные и культурные традиции основной массы студентов, когда в стандартных теоретических ситуациях умело анализируются явления национальной экономики в целом или отдельного региона.

Таким образом, ни одна из вышеперечисленных форм не может быть признана универсальной, способной заменить другие. Поэтому с методической точки зрения нельзя признать правильным, когда некоторые кафедры встают на путь искусственного разъединения отдельных звеньев учебного процесса, необоснованно заменяя их другими. Формы учебного процесса находятся во взаимосвязи, взаимообусловленности и логической последовательности. Методика одной формы работы оказывает существенное влияние на другую.

Следует иметь в виду, что количественное соотношение и роль различных методов обучения могут изменяться в геометрической прогрессии. Так, на старших курсах возрастает роль семинарских занятий и самостоятельной работы студентов. На методы обучения влияют и такие факторы, как количество времени, выделенного на предмет учебным планом, обеспеченность современными техническими средствами обучения и оборудованием учебных аудиторий и т.д.

Следовательно, когда-нибудь станет возможно создание принципиально новых школьных и вузовских программ, где все предметы будут пронизаны интеграционными идеями и задачами.

Литература:

1. Граф В. Основы самоорганизации учебной деятельности и самостоятельная работа студентов / В. Граф, И. Ильясов, В. Ляудис. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
2. Коменский Я. А. Педагогическое наследие / Я. А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци М.: Педагогика, 1989.
3. Русецкая Т. П. Современные технологии обучения в высшей школе / Т. П. Русецкая. М.: МИТСО, 2008.
4. Смирнов С. Еще раз о технологиях обучения // Высшее образование в России / С. Смирнов. 2010. № 8.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 12 (59) / 2013

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М.Н.

Иванова Ю.В.

Лактионов К.С.

Комогорцев М.Г.

Ахметова В.В.

Брезгин В.С.

Котляров А.В.

Яхина А.С.

Насимов М.О.

Лескова Е.В.

Ответственный редактор:

Кайнова Г.А.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (*Армения*)

Арошидзе П. Л. (*Грузия*)

Атаев З. В. (*Россия*)

Велковска Г. Ц. (*Болгария*)

Гайич Т. (*Сербия*)

Данатаров А. (*Туркменистан*)

Ешиев А. М. (*Кыргызстан*)

Игисинов Н. С. (*Казахстан*)

Лю Цзюань (*Китай*)

Нагервадзе М. А. (*Грузия*)

Прокопьев Н. Я. (*Россия*)

Прокофьева М. А. (*Казахстан*)

Ребезов М. Б. (*Россия*)

Хоналиев Н. Х. (*Таджикистан*)

Хоссейни А. (*Иран*)

Художник:

Шишков Е. А.

Верстка:

Бурьянов П.Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.